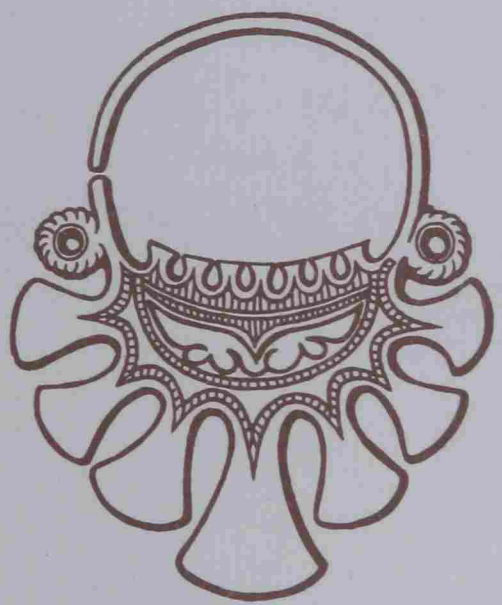
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1995 4

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),

Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, Н. Я. Мерперт,
М. Г. Мошкова, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
А. А. Формозов, А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),

Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1995 4

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

В 1995 году журналу оказана финансовая поддержка Российским фондом фундаментальных исследований по проекту № 95—06—95010

СОДЕРЖАНИЕ

Лаухин С. А. Заселение Северной Азии палеолитическим человеком и возможности Берингийского моста . . . 7
Виноградова Н. М. К вопросу о происхождении культуры Свата в Северо-Западном Пакистане 20
Нерсесов Я. Н. Роль природной среды в истории древних культур Юго-Запада США . . . 39
Канторович А. Р. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля . . . 45
Крис Х. И. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ . . . 56
Бужилова А. П. Палеопатологическая характеристика населения Маяцкого археологического комплекса . . . 68

Публикации

Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Левковская Г. М., Несмеянов С. А. Многослойная пещерная мустьерская стоянка Матузка на Северном Кавказе (по исследованиям 1985—1989 гг.) 77
Гуляев В. И., Савченко Е. И. Терновое I — новый скифский курганный могильник на Среднем Дону . . . 87
Ольховский В. С., Шилов Ю. А. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка 103
Мордвинцева В. И., Сергацков И. В. Богатое сарматское погребение у станции Бердия . . 114
Малышев А. А., Медникова М. Б. Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии . . . 125
Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад (предварительная публикация) 136

История науки

Формозов А. А. С. В. Киселев — советский археолог 1930—1950 гг. 151

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1995 г.

Кызласов Л. Р. С. В. Киселев — учитель учителей 162
Мерперт Н. Я. С. В. Киселев в Монголии 167

Критика и библиография

Степанчук В. Н. *Osole F.* Betalov Spodmol, rezultati paleolitskih izkopovanj S. Brodarja. I del Poročilo o raziskovanju paleolita, neolita in eneolita v Sloveniji T. XVIII. S. 7—41. Ljubljana, 1990. II del. T. XIX. S. 7—129. Ljubljana, 1991 180
Чистяков Ю. Е. *Mertens D.* Der alte Heratempel in Paestum und die archaische Baukunst in Unteritalien. Deutsches Archäologisches Institut, Röm. Sonderschrift B. 9. Mainz am Rhein. 1993 187
Амиров Ш. Н. Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press. Tucson and London, 1993 192
Кошеленко Г. А. *Munn M. H.* The Defence of Attica. The Dema Wall and the Boiotian War of 378—375 B. C. Berkeley — Los Angeles — Oxford, 1993 197
Иванов В. А. *Флёров В. С.* Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993 202
Егорейченко А. А., Рябцевич В. Н. Энциклопедия «Археалогія і нумізматыка Беларусі». Мінск, 1993 206
Седов В. В., Лопатин Н. В. Энциклопедия «Археалогія і нумізматыка Беларусі». Мінск, 1993 209

Хроника

Медведев А. М. Обзор научной археологической жизни в Беларуси (1991—1994 гг.) . . . 212
Журавлев А. П., Косарев М. Ф., Наговицын Л. А. VII и VIII полевые симпозиумы по проблемам первобытной археологии Восточной Европы и Урала (Пегрема, Кижи, Бесов Нос, 1993, 1994) 216
Березин Я. Б., Савенко С. Н. XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Кисловодск, 1994) 219
Седов В. В., Чернецов А. В. Международный симпозиум «Переход от язычества к христианству у славян» (Звенигород, 1994) 224
Винников А. З., Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Научная конференция «Археология и история юго-востока Древней Руси» (Воронеж, 1994) 227
Плетнева С. А., Русанова И. П., Смирнова Г. И. Памяти Ксении Васильевны Каспаровой (1929—1994) 230
Петренко А. Г., Старостин П. Н., Хузин Ф. Ш. Памяти Альфреда Хасановича Халикова (1929—1994) 234
Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Памяти Николая Михайловича Булатова (1938—1994) 236
Указатель статей, опубликованных в журнале «Российская археология» за 1995 год 237

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1995 4

Founded in 1957

Published quarterly

Editor-in-Chief

V. I. Gulyaev

CONTENTS

Laukhin S. A. The Settlement of the Northern Asia by the Palaeolithic Man and the Bering Bridge Possibilities . . . 7
Vinogradova N. M. Concerning the Origin of the Swat Culture in the North-Western Pakistan . 20
Nersesov Y. N. The Environmental Factor in the History of the Ancient Cultures in the South-West of the USA . . . 39
Kantorovitch A. R. One of the Hoofed Animals Images in the Scythian Animal Style 45
Kris Kh. I. The Drawings in Djakovo Fortified Settlements . . . 56
Buzhilova A. P. The Palaeopathological Description of Majatskoye Archaeological Complex Population 68

Publications

Golovanova L. V., Baryshnikov G. F., Levkovskaya G. M., Nesmejanov S. A. Multilayer Mousterian Cave Site Matuzka in the Northern Caucasus (on the studies of 1985—89) . . . 77
Guliaev V. I., Savtchenko E. I. Ternovoye I, the New Scythian Burial Ground in the Middle Don Region . . . 87
Olkhovsky V. S., Shilov J. A. The Scythian Burial and Cult Complex from Tsyganka Barrow 103
Mordvintseva V. I., Sergatskov I. V. The Rich Sarmatian Burial near Berdija Station . . . 114
Malyshev A. A., Mednikova M. B. Tsemes Valley Population in the Roman Times by the Archaeological and Palaeodemographic Data . . . 125
Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M. Gaponovo Hoard (the preliminary publication) . . . 136

History of science

Formozov A. A. S. V. Kiselev, a Soviet Archaeologist of the 1930s—50s . . . 151
Kyzlasov L. R. S. V. Kiselev, the Teacher of Teachers . . . 162
Merpert N. J. S. V. Kiselev in Mongolia . . . 167

Critique and Bibliography

Stepantchuk V. N. *Osole F.* Betalov Spodmol, resultati paleolitskih izkopovanj S. Brodarja. I del. Poročilo o raziskovannju paleolita, neolita in eneolita v Sloveniji T. XVIII. S. 7—41. Ljubljana, 1990. II del. T. XIX. S. 7—129. Ljubljana, 1991 . . . 180

Tchistjakov J. E. *Mertens D.* Der alte Heratempel in Paestum und die archaische Baukunst in Unteritalien. Deutsches Archäologisches Institut. Röm. Sonderschrift. B. 9. Mainz am Rein, 1993 187
Amirov S. N. Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press. Tucson and London, 1993 192
Koshelenko G. A. *Munn M. N.* The defence of Attica. The Dema Wall and the Boiotian War of 378—375 B. C. Berkeley — Los Angeles — Oxford, 1993 197
Ivanov V. A. *Flerov V. S.* Burial Rights in the North of Khazar Kaganat. Volgograd, 1993 . . . 202
Jegoreitchenko A. A., Rjabtsevitch V. N. Encyclopaedia «Archaeology and Numismatics of Byelorussia». Minsk, 1993 206
Sedov V. V., Lopatin N. V. Encyclopaedia «Archaeology and Numismatics of Byelorussia». Minsk, 1993 209

Chronicle

Medvedev A. M. Review of the Scientific Archaeological Life in Byelorussia (1991—1994) . . . 212
Zhuravlev A. P., Kosarev M. Ph., Nagavitsyn L. A. The 7th and 8th Field Symposiums on the Problems of the Primitive Times Archaeology of the Eastern Europe and Urals (Pegrema, Kizhi, Besov Nos, 1993, 1994) 216
Beresin J. B., Savenko S. N. The 18th «Krupnov's Readings» on the Northern Caucasus Archaeology (Kislovodsk, 1994) 219
Sedov V. V., Tchernetsov A. V. The International Symposium «Transition from the Paganism to the Christianity among the Slavs» (Zvenigorod, 1994) 224
Vinnikov A. Z., Prjakhin A. D., Tsybin M. V. Scientific Conference «Archaeologists and the History of the South-Eastern Ancient Rus» (Voronezh, 1994) 227
Pletneva S. A., Rusanova I. P., Smirnova G. I. In Memory of Ksenija Vasiljevna Kasparova (1929—1994) 230
Petrenko A. G., Starostin P. N., Khuzin Ph. S. In Memory of Alfred Vasiljevitch Khalikov (1929—1994) 234
Dvornitchenko V. V., Fedorov-Davydov G. A. In Memory of Nikolai Mikhailovitch Bulatov (1938—1994) 236
Index of the Articles Published in «Russian Archaeology» in 1995 237

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ «РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»!

В начале 1995 г. в жизни нашего журнала произошли большие изменения. Во-первых, была создана и утверждена в Отделении истории РАН новая редколлегия, каждый из членов которой курирует теперь определенное направление археологической науки (и, в значительной мере, формирует данное направление с помощью подбора соответствующих материалов и введения практики заказа статей для публикации в журнале). Во-вторых, мы посчитали целесообразным наряду с редколлегией создать и редакционный совет, куда вошли наиболее известные российские археологи. Возглавил редсовет директор Института археологии РАН доктор исторических наук Р. М. Мунчаев. И, наконец, в-третьих, в мае текущего года Президиумом РАН в качестве главного редактора «Российской археологии» был утвержден доктор исторических наук В. И. Гуляев.

Кроме того, огромные перемены, произошедшие за последние несколько лет в нашей стране, не могли не сказаться самым непосредственным образом как на положении российской археологической науки в целом, так и на положении нашего журнала в частности. Новая ситуация требует, безусловно, и новых подходов в работе редколлегии и редсовета. И, тем не менее, мы считаем, что все полезное и ценное, накопленное в «Российской археологии» за прошедшие с 1957 г. десятилетия, необходимо сохранить и приумножить. Ныне, после распада СССР, наш журнал остается практически единственным общероссийским периодическим изданием, работающим для всех археологов страны. Не обделены вниманием и те археологи из республик СНГ, которые хотят с нами сотрудничать. Мы и в дальнейшем намерены неуклонно продолжать эту линию и широко отражать на страницах журнала и общероссийскую и стран СНГ археологическую тематику. А если принять во внимание факт, что примерно треть нашего тиража (в I квартале 1995 г. тираж «Российской археологии» составил 1500 экз.) формируется зарубежной подпиской, то можно смело говорить о широком распространении журнала среди археологов дальнего зарубежья и, соответственно, о нашем стремлении постоянно быть в курсе важнейших проблем мировой археологии.

Не меняя радикально существующие форму и структуру «Российской археологии», мы надеемся уже в ближайшем будущем существенно увеличить объем информации о сегодняшнем состоянии археологии в разных регионах России и в странах СНГ. Предполагается постоянная публикация историографических и библиографических обзоров о том, что произошло в археологической науке за последние 4—5 лет в России, Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Украине и т. д. Главная цель таких обзоров — не допустить дальнейшего заметного сужения информационного научного пространства в пределах бывшего СССР, продолжить плодотворные традиционные контакты российских археологов со своими коллегами в ближнем (и не только ближнем) зарубежье.

Эта информационная направленность будет соблюдаться, без сомнения, и для археологии самой России: общие обзоры по крупным регионам вроде Дальнего Востока, Сибири, Урала, Поволжья, Сев. Кавказа и др., по большим и важным проблемам археологической науки (например, проблемам хронологии и периодизации).

Все сказанное выше отнюдь не означает, что на страницах журнала совсем не будет отражаться деятельность Института археологии РАН. Напротив, мы планируем расширить публикацию материалов о главных направлениях научных исследований в Институте, о работе важнейших археологических экспедиций в

прошедшем полевом сезоне, об основных публикациях, конференциях и симпозиумах, о деятельности Ученого совета и т. д.

Огромная зависимость археологов от современной социально-экономической и политической ситуации (и, прежде всего,— от существующей законодательной базы, распоряжений и указов администрации и властей всех уровней и рангов, включая Президента Российской Федерации) заставила нас ввести в журнале новую рубрику (или направление) — «Актуальные проблемы сохранения археологического наследия России». Там будут публиковаться законодательные акты, постановления и другие официальные документы, связанные прямо или косвенно с археологией, федеральные и региональные программы по сохранению и изучению археологического наследия страны, разработки по проблемам организации и более эффективного развития археологической науки, вопросам полевой методики, рекомендации Отдела полевых исследований ИА РАН и др. Есть также намерение ввести в качестве постоянных тем публикацию материалов под рубриками «Новости из российских музеев» и «Археология в ВУЗах страны».

Дальнейшее развитие получат на страницах журнала и такие уже утвердившиеся, но весьма перспективные направления как «История науки», «Археология и естественно-научные методы», дискуссии по важнейшим вопросам отечественной и зарубежной археологии. Конечно, реальное воплощение этих планов в жизнь во многом будет зависеть от активного участия в работе журнала не только членов новой редколлегии и нового редсовета, но и всех наших коллег как в России, так и за ее пределами. Мы надеемся, что подобное, широкое сотрудничество не будет задевать ничьих интересов и принесет мировому археологическому сообществу только пользу.

Редколлегия и редсовет журнала
«Российская археология»

С. А. ЛАУХИН

ЗАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИМ ЧЕЛОВЕКОМ И ВОЗМОЖНОСТИ БЕРИНГИЙСКОГО МОСТА

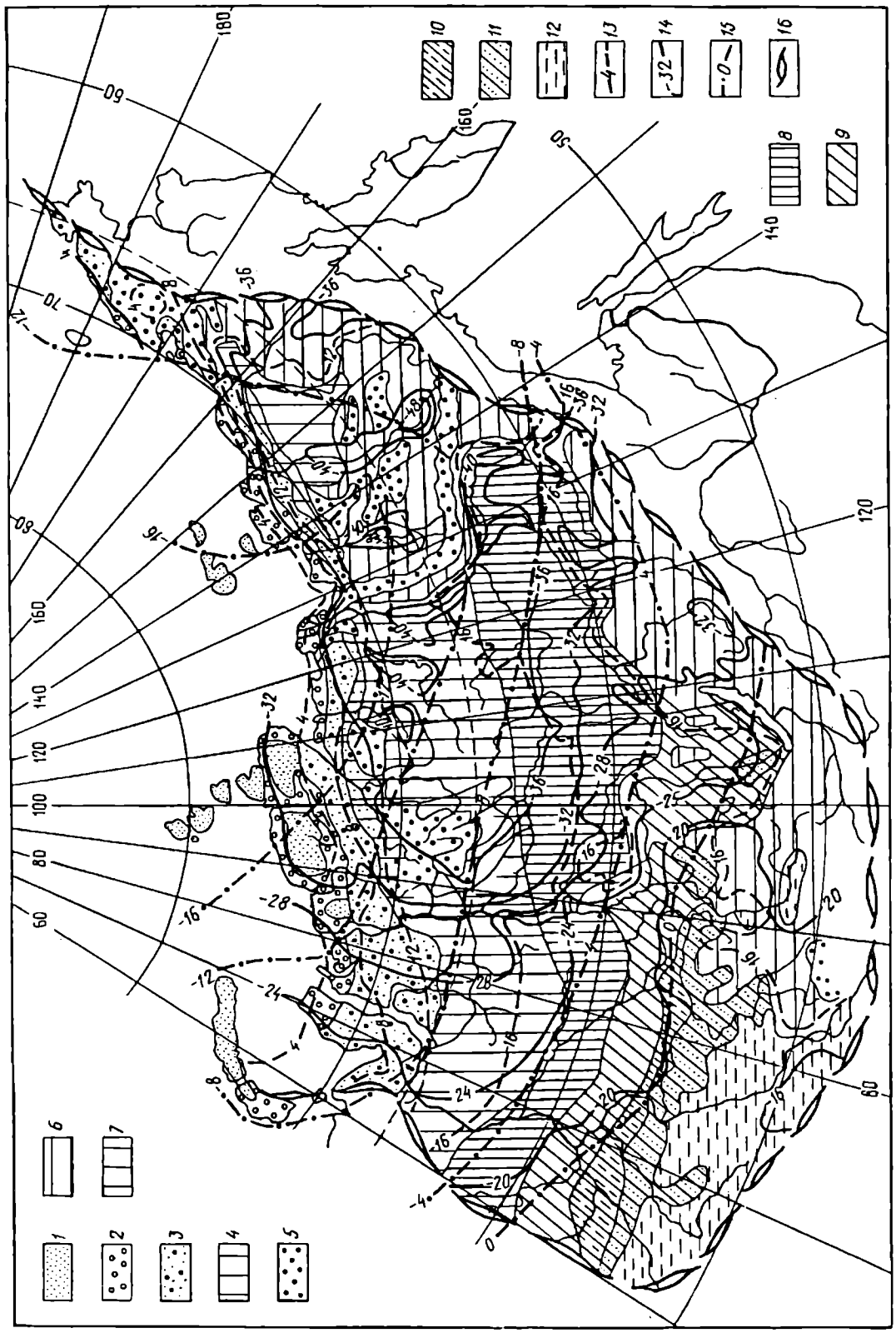
Проблема мостов и барьеров в формировании палеолитической ойкумены Северной Азии и возможности миграций палеолитических людей в Новый Свет уже не раз обсуждалась нами (Лаухин С. А., 1990; 1993а; Laukhin S. A., 1990; Laukhin S. A., Drozdov N. I., 1991a). Барьеры были весьма разнообразными и по своему характеру и по размерам. В процессе заселения Америки палеолитическим человеком едва ли ни самым большим барьером была Северная Азия в целом. Обладая огромными размерами, она представляла собой и физический и палеоэкологический барьер одновременно. Здесь мы рассмотрим структуру этого барьера во времени за последнюю пору плейстоцена с рисс-вюрмского (казанцевского, сангамонского) межледниковья до конца последнего плейстоценового оледенения, т. е. от 120—130 до 10 тыс. лет назад.

Наиболее вероятным мостом, по которому палеолитический человек мог проникать из Старого Света на американский континент, справедливо считается Берингийский мост. Неоднократно обсуждались местные барьеры, мешавшие пользоваться этим мостом: трансгрессии моря, создававшие Берингов пролив в его современном виде или в близких размерах; оледенения Чукотки и Аляски, которые могли закрывать подходы к осушенному Берингийскому мосту, и т. п. Здесь мы рассмотрим самую крупную преграду перед этим мостом — Северную Азию с ее природными условиями, неблагоприятными для обитания человека, как современного, так, тем более, и палеолитического.

Северная Азия рассматривается нами в пределах бассейна Северного Ледовитого океана (рис. 1), так как восточная окраина ее существенно отличается от соседних территорий Азии по своим природным условиям как в настоящее время, так и в плейстоцене. Можно предполагать, что заселение окраинной притихоокеанской части Азии происходило несколько иначе, поэтому здесь она не рассматривается. Природные условия Северной Азии в принятых нами границах гораздо более суровые, чем в Европе на близких широтах и в более южных регионах Азии. Посмотрим, какими они были в наиболее близком к современности, позднеплейстоценовом прошлом.

Казанцевское межледниковье начинает поздний плейстоцен Северной Азии. Оно было сравнительно непродолжительным (20—30 тыс. лет), но весьма глубоким. Для многих районов Северной Азии климат был наиболее мягким за весь плейстоцен. Среднегодовые температуры на большей части Северной Азии были выше современных на 2—4°, на севере они были еще выше, а на юго-западе — близки современным (рис. 2). Южная граница сплошной многолетней мерзлоты отступала почти до современной береговой линии (Величко А. А. Нечаев В. П., 1992). Годовая сумма осадков увеличивалась менее чем на 100 мм и лишь на крайнем севере превышала современную на 200 мм (Velichko A. A. et al., 1992). На большей части Северной Азии произрастали хвойные и хвойно-мелколиственные леса обычно с примесью ели, велика была роль темнохвойных лесов. К югу от 60° с. ш. широко распространялись хвойные леса с примесью широколиственных

© С. А. Лаухин, 1995 г.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

пород, а на Обь-Енисейском междуречье и в верховьях Оби — даже хвойно-широколиственные леса (рис. 2).

Наиболее сложная структура растительного покрова (и климата) была в южном горном обрамлении Сибири. Местами (особенно в Алтае-Саянской области) задержалась деградация среднеплейстоценового оледенения, и тундровые ассоциации занимали в горах значительные территории. На Олёкме, Витимском, Патомском, Северо-Байкальском нагорьях преобладали сосново-березовые и елово-кедровые леса с пихтой; на Алтае и в Саянах — мелколиственные и хвойные леса, местами — степи. Лишь в отдельных впадинах в этих лесах была примесь широколиственных пород, иногда весьма разнообразная и обильная. Так, в верховьях Ануя (Горный Алтай) в это время предполагаются леса из вяза и дуба (Деревянко А. П. и др., 1992).

Зырянское оледенение (ранний вюрм) на севере северо-востока Азии было горно-долинное, сетчатое. На Яно-Колымской низменности ему соответствует накопление лёссово-ледовой толщи в условиях степей злаково-осоковых, близких перигляциальным степям или арктическим тундрам (на Алазее). Покровное зырянское оледенение начинается в верховьях Анабара, широко развито на Путоране и на Таймыре. Енисей оно перегораживало севернее устья Нижней Тунгуски. Со стороны Урала ледниковый покров заходил на Ямал, но полностью сток на север не перекрывался, хотя небольшие подпорные бассейны создавались, особенно на севере Средней Сибири (Исаева Л. Л. и др., 1986).

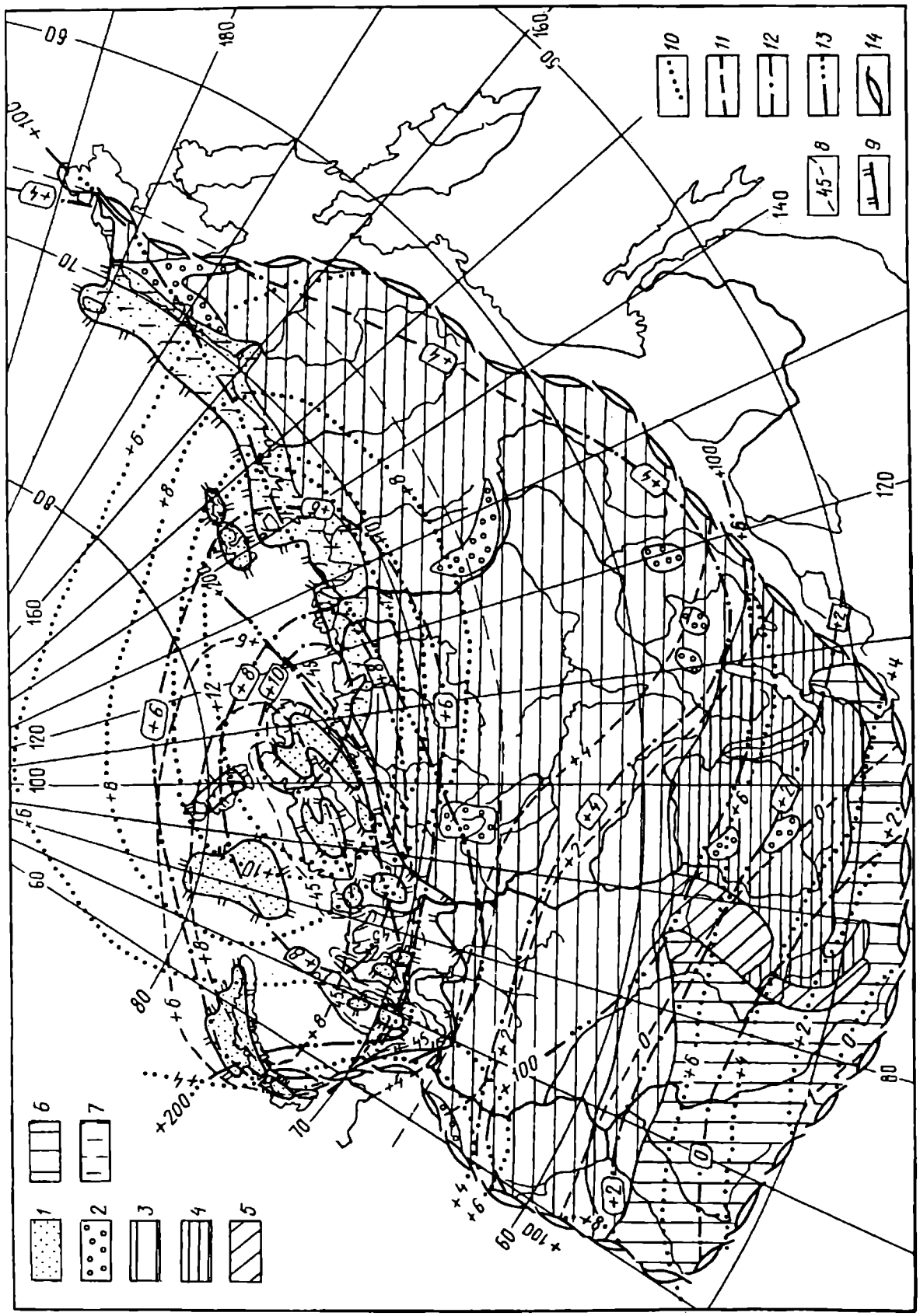
В верховьях Колымы и на хребте Черского горное оледенение занимало небольшие площади. За пределами ледников распространялись тундры, луга, болота, изредка ерники. На Алданском нагорье развивались ледники, за их пределами — лессовидные породы. В долинах Лены, Алдана, Вилюя, Мархи и др. накапливался перигляциальный аллювий, растительность лесотундровая, тундровая. В Иркутском амфитеатре в начале хрона развивались эоловые пески, затем формировались лессовидные суглинки, в конце оледенения активизировалась солифлюкция (Воробьева Г. А. и др., 1990). В широтном течении Ангары и на Енисее накапливался нормальный и перигляциальный аллювий, лесотундры сменялись тундрами (Лаухин С. А., 1982; 1986). На Западно-Сибирской низменности тундры сменялись тайгой, а затем — тундростепью.

Южнее, на Олёкме, Патоме, Баргузине, Северо-Байкальском нагорье, в Восточном Саяне развивались ледники. В долинах и впадинах активизировались склоновые процессы, формировались лессовидные суглинки (на Джиде, в Тунках и др.), холодные лесостепи, тундры, лесотундры, реже (Олёкма, Тунки) — тундростепи и перигляциальные степи (Четвертичная..., 1984). В Алтае-Саянской области оледенение было обширнее, активизировались склоновые процессы (глыбовые горизонты), повсеместно распространялась мерзлота, но растительность была разнообразной. В Минусинских впадинах отмечена северная тайга (Дроздов Н. И. и др., 1990); лесостепи — в Горном Алтае — и леса — в низовьях Бии и Катуни. В Новосибирском Приобьи накапливались лёссы.

Каргинское время имело сложную пространственно-временную структуру. В грубой схеме оно делится на три теплых: ранний (50—45 тыс. лет назад), малохетский (43—33 тыс. лет назад), липовско-новоселовский (30—32 тыс. лет назад) — и два холодных: ранний (45 тыс. лет назад) и конощельский (33—30 тыс. лет назад) этапа (Кинд Н. В., 1974).

Рис. 1. Современное положение растительных зон, средних температур года, января и июля в Северной Азии.

1 —12 — растительные зоны и подзоны: *1* — арктические пустыни; *2* — арктические тундры; *3* — моховые, осоково-пушицевые и кустарниковые тундры; *4* — лесотундры; *5* — горные тундры; *6* — горные леса с участками горных тундр в верхнем поясе; *7* — северотаежные леса; *8* — среднетаежные леса; *9* — южнотаежные леса; *10* — осиново-березовые западносибирские подтаежные леса; *11* — лесостепи; *12* — степи; *13—15* — средние температуры: *13* — июля, *14* — января, *15* — года; *16* — границы Северной Азии


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

На севере северо-востока Азии похолодание 45 тыс. лет назад выражено слабо. Оптимум приходится на раннее потепление (Лаухин С. А. и др., 1982); 34—50 тыс. лет назад древесная растительность доходила до Ледовитого океана. Средние температуры на севере Колымо-Индигирского междуречья достигали: января −32°, июля 15°, т. е. на 2—4° выше современных; среднегодовая сумма осадков составляла 250—300 мм (в 1,5 раза больше современной) — параметры вполне межледниковые. После оптимума лиственнично-березовые леса 28—24 тыс. лет назад вновь сменяются лиственнично-березовыми редколесьями с кедровым стлаником. Продвижение лесной растительности в северном направлении около 40 тыс. лет назад несколько ранее отмечено на западе, севере Чукотки и в верховьях Селенняха (Лаухин С. А., Рыбакова Н. О., 1982; 1989; Laukhin S. A., Rybakova N. O., 1986). На севере Средней и Западной Сибири первое потепление (боярское и раннешурышкарское соответственно) также было оптимальным и явно межледниковым (Архипов С. А., Исаева Л. Л., 1987).

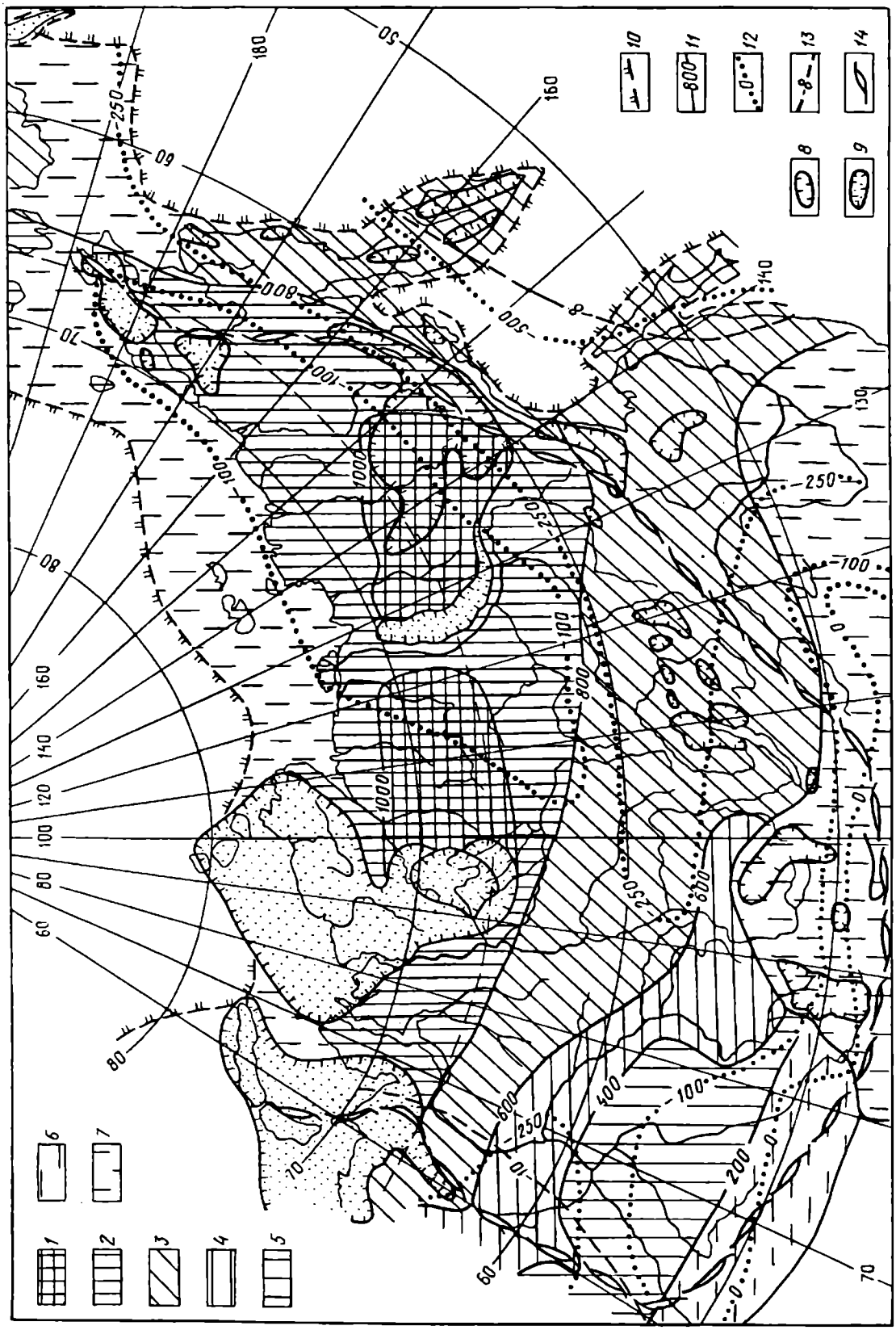
30—31 тыс. лет назад ледники жиганской стадии оледенения Верхоянья были не только самыми крупными во второй половине позднего плейстоцена, но местами превосходили среднеплейстоценовые (Исаева Л. Л. и др., 1986; Кинд Н. В., 1974). Учитывая небольшую глубину потепления 24—29 тыс. лет назад в Верхояньи, его можно отнести к межстадиалу. На севере Восточной Чукотки первая (максимальная) стадия сартанского оледенения также развивалась около 30—31 тыс. лет назад (Лаухин С. А. и др., 1989). Интересно, что лохподгорская стадия оледенения у Салехарда развивалась тоже 30—35 тыс. лет назад (Архипов С. А., Исаева Л. Л., 1987).

В оптимум каргинского времени в верховьях Колымы произрастали березово-лиственничные леса, кедровые стланики, растительность была аналогичной современной на Становом нагорьи (в 1500 км к юго-западу). На Лене, Алдане, Нижней Тунгуске распространялись темнохвойные леса, березово-лиственничные леса с елью, формировались почвы, торфяники. На Западно-Сибирской низменности выделяются два пика еловых лесов, разделенных во времени березовыми редколесьями; температура июля и января была на 3° ниже современной, широко к югу распространялась северная тайга (Волкова В. С., 1991). Вместе с тем в среднем течении Енисея и в широтном течении Ангары в оптимум (43—33 тыс. лет назад) климат был существенно мягче современного, растительность и малакофауна — теплолюбивее, формировались ископаемые почвы (Лаухин С. А., 1982; 1986; Лаухин С. А. и др., 1980). Межледниковый характер малохетского времени известен и для Иркутского амфитеатра (Воробьева Г. А. и др., 1990). В Восточном Прибайкалье в сосновых лесах в качестве редкой примеси отмечена лещина, орех, дуб, вяз, бук (Резанов И. Н., 1988).

В бассейнах Олёкмы, Витима, Бодайбо, Чары, Баргузина и т. д. распространялись березово-сосновые, кедрово-сосновые леса с елью, пихтой, ольхой. Изредка отмечается единичная примесь широколиственных пород. Южная тайга с примесью широколиственных пород характерна и для Минусинской котловины. В верхнеануйском рефугиуме набор широколиственных пород был разнообразен даже в

Рис. 2. Палеогеографическая схема Северной Азии в казанцевское время (при составлении схем на рис. 2 и 3, кроме авторских, использованы опубликованные материалы С. А. Архипова, В. Г. Беспалого, Б. А. Борисова, А. А. Величко, В. С. Волковой, В. П. Гричука, С. А. Гуськова, Л. Л. Исаевой, В. П. Нечаева, Б. Френцеля и др.).

1 — травянисто-кустарниковые, мохово-кустарниковые тундры; *2* — высокогорная и тундровая растительность; *3* — хвойные и хвойно-мелколиственные леса с участками тундровых ассоциаций, *4* — хвойные леса с примесью широколиственных пород; *5* — хвойно-широколиственные леса; *6* — злаково-разнотравные и полынно-разнотравные ксерофитные и полуксерофитные степи; *7* — сплошное развитие многолетней мерзлоты; *8* — глубина моря 45 м; *9* — берег моря; *10—12* — отличия средних температур от современных: *10* — июля; *11* — января; *12* — года; *13* — отличия среднегодовой суммы осадков от современной; *14* — границы Северной Азии


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

конце каргинского времени (Деревянко А. П. и др., 1993). Искитимский педокомплекс Приобья также формировался в конце этого хрона.

Наиболее ярко межледниковый характер каргинского времени проявлен на северо-востоке Азии, на севере Средней Сибири, в зоне морских трансгрессий Западной Сибири, где оптимум приходится на раннее потепление. На Сибирской платформе климат в каргинский оптимум (малохетское время) был не намного мягче современного, но время это, несомненно, межледниковое. На юго-западе Сибири в каргинское время климат как будто не достигал показателей современного, и каргинское время может рассматриваться как межстадиальное. От Восточного Саяна к северо-западу, занимая большую часть Западно-Сибирской низменности, простирается переходная зона, где либо имеются разрезы с палиноспектрами растительности более теплолюбивой, чем современная, но возраст и(или) климатическая интерпретация палиноспектров подвергается сомнению; либо палиноспектры отражают растительность близкую современной и более холодолюбивую, но «открытым остается вопрос о климате оптимума» (Волкова В. С., 1991, с. 35). Поэтому предлагается в Северной Азии выделять три зоны: с каргинским межледниковьем, с каргинским межстадиалом и переходную зону (Laukhin S. A., Drozdov N. I., 1991a).

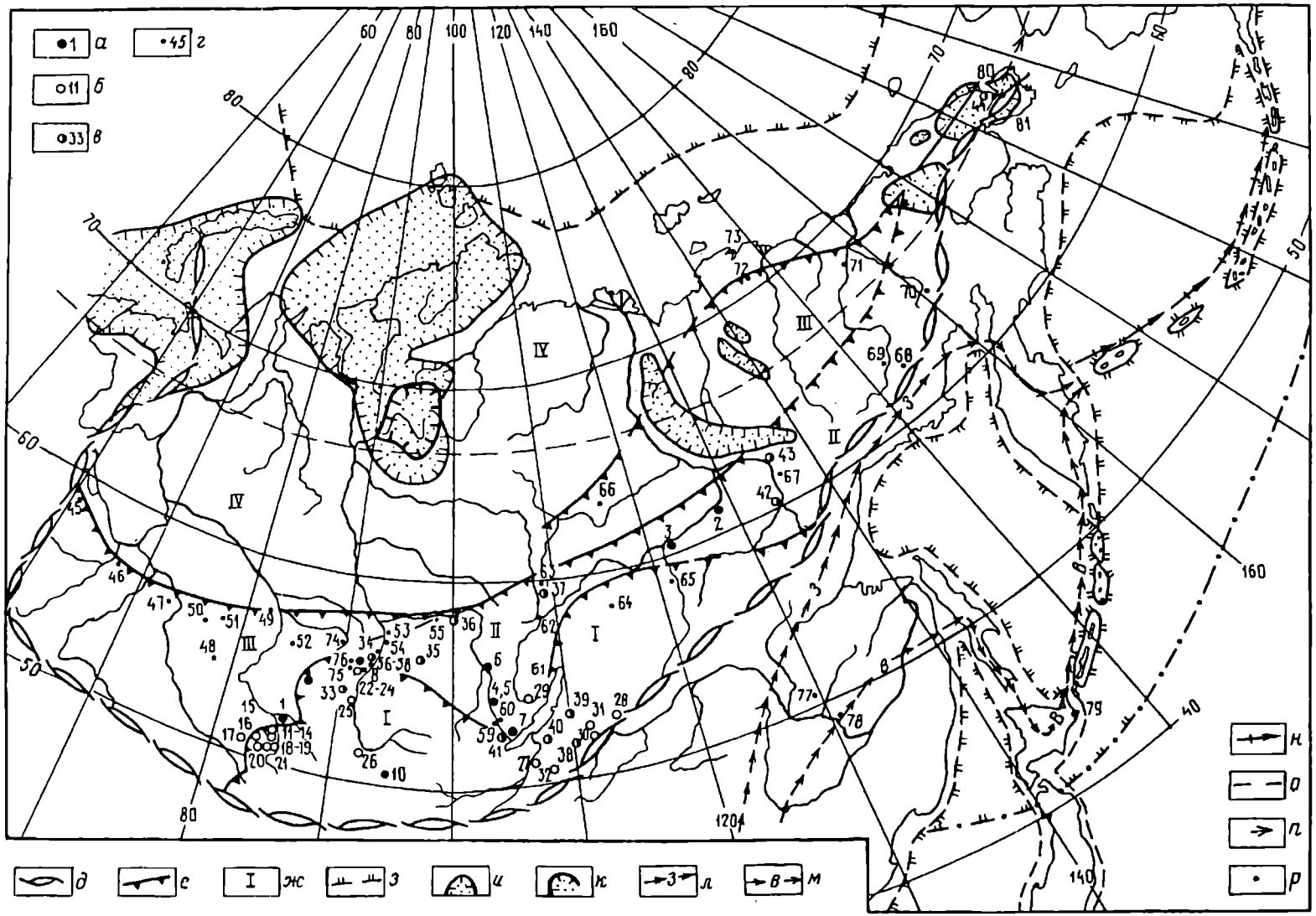
Сартанское оледенение (22—10 тыс. лет назад) было покровным лишь на севере Западной и Средней Сибири. На северо-востоке Азии оно было горно-долинным, сетчатым, на крайнем северо-востоке местами полупокровным (рис. 3). Сартанское время отличается максимально сухим и холодным климатом, наиболее широким и мощным развитием многолетней мерзлоты (Velichko A. A. et al., 1992).

На севере Колымо-Индигирской низменности по изотопному составу жильных льдов среднезимние температуры оцениваются −39; −42°, по данным же палеокриологии среднегодовые температуры были −20; −32°, что соответствует среднеянварским −70; −80° (Лаухин С. А., 1993в). Видимо, реальные числа находятся где-то посередине (рис. 3), но вряд ли они были выше современных среднегодовых в Оймяконе (−17°). От Лены до Чукотки на низменностях распространялись тундростепи. В Верхоянье 24—10 лет назад выделяются 3 крупные стадии оледенения (Исаева Л. Л. и др., 1986). На севере Средней Сибири также выделяются 3 стадии: гыданская 22—16 лет назад, ньяпанская 15—13 тыс. лет назад и норильская 11,4—10,3 тыс. лет назад, на Путоране и Таймыре они имеют местные названия. Максимальной была ранняя стадия. На севере Западной Сибири синхронны им салехардоувальская, сопкейская и полярноуральская стадии. (Решения..., 1990). Во внеледниковой зоне накапливался перигляциальный аллювий, распространялись тундростепи, а в межстадиали — лесотундры, формировались две ископаемые почвы.

На Колымском нагорье за пределами ледников простирались горные тундры, тундростепи, во впадинах (Малык-Сиенская и др.) — кустарничково-кочкарная тундра и сфагново-лиственничные редколесья (Решения..., 1987). Во внеледниковой зоне Алданского нагорья и Средне-Сибирского плоскогорья накапливались лессовидные породы, перигляциальный аллювий, господствуют тундростепи, реже — лесотундры. На Олёкме, Патоме, в Прибайкалье еще шире идет лессонакопление; наряду с тундростепями и холодной лесостепью во впадинах распространялись лесотундры и березовые леса. В Алтае-Саянской области во впадинах довольно часто сохранялись участки лесов, лесостепи особенно харак-

---

Рис. 3. Палеогеографическая схема Северной Азии в сартанское время. *1—7* — мощность многолетней мерзлоты, м; *1* — более 1000; *2* — 1000—800; *3* — 800—600; *4* — 600—400; *5* — 400—200; *6* — менее 200; *7* — мощность неизвестна; *8* — граница горных оледенений; *9* — распространение покровного оледенения (максимальный вариант) и полупокровного оледенения; *10* — берег моря; *11* — граница областей многолетней мерзлоты разной мощности; *12* — отличие среднегодового количества осадков от современного; *13* — отличие среднегодовой температуры от современной; *14* — границы Северной Азии


а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м
н
о
р
I
II
III
IV

терны для впадин Минусы, Восточного Саяна и Горного Алтая. В Новосибирском Приобье накапливались два лессовых покрова, разделенные суминским педокомплексом (14,2 тыс. лет назад). На юге Западной Сибири климат был наиболее суровым за весь плейстоцен (Волкова В. С., 1991).

Таким образом, в холодные этапы климат Северной Азии был намного более суровым, чем теперь (рис. 1, *3*). В теплые же этапы он был существенно более мягким на крайнем севере, где лесотундра и северная тайга далеко продвигались на север (рис. 1, *2*), но природная обстановка вряд ли была существенно благоприятнее для обитания человека, чем теперь в центральных районах Сибири. Очень пестрая картина природных обстановок, в том числе и рефугиумов, создавалась в горах юга Сибири, и для обитания палеолитического человека локальные изменения природной обстановки могли быть более важны, чем региональные и глобальные, связанные с переходом от оледенений к межледниковьям и наоборот. Особенности заселения Северной Азии как будто подтверждают этот вывод и относительно всей Северной Азии.

Рассмотрим последовательность заселения Северной Азии палеолитическим человеком на фоне вышеописанных изменений природной среды. К началу позднего плейстоцена местонахождения палеолита располагались в южном горном поясе Сибири до Прибайкалья, но число их было невелико и в течение казанцевского времени как будто существенно не увеличивалось. Заметное увеличение их числа и продвижение в Забайкалье относится к зырянскому и началу каргинского времени (Лаухин С. А., 1993б), когда окончательно и, вероятно, довольно плотно был заселен южный горный пояс Сибири, составивший первый пояс заселения Северной Азии палеолитическим человеком (рис. 4). На этом кончился ранний (для позднего плейстоцена) этап заселения Северной Азии палеолитическим человеком. По имеющимся на сегодня данным, носители мустьерской культуры не расселялись далеко от предгорий южного горного пояса Сибири. В принятых нами границах Северной Азии ойкумена носителей мустьерской культуры замыкалась в 4000—4200 км юго-западнее Берингова пролива, хотя и достигала западной части «Большой Берингии». На пути их к Новому Свету

Рис. 4. Схема поясов заселения Северной Азии палеолитическим человеком и возможные пути миграции его через Хелендинский мост.
а — местонахождения неопределенного возраста, в том числе и домустьерские: *1* — Улалинка, *2* — Диринг-Юрях; *3* — Усть-Олекма; *4* — Игитей I; *5* — Тархай; *6* — Монастырская гора; *7* — Малый Кот; *8* — Разлог; *9* — Мохово I и II; *10* — Тагарлык; *б* — мустьерские местонахождения: *11* — Денисова пещера; *12* — Ануй I; *13* — Усть-Каракол I и II; *14* — Каминная пещера; *15* — Сибирячиха (пещера А. П. Окладникова); *16* — пещера Страшная; *17* — Бобково; *18* — Кара-Бом; *19* — Тюмичин I и II; *20* — Усть-Канская пещера; *21* — Малояламанская пещера; *22* — Бережково I; *23* — Каменный лог; *24* — Верхний камень; *25* — грот Двуглазка; *26* — Сагалы; *27* — Студеное 2; *28* — Сухотино 6; *29* — Макарово IV; *30* — Арта 2; *31* — Грышалун; *32* — Мельничное; *в* — местонахождения ранних стадий позднего палеолита: *33* — Малая Сыя; *34* — Кубково, *35* — Махаушка II; *36* — Усть-Кова; *37* — Непа; *38* — Толбага; *39* — Каменка I; *40* — Варварьина гора; *41* — Военный госпиталь; *42* — Усть-Миль; *43* — Ихине II; *44* — Кымынейкей; *г* — местонахождения поздних стадий позднего палеолита: *45* — Гари; *46* — Шикаевка II; *47* — Черноозерье; *48* — Волчья грива; *49* — Могочин I; *50* — Венгерово 5; *51* — Новый Тартас; *52* — Томская; *53* — Дружиниха; *54* — Юксеево; *55* — Гольтявино; *56* — Переселенческий пункт; *57* — Афонтова гора I—IV; *58* — Коровий лог; *59* — Мальта; *60* — Буреть; *61* — Игитейский лог III; *62* — Алексеевское I; *63* — Инейский бор; *64* — Авдеиха; *65* — Новый Летен; *66* — Коскюнде; *67* — Эжанцы; *68* — Хета; *69* — Майорыч; *70* — Большой Элькохчан; *71* — Бочапут; *72* — Берелех; *73* — Чокурдах; *74* — Ачинская; *75* — Каштанка; *76* — Куртак 4; *д* — границы Северной Азии в пределах бассейна Северного Ледовитого океана; *е* — границы поясов заселения; *ж* — пояса (и этапы) заселения Северной Азии палеолитическим (I—III) и мезолитическим (IV) человеком; *з* — берег моря в максимум сартанского оледенения; предполагается, что в первом приближении близкое положение берега моря было и во время первого позднеплейстоценового оледенения; *и* — граница покровного и полупокровного сартанского оледенения — максимальный вариант; *к* — то же — минимальный вариант (для Путорана); *л* — западный путь к Хелендинскому мосту; *м* — восточный путь к Хелендинскому мосту; *н* — Хелендинский мост; *о* — границы сезонного замерзания моря в сартанское время; *п* — Берингийский мост; *р* — древние местонахождения палеолита близ восточной границы Северной Азии: *77* — Филимошки; *78* — Кумары I; *79* — группа памятников Такамори; *80* — Кусьювеем IV и VI; *81* — Кымынанонвываам IX, XII, XIII

оставалось еще больше половины Северной Азии, причем с самыми суровыми природными условиями. Это делает проникновение носителей мустьерской культуры на американский континент через Берингийский мост на этом этапе заселения Северной Азии весьма маловероятным.

Следующий этап заселения Северной Азии палеолитическим человеком (35?)32—18 тыс. лет назад связан с появлением неоантропов, носителей культуры ранних этапов позднего палеолита (Лаухин С. А., 1993б). Этот этап начался мощным импульсом расселения, когда за 3—5 тыс. лет палеолитическим человеком был освоен второй пояс заселения (Лаухин С. А., 1990б, 1993а; Laukhin S. A., 1990 и др.) от Енисея до Восточной Чукотки (рис. 4). Пока еще во многом неясно, как происходило это расселение и последующее освоение второго пояса, но уже имеющиеся, пока малочисленные материалы позволяют предполагать, что в то время миграции палеолитических людей через Берингский мост были не только возможны, но и вероятны. Местные особенности расположения центров оледенения и продвижения ледников на приморские низменности могли создавать 30—31 тыс. лет назад даже необходимость миграции поселенцев севера Восточной Чукотки именно на восток, в сторону Аляски (Laukhin S. A., Drozdov N. I., 1991a; 1991b; Лаухин С. А. и др., 1989).

На последнем этапе заселения Северной Азии палеолитическим человеком 18—10 тыс. лет назад ойкумена охватила практически весь северо-восток Азии, т. е. всю Западную Берингию, и миграции через Берингийский мост на этом этапе определялись чисто местными особенностями распространения ледников, хода трансгрессии и ландшафтными перестройками, связанными с историей позднеледниковья, а также с особенностями миграций животных — объекта охоты палеолитических людей. В этом отношении интересно, что большинство палеолитических стоянок Чукотки концентрируется именно на востоке Чукотского полуострова, близ его восточного побережья (Диков Н. Н., 1993). На этом этапе Берингийский мост неоднократно открывался для палеолитических людей.

Как видим, наиболее интенсивное расселение и время освоения поясов заселения не имеет прямой связи с главными изменениями природной среды Северной Азии в позднем плейстоцене. Сравнительно благоприятные природно-климатические условия казанцевского времени не сопровождались освоением не только новых территорий, но и усилением освоения уже заселенного первого пояса. Некоторое усиление такого освоения приходится на зырянское (?) — раннекаргинское время. Мощный импульс расселения в начале второго этапа заселения приходится на самое неблагоприятное время каргинского межледниковья — на конощельское похолодание. Начало последнего этапа заселения по времени близко началу окончательной деградации покровного сартанского оледенения, т. е. близко к началу позднеледниковья. К тому же расположение второго и третьего поясов заселения (рис. 4) не считается с широтной климатической зональностью, но тяготеет к плоскогорьям и нагорьям, где природные условия достаточно мозаичны и разнообразие экологических ниш близко к таковому в южном горном поясе Сибири. Очевидно также, что освоение Северной Азии за пределами южного горного пояса было возможно лишь для неоантропов.

Однако в Северной Америке имеются палеолитические памятники с довольно архаичными орудиями, вряд ли принадлежавшие неоантропам: Сан-Диего, Калико, Лас Вегас и др. (Budinger F. E., 1983 и др.). Проблема проникновения носителей этих архаичных культур решается наиболее сложно. В настоящее время наиболее перспективными представляются два направления решения этой проблемы.

Первое направление — миграции по Хелендинскому мосту, расположенному близ 50° с. ш., т. е. существенно южнее берингийского моста. В настоящее время между Алеутскими островами большие расстояния, но во время регрессий, связанных с оледенениями, суша в пределах Алеутской дуги существенно расширялась

и дуга могла стать мостом. Та же регрессия закрывала выход из Арктики холодного Тихоокеанского течения. Она же исключала выход в Арктику сравнительно теплых вод Аляскинского и Восточно-Беринговоморского течений, которые в то время усиливали отепляющее влияние Алеутского течения в районе Хелендинского моста. Этот путь пролегал в обход Берингийского моста, северо-востока Азии и северо-запада Аляски, где природные условия экстремально неблагоприятны как в настоящее время, так и, особенно, во время оледенений. Правда, во время оледенений на выходе с Хелендинского моста на американский континент начинался Кордильерский ледниковый щит, который мог создавать значительные проблемы для мигрантов с азиатского материка.

Выход на Хелендинский мост с азиатского материка возможен двумя путями: западным — через Приамурье, Приохотье, Северную Камчатку — и восточным — через Сахалин, Японию, Курилы и Южную Камчатку. В начале западного пути находятся древние стоянки Приамурья: Филимошки, Кумары I (рис. 4), но западный путь представляется менее вероятным, так как по нему на север Камчатки можно попасть лишь проникая севернее 60° с. ш. (рис. 4). Восточный путь имеет очень сложное звено — Курилы. Остается вопросом, могли ли они служить мостом между Японией и Южной Камчаткой. Однако палеолитические памятники Такамори на северо-востоке Японии, датируемые временем 100 тыс. лет и древнее (Kamada T. et al., 1992), располагаются вблизи от восточного пути на Хелендинский мост. В обоих вариантах выхода на Хелендинский мост преодоление Североазиатского барьера было необязательным.

Второе направление — более сложное, проблематичное, но последние находки Н. Н. Дикова (Диков Н. Н., 1993) делают его также вероятным. Ранее были выделены (Лаухин С. А., 1993б) в качестве первой группы местонахождения, среди которых, по мнению большинства исследователей, есть раннепалеолитические и которые являются следами посещений Северной Азии, не приведших к заселению Северной Азии или ее значительных районов. Самое северо-восточное и, по мнению многих (Алексеев М. Н. и др., 1990; Мочанов Ю. А., 1988), самое древнее из таких местонахождений — Диринг-Юрях — располагается более чем в 3 тыс. км юго-западнее Берингова пролива. Поэтому предполагать проникновение этих древнейших «посетителей» Северной Азии еще и в Америку, казалось, нет оснований. Сообщение Н. Н. Дикова о том, что к следам первых миграций в Америку через Берингийский мост могут быть отнесены недавно открытые местонахождения (Диков Н. А., 1993, с. 5, 6) «с орудиями из грубо оббитых галек. На юге Дальнего Востока вероятные прототипы этих памятников...— Филимошки, Кумары I и в Якутии Диринг-Юрях... На Чукотском же полуострове к этому времени, возможно, относятся стоянки ... на реках Кымъынанонвываам и Кусьювеем»,— заставляет отказаться от такого мнения. Эти стоянки на востоке Чукотского полуострова, а их уже не менее пяти, содержат рубиловидные орудия «наподобие обнаруженных в местонахождении Калико в Южной Калифорнии» (Диков Н. Н., 1993, с. 54). К сожалению, памятники на реках Кымъынанонвываам и Кусьювеем, как и все остальные памятники Северной Азии, объединенные автором в первую группу (Лаухин С. А., 1993б), не имеют точной стратиграфической привязки, и возраст их, строго говоря, неизвестен. Однако можно присоединиться к мнению Н. Н. Дикова (Диков Н. Н., 1993), что они древнее позднего палеолита. Следовательно, и через Берингийский мост были возможны миграции человека еще до начала позднего палеолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев М. Н., Камалетдинов В. А., Зигерт Х. и др., 1990. Проблемы геологии палеолитического памятника Диринг-Юрях. Якутск.

Архипов С. А., Исаева Л. Л., 1987. Сибирь//Четвертичные оледенения на территории СССР. М.

Величко А. А., Печаев В. П., 1992. К оценке динамики зоны многолетней мерзлоты Северной Евразии при глобальном потеплении климата//Докл. АН. Т. 324. № 3.

Волкова В. С., 1991. Колебания климата в Западной Сибири в позднеплиоценовое и четвертичное время//Эволюция климата, биоты и среды обитания человека в позднем кайнозое Сибири. Новосибирск.

Воробьева Г. А., Медведев Г. И., Аксенов М. П., Базалийский В. И., Бердников Н. Е., Вашукевич Н. В., Горюнова О. И., Гранин Н. И., Задонин О. В., Кононова Т. Н., Пержаков С. Н., Савельев Н. А., Свинин В. В., Семин М. Ю., Федоренко А. Б. 1990. Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. Иркутск.

Деревянко А. П., Левковская Г.М., Лаухин С. А., Шульков М. В., 1992. Климатостратиграфия нижнего палеолитического слоя на предвходовой части разреза многослойной стоянки Денисова пещера//Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.

Деревянко А. П., Лаухин С. А., Малаева Е. М., Шульков М. В., Орлова Л. А., Постнов А. В., 1993. Проблемы существования широколиственных пород в позднем вюрме Алтая//Докл. АН. Т. 330. № 6.

Диков Н. Н., 1993. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан.

Дроздов Н. И., Лаухин С. А., Чеха В. П., Кольцова В. Г., Бокарев А. А., Викулов А. А., 1990. Геология и археология Трифоновского и Куртакского участков. Куртакский археологический район. В. I. Красноярск.

Исаева Л. Л., Кинд Н. В., Лаухин С. А., Колпаков В. В., Шофман И. Л., Файнер Ю. Б., 1986. Стратиграфическая схема четвертичных отложений Средней Сибири//Четвертичные оледенения Средней Сибири. М.

Кинд Н. В., 1974. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М.

Лаухин С. А., 1982. Верхний плейстоцен юго-запада Сибирской платформы//Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири. Новосибирск.

Лаухин С. А., 1986. Стратиграфия плейстоценовых отложений внеледниковой зоны бассейна Енисея//Четвертичные оледенения Средней Сибири. М.

Лаухин С. А., 1990. Палеогеографические проблемы заселения Северной Азии палеолитическим человеком и миграции его в Северную Америку//Хроностратиграфия Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск.

Лаухин С. А., 1993а. Вопросы заселения Восточной России в палеолите (палеогеографический аспект)//Матер. IV науч. конф. РНАН. М.

Лаухин С. А., 1993б. Концепция поэтапного заселения Северной Азии палеолитическим человеком//Докл. АН. Т. 332. № 3.

Лаухин С. А., 1993в. Изменения климата в плиоцене — плейстоцене северо-востока Азии//Стратиграфия. Геол. Корреляция. Т. I. № 6.

Лаухин С. А., Дроздов Н. И., Стариков А. В., Виноградов С. Н., Сейфулин Н. Х., Рябинин А. Л., Форова В. С., 1980. Усть-Кова на Ангаре — самая древняя датированная радиоуглеродным методом палеолитическая стоянка между Уралом и Леной//Докл. АН СССР. Т. 254. № 2.

Лаухин С. А., Рыбакова Н. О., 1982. О времени климатического оптимума среднего вюрма Западной Чукотки//Докл. АН СССР. Т. 267. № 4.

Лаухин С. А., Дроздов Н. И., Панычев В. А., Величко С. В., 1989. Возраст последнего оледенения на севере Восточной Чукотки//Изв. АН СССР. Сер. геол. № 3.

Мочанов Ю. А., 1988. Древнейший палеолит Диринга (стратиграфия и геологический возраст памятника). Якутск.

Резанов И. Н. 1988. Кайнозойские отложения и морфоструктура Восточного Прибайкалья. Новосибирск.

Решения Межведомственного стратиграфического совещания по четвертичной системе Востока СССР. 1987. Магадан.

Четвертичная система. 1984. М.

Budinger F. E., 1983. The Calico Early Man Site//California Geology.

Kamada T., Kajiwara H., Jenuada A., 1992. Early and Middle Paleolithic in Mijaqi Prefecture//The Quaternary Research, N 28.

Laukhin S. A., 1990. Some problems of peopling of Northern Asia in the paleolithic epoch in connection with possibility of their migration to the Northern Asia//Bull. of Archaeology and Art History. № 1. Cheougju, Korea.

Laukhin S. A., Rybakova N. O., 1986. The palinological characteristics of the low terraces of the Sellennyakh river (Yakutia)//Polar Geography and Geology. V. 10. № 2.

Laukhin S. A., Drozdov N. I., 1991a. Paleoecological aspect of Paleolithic Man settling in Northern Asia and his migration to Northern America//The INQUA Intern. Sympos. on Stratigraphy and Correlation of Quaternary deposits of the Asia and Pacific regions. CCOP/TP 22. Bangkok.

Laukhin S. A., Drozdov N. I., 1991b. Discovery of paleolithic artefacts in the North of Eastern Chukotka and migration of Paleolithic Man from Asia to Northern America//Prehistory and Ancient History. V. 1. № 6. Seoul, Korea.

Velichko A. A., Peči M., Frenzel B., 1992. Atlas of paleoclimates and paleoenvironments of the Northern Hemisphere. Late Pleistocene — Holocene. Budapest.

Институт географии РАН,
Москва

S. A. LAUKHIN

THE SETTLEMENT OF THE NORTHERN ASIA BY THE PALAEOLITHIC MAN AND THE BERING BRIDGE POSSIBILITIES

Summary

The author analyzes briefly both the evolution of the climate, vegetation and the other nature elements in the Northern Asia in the Late Pleistocene and the location of the Palaeolithic sites of different times on this territory. He draws a conclusion that the Palaeolithic people had appeared in the Northern America before they settled completely in the Northern Asia. The migrations through the Kheledin bridge took place probably in the 1st half of the Late Pleistocene. The Bering bridge could have been used earlier, but the migrations through it became very active in the Late Palaeolithic.

Н. М. ВИНОГРАДОВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КУЛЬТУРЫ СВАТА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПАКИСТАНЕ

Географически памятники Свата относятся к Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, основная зона их распространения (рис. 1) от Инайят Куйла в горной местности недалеко от пакистано-афганской границы на западе до Инда на востоке и от Читрала на севере до р. Кабул на юге. Первоначально стали известны погребальные комплексы. Первый могильник Кателай I был открыт при строительных работах в 1956 г. итальянской археологической миссией (IsMEO) под руководством проф. Дж. Туччи в области Мингора (Tucci G., 1958, p. 279 сл.; 1963, p. 27). С 1961 по 1965 гг. итальянскими археологами кроме Кателай I раскапывались еще два некрополя — Лосбанр I и Буткара II (Silvi Antonini C. et al., 1972). Небольшие по своим масштабам раскопки были проведены в 1964 г. на севере около Читрала (Stacul G., 1969, p. 92), юго-западнее г. Мингора около Пачха в Бунере — могильники Тарике, Лолбатай, Согалай и Пуланр (Stacul G., 1967a, p. 220) и в долине р. Горбанд — некрополь Кхерай (Stacul G., 1966).

Открытия итальянских археологов привлекли внимание к этой группе памятников пакистанских исследователей. А. Дани и его сотрудники в Пешаварском университете Э. Дуранни и А. Рахман предприняли начиная с 1960 г. археологические исследования в зоне распространения культуры Свата и открыли новые могильники. На некоторых производились небольшие раскопки (Dani A. H. et al., 1966). Большие работы развернулись в Тимаргарха в 1964 и 1965 гг. (Timargarha, 1967). Важны раскопки А. Дани в близлежащем от Тимаргарха Баламбате, где погребения перекрываются строительными остатками ахеменидского времени (Timargarha, 1967, p. 235 сл.). Одно из важнейших исследований пакистанских археологов — публикация раскопок Зариф Каруны Г. М. Кханом (Khan G. M., 1979). Кроме Тимаргархи и Зариф Каруны пакистанскими учеными раскопан еще один могильник — Тхана на левом берегу Свата около г. Чхакдара (Timargarha, 1967, p. 211, сл.) [1].

Решающее значение для осмысления культуры Свата имели исследования поселений (рис. 1), последние были открыты значительно позднее могильников [2]. Наиболее известны раскопки Дж. Стакул в пещере Гхалигай на левом берегу р. Сват около г. Мингора. Раскопки в пещере Гхалигай легли в основу общей хронологической колонки культур Северного Пакистана III—I тыс. до н. э. (Stacul G., 1967b, p. 185; 1969). Наиболее известны раскопки, начатые Дж. Стакулом и С. Туза в 1966 г. на поселении Алиграма на правом берегу р. Сват, напротив Мингора. Стратиграфически прослежены многочисленные строительные периоды (Stacul G. et al., 1975; 1977). Небольшие раскопки проведены Дж. Стакулом в Бир-кот-гхундай (Stacul G., 1980b; 1987), где также выявлены стратиграфические слои длительного существования поселения. С 1976 г. Дж. Стакулом ведутся исследования на многослойном поселении Лосбанр III (Stacul G., 1980a; 1977; 1987). Пакистанскими археологами раскапывались два поселения: Дамкот (Rahman A., 1968—69) на правом берегу р. Сват рядом с Чхакдара и Баламбат (Timargarha, 1967) на правом берегу р. Панджкора. Отдельные

[1] Об истории исследования погребальных комплексов культуры Свата см. (Виноградова Н. М., 1991, с. 23).

[2] В редких случаях поселения раскопаны вместе с могильниками.

© Н. М. Виноградова, 1995 г.

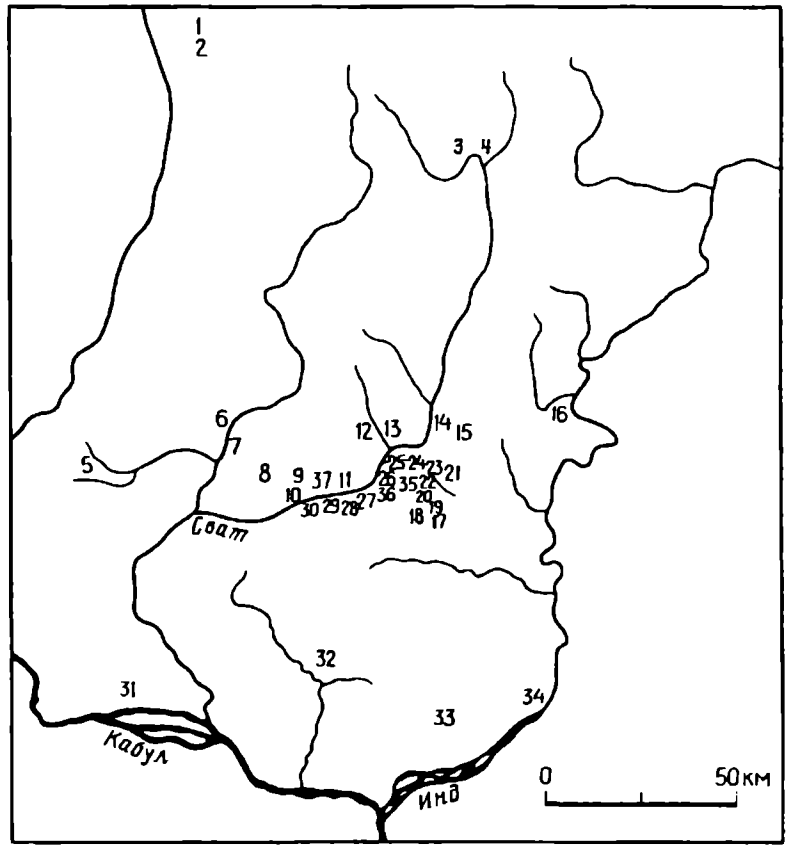


Рис. 1. Карта распространения памятников Свата. *1* — Ногхормури; *2* — Тамунак; *3* — Усхорам; *4* — Расхнел; *5* — Инайат Куила; *6* — Баламбат; *7* — Тимаргарха; *8* — Зиарат; *9* — Чхарпат, *10* — Чхардара; *11* — Гумбатуна; *12* — Бандай; *13* — Алиграма; *14* — Чхарбаг; *15* — Тилграм; *16* — Кхерай; *17* — Тарике; *18* — Согалай; *19* — Лалбатай; *20* — Пуланр; *21* — Кукарай; *22* — Саламтур; *23* — Лоебанр; *24* — Буткара; *25* — Кателай; *26* — Гогдара; *27* — Барикот; *28* — Канджарконте; *29* — Гаткот; *30* — Тхана; *31* — Зариф-Каруна; *32* — Джамалгархи; *33* — Панджпир; *34* — Тарбела; *35* — Бир-кот-гхундай; *36* — Гхалигай; *37* — Дамкот (в основе по Г. Мюллер-Карпе)

находки керамики, характерные для культуры Свата, известны в Харсаде (Dittmann R., 1984, p. 159). Таксиле (Allchin R., 1982) и Моргархе (Graziosi B., 1964).

Открытие многослойных поселений и погребальных памятников Свата, или «гандхарской погребальной культуры»[3], позволяет поставить вопрос о существовании единой культурной группы — культуры Свата, эволюция которой прослеживается с начала II тыс. до н. э. до середины I тыс. до н. э. До раскопок поселений генезис памятников Свата связывался исключительно с происхождением погребальных комплексов и этническими миграциями с запада или из Средней Азии (Виноградова Н. М., 1990, с. 40). В настоящее время исследования многослойных памятников (Алиграма, Бир-кот-гхундай, Лоебанр III и др.) позволяют по-новому взглянуть на проблему происхождения культуры Свата и ее места в общей последовательности культур Северо-Западного Пакистана.

Пещера Гхалигай находится в долине Свата между Мингора и Барикот (Stacul G., 1967, p. 185—219; 1969, p. 44—69; 1987, p. 27—45). Это естественная пещера на одном из высоких холмов на берегу р. Сват. Ширина долины в этом месте около 2 км, на холмах имеется площадь для посевов. Длина пещеры 8 м, ширина 2,5, высота 1,7 м. Толщина культурного слоя 12 м. Выделяется 24 слоя и 7 хронологических периодов, относящихся к доисторическому времени: I (слои 24—21), II (слои 19, 12), III (слои 17, 16), IV (слой 15), V (слои 15—13), VI и VII (рис. 2, *2*).

[3] А. Дани связывает раскопанные могильники с доахеменидским царством Гандхары (Timargarha, 1967, p. 240).

Рис. 2. *1* — Гхалигай. Основные типы керамики периодов I—VII М 1 : 12 (по Дж. Стакул); *2* — Гхалигай. Стратиграфия культурного слоя (по Дж. Стакул)

Самый нижний слой (24), Гхалигай I, не дал керамических находок, встречаются следы угля и обработанной гальки. Следующие слои (23—21) отделены от предшествующего тонкой стериальной прослойкой; найдены сосуды, сделанные от руки, обжиг неровный, цвет красноватый (рис. 2, *1*). Дж. Стакул сравнивает керамику слоев 23—21 с энеолитическими памятниками Южной Туркмении (Анау II), Мундигак III и Нал в Белуджистане. Слой 21 по радиокарбону датируется 2230 ± 55 до н. э. Слой 23 — 2250 ± 140 до н. э.[4] Следующие слои 19—18 представлены круговой керамикой очень хорошего качества с орнамен-

[4] Все даты по C^{14} в работе 1969 г. даны без поправок. В последней работе Дж. Стакула (Stacul G., 1987) приводятся более правильные калиброванные даты с периодом полураспада 5568 лет (см. табл. 2 настоящей работы).

Таблица 1

Синхронистическая таблица памятников Свата

Гхалигай	Поселения						Периоды	Могильники
	Алиграма			Бир-кот-гхундай	Лосбанр III	Баламбат		
	раскопы A и B	раскоп E	раскоп F					
VII	Погребения	Фазы VII—VIII (слои 2, 2a)		Фаза IV (слой 4)		Стены III периода могильников Свата	III	Лосбанр I, Кателай I
VI	Фаза II (слои 3—2)		Слои 2a, 2b, 2c				II	
V (слои 15—13)	Фаза I (слои 5—4)	Фазы II—VI (слои 12—4)	Слои 5—3	Фаза III (слои 7—5)		Погребения	I	
				Фаза II (слои 8—9)				
IV (слой 15)		Фаза I (слои 14, 13)		Фаза I (слои 10 и 11)	Слои 7—1			Кхерай
III (слои 17—16)								
II (слои 19, 18)								
I (слои 24—21)								

тацией черными лентами (рис. 2, *1*). Аналогии этим находкам имеются в Хараппе, Мундигаке IV, Калибангане I, и других памятниках. Дата слоя 18 по C^{14} — 1810 ± 55 до н. э. (Stacul G. 1969, p. 46, 83).

Период III (слои 17, 16), толщина слоя около 50 см, резко отличается от предшествующего. Керамика сделана от руки, серого или красновато-коричневого цвета, обжиг неровный, иногда на дне — отпечатки ткани (Stacul G., 1969, p. 201) (рис. 2, *1*). Типологически находки из слоев 17, 16 сходны с неолитическим памятником Бурзахом I в Кашмире. На стратиграфических разрезах, приведенных в работах Дж. Стакул, слои 17 и 16 выделяются не во всех траншеях. На некоторых сразу же за слоем 18 следует пласт 15 (около 90 см). Слой 17 по радиокарбону датируется 1505 ± 50 до н. э.

В слое 15 (IV период) впервые встречается керамика, характерная для могильников Свата,— вазы на высокой ножке (рис. 2, *1*) (тип VTI) [5], другие сосуды, по мнению Дж. Стакул, отличаются от посуды погребальных комплексов Свата, например черно-серая полированная посуда с волнистым краем. Некоторые из них имеют отпечатки ткани на дне, как на керамике в слоях 17, 16 (III период). Наиболее точные сопоставления имеются со слоями поселения Бир-кот-гхундай и Лосбанр III. Полированная керамика сравнивается исследователем с Бурзахом II

[5] При классификации материалов за основу берется типология Сильви Антонини и Дж. Стакул (Silvi Antonini C. et al., 1972, p. 13).

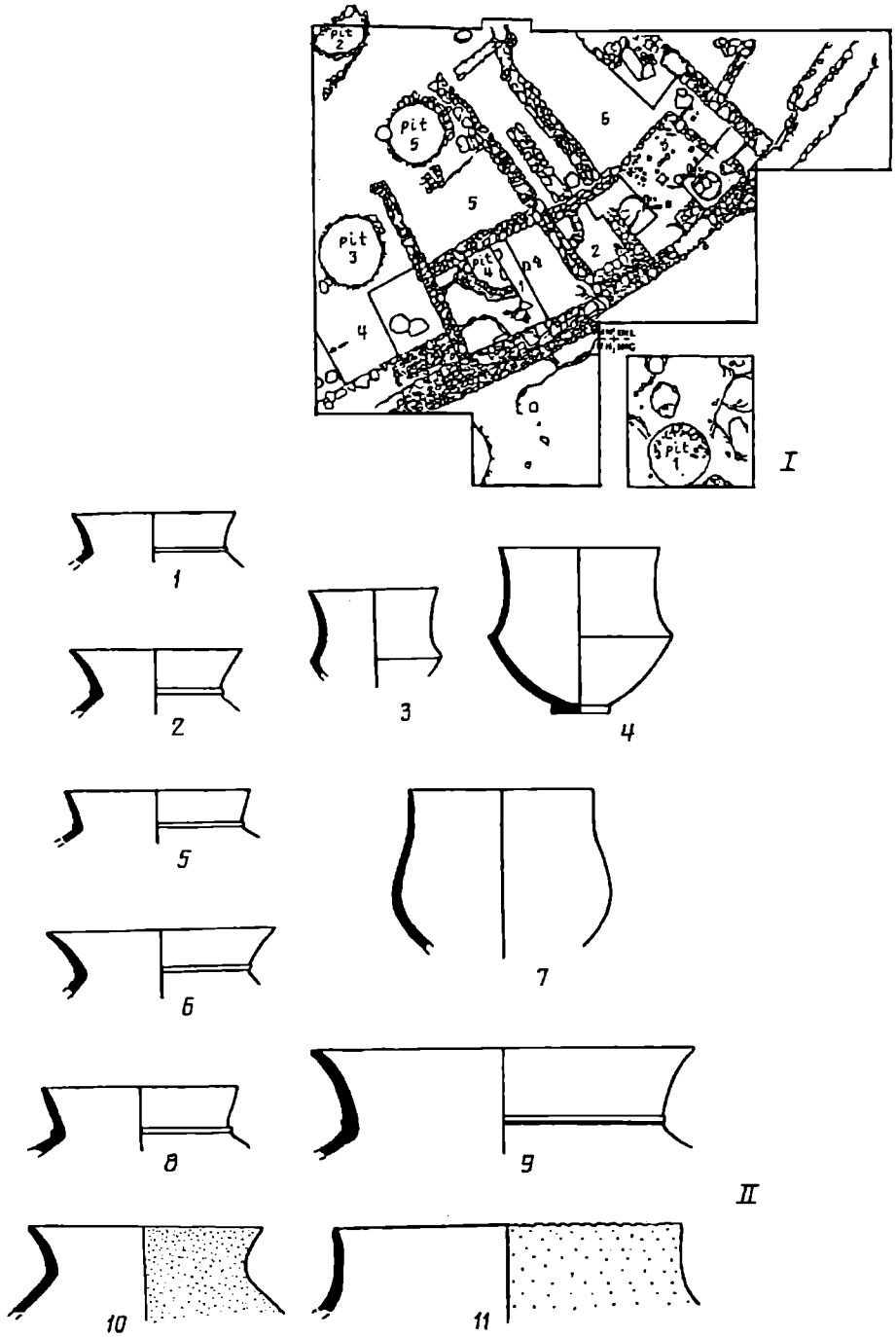


Рис. 3. *I* — Алиграма. План раскопа В; *II* — Алиграма. Керамика раскопа Е: слой 14 — *11*; слой 13 — *1, 2, 5—8, 10*; слой 12 — *4*; слой 11 — *3*; слой 10—*9*; М 1 : 4 (по Дж. Стакул)

в Кашмире и опосредованно через Кашмир с культурой Лунг-Шан в Северном Китае, последняя датируется первой половиной II тыс. до н. э. (Stacul G., 1969, p. 61 сл.). Кроме того, встречается посуда с росписью черной краской. Появление формы вазы на ножке Дж. Стакул соотносит с Гиссаром IIB—IIIB.

Для периода V (слои 15—13; 14 — стерильный) характерен материал, типичный для древнейшей фазы могильников Свата. Аналогии, по мнению автора, имеются в нижних слоях поселения Харсада и в железном веке I Ирана (Хасанлу V). Датируется по C^{14} временем около 1330 (1250 ± 100 до н. э.) (Stacul G., 1969, p. 84), (рис. 2, *1*).

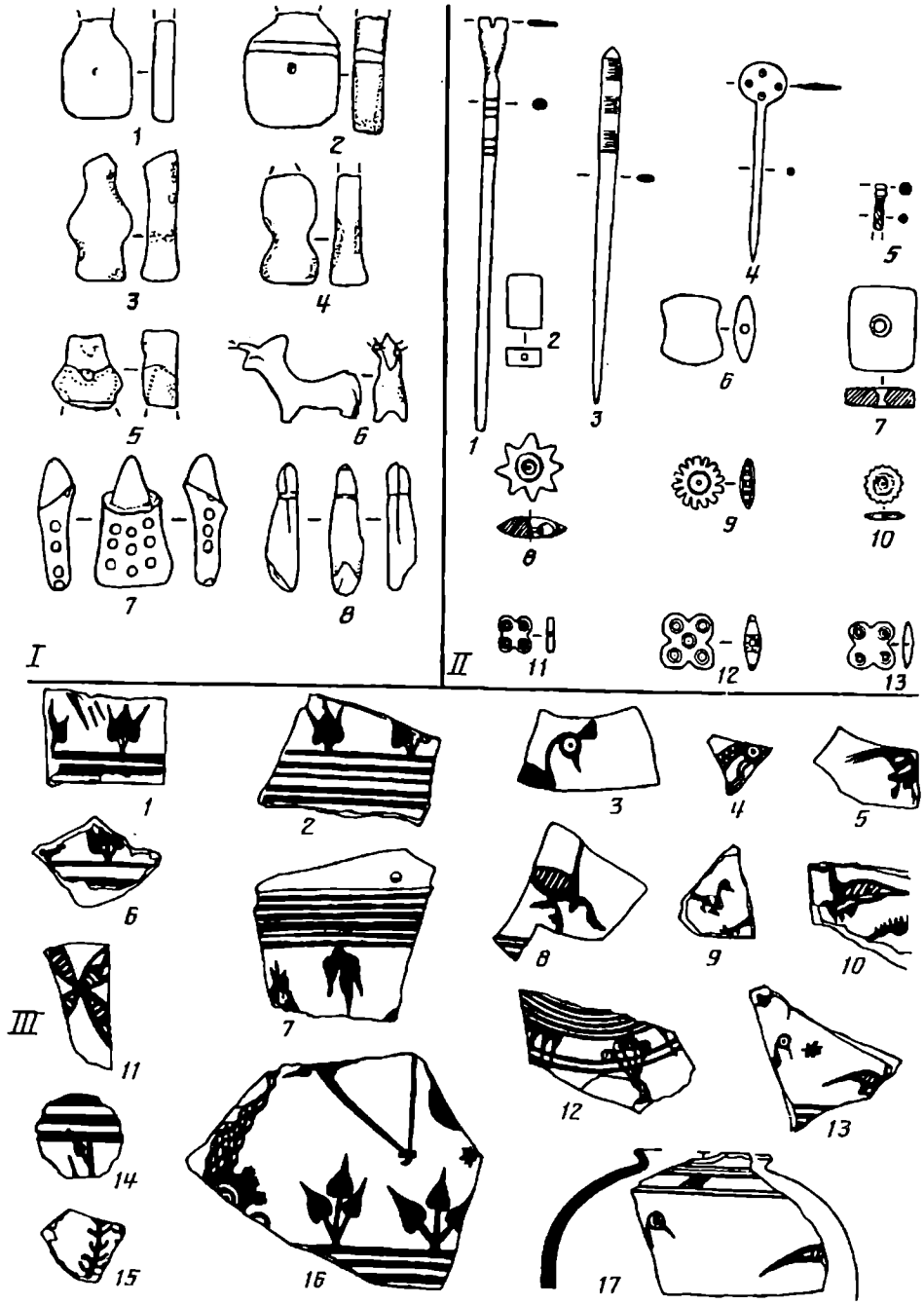


Рис. 4. *I* — Терракотовые фигурки периода Гхалигай IV: *1, 3, 4, 6* — Лоебанр III; *2, 5, 7* — Бир-кот-гхундай; *8* — Гхалигай (камень); (М 1 : 2); II — Костяные и каменные предметы периода Гхалигай IV: *1* — Лоебанр III; *2, 3, 6* — Бир-кот-гхундай; *4, 5* — Алиграма; *1, 3, 4, 5* (М 1 : 1); *2, 6—13* (М 1 : 4); III — Расписная керамика периода Гхалигай IV. Бир-кот-гхундай (по Дж. Стакул)

Период VI Гхалигай (рис. 2, *1*) соотносится со средней фазой развития погребений Свата и синхронизируется на основании параллелей в Иране с железным веком II (Хасанлу IV), между 1000—800 гг. до н. э. К последнему периоду VII Дж. Стакул относит позднюю фазу развития могильников Свата (рис. 2, *1*), сопоставляя эти находки с Хасанлу III А в Западном Иране (500—400 до н. э.) (Stacul G., 1969, p. 85).

Большое значение после раскопок Гхалигай имели исследования на поселении Алиграма в центральной части долины, на правом берегу р. Сват, напротив г. Мингора. Поселение площадью около 10 га частично находится на холме,

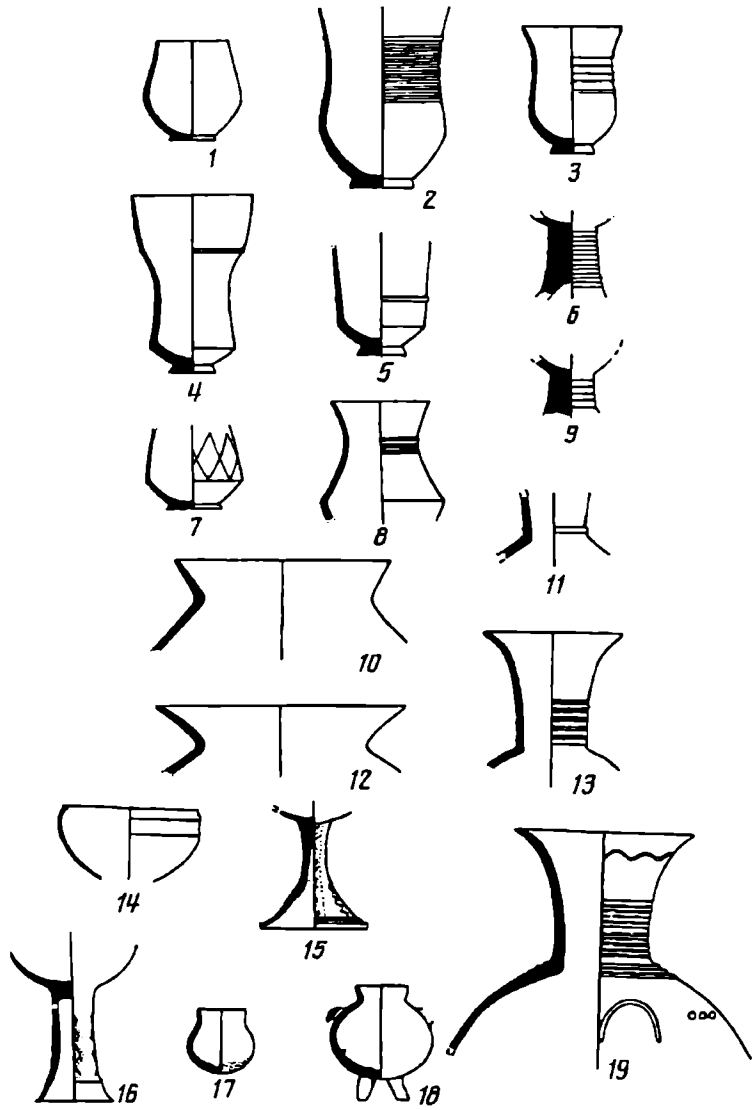


Рис. 5. Алиграма. Керамика раскопа Е: слой 10 — *11*, *13*; слой 9 — *8*; слой 7 — *3*, *9*, *10*; слой 6 — *6*, *12*; слой 5 — *2*, *4*; слой 4а — *1*, *5*, *7* (М 1 : 4). Раскоп В: слой 3 — *14—19* (М 1 : 5) (по Дж. Стакул)

возвышающемся над долиной на высоту 100 м. Для построек использовались как аллювиальные, так и каменные почвы. С севера и запада поселение защищено холмами, с южной и восточной стороны ограничено землями, орошаемыми р. Сват. Алиграма располагается на стыке с соседней долиной р. Схахдхери Кхвар, где в нескольких сотнях метров открыт древний могильник (раскопано всего четыре погребения) [6]. Раскопки на поселении начались в 1966 г., продолжались в 1972—1974 гг. (Stacul G. et al., 1975, p. 291—321; 1977, p. 151—205). Заложено несколько раскопов A, B, C, D, E, F, G и K. Стратиграфически в развитии Алиграмы исследователями выделяются 14 последовательных слоев и 8 хронологических фаз со II тыс. до н. э. до конца IV в. н. э., с перерывами в существовании поселения (табл. 1).

[6] Два других неисследованных некрополя открыты в 8 км от Алиграмы в местности Пашрат на левом берегу р. Схахдхери Кхвар и в 12 км в Аркот (См. Stacul G. et al., 1975, p. 291). Кроме того, в верхних слоях поселения Алиграмы расчищены пять одиночных скорченных погребений. По мнению Дж. Стакул и С. Туза, захоронения совершены в самом конце существования поселения (Stacul G. et al., 1975, p. 306).

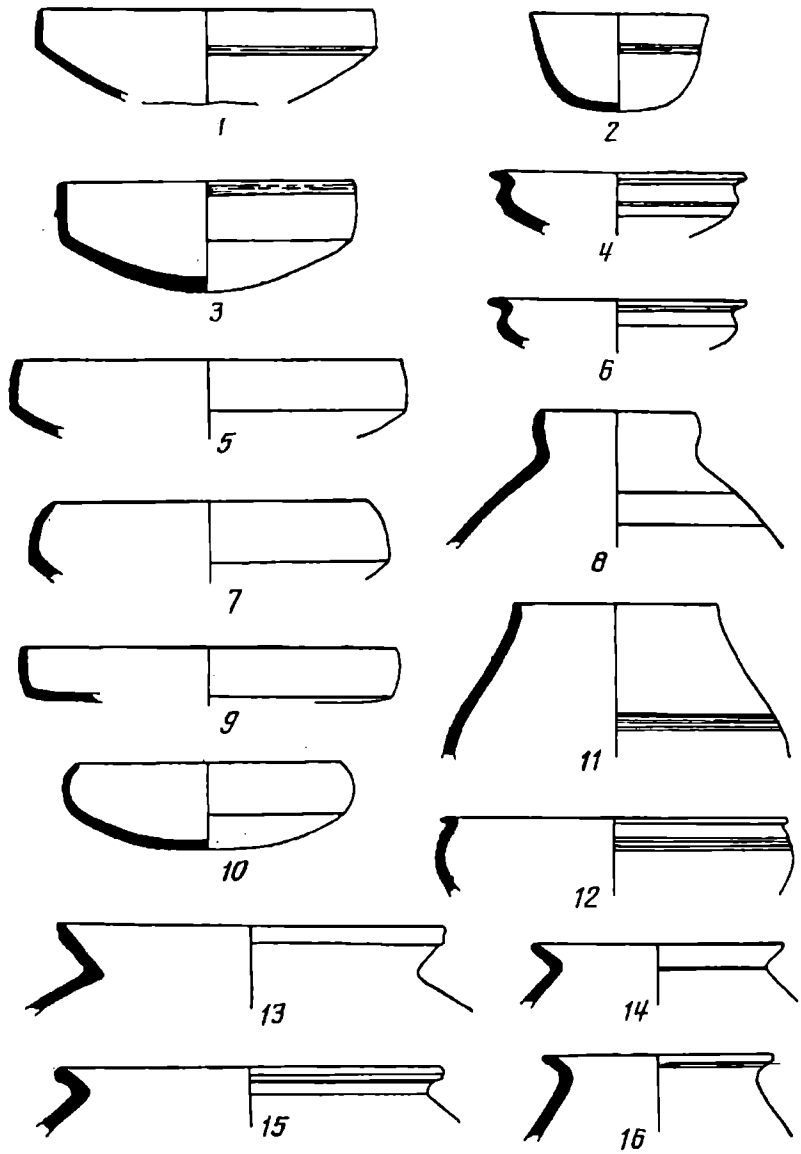


Рис. 6. Алиграма. Сосуды раскопа Е: слой 2а — *1—7, 9, 10*; слой 2 — *11—16* (М 1 : 4) (по Дж. Стакул)

Жизнь на поселении Алиграма началась во второй четверти II тыс. в период IV по хронологии в Гхалигай[7]. Для этого периода характерны каменные стены из необработанных камней (рис. 3, *1*), скрепленных между собой глиной, толщина стен достигает 0,5 м (слой 13 раскопа Е). Встречается керамика трех групп: 1) серо-коричневые сосуды с примесью песка (brown-gritty) и отпечатками ткани на дне (рис. 3, 10, 11); 2) чернополированная керамика (рис. 3, *1, 2, 5—8*), иногда видны следы круга; 3) в небольшом количестве (3%) присутствует красноглиняная посуда, на кругу, с росписью черной краской. Сосуды сопровождаются костяными булавками; последние орнаментированы углубленными двойными кружочками. Встречаются предметы из нефрита (рис. 4, *1, 4, 5*).

На II фазе развития поселения Алиграма, соответствующей периоду V Гхалигай, происходит заметное расширение границы памятника до 10 га. Каменные стены, как и на фазе I, тщательно сложены из небольших необработанных камней или речной гальки на глиняном растворе. Высота достигает 1 м 50 см, иногда

[7] Для Алиграмы IV имеются две даты с поправкой Римского и Пенсильванского университетов: 1360—1300 до н. э. и 1710—1690 до н. э. (см. Stacul G., 1987, p. 167 и табл. 2 настоящей работы).

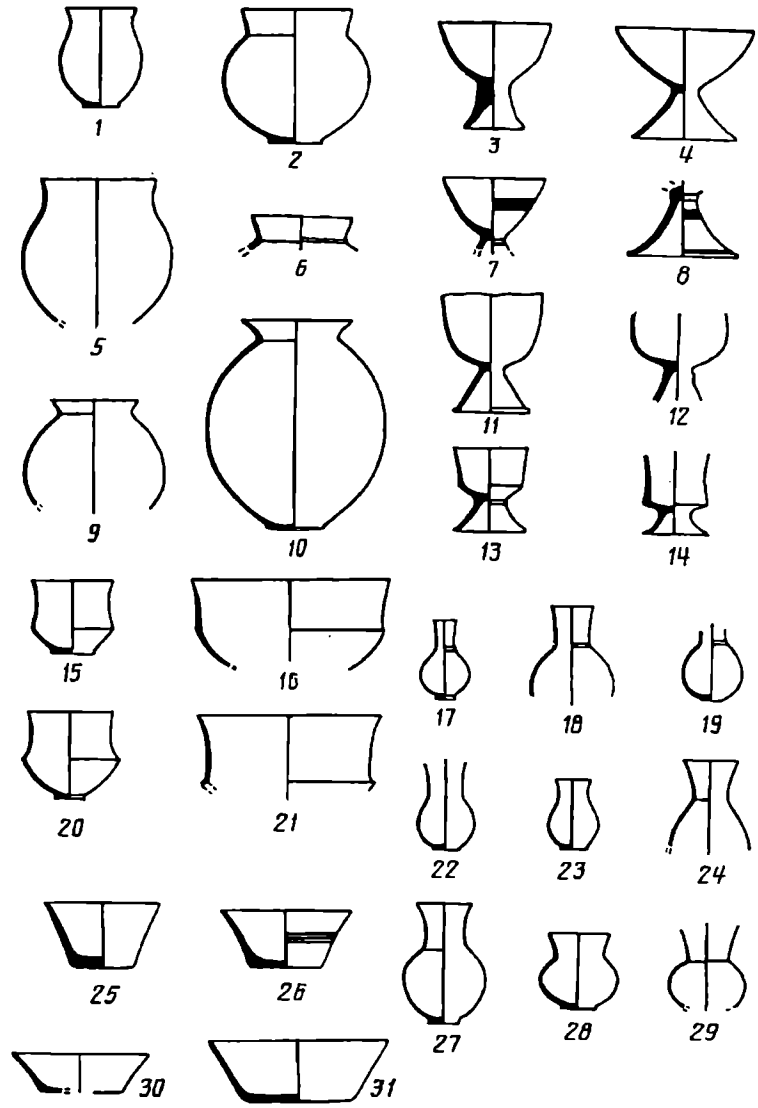


Рис. 7. Сосуды периода Гхалигай IV: *1, 4, 5, 10, 12, 13, 15—19, 22—25, 27, 29—31* — Лосбанр III; *2, 7, 8, 14, 21, 26* — Бир-кот-гхундай; *6, 20* — Алиграма; *3, 28* — Кхерай (М 1 : 4) (по Г. Стакул)

в углах помещений и в дверных проемах для прочности устанавливались известняковые плиты. Фундамент всегда делался из камня, сами стены могли быть сложены из пахсы или необожженного кирпича [8]. Существовала единая планировка, по длинной оси все помещения параллельны друг другу. Полы обмазаны глиной, в некоторых случаях кладутся плиты. Около очагов имеются специальные подставки (fire dogs). Обычно в комнатах находят зернотерки и каменную плиту овальной формы с двумя симметрично расположенными отверстиями, просверленными на концах длинной оси плиты. С. Туза считает, что по внешнему виду эти плиты напоминают человеческую фигуру, и связывает их с погребальными антропоморфными урнами, найденными в погребениях (Tusa S., 1979, p. 685). Вне помещений открыты большие сосуды (диаметр тулова около 0,80 м), используемые, скорее всего, для хранения воды или зерна. Керамика II фазы Алиграмы типична для погребений могильников Свата, за исключением нескольких фрагментов сосудов, относящихся к предшествующей фазе (Stacul G. et al., 1977, p. 309). Технологически, по классификации Сильви Антонини и Дж. Стакул, различаются три основных класса посуды: *а* — серые тонкостенные

[8] В одном из помещений найдены обломки кирпичей 0,10 × 0,15 × 0,30 м.

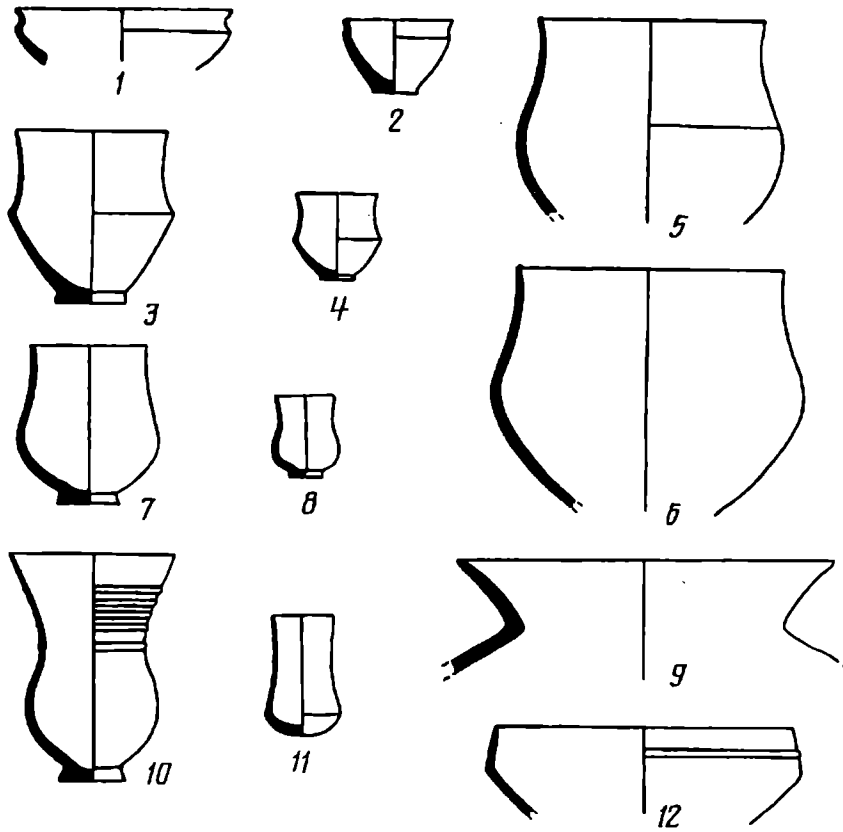


Рис. 8. Бир-кот-гхундай. Керамика: слой 8 — *1—8*; слой 7 — *7—10*; слой 6 — *9*; слой 4 — *11, 12* (М 1 : 4) (по Дж. Стакул)

сосуды, глина отмучена не очень хорошо, обжиг неравномерный, внешняя поверхность залощена; *b* — красноглиняные тонкостенные сосуды, обжиг неравномерный, на внешней поверхности видны следы лощения, сделаны от руки или на кругу; *f* — большие красноглиняные сосуды (Silvi Antonini C. et al., 1972, p. 15). Исследователи отмечают следующие формы: VT 1, VT 18, VT 19, VT 21, VT 24, VT 27, VT 68, VT 69 (рис. 3, *3, 4, 9*; *5, 1—13, 19*). Для слоев, датируемых переходным временем от периода V к периоду VI хронологической шкалы Гхалигай, характерны сосуды типа VT 4, VT 5, VT 7, VT 8, VT 9, VT 10, VT 15, VT 20, VT 21, VT 36, VT 38, VT 68, VT 80, VT 81, VT 82, VT 83 (Silvi Antonini C. et al., 1972, p. 16 сл.), (рис. *5, 14—18*).

Из других предметов, найденных на поселении, интерес представляют металлические бронзовые вещи: игла типа TM6 и булавка (тип OM6). Прясла встречаются двух типов — TT1 и TT2. Все эти типы вещей характерны для могильников (Silvi Antonini C. et al., 1972, p. 36 сл.). Следует отметить находку антропоморфной фигурки (период V хронологии Гхалигай). Сохранилась только верхняя часть с коническими выступами — руками и головой треугольной формы без обозначения черт лица. Верхние слои Алиграмы (раскоп E) относятся к периоду Гхалигай VII (рис. 6). На раскопе K открыты слои времени Кушан и Маурьев.

Другое стратиграфически не менее важное поселение — Бир-кот-гхундай в 20 км от г. Мингора, на холме, около современного г. Барикот, на левом берегу р. Сват. Барикот А. Стейн сопоставлял с древней Базира времени Александра Македонского (Stein A., 1930, p. 20—29). Раскопки Дж. Стакула в 1977 и 1978 гг. выявили в основании холма древнее поселение, существовавшее на протяжении нескольких периодов развития культуры Свата (Stacul G., 1980a, p. 55—65; 1987, p. 60 сл.). В 1—2 км к югу от Бир-кот-гхундай Дж. Тучи открыт могильник, относящийся, скорее всего, к этому поселению (Tusa S., 1981, p. 111). По стратиграфии, полученной на трех заложенных раскопах — A, B, C, и анализу керамического материала Дж. Стакул

выделяет 4 периода существования поселения: I (слои 10 и 11); II (слои 8 и 9); III (слои с 7 по 5); IV (слой 4). Согласно хронологической шкале Гхалигай, первый соответствует периоду IV, второй — промежуточной фазе между периодом IV и V, третий — периоду I и четвертый — периоду VII (см. табл. 1).

Первый период. Из строительных остатков к этому времени относятся каменные постройки с квадратными помещениями и две жилые ямы. При этом каменные постройки перекрывают землянки (Stacul G., 1980a, p. 61 сл.). Керамика распределяется по трем группам. Наибольший процент составляет черно-серая полированная посуда — 44%, серо-коричневые сосуды с большой примесью песка в тесте (brown-gritty) — 36% и красноглиняная керамика с росписью черной краской — 19% [9]. Для первой группы характерны кубки на высоких ножках, кубки с волнистым профилем и прямым венчиком (рис. 7, *7, 8, 14, 21*), многие сформованы на медленном кругу. Керамика второй группы отличается сосудами шаровидной и овальной формы с волнистым венчиком, на поддоне. На дне видны отпечатки ткани (рис. 7, *2*). Красноглиняная керамика сделана из глины хорошего качества, с красным, оранжево-красным или коричнево-красным ангобом, на кругу быстрого вращения. Среди форм встречаются кубки на ножках, шаровидные сосуды на поддоне, неглубокие миски, хозяйственные горшки с широким устьем. Роспись — черной краской; чаще всего рисуются горизонтальные, волнистые линии, шашечный узор, звездочки, растительный орнамент (листы фигового дерева, четырехлистник), зооморфные изображения крупного рогатого скота, павлина и других птиц (рис. 4, III, *1—17*). Встречается стилизованное антропоморфное изображение человека. Привлекают внимание терракотовые фигурки, очень схематичные — с плоским туловищем, глазами, носом, переданными точками. В Бир-кот-гхундай наряду с обычными для поселений периода IV по хронологической шкале Гхалигай пряслицами, костяными булавками впервые встречаются фаянсовые подвески с концентрическими кругами в центре (рис. 4, *II, 2, 3, 6*).

Второй период. Непосредственно за слоями первого периода (11 и 10) следует горизонт второго периода (слои 9 и 8). Наряду с упомянутыми выше группами керамики появляется новая группа серометаллических сосудов. Характерны три типа кубков: кубок с ломающимися плечиками по линии наибольшего диаметра сосуда (рис. 8, *1—6*), кубки с волнистым профилем и низкие открытые кубки. Терракотовые фигурки с плоским туловищем, руками в форме отростков; встречается и иной тип, также с плоским туловищем, орнаментированным вдавленными кружочками и коническим выступом вместо головы (рис. 4, *1, 7*).

Третий и четвертый периоды существования поселения отмечены каменными постройками с глинобитными полами. Керамический материал типичен для посуды могильников Свата. Это сероглиняные и красноглиняные сосуды (рис. 8, *7—10*) типа VT18, VT21 (третий период), VT10 и VT25 (четвертый), рис. 8, *11, 12*. В верхних слоях имеются находки железных вещей. Скорее всего, третий период Бир-кот-гхундай следует связывать с первой фазой могильников Свата (период V по хронологии Гхалигай). Период Гхалигай VI на поселении не представлен; IV период Бир-кот-гхундай Дж. Стакул соотносит с периодом Гхалигай VII.

Одно из самых значительных поселений культуры Свата — Лоебанр III в 5 км южнее г. Мингора, на склоне холма, на берегу р. Джамбил (приток р. Сват). Раскопки проводились под руководством Дж. Стакул в 1968, 1976 и 1979 гг. (Stacul G., 1976; p. 25 сл.; 1977, p. 227—253; 1980a, p. 67 сл.; 1987, p. 55 сл.). На поселении выделяются четыре слоя, относящихся к одному хронологическому горизонту — периоду IV по хронологии Гхалигай. Всего заложено восемь раскопов: A — A, A — E и F — H (рис. 9, *1*). Лучшее представление о стратиграфии памятника дают исследования на раскопе H (13 × 8 м). Верхний гумусный слой (1) составляет 0,2—0,3 м, ниже идет слой серой земли (2) толщиной 0,5—0,7 м с черепками, третий горизонт (3) темно-коричневого цвета с фрагментами керамики и костями животных. В нижнем слое (4) открыты фундаменты каменных стен,

[9] Проценты приводятся по раскопу C (см.: Stacul G., 1980a, p. 57).

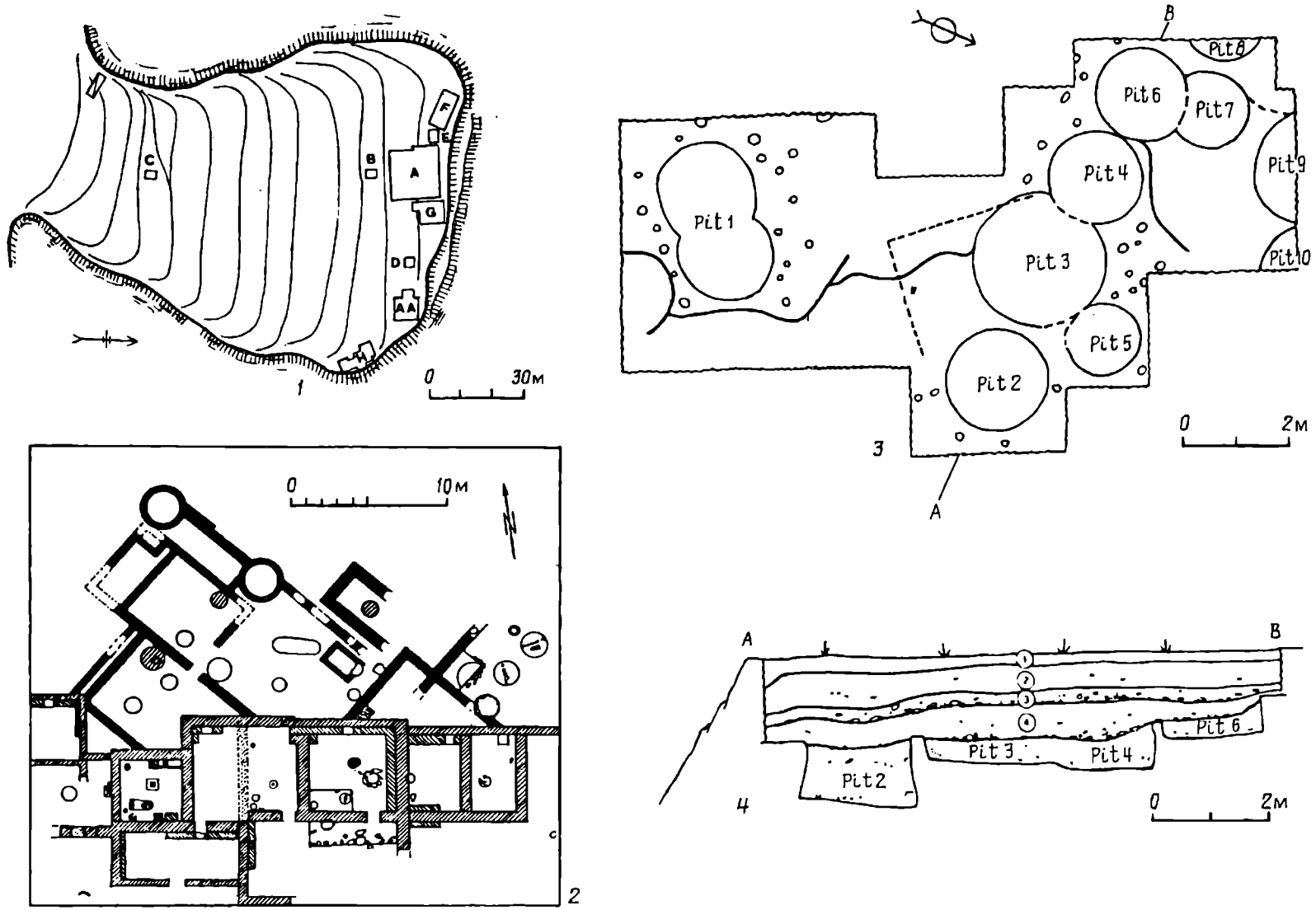


Рис. 9. *1* — Лоебанр III. План раскопов (по Г. Стакул); *2* — Баламбат. План поселения. Условные обозначения: ахеменидское время — штрихи; предахеменидское время — черный цвет; *3* — *4* — план и разрез раскопа Н. Лоебанр III

Таблица 2

Радиокарбонные даты

Период	Поселение	№ лаборатории	Даты	Калиброванные даты, гг. до н. э.
I	Гхалигай	R — 379	4245 ± 55	2970
I	Гхалигай	R — 379	4180 ± 70	2920
I	Гхалигай	R — 380	4200 ± 140	2940
II	Гхалигай	R — 378	3760 ± 55	2180
III	Гхалигай	R — 377	3455 ± 50	1950 ± 1920
IV	Лоебанр III	P — 2583	3280 ± 90	1650
IV	Лоебанр III	P — 2584	3140 ± 60	1500
IV	Лоебанр III	P — 2585	3250 ± 60	1640—1600
IV	Лоебанр III	P — 2586	3360 ± 60	1730—1690
IV	Алиграма	P — 2151	3010 ± 60	1360—1300
IV	Алиграма	P — 2151	3350 ± 40	1710—1690

сохранившихся на высоту 0,25—0,35 м, в помещении расчищены полы и очаг. Непосредственно уже в самом материке вырыты 10 ям жилого и хозяйственного назначения — слои с (5) по (2) (рис. 9, *3*, *4*) (Stacul G., 1980a, p. 68 сл.). Подобная же стратиграфия отмечена на самом большом раскопе А (15 × 17 м), где под фундаментами каменных стен третьего и четвертого слоев открыта землянка (7,7 × 6,6 м) с вертикальными стенками и глубиной от 0,4 до 0,7 м. Заполнение — темно-коричневая земля с костями животных, фрагментами сосудов. В южной части землянки расчищен большой очаг (диаметр около 3 м). Пол обмазан тонким слоем глины (Stacul G., 1977, p. 227 сл.). Выделяется несколько типов хозяйственных и так называемых жилых ям, выкопанных в материке на различных раскопах. Последний тип ям, судя по размерам и очагам, использовался под жилье — полуземлянки. Вокруг них открыты следы деревянных столбов диаметром 0,15—0,25 м. Это очень большие и неглубокие ямы овальной формы с почти вертикальными стенками. Размеры 7,7 × 6,6 м, глубина от 0,4 до 0,7 м; восьмеркообразные ямы D — 3,2 м, глубина 0,4 м.

Керамический материал Лоебанра III сходен с Бир-кот-гхундай самого раннего периода (рис. 7). Выделяются три основные группы сосудов: 1) черно-серая полированная керамика; 2) серо-коричневая посуда с большой примесью песка (brown-gritty); 3) красноглиняная керамика с росписью черной краской. Для поселения Лоебанр III характерна еще одна группа посуды, отсутствующая в Бир-кот-гхундай,— сосуды коричневого цвета, сделаны от руки, внешняя поверхность грубая. Первые две группы составляют 90% всего керамического материала. Процентное соотношение следующее: первая группа — 43, вторая — 37 и третья — 15%. Четвертая группа с внешней грубой поверхностью, по мнению Дж. Стакул, напоминает керамику периода III пещеры Гхалигай (слои 16, 17) (Stacul G., 1976, p. 25). Для черно-серой полированной посуды характерны сосуды на высоких ножках, кубки на конических поддонах, «бутылки», миски с широким устьем. Вторая группа представлена большими сосудами баночной формы, орнаментированными рельефными поясками. Расписная керамика — узкогорлые сосуды с шаровидным туловом, открытые миски; роспись исполнена черной краской (горизонтальные ленты), иногда встречаются граффити (изображения зебу или геометрический узор).

Около очагов на полу рядом с сосудами находят терракотовые фигурки быков с горбом (зебу) и схематические антропоморфные изображения (рис. 4, *I*, *1*, *3*, *4*, *6*). Примечательны на поселении Лоебанр III предметы из нефрита — подвески, известные в неолитических культурах Северного Китая под названием magatama

(Stacul G., 1977, p. 672), миниатюрные топоры-амулеты, каменные или костяные ножи прямоугольной формы с двумя дырочками, полированные костяные булавки с раздвоенной головкой (рис. 4, *II*, *1*). Для нижних слоев Лоебанр III, горизонт хозяйственных и жилых ям, имеется несколько радиокарбонных дат (табл. 2).

Еще одно стратиграфически важное поселение Дамкот на правом берегу Свата рядом с Чхакдара раскапывалось пакистанскими археологами (Rahman A., 1968—69, p. 103—226). Дамкот занимает очень важную позицию на дороге, соединяющей юго-восточный Афганистан со Сватом и Бунером, а также через проходы Малаканд и Шах-Кот связан с марданской и пешаварской долиной. А. Рахман выделяет на поселении пять периодов, из них только первый относится к доисторическому времени, следующий за ним период датируется уже II в. до н. э.— I в. н. э. К периоду I относятся два нижних слоя (12 и 11) с каменными строительными остатками. Для первого (12) характерна расписная керамика черной краской, на одном из черепков имеется изображение павлина. В следующем слое (11) доминирует сероглиняная керамика, типичная для ранних погребений могильников Свата. Пакистанский археолог А. Рахман сравнивает расписную керамику с Гхалигай 19 и 18; а сероглиняную посуду с Гхалигай 17, 16, 15, т. е. это II—V периоды по хронологии Дж. Стакул.

Кроме Дамкот пакистанскими археологами исследовалось еще одно поселение Баламбат, на правом берегу р. Панджкора (приток р. Сват). На другом берегу, напротив, находится могильник Тимаргарха (Timargarha, 1967, p. 238 сл.). Как и в Алиграме, в Баламбат под строительными остатками найдены погребения. Стратиграфическое соотношение захоронений со слоями поселения не всегда явно. А. Дани выделяет на поселении пять хронологических фаз (I—V), соотнося их с могильником Тимаргарха. Под фундаментами каменных стен северного раскопа (Баламбат III) открыты захоронения с трупосожжением. Кроме того, здесь расчищены круглые или прямоугольные помещения хозяйственного назначения с мусорными ямами, вырытыми, как и погребения, в материке (Timargarha, 1967, p. 242). Вместе с керамическим материалом, терракотовой фигуркой найдены изделия из бронзы и железа. Terminus ante quem Баламбата определяется постройками (южный раскоп) ахеменидского времени (рис. 9, *2*). Последняя V фаза развития поселения относится к кушанскому царству.

Расположение могильников и поселений в исключительно плодородных равнинах, где имеются благоприятные условия для выращивания зерновых и других культур, свидетельствует о том, что население Свата в своей основе было земледельческим. Этот вывод подтверждается палеоботаническим исследованием на поселениях Лоебанр III и Алиграма (Constantini L., 1979, p. 703 сл.). Культивировались ячмень трех видов (Hordeum vulgare, Hordeum vulgare nudum, Hordeum distichum), пшеница трех сортов (относятся к Triticum compactumsphaerococcum), рис, рожь, чечевица, горох и виноград. В долине Свата по этнографическим данным собираются два урожая в год, так как зимой идут обильные дожди, а лето жаркое.

Находки костных остатков млекопитающих на поселениях и в погребениях, фигурки животных — зебу, лошадь — указывают на большое значение скотоводства в хозяйстве населения Свата. В Алиграме и Лоебанре III исследованы кости 3067 особей (Compagnoni B., 1979, p. 697 сл.; Stacul G., 1987, p. 155). Различаются 18 видов животных (9 диких и 9 домашних): дикобраз, заяц, собака, дикая кошка, тигр, осел, полуосел (в настоящее время этот вид не существует), лошадь, верблюд, свинья, олень, водяной буйвол, или арни, зебу, гаур, маркур, домашняя коза и овца. В Лоебанре III нет костей верблюда и водяного буйвола, в Алиграме отсутствуют такие виды, как дикобраз, заяц, гаур и маркур. Большое значение среди жвачных животных играл зебу. В Лоебанре III (период IV по хронологии Гхалигай) зебу составляет 69,6% от всего количества костного материала, в Алиграме (период V по Гхалигай) — 59,4 и 83,9% в период Маурья. Домашняя овца в Лоебанре III — 26,6, в Алиграме в самых поздних слоях — 7,8%. Свинья составляет небольшой процент: в Алиграме — 4, в Лоебанре III — 2,5%. Опре-

деленную роль в хозяйстве Свата играла охота на оленя, горала, маркула и других зверей. Все дикие животные, за исключением тигра, представлены в современной местной фауне.

Что касается изготовления предметов, найденных на поселениях, иногда трудно провести границу между их домашним и ремесленным производством. Особенно это важно выяснить для керамики. С одной стороны, встречается красноглиняная посуда, сделанная от руки из плохо отмученной глины, с неравномерным обжигом; с другой стороны, имеются тонкостенные сосуды из прекрасно отмученной глины, изготовленные на быстро вращающемся кругу. Несомненно, что последние происходят из керамических мастерских.

Существование запасов меди в области распространения памятников Свата позволяет предположить использование местных рудных источников. Предметы из бронзы изготавливались, по всей видимости, также на месте — найдена литейная форма в Бир-кот-гхундай (Müller-Karpe H., 1983, S. 95). Изделия из железа встречаются редко, нет никаких доказательств их местного производства. В могильниках находят вещи из золота и серебра. Дж. Туччи (Tucci G., 1977, p. 19) собраны сведения древних авторов Страбона, Геродота, Плиния о племенах дардов, проживающих в горах и долинах Свата, Инда, как о «муравьях, выкапывающих золото». Китайские пилигримы также пишут, что Сват с древнейших времен был известен торговлей золотом. Изделия из кости (булавки, иглы) типологически близки изделиям из бронзы, скорее всего они также являются местным производством. Для изготовления бус использовались полудрагоценные породы камней (красный, белый и черный кварц, агат, магнезит, шифер). Все эти породы камней имеются в горах Свата.

Раскопки на поселениях долины Свата и прилегающих долин позволяют восстановить общую картину их заселения с конца III до середины I тыс. до н. э. Самые ранние свидетельства существования неолитической культуры известны в Гхалигай I (слои 23—21). Близкие аналогии керамике Гхалигай I мы находим не в Южной Туркмении и не в Мундигаке III, как предполагает Дж. Стакул, а в Сарай Кхала I в долине Потвар в 3 км к юго-западу от Таксилы (Halim M. A., 1970—1971, p. 23). Особое сходство прослеживается в формах сосудов.

Следующий период II (слои 19, 18 Гхалигай), как и в Сарай Кхала II, позволяет говорить о сильном влиянии культур долины Инда с расписной керамикой (рис. 2, *1*). Большинство сосудов сделаны на кругу, покрыты красным ангобом и орнаментированы черными горизонтальными лентами, листиками фигового дерева (только Сарай Кхала). Характерны шаровидные сосуды, вазы на высоких ножках, крышки с ручкой в форме шишечки (рис. 2, *1*). Дж. Стакул приводит аналогии с хараппскими памятниками — Хараппа, Калибанган I и Мундигак IV (Stacul G., 1987, p. 103 сл.). Следует указать на параллели с раннехараппскими слоями в Белуджистане (Анджира I, II) и Сиах Дамб в Калате (Cardi B., 1965, p. 86—182), керамикой долины Кветта (так называемый стиль Кил Гул Мохаммед) (Fairservis W. A., 1965, p. 256) и Кот Диджи (слои 4—16) (Khan F. A., 1965, fig. 17, *5*; 19, *6*).

Период III Гхалигай (слои 17 и 16) выделяется не на всех стратиграфических разрезах: отличается полным исчезновением расписной посуды и появлением грубой керамики от руки серого или красновато-коричневого цвета с отпечатками ткани на дне. Дж. Стакул связывает происхождение этой посуды с Бурзахом I в Кашмире (Allchin R., 1982, p. 111). Лепная керамика ранних периодов Гхалигай, Сарай Кхала I и Бурзахом I резко отличается от индийской и белуджистанской традиции и относится к другому культурному комплексу. Происхождение северных неолитических поселений связывается некоторыми исследователями (Allchin R., 1982, p. 116) с Северным Китаем. Период III был временем изоляции и активного объединения с культурным кругом Кашмира и опосредованно с Китаем.

Начиная с периода IV Гхалигай появляются первые памятники собственно культуры Свата: Алиграма, Бир-кот-гхундай, Лоебанр III, Дамкот. Все поселения

располагаются недалеко от реки, на вершине или склоне холма, в долине. Для первоначальных поселений характерны жилые ямы — землянки (Бир-кот-гхундай, Алиграма, Дамкот). На всех поселениях IV периода доминирует черно-серая полированная керамика (Бир-кот-гхундай — 44, Лоебанр III — 43%). Типичны формы чаш на высоких ножках, кубки на конических поддонах, «бутылки», кувшины. Вторая группа представлена серо-коричневой посудой с большой примесью песка (Лоебанр III — 37, Бир-кот-гхундай — 36%); встречаются большие сосуды баночной формы, орнаментированы рельефными поясками. Присутствует группа красноглиняной керамики высокого качества, на кругу, с росписью черной краской (Бир-кот-гхундай — 19, Лоебанр III — 15, Алиграма — 3%) [10]. Для поселения Лоебанр III характерна еще одна группа сосудов, отсутствующая на других памятниках IV периода. Это керамика с грубой внешней поверхностью, коричневого цвета, сделана от руки. Она, по мнению Дж. Стакул, сходна с посудой III периода пещеры Гхалигай (Stacul G., 1976, p. 25).

Мы уже упоминали, что черно-полированную керамику Дж. Стакул связывает с Бурзахом II в Кашмире и опосредованно с культурой Луншан в Северном Китае. При этом некоторые формы черно-полированной керамики (вазы на высоких ножках) исследователь соотносит с Гиссаром IIB и IIIB (Stacul G., 1970, p. 93 сл.). Связи сватовских поселений IV периода с Кашмиром в первой половине II тыс. до н. э. подтверждаются, по мнению Дж. Стакул, не только единством в форме жилищ, черно-полированной керамикой, но и другими находками [11]. Встречаются вещи из нефрита, ближайшие месторождения которого известны в восточном Синьцзяне. Дж. Стакул выделяет нефритовые подвески в форме клыка с дырочкой посередине — magatama, бусину, прототип которой известен в неолитических культурах Северного Китая (Stacul G., 1979, p. 672; 1987, p. 75). Он указывает и на прямые импорты из Китая: прямоугольные каменные ножи с дырочками (Stacul G., 1976, p. 29) и два миниатюрных топора-амулета (Stacul G., 1978, fig. 35).

В Бир-кот-гхундай и в Лоебанр III значительный процент составляет круговая красноглиняная керамика с росписью черной краской. Формы сходны с керамикой культуры Хараппа (Marshall I., 1931, tab. XXIX, *2*; LXXXII, *28*; Wheeler M., 1947, tab. XXX*a*; Vats M. S., 1940, tab. LXI, *21*), некрополем Н. Хараппская традиция прослеживается в росписи — листы фигового дерева, четырехлистные розетки (Stacul G., 1981, p. 307, fig. 2, 3). Другие орнаментальные мотивы — звезды, головки птиц, лабрис могут быть связаны с поздней Хараппой, некрополем Н (Vats M. S., 1940, tab. XLI, *82, 86*), Амри III*c* (Casal J. M., 1964, fig. 77, 78). Фаянсовые подвески в форме звездочки и розетки с углубленными концентрическими кругами (Бир-кот-гхундай), костяные булавки с орнаментом углубленными кружками (Алиграма) также характерны для Хараппы (Marshall I., 1931, tab. CXLVI, *40*; Stacul G., 1987, p. 75). Около очагов часто находят фигурки горбатых быков — зебу, традиция изображения которых прослеживается с дохараппского и раннехараппского времени в Рана Гхундай (Allchin R., 1982, p. 136), Амри I (Casal J. M., 1964, fig. 64), Мохенджо Даро (Marshall I., 1931), Гумла (Dani A. H., 1960—71, tab. 28).

В IV период по хронологии Гхалигай происходит формирование собственно культуры Свата главным образом на основе местной неолитической традиции (Гхалигай I, III, Сарай-Кхала I, Бурзахом I) и культуры поздней Хараппы, проникновение которой в культуру Свата происходит еще в период Гхалигай II. В конце периода IV появляются первые зафиксированные могильники — Кхерай (Stacul G., 1966; 1987, p. 64). Прослеживаются культурные связи не только

[10] Здесь следует учитывать, что поселение Алиграма относится к концу периода IV.

[11] Некоторые исследователи отрицают непосредственные контакты неолитических памятников Кашмира с Северным Китаем (Bisht R. S., 1986, p. 53).

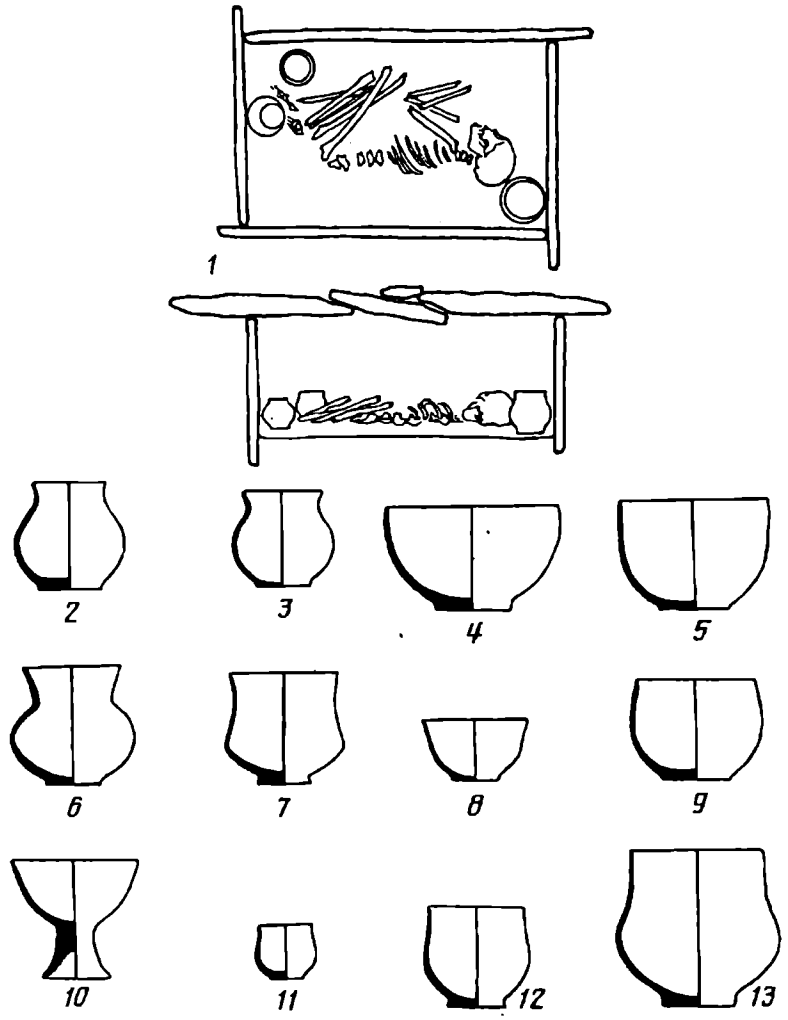


Рис. 10. Могильник Кхерай (по Дж. Стакул)

с южными культурами позднехараппского времени, северными памятниками Кашмира [12] и, вероятно, с Китаем [13], но и северо-восточным Ираном через Афганистан [14]. Дж. Стакул указывает на интересную публикацию раскопок в Дар-и-Кур в Бадахшане (Stacul G., 1970, p. 97), где найдена керамика, сходная с посудой периода Гхалигай IV.

В последующий период (Гхалигай V) происходят заметные изменения в культуре Свата: 1) расширение границ поселения (Алиграма); прослеживается планировка, совершенствуется техника строительства; 2) массовое появление могильников и нового обряда — кремации (Виноградова Н. М., 1991, с. 23—25); 3) в керамике на смену трем основным классам предшествующего периода приходят другие категории и формы сосудов, сходные с посудой погребальных комплексов: класса *а* — серая тонкостенная керамика, *в* — красноглиняная посуда без орнамента и *f* — большие красноглиняные сосуды (тип VT 68), используются часто в могилах как урны. На памятниках, относящихся к переходному времени от периода IV и V (Алиграма II, слои 2—3 раскопа А и В; Бир-кот-гхундай II, слои 8—9; могильник Кхерай в долине Горбанд (рис. 10, *1—13*)), сохраняются некоторые элементы предшествующего периода — черно-полированная керамика и расписные сосуды (только Бир-кот-гхундай).

[12]В Кхерай найдены золотые серьги. Известна добыча золота с древнейших времен в Кохистане и Кашмире (Stacul G., 1987, p. 76).

[13]Ближайшие источники нефрита имеются в горах Куньлунь в Синьцзяне (Stacul G., 1987, p. 75).

[14]На поселениях Свата найдены лазуритовые бусы. Лазурит добывался в Афганском Бадахшане (Stacul G., 1987, p. 75).

Подводя итоги, следует сказать, что период V по хронологической шкале Гхалигай стал новым этапом формирования культуры Света, связанным с этнической миграцией населения, принесшего обряд кремации и воспринявшего местную культурную традицию (Виноградова Н. М., 1990, с. 40—64). Исследования многослойных поселений культуры Свата позволяют более полно представить сложение культуры Свата в начале II тыс. до н. э. и ее дальнейшее развитие до середины I тыс. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградова Н. М., 1990. Происхождение могильников Свата (Северо-Западный Пакистан). Инодарийский аспект культуры Свата//Вестн. музейной комиссии. Вып. I. М.

Виноградова Н. М., 1991. Погребальный обряд населения Свата (Северо-Западный Пакистан)//Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.

Allchin R., 1982. How Old Is the City of Taxila?//Antiquity. V. 56.

Bisht R. S., 1986. Reflection on Barzahom and Semthan Excavations and Later Mythological Periods in Kashmir Valley — Central Asia and Western Himalaya. A Forgotten Link. Jodhpur.

Cardi B., 1965. Excavation and Reconnaissance in Kalat, W. P.— The Prehistoric Sequence in the Sarab Region//AP. V. 2.

Casal J. M., 1964. Fouilles d'Amri. Paris.

Compagnoni B., 1979. Preliminary Report on the Faunal Remains from Protohistoric Settlements of Swāt//SAA. 1977. Naples.

Constantini L., 1979. Notes on the Palaeoethnobotany of Protohistorical Swāt//SAA. 1977. V. 2.

Dani A. H., 1970—71. Excavation in the Gomal Valley//AP. V. V.

Dani A. H., Durrani F. A., 1966. A new grave complex in West Pakistan//Asian Perspectives. V. VIII, 1.

Dittmann R., 1984. Problems in the Identification of the Achaemenid and Mauryan Horizon in N-W Pakistan//AMJ. B. 17. Berlin.

Fairservis W. A., 1965. Excavation in the Quetta Valley, W. P.//Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. V. 4.

Graziozi P., 1964. Prehistoric Research in Nordwestern Panjab. Leiden.

Haliem M. A., 1970—1971. Excavation at Sarai Khala//AP. V. 7.

Khan F. A., 1965. Excavations at Kot Diji//PA. V. 5.

Khan G. M., 1979. Excavation at Zarif Karuna//Pakistan Archaeol. 1973. V. 19.

Marshall I., 1931. Mohenjo-daro and the Indus Civilization. London.

Müller-Karpe H., 1983. Jungbronzezeitlich-fruheisenzeitliche Gräberfelder der Swat-Kultur in Nord Pakistan. München.

Rahman A., 1968—69. Excavation at Damkot//AP V. IV.

Silvi Antonini C., Stacul G., 1972. The Protohistoric Graveyards of Swāt (Pakistan). Rome.

Stacul G., 1966. Notes on the Discovery of a Necropolis near Kherai in the Gorband Valley (Swāt — West Pakistan)//EW. V. 16.

Stacul G., 1967a. Discovery of Four Pre-Buddhist Cemeteries near Pacha in Buner (Swāt, W. Pakistan)//EW. V. 17.

Stacul G., 1967b. Excavations in a Rock Shelter near Ghālīgai (Swāt, W. Pakistan). Preliminary Report//EW. V. 17.

Stacul G., 1969. Excavation near Ghālīgai (1968) and Chronological Sequence of Protohistorical Cultures in the Swāt Valley//EW. V. 19.

Stacul G., 1970. The Gray Pottery in the Swāt Valley and the Indo-Iranian Connections (ca 1500—300 B. C.)//EW. V. 20.

Stacul G., 1976. Excavation at Loebanr III//EW. V. 26.

Stacul G., 1977. Dwelling and Storage Pits at Loebanr III (Swāt, Pakistan), 1976. Excavation Report//EW. V. 27.

Stacul G., 1978. Excavation at Bir-kot-ghandai (Swāt, Pakistan)//EW. V. 28.

Stacul G., 1979. The Black-burnished Ware Period in the Swāt valley (c. 1700—1500 B. C.)//SAA. 1977. V. 2.

Stacul G., 1980a. Loebanr III (Swāt, Pakistan) 1979. Excavation Report//EW. V. 30.

Stacul G., 1980b. Bīr-kōt-ghuṇḍai (Swāt, Pakistan) 1978. Excavation Report//EW. V. 30.

Stacul G., 1981. Painted Pottery from the Swāt Valley, Pakistan (1700—1400 B. C.)//SAA. 1979.

Stacul G., 1987. Prehistoric and Protohistoric Swāt, Pakistan (c. 3000—1400 B. C.). Rome.

Stacul G., Tusa S., 1975. Report of the Excavation at Aligrāma (Swāt, Pakistan) 1966, 1972//EW. V. 25.

Stacul G., Tusa S., 1977. Report of the Excavations at Aligrāma (Swāt, Pakistan) 1974//EW. V. 27.

Stein A., 1930. An Archaeological Tour in Upper Swāt and Adjacent Hill Tracts//Memoirs of the Archaeological Survey of India. V. 42.

Timargarha, 1967. Timargarha and Gandhara. Grave Culture//AP. V. III.

Tucci G., 1958. Preliminary report on the archaeological survey in Swāt//EW. V. IX.

Tucci G., 1963. The Tombs of the Asvakayana — Assakenti//EW. V. 14.

Tucci G., 1977. On Swāt//EW. V. 27.

Tusa S., 1979. The Swāt Valley in the 2nd and 1st Millenia B. C. A Question of Marginality//SAA. 1977. Naples.
Tusa S., 1981. Notes on Some Protohistoric Finds in the Swāt//EW. V. 31.
Vats M. S., 1940. Excavations at Harappa. Delhi.
Wheeler M., 1947. Harappa, 1946. The Defences and Gemetery R-37//Ancient India. № 3.

Институт востоковедения РАН,
Москва

N. M. VINOGRADOVA

CONCERNING THE ORIGIN OF THE SWAT CULTURE IN THE NORTH-WESTERN PAKISTAN

Summary

The discovery of the multilayed settlements and burials of the Swat or the "Gandhara burial culture" in the north-western frontier province of Pakistan makes it possible to discuss the existence of the single cultural group namely the Swat culture. Its evolution can be traced from the early second millennium BC. Before the excavations the Swat culture's genesis was connected only with the origin of the burial complexes and the ethnical migrations from the west or from the Central Asia. Nowadays the investigations of the multilayed sites (Aligrama, Bir-kot-ghundai, Loebanr 3 and the others) make it possible to have a fresh look at the Swat culture's origin and the settlement of the Swat and the neighbour valleys. Chaligai 1 is the earliest site of the local Neolithic culture. The painted pottery of Harappa culture appeared during the next period. The Period 3, Chaligai was marked by a complete absence of the painted ware and the presence of the coarse pottery. Its origin is associated with the Neolithic cultures of Kashmir (Burzakhom). The first sites of the Swat culture (Aligrama, Bir-kot-ghundai, Loebanr 3, Damkot) appeared at the beginning of the period 4. They formed on the basis of the local Neolithic tradition (Chaligai 1, 3) as well as of the alien Harappa culture. During the period 4, Chaligai Harappa pottery made up a considerable percentage (Bir-kot-ghundai — 19%, Loenbar 3 — 15%, Aligrama — 3%). The first fixed inhumation burials appeared at the end of the period 4, Chaligai (the cemetery of Kherai). The subsequent periods (Chaligai 5) were characterized by the noticeable changes in the Swat culture: 1. the boundaries of the settlements extended (Aligrama), the planimetry became common, the building technology improved, the earth pits disappeared; 2. the numerous cemeteries and a new burial custom (cremation) appeared; 3. the new types and shapes of pottery appeared among the ceramics from the settlements. The Period 5, Chaligai became a new stage in the Swat culture's formation. It was linked up with an ethnical migration of the population who brought the new custom of cremation and borrowed the local cultural tradition.

Я. Н. НЕРСЕСОВ

РОЛЬ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЮГО-ЗАПАДА США

Природный фактор в изучении древних культур Юго-Запада США весьма важен. Различные экологические изменения наложили свой отпечаток на формирование и характер развития этих культур. По последним данным палеоэкологии, палеоклиматологии, палеогеологии, палеогеоморфологии, дендрохронологии, дендроклиматологии, палеобиогеографии, палеоботаники и др. наук природная среда Юго-Запада США изменялась несколько раз.

Так, до 10 000 г. до н. э. здесь царила позднеплейстоценовая флора и фауна. Тогда на просторах можжевельниковых саванн и в сосново-еловых лесах Юго-Запада (Irwin-Williams C., 1979) обитали не только крупные позднеплейстоценовые животные (мамонт, лошадь, верблюд, гигантский земляной ленивец, антилопа Carpomerix, медведь, тапир и крупные вымершие виды бизона), но и средние и небольшие (олень, пеккари, ондатра, либо выхухоль, кролик, черепаха и др.).

Затем природная среда стала изменяться — наступила эра постепенного потепления и возрастания засушливости климата.

Первое резкое повышение сухости климата, произошедшее, видимо, между 10 000 — 9500 гг. до н.э., положило начало серьезным изменениям в природной среде — позднеплейстоценовые флора и фауна стали исчезать. Это могло происходить постепенно. Одни виды позднеплейстоценовых животных, вероятно, вымирали быстрее, другие — медленнее. Наступила эра экологических колебаний. На фоне общего повышения аридности климата Юго-Запада в некоторых его районах еще случались краткие периоды регрессии влажного климата с позднеплейстоценовой флорой и фауной (первый — между 9500—9000 гг. до н. э., а последний — между 6500—6000 гг. до н. э.) (Irwin-Williams C., 1979). Не исключено, что это было связано с неравномерным отступлением ледника или с его периодической регрессией.

Позднее, с 9500 по 9000 г. до н. э. на Юго-Западе был период регрессии относительно влажного климата, способствовавший расцвету культуры охотников и собирателей, так называемых желобчатых наконечников типа Кловис. Одной из наиболее характерных черт этого времени, отражающей последствия предыдущего 500-летнего теплого и сухого периода, было исчезновение некоторых видов позднеплейстоценовой фауны (лошадь, верблюд и антилопа Carpomerix). Другой чертой является то обстоятельство, что регрессия этого влажного периода была присуща уже не всей территории Юго-Запада США. В результате там, где уже прочно установился сухой климат, могли возникнуть первые зачатки собирательско-охотничьих культур: комплекс Сан Диегито и материалы из нижних горизонтов комплекса Вентана в Вентана Кейв (стадия Сульфур Спрингс культуры Кочисе) (Cordell L. S., 1984; Irwin-Williams C., 1979).

Следующий период относительно влажного климата, с 8600 по 8000 г. до н.э., тоже «затронул» не всю территорию Юго-Запада (Cordell L. S., 1984; Irwin-Williams C., 1979). Поэтому новый тип желобчатых наконечников охотников и собирателей — Фолсом встречается уже лишь в восточной части Юго-Запада.

Заметно сократившиеся по сравнению с Кловис ареал распространения и время существования Фолсома свидетельствуют о необратимости природно-кли-

© Я. Н. Нерсесов, 1995 г.

матических изменений на Юго-Западе. Затем, примерно вплоть до 6500 г. до н. э., на всей его территории снова наступил засушливый период (Irwin-Williams C., 1979). В это время могли сформироваться некоторые собирательско-охотничьи культуры Юго-Запада: комплекс (культура?) Сан Диегито и стадия Сульфур Спрингс культуры Кочисе.

Последнее значительное возрастание влажности климата в позднеплейстоценовую эпоху на территории Юго-Запада произошло между 6500—6000 гг. до н. э. К этому времени, очевидно, уже вымерли последние позднеплейстоценовые животные, кроме бизона (Bison antiquus и occidentalis) в восточной части Юго-Запада. Здесь, вероятно, он выжил по трем причинам: 1) наличие короткотравных прерий; 2) вымирание питавшихся мясом бизонов крупных позднеплейстоценовых хищников (лев, саблезубый тигр, короткомордый медведь и др.) и 3) исчезновение главных травоядных конкурентов — мамонта, позднеплейстоценовых лошади и верблюда. Последним свидетельством уходящей охотничье-собирательской эпохи могли быть материалы комплекса Коди на востоке Юго-Запада (Cordell L. S., 1984; Irwin-Williams C., 1979).

В конце концов к 5500—5000 гг. до н. э. на всей территории Юго-Запада установилась в основном однородная природная среда, отчасти близкая современной.

Последовавший примерно с 5000 по 3000 г. до н. э. продолжительный период резко возросшей аридности климата привел к окончательному изменению среды обитания — к его началу вымерли последние представители позднеплейстоценовой фауны (Cordell L. S., 1984; Irwin-Williams C., 1979). Этот период был одним из ключевых в истории древнего Юго-Запада. Именно тогда в его суровых засушливых условиях окончательно сформировались основы собирательско-охотничьего хозяйства в виде целого ряда родственных комплексов и культур: фазы Джей и Бахада культуры Ошара — на севере; комплексы Лейк Мохэйв и Силвер Лейк — на западе; Рэд Сэнд — в Вентана Кейв на юго-западе; Бафф Сэнд в Бэт Кейв культуры Кочисе — на юге; комплекс Гарднер Спрингс и фаза Кистоун — на юго-востоке.

Затем с 3000/2500 гг. до н. э. вплоть до конца I — начала II тыс. н. э. на территории Юго-Запада США произошло повышение влажности климата (Irwin-Williams C., 1979). Теперь сложилась более благоприятная, чем прежде, среда обитания, что отразилось в увеличении числа и размеров стоянок. Это свидетельствует о возросшей плотности населения и улучшении взаимосвязей между древними культурами Юго-Запада, что заметно из общей близости ряда культур, входящих в относительно единую культурную общность (комплекс Пинто Бэйсин на западе, стадия Чирикауа культуры Кочисе на юге, фаза Сан Хосе культуры Ошара на севере и фаза Фреснал на юго-востоке).

Вероятно, именно тогда создалась разнообразная природная среда, необходимая для возникновения здесь самостоятельного (?) по характеру, но хронологически более позднего, чем центральномексиканский, юго-западного раннеземледельческого очага и появились зачатки различных раннеземледельческих культур: Мугейон, Хохокам, Анасази и Патайян.

И, наконец, последовавшее в конце I — начале II тыс. н. э. не только на Юго-Западе США, но, очевидно, вообще на всей территории Нового Света, от полярных областей до тропических, значительное изменение в температуре и увлажненности серьезно отразилось на характере развития раннеземледельческих культур Юго-Запада.

Таким образом, большой отрезок древней истории Юго-Запада США проходил в природных условиях, близким к современным.

В целом засушливые экологические условия современного Юго-Запада США во многом обусловлены его гористо-полупустынными ландшафтами. Здесь можно встретить обширные месы (плато Колорадо), горные хребты или цепи (Скалистые горы, горы Мугейон и др.), полупустыни на юге Аризоны (Папагерия) и др. Климатические особенности Юго-Запада в основном обусловлены несколькими

причинами: слабым проникновением в глубь материка влажных воздушных масс с Атлантики и Тихого океана, иссушающим воздействием Гавайского антициклона, глубоким проникновением зимой холодных и сухих воздушных масс с севера из пустынных районов западных плоскогорий США, приносящих не только морозы до —20°, но и порой циклоны полярного фронта и снегопады. Именно наличие или отсутствие тех или иных воздушных масс обуславливает присутствие или отсутствие столь необходимых для растительности осадков.

В результате природная специфика разных районов Юго-Запада (наличие или отсутствие тех или иных природных ресурсов; виды, характер и частота осадков; механический и минеральный состав почв, определяющий тот или иной тип растительности) во многом способствовала своеобразию развития местных индейских культур, особенно после установления на его территории природной среды, близкой к современной.

Поскольку основные раннеземледельческие культуры Юго-Запада США (Мугейон, Хохокам, Анасази и Патайян) складывались в природной среде, близкой к современной, то большое значение приобретает анализ особенностей природно-климатических (агроклиматических) условий ареалов этих культур. Так, югу в целом присущ сравнительно стабильный сухой (местами засушливый) климат, порой с очень незначительным количеством осадков, а для севера, наоборот, типичны весьма резкие сезонные климатические колебания с ярковыраженными осенне-зимними периодами выпадения осадков. А в горных районах даже в условиях сухого климата серьезное значение имеют орографические осадки, вызванные воздействием горных склонов и т. д. В совокупности все это наложило свой отпечаток на характер становления и развития раннего земледелия в разных районах Юго-Запада.

Экологические условия ареала культуры Мугейон, с ее лесистыми горами, прорезанными глубокими речными долинами рек Литтл Колорадо, Хила, Солт, Блю, Сан Франсиско и др., насыщенных различными эконишами с разнообразной флорой и фауной, были благоприятны не только для занятий собирательством и охотой, но и зарождения раннего земледелия. Агроклиматический режим территории культуры Мугейон складывался под воздействием на господствующий гористый ландшафт двух противоположных воздушных потоков. Зимой воздушный фронт с запада (с акватории Тихого океана) приносил осадки в виде снега, составлявшие примерно половину годовой нормы осадков. В результате именно воды талых снегов обеспечивали столь необходимое нормальное весеннее увлажнение засеянных полей. Затем летом, в июне, осадки несли воздушные массы с востока (с акватории Мексиканского залива). К сожалению, они нередко сопровождались ужасными бурями, зачастую губившими урожаи культурных растений, тем самым нанося серьезный ущерб неустойчивому хозяйственному балансу ранних земледельцев Мугейона. Помимо этого режиму осадков были присущи некоторые свои специфические черты, определявшие нестабильный характер раннего земледелия Мугейона. Во-первых, даже в благополучный на осадки год малейшее их уменьшение приводило к гибели всего урожая полезных растений. Во-вторых, количество зимних и летних осадков сильно колебалось даже в пределах какой-то одной небольшой территории, к примеру речной долины. Нередко летние осадки выпадали таким образом, что за короткий период в пределах одной и той же долины на 1 поле выпадало за 1 ч 1 см осадков, а на другие, соседние — вообще ничего. Или, наоборот, в результате короткого ливня одно поле получало сразу столько осадков, сколько несколько полей за весь сезон. В-третьих, случались продолжительные засухи и иногда от 20 до 30 лет подряд! И в-четвертых, при размещении полей приходилось учитывать недостаток влаги и достаточный по продолжительности «вегетационно-культивационный» сезон на одних склонах и противоположную ситуацию на других, как, к примеру, в боковой эволюционной ветви Мугейона — Мимбрес (Cordell L. S., 1984; LeBlanc S. A., 1983; Martin P. S., 1979). Во многом совокупность этих факторов обусловила нестабильный характер раннего земледелия Мугейона. В отличие от Восточных

Анасази и особенно индейцев «речной» ветви Хохокам его носители, оставшись на уровне более примитивного богарного земледелия, были вынуждены больше заниматься собирательством и охотой. Таким образом, культура Мугейон является типичным примером богарного земледелия в условиях гористого ландшафта Юго-Запада США.

Специфика одной из наиболее развитых культур Юго-Запада США — культуры Хохакам — во многом обусловлена именно экологическим (агроклиматическим) фактором — жаркими засушливыми условиями пустынных ландшафтов со скудной растительностью (различные безлистные колючие кустарники, кактусы, мескитe, агавы, юкка, сотоль, уизаче, восковник, губернадора, гвайюла и др. суккулентные растения) центральных и южных районов Аризоны. В результате по характеру адаптации к экологическим условиям ареала Хохокам выделяют два варианта этой культуры. Вероятно, раньше появившиеся и более развитые «речные» Хохокамы, занимавшиеся орошаемым земледелием в среднем течении рек Хила — Солт в центре Аризоны, составляли ядро этой культуры. В самой засушливой части ареала Хохокам, пустынной Папагерии в юго-западной Аризоне у более поздних (?) и менее развитых «пустынных» Хохокамов было известно бесполивное раннее земледелие. Агроклиматические условия индейцев «речной» ветви культуры Хохокам района Хила — Солт весьма противоречивы. С одной стороны, здесь самый продолжительный на Юго-Западе «вегетационно-культивационный» сезон — около 260 дней, но с другой — годовое количество осадков колеблется в пределах лишь 19—25 см, поровну выпадая зимой и летом. И тем не менее исторически известные Пима выращивали здесь два урожая в год. Первый — используя для орошения весенний паводок талых снегов в период с марта по апрель. Второй — при помощи уступавшим им по ряду причин в эффективности летних июльско-августовских (дававших половину годовой нормы осадков) кратковременных ливней, выпадавших из-за «экранирующего» эффекта гор Мугейон и Чирикауа. Очевидно, сбор двух урожаев полезных растений в год в среднем давал Пима около 50—60% всех запасов пищи. Не исключено, что Хохокам по аналогии с жившими здесь позднее Пима (их преемниками или последователями?) в случае неурожая по каким-либо причинам полезных растений в конце июня, могли «подстраховаться» сбором июльского урожая дикорастущих растений, к примеру семян сагуаро. Если же из-за отсутствия либо неэффективности летних дождей случался еще один неурожай в конце июля — начале августа, то их снова «спасало» собирательство дикорастущих растений. Это могли быть поспевшие в сентябре плоды мескитe, чольи, а также семена, плоды и коренья многих других видов пустынной флоры. В результате нестабильного уровня воды в Хиле в исторически известный период случались неурожаи (до 2 раз в 5 лет), и нередко от 50 до 60% пищевого рациона Пима состояло из дикорастущих растений. Судя по культурным остаткам в поселениях Хохокам, подобные ситуации случались и в древности. Охота на различных мелких грызунов и рептилий и др. животных пустынных ландшафтов южной и центральной Аризоны играла вспомогательную роль в жизни местных индейцев. Ввиду отсутствия у «пустынных» Хохокамов в Папагерии постоянного водного источника (рек) они могли заниматься только бесполивным земледелием, да и то лишь периодически — в краткие сезоны дождей и только при помощи специальных водосборных приспособлений (Cordell L. S., 1984; Gumerman G. J. et al., 1979; Lindauer O., 1984; Snow D., 1976; Woodbury R. B. et al., 1979). В результате и уровень развития культуры «пустынных» Хохокамов был ниже, чем у их северно-восточных родственников — «речных» Хохокамов. Таким образом, культура Хохокам в целом является примером двух типов раннего (орошаемого и бесполивного) земледелия в условиях полупустынных ландшафтов центральной и южной Аризоны.

Господствующим типом ландшафта ареала культуры Западных Анасази является пустынное песчаниковое плато Колорадо средней высотой более 1500 м и с различными эконишами — от плоских аллювиальных речных долин до высоких горных склонов. В сухих условиях его глубоких узких каньонов с отвесными

склонами оно играет ключевую роль в понимании специфики культуры Западных Анасази. Именно песчаниковый характер отвесных склонов, с одной стороны, способствовал созданию путем выветривания их рыхлых пород громадных скальных навесов, во все времена использовавшихся местными жителями как места обитания, вплоть до появления целых «пещерных» поселений. С другой — благодаря песчаниковому содержанию плато в стадию Пуэбло местные индейцы стали строить свои знаменитые жилища типа пуэбло из адоба (песчаника). Основным источником влаги орошаемого земледелия у Западных Анасази могли быть стекавшие с гор обильные весенние паводки талых зимних снегов и летние июльские ливни, но из-за нестабильности агроклиматической обстановки этот тип земледелия, очевидно, здесь себя не оправдал (Cordell L. S., 1984; LeBlanc S. A., 1983). Там преимущественно использовались другие земледельческие приемы, хорошо известные у индейцев Хопи. С целью максимально обезопасить себя от непредвиденных колебаний погоды Хопи выращивали различные сорта маиса, пригодные для разных природных условий. Они размещали свои поля на разных высотах и в различных природных условиях, делали посадки в разные сезоны, учитывали особенности естественной обводненности различных участков и характер освещенности и т. д.

Поскольку ареалу соседних с Западными Анасази Восточных Анасази присущ сильно пересеченный гористый рельеф с лесистой (хвойной: сосново-можжевеловой) растительностью, а на отдельных равнинных участках широких речных долин — степная и полустепная растительность, то их агроклиматические данные отличаются друг от друга. За редким исключением микроклимат соседних Восточных Анасази характеризуется наличием необходимых в сухих условиях Юго-Запада 120 дней достаточного количества осадков для успешных занятий ранним земледелием. Главным «плюсом» их агроклиматических условий было выпадение наибольшего количества осадков именно во время «вегетационно-культивационного» сезона, т. е. в период с мая по июнь. Здесь даже в засушливый по восточно-анасазийским меркам год наибольшее количество осадков выпадает именно в это время. К тому же летом у них вообще только 14 дней не бывает дождя (Cordell L. S., 1979). Так что несмотря на ряд недостатков (сильнейшие паводки, сильную минерализацию почв и др.), в основном экологические условия ареала Восточных Анасази были более благоприятны для земледелия, чем у их соседей — родственных Западных Анасази. Им не надо было так «подстраиваться» под природу, как тем. В целом, судя по данным дендроклиматологии, палинологии, палеогеоморфологии, палеоэкологии и других наук, это была самая стабильная по среде обитания территория Юго-Запада США. В конечном счете это было одной из причин создания здесь отдельных наиболее развитых образцов древней культуры Юго-Запада США (к примеру, Чако Каньон).

Следовательно, культура Анасази (Западных — в меньшей степени, а Восточных — в большей) может служить характерным примером орошаемого земледелия как в условиях плато (Западные Анасази), так и на гористом ландшафте.

Таким образом, все изменения природной среды наложили свой неизгладимый отпечаток на древнюю историю Юго-Запада США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Cordell L. S., 1979. Prehistory: Eastern Ansazi//Ed. Gen. W. C. Sturtevant. HNAI. Smithsonian Institution. V. 9. Washington.

Cordell L. S., 1984. Prehistory of the Southwest. Univ. of New Mexico. Albuquerque.

Gumerman G. J., Haury E. W., 1979. Prehistory: Hohokam//Ed. Gen. Sturtervant W. C. Southwest. HNAI. Smithsonian Institution. V. 9. Washington.

Irwin-Williams C., 1979. Post-Pleistocene archaeology, 7000—2000 B. C.//Ed. Gen. Sturtevant W. C. Southwest. HNAI. Smithsonian Institution. V. 9. Washington.

LeBlanc S. A., 1983. The Mimbres people: ancient Pueblo painters of the American Southwest. London.

Lindauer O., 1984. Sherd areas as loci of subsistence in the Middle Gila//Ed. S. K. Fish, P. R. Fish. Prehistoric agricultural strategies in the Southwest. Antropological Research Paper. N 33. Arizona State Univ.

Martin P. S., 1979. Prehistory: Mogollon//Ed. Gen. W. C. Sturtevant. Southwest. HNAI. Smithsonian Institution. V. 9. Washington.
Snow D., 1976. The American Indians: their archaeology and prehistory. London.
Woodbury R. B., Zubrow E. B. 1979. Agricultural Beginnings, 2000 B. C.— A. D. 500.//Ed. Gen. W. C. Sturtevant. Southwest. HNAI. Smithsonian Institution. V. 9. Washington.

Институт археологии РАН,
Москва

Y. N. NERSESOV

THE ENVIRONMENTAL FACTOR IN THE HISTORY OF THE ANCIENT CULTURES IN THE SOUTH-WEST OF THE USA

Summary

The environmental factor is very important in the studies of the ancient cultures of the USA south-west. The different ecological changes influenced the cultures' forming and development. According to the later data of the different co-operating sciences the environment in the south-west of the USA changed several times. During the long period of the ancient history the environmental conditions were very close to the modern ones there.

А. Р. КАНТОРОВИЧ

ОДИН ИЗ ОБРАЗОВ КОПЫТНОГО ЖИВОТНОГО В ИСКУССТВЕ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Среди различных образов животных в искусстве скифского звериного стиля специального рассмотрения требует группа копытных, видовая атрибуция которых неопределенна. Это звери, лежащие с повернутой назад головой, которую облегает рог, спускающийся на спину и на конце изгибающийся в обратном направлении, трансформируясь, как правило, в голову хищной птицы (рис. *1, 1—11*).

Изображения такого рода укладываются в рамки конца VI—IV в. до н. э. и обнаружены только на территории степной Скифии и Прикубанья, в лесостепи они отсутствуют (Шкурко А. И., 1980, с. 73). Мне известны следующие изображения в пределах степной Скифии: из некрополя Нимфея (два вида изображений) (ОАК за 1877, табл. III, *25*; Силантьева Л. Ф., 1959, с. 70, рис. 38, *8—10*), из кург. Испанова могила (Мозолевский Б. Н., 1980, с. 147—149, рис. 83, *12*, *13*), из кург. Солоха (Манцевич А. П., 1987, с. 63, 64) и из кург. 2 у с. Корнеевка (Ковалев Н. В. и др., 1991, с. 48, 49, рис. 9, *3*). В Прикубанье это изображения: из Майкопа (покупка) (ОАК за 1908, с. 181; Borovka G., 1928, tabl. 3C), Малых Семибратних курганов (ОАК за 1880, с. 97, табл. IV, *12*; Borovka G., 1928, tabl. 3H), из Фанагории (случайная находка) (Древности Боспора Киммерийского, 1854, табл. XXII, *17*), из Уляпских курганов 1, 4 и 5 (Сокровища курганов Адыгеи, 1985, с. 23, табл. VIII; Шедевры древнего искусства..., 1987. с. 110, рис. 37) и из аула Тауйхабль (случайная находка) (Шедевры древнего искусства..., 1987, рис. 14). Кроме того, изображение такого рода обнаружено на территории Фракии, в Аджигиоле (Berciu D., 1969, p. 49, 50, fig. 17, 18, *8*). В целом группа насчитывает 13 оригинальных изображений (с учетом копий — 81 экз.), из которых 10 происходят из погребальных комплексов и 3 являются случайными находками; из них в степной Скифии обнаружено 5 оригинальных изображений (51 экз.), в Прикубанье — 7 (28 экз.). Большинство из них помещено на золотые нашивные бляшки, исключая испановское, декорирующее золотые обкладки деревянной чаши, и тауйхбальское, помещенное на бронзовые уздечные бляхи.

Исследователи расходятся в определении вида животного, представленного в данных изображениях. Большинство (Г. Боровка (Borovka G., 1928, p. 35), Л. Ф. Силантьева (1959, с. 74, 85), А. И. Шкурко (1975, с. 63; 1980, с. 72), А. П. Манцевич (1987, с. 63, 64), А. М. Лесков (Шедевры древнего искусства..., 1987, с. 84, 96, 99)) считают, что это лось; некоторые (Б. Н. Мозолевский (1980, с. 148), Е. В. Переводчикова (1980, с. 96, 97)) полагают, что данный зверь — горный козел. Наконец, характерны колебания М. И. Артамонова, в одном и том же издании определяющего эти изображения то как фигуры «неизвестного животного, лося или козла», то однозначно называющего их лосиными (Артамонов М. И., 1966, с. 35, 107). При этом исследователи, как правило, отмечали такую особенность большинства изображений, как зоологическое несоответствие формы морды животного форме его рога; отсюда появление столь экзотических определений изображения животного, как «лось с козлиным рогом» (Шкурко А. И., 1980, с. 72).

Действительно, морда большинства представленных зверей имеет четко выраженные лосиные черты — горбатый нос и отвислую, сильно развитую верхнюю губу, являющуюся «характерной хабитуальной особенностью лося» (Цалкин В. И.,

© А. Р. Канторович, 1995 г.

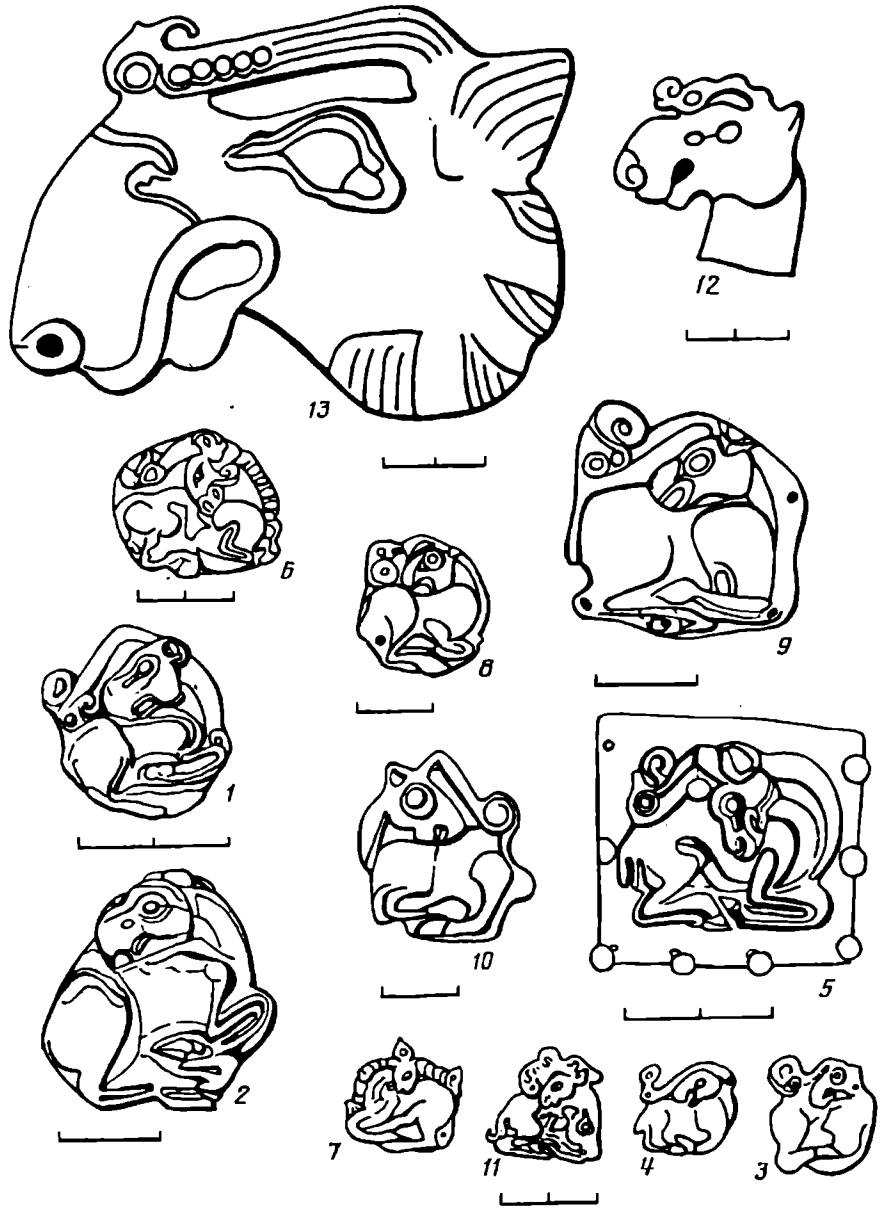


Рис. 1. Изображения «лосекозла» и их ближайшие стилистические параллели в искусстве скифского звериного стиля.
1, 2 — некрополь Пимфея, кург. 17; *3* — Малые Семибратние курганы; *4* — Майкоп (покупка); *5* — Испанова могила; *6* — Солоха; *7* — Аджигиол; *8, 9* — Уляпские курганы: *10* — Тауйхабль (случайная находка); *11* — Фанагория (случайная находка); *12* — Малые Семибратние курганы; *13* — некрополь Пимфея (Эшмолен-музей); *1—9, 11* — золото; *10, 12, 13* — бронза

1960, с. 73),— и соответствует канонам изображения лося в искусстве звериного стиля, в то время как рог, напоминающий козлиный, не похож ни на лосиные рога в природе, ни на декоративную «корону» лосиных рогов в скифском искусстве. Не имея возможности однозначно называть это животное лосем, видимо, нельзя безоговорочно определять эти изображения и как воспроизведение горного козла, поскольку данный образ, как известно, глубоко разработан в скифо-сибирском искусстве и воплощен в группе совершенно иных изображений, среди которых в скифском зверином стиле достаточно назвать такие известнейшие, как сакызское, на мельгуновском мече и на келермесской секире, ульское, семибратние, из Витовой могилы и др. (см.: Ильинская В. А., 1965, с. 96, 97). Эти и многие другие изображения, представляющие горного козла как лежащим прямо, так и с повернутой назад головой, существенно отличаются от рассматриваемых нами именно

в части признаков, указывающих на вид животного,— по форме морды и рога, которая в данных изображениях близка естественной: морда, как правило, плоская, без перелома книзу и мощной губы, сужающаяся к концу, рог плавно загнут и часто имеет рифление, отвечающее природному. Особенно важно, что в случаях, когда горный козел показан с закинутой назад головой, т. е. в позе, аналогичной позе рассматриваемых нами животных, эти изображения в любых стилистических вариациях в отличие от изучаемых нами всегда сюжетно натуралистичны: рог не ложится на спину, а, как в природе, идет вдоль шеи назад (фигуры на мельгуновском мече (Придик Е. М., 1911, табл. I, *11*), на обушке келермесской секиры (Артамонов М. И., 1966, табл. 18), на ульском навершии (Артамонов М. И., 1966, табл. 58), на ульских бляшках (Piotrovsky B. et al., 1987, tabl. 21), на лопатке свернувшегося хищника из Кулаковского кургана (ОАК за 1895, с. 17, 18. рис. 32; Артамонов М. И., 1966, табл. 78), на бляшках из Витовой могилы (Ильинская В. А., 1965, с. 96, рис. 8, *4*), на ножнах из кург. Шумейко (Онайко Н. А., 1966, табл. XIII, *6*), на вотивном акинаке из Меджидии (Berciu D., 1969, p. 22, 23, fig. 4, 5)). На это отличие обращал внимание еще Г. Боровка, вследствие чего фигуры типа перечисленных определялись им как «дикие козлы» в противовес «лосям», т. е. изображениям, составляющим предмет данной работы (Borovka G., 1928, p. 33).

Таким образом, в зверином стиле образ горного козла при всех своих вариациях является вполне устоявшимся, и рассматриваемая в данной работе группа изображений не может отождествляться с сюжетом, обозначенным в литературе как «козел с повернутой назад головой».

Итак, изучаемые животные не могут быть однозначно признаны ни лосями, ни горными козлами. Можно предположить, что этот зверь — сайгак, исходя из формы его морды [1], однако рог сайгака совершенно не похож на рог представленных животных, а ноги значительно тоньше и короче.

Очевидно, проблему видовой идентификации рассматриваемых животных, равно как и вопрос о правомерности самой попытки подобной идентификации, возможно разрешить, лишь определив место данного специфического образа в скифском зверином стиле, его истоки и направления композиционно-стилистического развития. Следует дать анализ каждого из перечисленных изображений, характеризуя композицию и трактовку основных анатомических деталей с учетом традиции воспроизведения других образов копытных в скифском искусстве.

Наиболее ранними, очевидно, следует считать золотые бляшки (3 экз.), происходящие из кург. 17 Нимфейского некрополя — (рис. 1, *1*, *2*). Л. Ф. Силантьева характеризует их как «бляшки с изображением лежащего лося с закинутой на спину головой и длинными рогами, оканчивающимися птичьей головкой» и, в противовес К. Шефольду, датирующему их вместе со всем комплексом погр. 8 второй четвертью V в. до н. э., определяет вслед за Г. Боровкой их дату как конец VI — начало V в. до н. э. (Силантьева Л. Ф., 1959, с. 74, 75). Здесь показано копытное животное, лежащее вправо с повернутой назад головой, изображенной в профиль. Ноги животного подогнуты, нижние части их непосредственно прилегают к туловищу, образуя тупой угол: передняя нога закинута на заднюю в соответствии с саккызско-келермесской традицией изображения копытных; кроме того, в духе той же традиции рельефно, двойными линиями показаны мускулы на нижних частях ног, обособлен круп животного, овальный сзади и треугольный впереди; по середине шеи проходит ребро составляющих ее плоскостей. Повернутая назад голова животного чуть опущена, как бы покоится на спине. Морда животного лосеобразная: тупая, с переломом книзу; овальный зрачок передан выпуклостью в углублении, обрамленном рельефными краями глаза.

Описываемые животные составляют два варианта — с рогом (1 экз.) и без (2 экз.). Изображение первого варианта (рис. 1, *1*) отличается от второго (рис. 1, *2*) меньшими размерами и более плавным овальным контуром. Рог отходит вверх от лба животного и затем резко, под прямым углом, изгибается по на-

[1] Сайгаки, как известно, обитали в Северном Причерноморье в эту эпоху, и кости их найдены, в частности, в Крыму и на Тамани (Цалкин В. И., 1960, с. 89, 90).

правлению морды и облегает ее, доходя до крупа, где закручивается назад. Завиток его преобразован в птичью головку с округлым выпуклым глазом, отделенную в основании от загнутого клюва; под глазом располагается завиток дополнительного клюва. Кроме того, в изображении этого варианта не воспроизведена ноздря, а показана лишь пасть с помощью рельефной полоски.

Изображения животного, лишенного рога, чуть крупнее, и в целом его фигура имеет скорее подтреугольные очертания. Кроме того, в отличие от изображения другого варианта в нем углубленными дуговидными линиями обозначены ноздри и пасть, а над ноздрей показана еще одна дополнительная ноздря, что придает лосиной голове одновременно птичий вид.

Основные сюжетно-стилистические аналогии данным изображениям, соотносимые с ними хронологически, указаны еще Л. Ф. Силантьевой. Это изображения копытных, лежащих с повернутой назад головой, на упомянутых выше золотых бляшках из Малого Семибратнего кургана (1 экз.; рис. 1, *3*) и из Майкопа (1 экз.; рис. 1, *4*). Е. В. Переводчикова считает их синкретическими существами в силу намеченного превращения конца морды в клюв (Переводчикова Е. В., 1980, с. 96). Указанные изображения, действительно, стилистически очень близки нимфейским, в особенности семибратнее: ему присуще стремление к столь же овально-подтреугольному контуру (здесь в первую очередь сказывается сходство в размещении нижних частей ног в этих композициях), тогда как майкопское имеет скорее подпрямоугольные очертания. Сходство проявляется также в положении головы, форме морды и глаза животных и, главное, в трактовке рога.

По всей видимости, несколько более поздним (учитывая композиционно-стилистические особенности) в степной Скифии в сравнении с нимфейскими изображениями следует считать датируемое V в. до н. э. изображение копытного на золотых обкладках деревянной чаши, происходящих из кург. 5 группы Испановых могил (рис. 1, *5*). Это 5 экз. обкладок, на 4 из которых изображение, очевидно, произведено по одной матрице, пятое же практически не отличается от них. Представленное здесь животное образно и стилистически ближе к его прикубанским аналогам, особенно к майкопской бляшке, чем к нимфейскому изображению. Прежде всего, при сохранении сюжета (копытное лежит, повернув голову назад) по сравнению с нимфейской модифицируется композиционная схема: контур становится подпрямоугольным, что достигается расположением нижних частей ног на одной линии, так что они соприкасаются лишь наружной (передняя нога) и внутренней (задняя нога) сторонами копыт, неестественным удлинением изогнутой шеи, вследствие чего расположенная на этот раз вертикально голова оказывается почти на оси симметрии изображения, проходящей через его глаз. Единственный рог животного неестественно, под прямым углом, изломан, так что прямоугольный контур фигуры соблюдается и завиток на его конце, оформленный в виде головки птицы, не заходит за воображаемую линию контура. Такое стремление «вписать» животное в прямоугольник свойственно рассмотренным прикубанским бляшкам, в особенности майкопским, однако в описываемом изображении оно представляется более устойчивым и преднамеренным, что, очевидно, связано с прямоугольными и подпрямоугольными очертаниями декорируемого предмета — обивок чаш. Рассматриваемое изображение близко композиционной схеме изображений лежащих оленей на подобных обкладках деревянных чаш V в. до н. э. из I Завадской могилы (Мозолевский Б. Н., 1980, с. 105—107, 110, 135, рис. 44, *6*, *9*; 47, 3) и из Ак-Мечети (ОАК за 1882—1888, с. XCI; Толстой И. И. и др., 1889, с. 126, рис. 107; Артамонов М. И., 1966, табл. 72) в части размещения ног животного, расположения туловища и общего прямоугольного контура фигуры. Что касается видовой идентификации испановских изображений, вновь следует отметить пренебрежение мастера к отражению природной формы рогов, их подчинение общей композиции. В то же время, поскольку форма вещей, декорируемых рассмотренными выше нимфейскими, семибратним и майкопским изображениями, подобных требований к композиции не предъявляла, следует предположить, что в целом при создании данного образа мастера не связывали его с каким-либо конкретным копытным. Остальные детали испановских изображений существенно отличают их от нимфейского и прикубанских и демонстрируют, очевидно, процесс стилизации изображений

этого синтетического существа. Прежде всего, хотя выделение лопатки и моделировка шеи двумя сходящимися плоскостями являются, очевидно, продолжением саккызско-келермесской традиции, в то же время полное отсутствие рельефного выделения бедра, обособляемого лишь с помощью глубокой узкой выемки, отображение акцентированного плеча в виде своего рода «малой внутренней лопатки» — признаки, не характерные для упомянутой архаической традиции и скорее присущие изобразительной схеме лежащих оленей, чрезвычайно популярной в степной Скифии в V—IV вв. до н. э., наиболее яркими воплощениями которой могут считаться упомянутые изображения оленей на золотых обивках чаш из Ак-Мечети и Завадской могилы (отметим территориальную близость Испановой и Завадской могил). Морда испановского животного также сходна с оленьей, свойственной указанным изображениям, начинается впадиной ото лба и сужается к концу; ноздря и пасть показаны каплевидными незамкнутыми углублениями; глаз округлый, переходящий в слезницу; ухо ромбической формы, с выделенным рельефной полоской верхним краем. В целом все изображение очень компактно, в его контуре почти нет пустого пространства: голова животного опущена очень низко, закрывая туловище, глаз находится на уровне спины. Композиционно это напоминает изображения лежащих оленей с повернутой назад головой и рогами в развороте на бронзовых бляхах V в. до н. э. из IV Семибратнего кургана (Артамонов М. И., 1966, табл. 128, 130).

Несколько иначе в сравнении с нимфейским и прикубанскими изображениями трактована и голова птицы на конце рога: она имеет четкие очертания: маленький круглый выпуклый зрачок, помещенный в крупную впадину глаза; подчеркнуто отделение восковицы от округлой головы и закрученного клюва; и клюв, и голова симметричны друг другу относительно вертикали восковицы, что придает всей головке в целом четкие волютообразные очертания. Видимо, в этой особенности испановского изображения следует видеть проявление античного влияния. Б. Н. Мозолевский считает, что рассмотренное животное — горный козел, поскольку, по мнению данного исследователя, это изображение сходно с другой фигурой копытного на аналогичных обивках чаш из того же кургана (Мозолевский Б. Н., 1980, с. 146—148, рис. 83, *11*). Это зверь, лежащий вперед головой, с вертикально выпрямленной шеей и идущим назад рогом, изогнутым наподобие козлиного и завершающимся завитком в виде птичьей головки. Мнение Б. Н. Мозолевского поддерживает Е. В. Переводчикова (Переводчикова Е. В., 1980, с. 96). Действительно, сходство между данными изображениями есть, однако обратим внимание на различия в передаче морды, глаза и уха: у копытного, которое считается в данном случае эталоном образа горного козла, морда показана с горбинкой, имеет тупое окончание; глаз крупный, округлый без слезницы; ухо сильно вытянутое, как бы механически прикрепленное длинным корнем к голове. Как мы видели, все это совершенно не свойственно изображению копытного с повернутой назад головой. Кроме того, судя по указанным особенностям фигуры прямо лежащего копытного, оно само не может быть с полной уверенностью трактовано как горный козел, учитывая иконографию этого образа в скифском искусстве. Хотя ряд композиционных и стилистических признаков данного изображения близок классическим горным козлам из Зивие (см. Артамонов М. И., 1961, с. 32, рис. 1), все же рог рассматриваемого животного вряд ли может быть признан козлиным в силу противоестественности его обратного изгиба у спины (ср. Жизнь животных, 1971, табл. 55), а указанные выше черты морды, глаза и уха ближе к иконографии лося. Таким образом, даже если признавать, с известной натяжкой, это животное горным козлом, неправомерно механически переносить представление о его виде на изображение копытного с повернутой назад головой.

Изобразительная схема испановского животного, очевидно в силу заложенной в ней композиционной уравновешенности и симметрии, имеет распространение и развитие и позднее, в IV в до н. э. В степной Скифии она воплощена в изображениях на золотых бляшках из Солохи (31 экз.; рис. 1, *6*), определяемых А. П. Манцевич как изображения лося (Манцевич А. П., 1987, с. 63, 64), а также в практически тождественных им изображениях на аналогичных бляшках из с. Корнеевка (12 экз.) [2]. Эти изображения наследуют основные образные и сюжетные черты, присущие изображению

[2] Н. В. Ковалев и С. В. Полин ошибочно считают, что на них изображена лежащая лошадь, терзаемая грифоном, и соответственно не видят им аналогий (Ковалев Н. В. и др., 1991, с. 48—50).

копытного с повернутой назад головой из Испановой могилы: животные из Солохи и из Корнеевки лежат «вправо», голова на длинной изогнутой шее повернута назад и вертикально опущена, рог с окончанием в виде схожей с птичьей головки обрамляет контур овала всей фигуры. Сохранились и существенные особенности, восходящие как к нимфейским, так и к испановским изображениям (моделировка плоскостями, выделение наряду с бедром и лопаткой «малой» лопатки). Однако стремление к дальнейшей стилизации наряду с очевидным греческим влиянием придает ряд новых особенностей изображению из Солохи. Прежде всего меняется контур: в противовес испановскому прямоугольному контуру, очевидно диктуемому формой обкладки чаши, изображения на нашивных бляшках имеют овальные очертания (как и в нимфейских изображениях, но там овал вытянут по вертикали, тогда как в солохских — по горизонтали). В соответствии с этим нижние части ног (от колена до бабки) уже не располагаются на одной линии, а образуют, как на нимфейских бляшках, тупой угол. Голова находится строго по оси симметрии изображения. Рог не изломан, а плавно продолжает контур овала. Все это придает особый динамизм фигуре. По внешнему контуру шеи животного показана кожная складка или, как предполагает А. П. Манцевич, мех в виде рифленой полоски, подобно изображениям оленей на бляшках из того же кургана (Манцевич А. П., 1987, с. 67), а также упомянутым изображениям оленей из Завадской могилы и Ак-Мечети. Эта полоска образует одну линию с рогом животного.

Стилизация проявляется сильнее всего в трактовке головы. В первую очередь это сказывается в ее контуре: намеченная на испановских изображениях впадина на морде копытного здесь отсутствует, так что формируется покатый контур лба, и в этой части животное совершенно утрачивает видовую определенность (во всяком случае, исчезают характерные лосиные черты). Глазная впадина становится миндалевидной с круглым выпуклым зрачком вместо округлого с продолговатой слезницей на испановских изображениях. Ноздри и пасть стилизуются, сочетание их имеет форму волютообразного завитка. В основании головы появляется клювовидный завиток (при желании можно воспринимать его и как рудимент лосиной «серьги» — кожно-шерстной складки на шее). В то же время ухо, занимающее то же место в композиции, что и на обкладках из Испановой могилы, представляется по форме более натуралистичным.

Ближайшими аналогиями изображениям из Солохи и Корнеевки в этот период являются: в западной скифоидной культуре изображение на золотых бляшках из могильника Аджигиоль (2 экз.; рис. 1, *7*), что отмечала и А. П. Манцевич (Манцевич А. П., 1987, с. 64), а в Прикубанье — изображения на золотых бляшках из ритуальных комплексов Уляпских курганов (рис. 1, *8*, *9*) и на бронзовых бляшках из аула Тауйхабль (случайная находка) (рис. 1, *10*).

Что касается аджигиольских экземпляров, очевидна их вторичность по отношению к изображениям подобных копытных из Солохи и из Корнеевки, на что указывает примитивность и непроработанность деталей. Сюжет сохранен, хотя на бляшках из Фракии животное лежит не вправо, а влево; композиция сходна, но контур теряет овальность. Заимствовано и положение ног, но они показаны схематично, нет копыт, слабо намечены лопатка и «малая» лопатка. Мастер перенял и традицию изображения полоски меха вдоль шеи, переходящей в данном случае непосредственно в примитивный рог с бесформенным окончанием на месте предполагаемой птичьей головки. Опущенная голова животного совершенно неопределенна в зоологическом отношении, ноздри не выделены, слабо намечен овальный глаз; под подбородком изображено нечто похожее на бороду (очевидно, завиток соответствует клювовидному завитку на изображениях из Солохи и Корнеевки). Таким образом, перед нами весьма неудачная в художественном отношении переработка степной северопричерноморской схемы.

Иначе выглядят уляпские бляшки, продолжающие традицию рассмотренных выше майкопских изображений. Эти бляшки, более мелкие из которых происходят из 1, 4 и 5-го Уляпских курганов (18 экз.; рис. 1, *8*), более крупные — из 4-го Уляпского кургана (4 экз., рис. 1, *9*), датируются А. М. Лесковым первой половиной IV в. до н. э., а животные, представленные на них, интерпретируются как «лоси с повернутой назад головой, рога которых оканчиваются головками грифонов» (Сокровища курганов

Адыгеи, 1985, с. 103, 104). На мой взгляд, данные изображения тождественны солохским и корнеевским. Несомненна и сюжетно-стилистическая близость: животное лежит вправо, нижние части ног на одной линии, форма и моделировка шеи, бедра и лопатки аналогичны (причем на более крупных бляшках намечена округлой выпуклостью «малая» лопатка, подобная детали испановских изображений и бляшек из Солохи). Однако ряд особенностей этого порядка отличает их от изображений из Солохи и Испановой могилы. Прежде всего, голова уляпских копытных расположена горизонтально, покоится на спине животного, подобно нимфейским, майкопским и семибратним изображениям. Тем же экземплярам близка и трактовка расположения копыт уляпского животного: копыто передней ноги заходит на копыто задней. Лишь прямоугольный контур уляпских бляшек напоминает испановские обкладки; в остальном же рассматриваемые изображения выполнены скорее в прикубанских традициях: так, шея сформирована двумя сходящимися плоскостями (как указывалось, этот прием моделировки свойствен и испановскому изображению и восходит, видимо, к келермесским традициям), туловище смоделировано без детализации (за указанным исключением), несколькими крупными выпуклостями, форма морды зоологически неопределенна, глаз либо круглый концентрический (крупные бляшки), либо с примитивной слезницей подтреугольной формы (мелкие бляшки).

Все сказанное в отношении уляпских изображений относится и к фигуре животного на бронзовых бляхах из аула Тауйхабль (2 экз.; рис. 1, *10*), отличающихся от них лишь крутой изломанностью рога и грубой отделкой, большим схематизмом в сравнении с ними.

Наконец, совершенно особенными являются фанагорийские изображения на золотых бляшках (2 экз.; рис. 1, *11*), композиционно-стилистически отличающиеся от рассмотренных выше. Им свойствен подтреугольный контур, так что голова животного находится в точке вершины треугольника и показана полуопущенной под углом 45° к поверхности спины — нечто среднее между нимфейскими и прикубанскими композиционными схемами, с одной стороны, и испановско-солохскими — с другой. Ноги копытного образуют основание треугольника и расположены традиционно — на одной линии. Достаточно типична и трактовка отдельных частей тела, в то время как моделировка туловища мелкими плоскостями, имитирующими мускулы,— специфическая черта данного изображения. То же можно сказать и о трактовке хвоста, изогнутого назад и преобразованного в птичью головку. Четко выделены ребра (рельефными полосками), а также «большая» и «малая» лопатки, причем первая усилена головкой хищной птицы с проработанной восковицей. Круп и шея животного мощные, морда горбоносая, лосеобразная, но более узкая, чем у рассмотренных выше копытных. Глаз небольшой, овальный; ухо показано натуралистично, имеет каплевидную форму. Идущий вдоль морды «козлиный» рог весьма бесформенный, практически весь преобразован в завиток в виде крупной птичьей головки. Особенно же примечательно то, что при внимательном рассмотрении бляшек выявляется еще и рудиментарная «корона» лосиных рогов — два симметричных, но крайне укороченных отростка-завитка отходят вверх от головы копытного по ее сторонам. Таким образом, данное изображение сочетает в себе две различные схемы рогов, что, возможно, указывает на вырождение в нем иконографии исследуемого образа копытного. Последнее в сочетании с чрезмерной детализацией изображения, вероятно, связано с античным производством данной вещи.

Завершая анализ композиционно-стилистического развития данного образа, выделим две основные линии этого процесса в течение V—IV вв. до н. э.: степную — от Нимфея и Испановой могилы к Солохе и Корнеевке — и прикубанскую — от Нимфея или Малых Семибратних и Майкопских курганов к Уляпу и Тауйхаблю; при этом имеются фракийские (Аджигиоль) и греко-скифские (Фанагория) реплики.

При определении истоков рассмотренного нами образа как такового, очевидно, есть смысл обратиться к иконографии лося в скифском зверином стиле, в особенности в части трактовки рогов. Как указывалось, несмотря на внешнее сходство с козлиным рогом, представленный в рассматриваемых нами изображениях отросток не может быть признан трактовкой такового, если учитывать традиции

иконографии горного козла в скифском искусстве. В то же время, как известно, в большинстве изображений как целых фигур, так и обособленных голов лося в зверином стиле, рога данного животного, в природе лопатообразные, близко прилегающие к голове и резко отличающиеся от раскидистых оленьих, воспроизводятся в виде двух горизонтально симметричных противоположно направленных выгнутых ветвей, начинающихся с макушки животного,— точки над его глазом, завершением которых являются завитки, часто трактованные в виде птичьих головок. Примером могут служить изображения из некрополя Нимфея, кург. 1, 32 (Силантьева Л. Ф., 1959, с. 83, 84, рис. 47, *5*; с. 85, 86, рис. 48, *3*), из Кара-Меркита (Яковенко Э. В., 1976, с. 133, рис. 8, *2*), из кургана у с. Колоски (Ольховский В. С., 1982, с. 61—81, рис. 6) и др.

При этом, как правило, конец передней ветви рогов опирается на наиболее высокую часть морды, ее выпуклость, в которой она «переламывается», конец задней — на ухо изображаемой головки, что формирует своего рода ажурную «корону» — стилизованные лосиные рога в развороте (хотя нельзя исключать и то, что «корона» — отображение рогов строго в профиль, т. е. в том же ракурсе, что и голова; в таком случае передняя ветвь — это отражение коротких передних природных отростков, а задняя — лопатообразной основной части).

Скорее всего, «козлиный рог» животного, изображения которого исследуются в данном разделе,— это передний из некогда симметричных отростков бывшей лосиной «короны», гипертрофированно удлиненный, в то время как противоположный отросток укорачивался и постепенно атрофировался. Такая тенденция могла осуществляться параллельно с формированием схемы лосиной головки и, возможно, под ее влиянием, но мастера приспосабливали трактовку рогов к нуждам уравновешенности контура всей фигуры в целом [3]. В пользу высказанного предположения говорит и следующий факт: головы всех изучаемых в данной работе копытных, исключая фракийскую реплику (Аджигиоль) и изображение из Тауйхабля, ориентированы влево — в том же направлении, что и абсолютное большинство известных мне изображений обособленных лосиных головок: в том числе почти все из степной Скифии [4], большинство лесостепных [5] и прикубанских [6]. Может быть, изображая животное с повернутой назад головой, мастера сознательно или бессознательно ориентировались на уже сложившуюся схему отдельной лосиной головки, но при этом, стремясь к подпрямоугольному контуру всего изображения в целом, стали удлинять передний отросток рога, одновременно атрофируя задний. Возможность такого процесса подтверждается наличием аналогичной тенденции в рамках разработки самой схемы обособленной лосиной головки, приведшей к появлению группы изображений обособленных однорогих лосиных голов V в. до н. э. в скифском зверином стиле. В этих изображениях животное имеет лишь один достаточно удлиненный отросток «короны» — передний, тогда как задний отсутствует: прежде всего это головы на бронзовой бляхе из Малых Семибратних курганов (Borovka G., 1928, tabl. V, *6*) (рис. 1, *12*) и на бронзовой нагрудной бляхе из нимфейского некрополя (погр. VI), хранящейся в Эшмолен-музее

---

[3] См. мнение Г. А. Федорова-Давыдова о стремлении к единству и равновесию деталей, ценности каждой из них самой по себе «в лучших высокохудожественных вещах скифо-сибирского звериного стиля» (Федоров-Давыдов Г. А., 1976, с. 18).

[4] Ак-Мечеть (Яковенко Э. В., 1976, с. 133, рис. 8, *2*), Нимфей (Силантьева Л. Ф., 1959, с. 83, рис. 47, *3*, *5*), Жданов (Черненко Е. В., 1970, с. 176—181), Колоски (Ольховский В. С., 1982, с. 61—81, рис. 6), Акташский могильник (Бессонова С. С. и др., 1988, с. 151, рис. 7, *3*). Новорозановка (Шапошникова О. Г., 1970, с. 212, рис. 5), Нимфей, Ashmolean Museum (Poiratz J., 1963. taf. 77; Vickers M., 1979, tabl. XVIa, p. 11, 45), Елизаветовская (Миллер А., 1914, с. 228, рис. 19), Шолоховский курган (Максименко В. Е., 1983, с. 30, 166, рис. 12, *8*).

[5] Жовнино (Ильинская В. А. и др., 1975, с. 207—210, рис. 1), Гришенцы (Петренко В. Г., 1967, табл. 31, *9*), Журовка (Петренко В. Г., 1967, табл. 31, *12*), Борзна (Ильинская В. А., 1968, с. 41, табл. XXXI, *11*).

[6] Два различных изображения из Малых Семибратних курганов (Borovka G., 1928, p. 92, tabl. V, *6*; Переводчикова Е. В., 1980, рис. 612) и из Уляпа (Шедевры древнего искусства..., 1987, с. 84, рис. 11, № 16). Что касается уляпской головки, исследователи считают ее оленьей (Шедевры древнего искусства..., 1987, с. 84), однако представляется возможным видеть здесь голову лося, исходя из наличия мощной ноздри и, главное, характерной лосиной «короны» рогов.

(Potratz J., 1963, taf. 77; Vickers M., 1979, tabl. XVIa, p. 11, 45) (рис. 1, *13*). Кроме того, аналогичные нимфейскому изображению крупные головы лосей с одним передним рогом (но обращенные вправо) украшают бронзовые бляхи из уздечного набора в могильнике с. Хошеутово (погр. 1) в Нижнем Поволжье (раскопки В. В. Дворниченко) [7] и из могильника Чилик-Дере в Румынии [8]. Формирование своеобразной стилистической группы однорогих лосиных головок, возможно, оказало влияние на процесс разработки образа, рассматриваемого в данной статье [9].

В контексте данных рассуждений важно учитывать, что основы иконографии лося в скифском зверином стиле начали формироваться еще в VII—VI вв. до н. э.: изображения на костяной пластине из с. Жаботин (Вязьмитина М. И., 1963, с. 158) и др. К V в. до н. э. схема лосиной головки практически была отработана и слабо варьировала позднее, тогда как, судя по имеющемуся материалу, образ, который рассматривается в данной работе, существует в рамках V—IV вв. до н. э. и все это время развивается.

Итак, рассмотренный образ (удобно именовать его «лосекозел»), как показывает анализ отдельных изображений, можно считать в своей основе в значительной мере результатом определенных заимствований из иконографии других образов копытных, ранее утвердившихся в скифском искусстве и более широко распространенных. Среди таких заимствований выделяются три группы: образно-видовые, сюжетно-композиционные и чисто стилистические. К первой группе следует отнести такие черты, как горбатая морда, крупная губа (из иконографии лося), характерные для основной части изображений; или же прямая либо с впадиной морда (из иконографии оленя или козла) для других изображений (Испанова могила, Солоха, Корнеевка); к этой же группе заимствований следует отнести и специфический рог, сформировавшийся, видимо, на основе иконографии лося, но, возможно, и не без влияния иконографии козла. В число сюжетно-композиционных заимствований войдут: основной композиционный признак — расположение головы в обратном по отношению к туловищу направлении, по оси симметрии всей схемы (заимствован из иконографии различных копытных, в первую очередь оленя); положение ног на одной линии (более характерно для степных изображений оленя типа завадских и акмечетского), что характерно только для испановского изображения; помещение ног под углом друг к другу (из иконографии большинства копытных, начиная с саккызско-келермесских «летящих» оленей), свойственное всем остальным рассмотренным «лосекозлам».

Наконец, к результатам чисто стилистических заимствований следует отнести: дробную разделку поверхности тела, мелкую детализацию (возможно, связано с античным влиянием) — это свойственно только солохскому и фанагорийскому изображениям. Напротив, крупная, без детализации моделировка тела с формированием шеи двумя плоскостями (саккызско-келермесско-костромские традиции) характерна для основной массы «лосекозлов».

Двойной контур лопатки («малая» лопатка, или «плечо») и каплевидная выемка у бедра (испановский и солохский «лосекозлы») уходят корнями в келермесские традиции, но в данном случае, как представляется, судя по близости

---

[7] Глубоко признателен В. В. Дворниченко за разрешение использовать неопубликованный материал.

[8] Доклад Г. Симиона (Румыния) на II семинаре «Этнокультурные и этноисторические процессы в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. на юго-западе СССР и на сопредельных территориях» (Кишинев, 1991). Глубоко благодарен Г. Симиону за любезно предоставленную возможность использовать данный материал.

[9] Отдаленной в стилистическом и территориальном отношении аналогией изображениям данной группы является более раннее изображение головы лося на бронзовой бляхе VI в. до н. э. из Тасмолы (могильник № 5) (Артамонов М. И., 1973, рис. 31). Композиция этого изображения аналогична композиции рассмотренных выше, но тасмолинская головка гораздо примитивнее и схематичнее; ноздря и пасть лося не обозначены, ухо передано бесформенным выступом, глаз превращен в рельефный спиральный завиток, рог грубый. Данная головка вряд ли могла быть прообразом более изысканных изображений типа изученных выше, и думается, что процессы гипертрофирования переднего рога лося могли идти самостоятельно в скифском и сако-сибирском искусстве.

форм, взяты скорее из иконографии оленей типа упомянутых степных изображений из курганов у Ак-Мечети, из 1-й Завадской могилы и др. Наконец, волютообразный завиток клюва, венчающего рог (Испанова могила), видимо, античный мотив.

Как представляется, «лосекозел» не есть ни образ натуралистический (т. е. копирующий природу), ни, напротив, синкретический, типа грифона (т. е. фантастический, возникший на основе мифологии), а нечто среднее — синтетический [10]. Не будучи сам по себе реалистичным, он возник на базе иконографии реалистических в своей основе образов (в первую очередь искаженного лося, а затем, в развитии, очевидно, козла или оленя). Видимо, эти изображения воспринимались в целом как воспроизведение некоего копытного, с набором признаков, характерных для этой группы животных. В то же время нельзя полностью исключать то, что «лосекозел» — попросту искаженное отображение реального горного козла скифскими мастерами, не знакомыми непосредственно с природным прототипом, т. е. особая, отличная от канонической «козлиной» образная линия, в развитии дополнявшаяся чертами лосиной и оленьей иконографии.

Наконец, возможно, что образ, условно именуемый нами «лосекозел», являлся изначально, при своем возникновении, воспроизведением некоего обобщенного копытного. В таком случае следует относить на счет взаимовлияний обнаруженные иконографические параллели между этим образом и обособленной лосиной головкой (видовые черты, а также ориентировка головы влево для большинства лосиных голов, равно как и наличие лишь одного рога для указанных отдельных лосиных голов). Представляется, что ясность в последнем случае может быть внесена лишь после уточнения общей хронологии археологических комплексов. В настоящее время, особенно если основываться на мнении, что главное содержание скифского искусства составляет реальный образ животного (Артамонов М. И., 1966, с. 81), логичнее, на мой взгляд, считать, что образ «лосекозла» — производный от тех образов копытных, иконография которых, как было показано выше, сложилась значительно раньше иконографии «лосекозла», т. е. образов лося, горного козла и (с меньше вероятностью) оленя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М. И., 1961. К вопросу о происхождении скифского искусства//Omagiu lui George Oprescu. Bucuresti.

Артамонов М. И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага.

Артамонов М. И., 1973. Сокровища саков. М.

Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А., 1988. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев.

Вязьмитина М. И., 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля//СА. № 2.

Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в музее Эрмитажа, 1854. Т. III. СПб.

Жизнь животных, 1971. Т. 6. М.

Ильинская В. А., 1965. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля//СА. № 1.

Ильинская В. А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев.

Ильинская В. А., Горишний П. А., 1975. Бронзовая бляха из кургана у села Жовнино//Скифский мир. Киев.

Ковалев Н. В., Полин С. В., 1991. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области//Курганы степной Скифии. Киев.

Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Манцевич А. П., 1987. Курган Солоха. Л.

Миллер А., 1914. Раскопки у ст. Елизаветовской в 1911 г.//ИАК. Вып. 56. Пг.

Мозолевский Б. Н., 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине//Скифия и Кавказ. Киев.

ОАК за 1877 г., 1888. СПб.

ОАК за 1880 г., 1881. СПб.

ОАК за 1882—1887 гг., 1891. СПб.

ОАК за 1895 г., 1896. СПб.

ОАК за 1908 г., 1909. СПб.

Ольховский В. С., 1982. О населении Крыма в скифское время//СА. № 1.

[10]Возможность подобных сочетаний при создании образов хищников в зверином стиле V—IV вв. до н. э. обоснована Е. В. Переводчиковой (Переводчикова Е. В., 1986, с. 11).

Онайко Н. А., 1965. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.//САИ. Д1—27.
Переводчикова Е. В., 1980. Прикубанский вариант скифского звериного стиля. Дис. ... канд. ист. наук. М.
Переводчикова Е. В., 1986. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле//КСИА. № 186.
Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.//САИ. Д1—4.
Придик Е. М., 1911. Мельгуновский клад//МАР. Вып. 31.
Силантьева Л. Ф., 1959. Некрополь Нимфея//МИА. № 69.
Сокровища курганов Адыгеи, 1985. М.
Толстой И. И., Кондаков Н. П., 1889. Русские древности в памятниках искусства. СПб.
Федоров-Давыдов Г. А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М.
Цалкин В. И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа//МИА. № 53.
Черненко Е. В., 1970. Скіфські кургани V ст. до н. э. поблизу м. Жданова//Археологія. № 23.
Шапошникова О. Г., 1970. Погребение скифского воина на реке Ингул//СА. № 3.
Шедевры древнего искусства Кубани, 1987. М.
Шкурко А. И., 1975. Искусство звериного стиля лесостепной Скифии VII—III вв. до н. э. Дис. ... канд. ист. наук. М.
Шкурко А. И., 1980. Образ лося в искусстве Лесостепной Скифии//История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. Вып. 51. М.
Яковенко Э. В., 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Berciu D., 1969. Arta Traco-Getica. Bucuresti.
Borovka G., 1928. Scythian Art. London.
Piotrovsky B., Galanina L., Grach N., 1987. Scythian Art. Leningrad.
Potratz J., 1963. Die Scythen in Sudrussland. Basel.
Vickers M., 1979. Scythian Treasures in Oxford. Oxford.

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

A. R. KANTOROVITCH

ONE OF THE HOOFED ANIMALS IMAGES IN THE SCYTHIAN ANIMAL STYLE

Summary

The article deals with one of the hoofed animals images in the Scythian Animal Style of the end of the 6th-4th centuries BC. Its specific attribution is uncertain. It looks like an animal lying with the head turned backward. The horn twins round the head and comes to the back with the end curving to the opposite side and being transformed into a bird of prey's head. The author distinguishes the place of the image in the Scythian Animal Style, its origin and the directions of its compositional and stylistic development. He also marks out two lines of the process going on in the 5th-4th centuries BC: the steppes and the Kuban ones as well as the Thracian and Greek-Scythian replicas. The author offers to name the animal «elk-goat» and consider it to be the result of the borrowings from the iconography of the other hoofed animals images. The images of the elk, mountain goat and deer (less possible) developed earlier and were spread wider. Hence, the image is neither naturalistic nor mythological, but a synthetic one formed on the basis of the realistic images. Probably the «elk-goat» image was interpreted as a certain specific hoofed animal image with the features typical of this group of animals.

Х. И. КРИС

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО ОБИТАТЕЛЕЙ ДЬЯКОВСКИХ ГОРОДИЩ

Духовный мир человека, который наиболее ярко отражается в искусстве, всегда был предметом пристального внимания этнографов, археологов, лингвистов и особенно — историков искусства. Из многих определений, что такое искусство, есть и такое: «Искусство есть выражение самой великой страсти человека — страсти познания. В этом смысле искусство очень близко к науке... своеобразие искусства заключается в том, что познание происходит на языке образном».

Первобытное искусство многих районов до сих пор остается загадочной областью. Одним из таких районов является Волго-Окское междуречье, населенное в раннем железном веке финно-угорскими и балтскими племенами. Искусство этих племен не было предметом специального исследования в основном из-за того, что находки были единичны. Обращение к этой теме вызвано новыми находками из четко стратифицированных и надежно датированных слоев. Так, на городище Дьяково особенно ценно было нахождение стерильной прослойки между раннедьяковским и позднедьяковским слоями (Кренке Н. А., 1987). На основании археологического и фаунистического материала из раскопок Боршевы и Селецкого городища оказалось возможным выделить три последовательных этапа в пределах раннедьяковского периода (Крис Х. И. и др., 1984, с. 103—137).

Непосредственным поводом для обращения к этой теме послужила пластина из рога лося с композицией из двух фигур — птицы и лося, найденная в 1978 г. в раннедьяковском слое Боршевы. Рисунок поражал динамизмом, но сюжет не был понятен. Любопытна была реакция тех, кто впервые видел пластину: никто не оставался равнодушным. Так и бывает при встрече с искусством (рис. 1, *1*).

Пластина была найдена в слое IV—III вв. до н. э. Размер пластины 21 × 11 см. Форма подтрапециевидная, но не совсем симметричная: левая ее часть воспроизводит профильный контур фигуры лося. Поверхность, на которую нанесен рисунок, тщательно заполирована. Рисунок выполнен в технике глубокой гравировки желобчатым предметом. Все линии с двух сторон ограничены ямками, которые, судя по их расположению, не связаны с технологией резьбы по рогу. Фигура лося изображена в левом профильном повороте, голова и торс выполнены в плоскостной манере. Ямкой обозначен глаз, кверху поднято треугольное ухо, треугольник под шеей — «серьга». Покатый круп, «серьга», длинные ноги — черты, характерные в изображении лося на петроглифах. В отличие от петроглифов, где у зооморфных фигур показаны две ноги, у лося на пластине из Боршевы изображены четыре ноги, в чем проявилось сочетание плоскостного изображения с пространственным. Передние ноги — наклонные линии, а задние — почти вертикальные, создают впечатление бегущего или готового к прыжку зверя; динамизм выражен и в вытянутой вперед шее, и в приподнятом крупе.

Птица изображена в той же манере, что и лось,— в левом профильном повороте показаны две лапы. Вытянутая вперед шея, приподнятое крыло, расправленный хвост производят впечатление птицы в полете, а вытянутые лапы и наклоненная вперед голова — летящей птицы в момент приземления. Группы вертикальных линий дополняют композицию, образуя средний ярус между фи-

© Х. И. Крис, 1995 г.

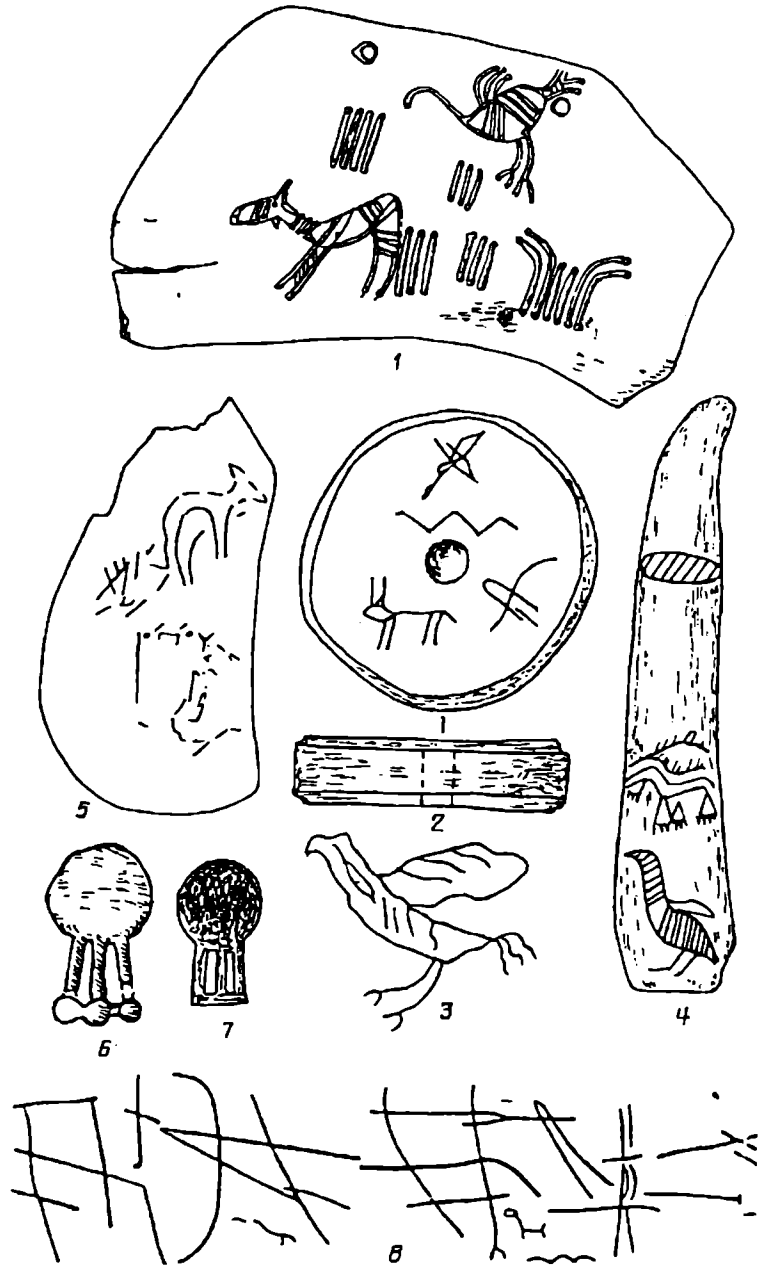


Рис. 1. Предметы изобразительного творчества раннедьяковского периода.

1 — пластина из рога; *2* — каменное пряслице; *3* — тамга «тетеря»; *4* — рукоять ножа; *5* — крышка коробочки; *6* — бляшка; *7* — петроглиф; *8* — рисунок на миниатюрном сосудике

гурами птицы и лося. Сочетание двух фигур: лося и летящей вниз птицы — вызвало ассоциацию с изображениями на шаманских бубнах, а два симметрично расположенные отверстия вдоль верхнего края пластины позволили предположить в роговой пластине из Боршевы деталь шаманского нагрудного украшения.

В статье «Идеология сибирского шаманства» Д. К. Зеленин пишет: «Реконструируя на основании источников древнейший вид шаманства, мы пришли к выводу, что возникновение шаманства связано с медицинской функцией, которая очень ярка и теперь, хотя уже давно не является единственной функцией шаманства. В. И. Иохельсон, характеризуя сибирских шаманов, пишет: „Черный шаман лечит больных людей посредством извлечения из них злых духов, причиняющих болезни“. В описании якутских комбинированных представлений у В. Ф. Трощанского и В. Н. Васильева находим: «при вселении злого духа болезни

в больного одна из душ больного улетает из него и странствует по свету в виде птички; при этом она большей частью становится пленницей какого-нибудь другого духа, рыскающего по свету, и увлекается им в нижний подземный мир"» (Зеленин Д. К., 1935, с. 711, 713). Нельзя ли пластину из Боршевы понимать как иллюстрацию к этому рассказу?

Несколько странной кажется несоразмерность фигур на пластине. Но, может быть, значимость каждой фигуры передается ее масштабом. Видимо, птица, олицетворяющая одну из душ больного, является главным персонажем. А проблема борьбы добра и зла — извечная тема — по-видимому, звучала и тогда в представлениях о наличии двух душ: доброй и злой.

Значение находки из Боршевы трудно переоценить. Это по существу первое законченное произведение самобытного искусства из раскопок дьяковских городищ. Несмотря на то, что предметов изобразительного творчества на городищах дьякова типа найдено мало, пластина из Боршевы позволяет составить представление об уровне развития искусства графики у племен, населявших Волго-Окское междуречье в раннем железном веке. Сюжетная композиция, в таком напряжении и динамике передающая повествование, ушла далеко вперед от сцен, изображенных на петроглифах, сохраняя, однако, связь с этим ярким древним искусством.

Расшифровка рисунка на пластине из Боршевы позволяет понять смысл некоторых графических изображений и на других предметах. На роговой рукояти миниатюрного ножа из раскопок Мамонова городища изображены две фигурки — птица и лось (рис. 1, *4*) в левом профильном повороте, одна над другой. Внизу — птица с приподнятым крылом. Схематично изображена головка, выделен клюв, точкой отмечен глаз. Длинная шея и туловище покрыты параллельными насечками. Несмотря на профильный ракурс, изображены две лапы, это сообщает фигурке, как и приподнятое крыло, некоторый динамизм. Более схематично изображена фигурка лося — голова, шея и туловище очерчены ломаной линией, морда и копыта — в виде треугольников по два на каждой ноге. Над фигуркой лося — ломаные параллельные и дуговидные линии. И в этой композиции птице, значительно превосходящей по размеру фигурку лося, принадлежит основная роль.

На миниатюрном сосудике из Троицкого городища, поверхность которого покрыта двумя группами пересекающихся линий, изображены очень схематично две фигурки (рис. 1, *8*) в левом профильном повороте: впереди птичка и за ней лось. Под фигуркой лося — волнистая линия. Может быть, этот ритуальный сосудик входил в шаманский атрибут.

Полное повторение сюжета, изображенного на пластине из Боршевы, мы находим далеко от дьяковских городищ, в Среднем Прикамье, на каменном пряслице из ананьинского поселения Половинно (рис. 1, *2*). Несмотря на предельный схематизм, динамичной выглядит фигурка птицы, устремленная в полете вниз, к фигурке лося. Фигурку птицы и лося на пряслице разделяет горизонтальная ломаная линия, которая, может быть, несет ту же смысловую нагрузку, что и группы вертикальных линий на пластине из Боршевы. Предметы изобразительного творчества, нашедшие объяснение в этнографических источниках Сибири, говорят об общих чертах в мировоззрении племен раннего железного века Восточной Европы.

К немногим произведениям искусства графики относится крышка роговой коробочки из Пекуновского городища с зооморфной фигуркой (предмет не сохранился, прорисовка сделана по фотографии, рис. 1, *5*). По описанию автора раскопок О. Н. Бадера, «на наружной поверхности, сильно сглаженной, имеется сложный рисунок, процарапанный очень тонким острием... Большая часть рисунка стерта,... но в суженном конце предмета заметна фигурка животного» (Бадер О. Н., 1950, с. 121). В верхней части крышки изображена зооморфная фигурка в правом профильном повороте. Контур фигуры и округлая форма верхней губы характерны для изображения лося. Из этнографических данных известно, что изображение животного наносится на кость животного того же вида. Фигурка лося очерчена

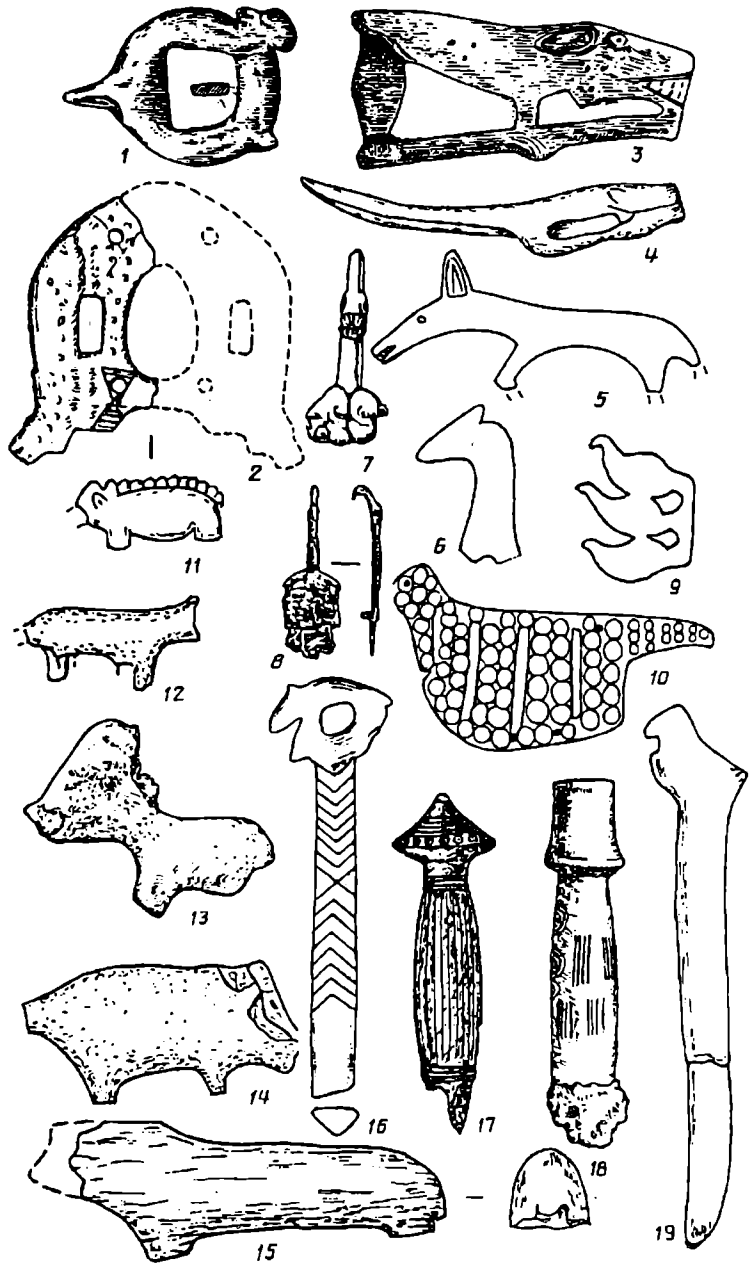


Рис. 2. Предметы изобразительного творчества раннедьяковского периода.

1 — пряжка; *2* — пластина; *3* — футляр; *4* — кочедыг; *5* — фигурка лошади; *6*, *19* — зооморфные навершия; *7*, *8* — колчанные крючки; *9* — пряжка; *10* — фигурка птицы; *11—15* — зооморфные статуэтки; *16* — стержень с фигуркой медведя; *17*, *18* — рукояти

тройной линией у задней ноги и шеи. Создается впечатление спаренной фигуры, в чем, возможно, отражен культ плодородия.

К предметам мелкой пластики относится обломок пластины из рога, найденный в слое IV—III вв. до н. э. Боршевы. Близкие по форме и размерам предметы найдены были и на Селецком городище, и в Дьякове. На основании сквозных отверстий и размеров этих пластин было высказано предположение, что они служили для крепления подпружных ремней. Графическая реконструкция пластины из Боршевы сделана на основании сохранившейся ее половины. Общий контур имеет форму полуовала, в центре — отверстие яйцевидной формы, вокруг него — четыре сквозных отверстия. Между центральным отверстием и боковой гранью — прямоугольное отверстие. В основании пластины — ступенчатый вырез,

напоминающий, благодаря зарубкам, лапу животного. На поверхности пластины — кольцевые углубления, возможно, имитирующие шкуру животного с короткой трехпалой лапой. Изображение распластанного животного или его шкуры, по этнографическим данным, входило в состав жертвоприношения (рис. 2, *2*) (Симченко Ю. В., 1965, рис. 20, *7*).

Высокий уровень искусства резьбы по рогу и кости проявился не только в создании вотивных предметов, но и предметов вооружения: наконечников стрел и фигурных рукоятей боевых ножей или кинжалов (рис. 2, *17, 18*).

В отличие от графики мелкая пластика не получила значительного развития в раннедьяковский период. Зооморфные навершия настолько схематичны, что в них с трудом угадывается видовая принадлежность (рис. 2, *6, 19*). Мелкая глиняная пластика проявилась лишь в миниатюрных зооморфных фигурках, найденных в самых ранних слоях дьяковских городищ. Фигурка кабана или свиньи была найдена в надматериковом слое Троицкого городища (рис. 2, *13*); подобная ей фигурка происходит из надежно датированного слоя V в. до н. э. Дьякова городища (рис. 2, *14*). На городище Топорок найдена зооморфная фигурка, описанная автором раскопок Ю. Г. Гендуне: «фигурка волчицы с обломанными ногами», (рис. 2, *12*) (Гендуне Ю. Г., 1906). Зооморфная фигурка из раскопок Старшего Каширского городища не сохранилась, она известна по опубликованному рисунку (рис. 2, *11*).

Общей чертой этих фигурок является непропорциональность и непроработанность деталей: схематично изображенная голова фигурки из Троицы по размеру равна туловищу. У всех фигурок отбита часть морды и укорочены конечности, а хвост отсутствует. Так как они сделаны из глины, можно было предположить, что это результат плохой сохранности. Однако теми же чертами обладает костяная фигурка медведя из раскопок Попадьинского селища. Автор раскопок Е. И. Горюнова отмечает, что фигурка медведя не связана с жилым комплексом селища, но выполнена в той же манере, что и дьяковские. Фигурка медведя найдена в переотложенном слое стоянки со сверлеными каменными топорами и кремневыми орудиями (рис. 2, *15*) (Горюнова Е. И., 1951, с. 220). Аналогичная костяная фигурка, более уплощенная, найдена в слое поселения позднего неолита и ранней бронзы Абора I на Лубанской долине в Латвии (Лозе И. А., 1970, с. 111, 112, табл. LII, *93*). Для костяных фигурок специальная укороченность конечностей и отсутствие хвоста не являются результатом плохой сохранности. Видимо, в основе этого явления был ритуал, уходящий корнями в эпоху неолита и ранней бронзы.

Нахождение зооморфных фигурок только в самых ранних слоях дьяковских городищ нельзя считать случайным. То же наблюдается и на скифских памятниках, например на Бельском городище, где найдено было около 200 статуэток, в основном зооморфных. Б. А. Шрамко отмечает, что образцы глиняной культовой скульптуры имеют у лесостепных племен очень древние корни, восходящие по крайней мере к чернолесской и белогрудовской культурам (Шрамко Б. А., 1976, с. 198). Находки их стоянки Абора I и Попадьинского селища позволяют углубить эту дату. Верхняя дата их бытования придает им значение датирующих находок.

До последнего времени известны были только две находки предметов звериного стиля на дьяковских городищах: зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища и роговой наконечник из Дьякова. Две новые находки: роговой футляр для копья с изображением хищника и железный колчанный крючок были обнаружены в слое IV—III вв. до н. э. Боршевы (рис. 2, *3, 8*) (Крис Х. И., 1981, с. 171—180). Эти предметы, как и прежде найденные, не могли быть практически применимы: форма крепления рукояти ножа со Старшего Каширского городища не соответствовала втульчатой форме крепления роговых рукоятей, характерных для дьяковских городищ; отсутствие железных копий исключало возможность применения футляра для копья, как и железного колчанного крючка — типичной детали скифо-сарматского вооружения. Не зная истинной причины появления этих предметов в дьяковских городищах, возможны лишь некоторые догадки. Может

быть, они привлекли внимание дьяковцев новизной, яркостью образов настолько, что появились попытки подражания этому стилю. На городище Круглица найден стержень из рога с навершием в виде фигурки медведя (рис. 2, *16*). Фигурка выполнена в очень условной манере и довольно небрежно. Поза напоминает фигурки медведей на колчанных бронзовых крючках из Частых курганов (рис. 2, *7*), но утрачен основной смысл оригинала, изображающего хищника с открытой пастью и подчеркнуто большими когтями.

На Троицком городище найдена пряжка из рога с зооморфным изображением, напоминающим позу свернувшегося в кольцо зверя (рис. 2, *1*). В отличие от классических образцов, где морда почти касается хвоста, а подогнутые лапы находятся в центре, на троицкой пряжке хвост выполняет роль неподвижного язычка, а слабо выступающий бугорок — лапы. Наиболее выразительно, хотя и схематично, изображена округлая морда с небольшим ухом, напоминая хищника кошачьей породы,— барса или пантеру. Мастер не сумел воспроизвести чуждый его пониманию образ; в подражании с трудом угадывается оригинал, которым могла быть бронзовая бляха уздечного набора из Частых курганов или аналогичные изображения свернувшегося барса — мотив, широко распространенный в зверином стиле всей Евразии.

Особый интерес представляет собой случайная находка из коллекции Н. А. Самгина, поступившая в хранение ГИМ (рис. 2, *4*). Это кочедыг, тщательно отполированный, с отверстием для нити плетения — обычная находка на дьяковских городищах. На рукояти — зооморфное изображение. Несмотря на некоторый схематизм и непроработанность деталей, в фигурке угадывается один из характерных образов звериного стиля — «припавший к земле хищник». Уверенной рукой оконтурены ухо и морда, плавной линией соединены лапа с контуром нижней челюсти — характерная черта для образцов звериного стиля. Едва ли фигурка могла быть выполнена в такой специфической манере человеком, незнакомым с этим своеобразным искусством. Может быть, это был дар соседу — иноплеменнику, для которого кочедыг был привычным орудием.

Так же, как и в кочедыге, в фигурке лошади из Дьякова сочетается мирный образ с пастью хищника, правда, очень стилизованной, свойственной звериному стилю (рис. 2, *5*).

Литая бронзовая бляшка дисковидной формы найдена была в нарушенной части культурного слоя Боршевы. Три параллельных «луча», соединенные между собой, заканчиваются малыми выпуклыми бляшками (рис. 1, *6*). К тыльной стороне припаяны две петельки для крепления — деталь, характерная для плосколитых бронзовых изделий из ананьинских памятников (Халиков А. Х., 1977, с. 172). Форма бляшки полностью воспроизводит фигуры онежских петроглифов в виде круга с «лучами» (двумя или тремя), ставших предметом длительных дискуссий по поводу их трактовки. Среди них имеется фигура с тремя «лучами», концы которых соединены (рис. 1, *7*). К мнению, высказанному А. А. Формозовым о трактовке этих изображений (Формозов А. А., 1969, с. 124), прибавился еще один аргумент: едва ли миниатюрная бляшка изображала форму капкана. Вероятнее всего, это лунарный или солярный знак, выражающий космогонические представления северных охотничьих народов эпохи неолита, о чем говорит и серия лунниц, и кремневая статуэтка медведя с лунницей на спине из окских неолитических стоянок (Замятнин С. Н., 1948, рис. 6).

Предметом прикамского импорта является и часть бронзовой поясной пряжки, найденная в Боршеве, в слое V в. до н. э. Она представляет собой трехъярусное изображение птиц, выполненное в технике плоскостного литья, с припаянными петельками (рис. 2, *9*). Образ птицы, популярный в самобытном искусстве северных племен, неоднократно встречается в памятниках изобразительного творчества племен Волго-Окского междуречья. Бронзовая поясная пряжка из Прикамья могла бы послужить моделью для глиняной фигурки птицы, найденной на городище Топорок. По описанию автора раскопок Ю. Г. Гендуне, фигурка состояла из двух деталей, скрепленных между собой: лицевая сторона украшена вертикаль-

Таблица

Городище	Бронзовые пластины	Глиняные плакетки	Глиняные статуэтки
Троицкое	6	—	—
Кунцевское	1	1	—
Щербинское	3	7	1
Дьяково	2	22	35
Луковня	1 (?)	30	30
Кузнечики	—	15	19
Борисоглебское	—	—	12

ными рельефными полосами, разделяющими двойной ряд дисков, оттиснутых изнутри, и тонкой пластины. В этом видно не только стремление воспроизвести форму бронзовой модели, но и технику плоскостного литья в орнаменте из чередующихся рядов выпуклых кружков — орнамент, не свойственный племенам Волго-Окского междуречья, но часто встречающийся на бронзовых ананьинских пластинах. Это интересная деталь, дающая представление о том, как происходит иногда заимствование орнамента.

На глиняной фигурке птицы из Топорка было четыре сквозных отверстия для крепления. По описанию Ю. Г. Гендуне, глиняная фигурка птицы найдена была среди украшений из глины: бус, колокольчиков и привесок, которые, по описанию Д. Н. Анучина, составляли необходимую принадлежность остяцкого шаманского костюма.

Предметы изобразительного творчества, происходящие из раннедьяковских слоев, носят ритуальный характер и вводят нас в круг мировоззренческих и космогонических представлений племен Волго-Окского междуречья не только раннего железного века, но и предшествующего времени. Превалирующим искусством была графика, ее высокий уровень проявился в композиции на пластине из Боршевы. Яркость повествования достигнута динамикой фигур, еще не свойственной неолитическим гравировкам. А сюжет оказался довольно популярным и за пределами Волго-Окского междуречья, в Среднем Прикамье и в этнографии племен Северной Сибири.

Позднедьяковский период, отмеченный значительными переменами и в этническом составе населения, и в характере хозяйства, датируется исследователями по-разному и в общих рамках, и в пределах отдельных этапов. Это время появления большого числа бронзовых украшений, которые свидетельствуют о высоком уровне развития ремесла. Им посвящено специальное исследование (Розенфельдт И. Г., 1982). Как предметы ремесла они лишены индивидуальности, но среди них имеются и образцы изобразительного творчества.

Искусство графики в позднедьяковский период проявилось в преображенном виде, точечной технике, в которой выполнены антропоморфные и зооморфные фигуры на тонких бронзовых пластинах. Их принято считать накладками и наконечниками поясных ремней. Найдены они только на пяти городищах дьякова типа. Бронзовые пластины различаются по ширине и способу крепления. Наибольшее число их найдено на Троицком городище (всего шесть; четыре из них — в составе клада бронзовых украшений IV—V вв. н. э.), ширина пластин равна 1 см, они согнуты пополам, на краях — отверстия для крепления штифтами. На одной пластине из клада изображена антропоморфная фигура в фас (рис. 3, *6*). Двойная точечная линия корпуса заканчивается снизу треугольником, голова не изображена, руки согнуты в локте и обращены вверх. Такие же фигурки, выполненные гравировкой и точками, есть и на костяных предметах, и на грузиках дьякова типа (рис. 3, *9, 10*). По мнению А. Ф. Дубынина, нижняя часть женских фигур изображалась кружочком, а мужских — треугольником (Дубынин А. Ф.,

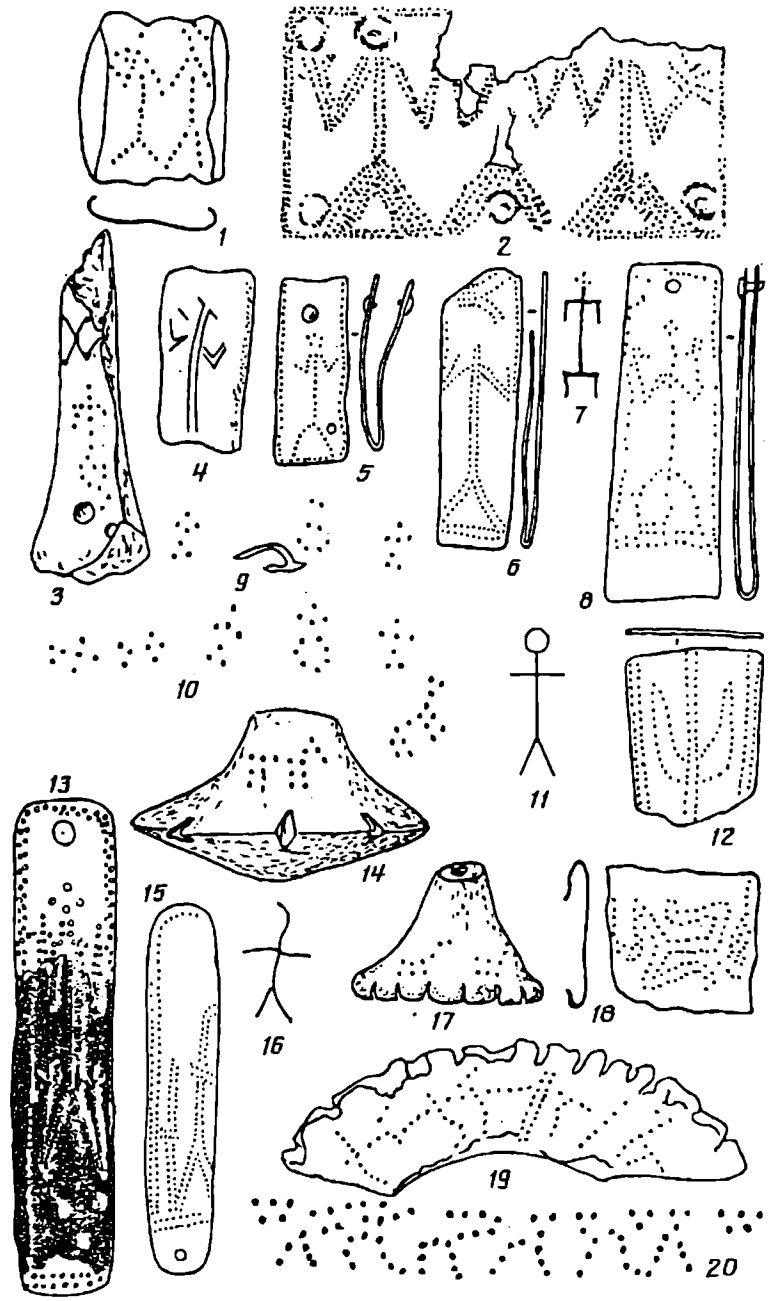


Рис. 3. Предметы изобразительного творчества позднедьяковского периода.

1, 2, 5, 6, 8, 12, 13, 15, 18 — бронзовые пластины; *3, 4* — фигурки на костяных предметах; *7, 11, 16* — изображения человека и птицы у народов Сибири; *9, 10, 14, 17, 19, 20* — грузики дьякова типа и композиции на них

1966, с. 269—274). На одной из троицких пластин изображены две зооморфные фигурки (рис. 3, *15*), левая — в правом профильном повороте, голова не изображена. Нижняя часть корпуса правой фигурки — в фас, верхняя — в профиль, подобно фигурке птицы — родовому знаку обских угров (рис. 3, *16*). Сюжетные композиции из зооморфных фигурок имеются и на грузиках дьякова типа (рис. 3, *19, 20*).

Ширина пластин из Кунцевского и Щербинского городищ равна 2 см. Способ крепления подобный троицкой, изображения антропомофные. Кунцевская заканчивается нечетким треугольником (рис. 3, *5*), голова изображена кружочком, щербинская заканчивается полуовалом, голова — ромбом из точек (рис. 3, *8*). Такие изображения человеческих фигур известны у народов Сибири на предметах

религиозного назначения (рис. 3, *7, 11*). На пластине из Щербинки — полуовал, может быть, это часть схематического изображения фигурки (рис. 3, *12*).

На Дьяковом городище найдены две пластины шириной 2,5 см с парными антропоморфными (рис. 3, *1*) и зооморфными изображениями (рис. 3, *18*). Форма пластин квадратная, способ крепления — концы свернуты скобой. Антропоморфные фигуры выполнены одинарной точечной линией, корпус прямой, ноги разведены в стороны. Опущенные руки фигурок соединены. У правой фигуры голова в виде ромба. Зооморфные фигурки выполнены двойной точечной линией. В рисунке угадывается парное изображение водоплавающих птиц с длинной шеей и прижатыми к корпусу ногами, спины соединены общей линией. Изображения водоплавающих птиц есть на неолитической керамике и грузиках дьякова типа (рис. 3, *17*).

В нарушенной части Огубского городища краеведом С. В. Нестеровым был найден обломок бронзовой пластины с зооморфной фигуркой (рис. 3, *13*). Рельефный рисунок образован двойным рядом выбитых изнутри ямок. Торс изображен прямой линией, передние конечности (сохранились частично) обращены вперед. Задние конечности трехпалые, согнуты под острым углом и тоже обращены вперед. С. В. Нестеров усмотрел в этой фигурке изображение лягушки.

Особое место среди памятников изобразительного творчества занимает бронзовая пластина, найденная на Огубском городище В. А. Городцовым. На пластине размером 6 × 12 см (рис. 3, *2*) изображены три антропоморфные фигуры. Утрачена верхняя часть средней фигуры. По периметру пластина обрамлена двойной линией точек, нанесенных с лицевой стороны. В углах — кольцевидные рельефы. Такими же рельефами изображены головы фигур, один из рельефов под центральной фигурой как бы уравновешивает всю композицию. Фигуры выполнены в точечной технике: корпус и руки двойными точечными линиями, руки согнуты в локте и подняты кверху, касаясь кистями. Расставленные в разные стороны ноги изображены тоже точечными линиями в пять рядов у крайних фигур и в три-четыре ряда у центральной фигуры.

В. А. Городцов трактовал центральную фигуру как женскую, олицетворяющую богиню плодородия, в сопровождении двух мужских фигур (Городцов В. А., 1926, с. 122). Эту же точку зрения высказал А. Ф. Дубынин, сопоставив изображение на Огубской пластине с композицией на боковой поверхности двух грузиков из Троицкого городища (рис. 3, *9, 10*) (Дубынин А. Ф., 1966). Т. Н. Никольская сравнивала композицию на Огубской пластине с каменным барельефом из Херсонеса с изображением трех фигур в негреческих одеждах (Никольская Т. Н., 1959, с. 107, 108). По определению М. М. Кобылиной, на Херсонесском барельефе изображен сюжет, связанный с греческим культом, чрезвычайно популярным во всем греческом мире; в нем сохранились традиции греческого искусства не только в композиции, но и в типе аттической одежды (хитон с напуском), и в целостном ритме рельефа (Кобылина М. М., 1984, с. 100).

На глиняной женской фигуре из Беотии (700 г. до н. э.) изображен в танце хоровод из женских фигур с согнутыми в локтях руками, поднятыми кверху (Boordman J., 1985, p. 32, fig. 24). То, что на Огубской пластине фигуры идентичны, позволяет думать, что и здесь изображен ритуальный танец. На Беотийской фигуре это женский хоровод, а в Южной Родезии — хоровод из мужских фигур (Формозов А. А., 1969, рис. 77). Так мы узнаем, что искусство ритуального танца не было чуждо обитателям дьяковских городищ.

Позы одиночных и парных фигур на бронзовых пластинах такие же, как и на Огубской пластине, что придает им смысл ритуальных предметов; об этом говорит и пластина с парным изображением из Дьякова на внутренней стороне пластины, сокрытой от глаз.

Следует отметить еще одну особенность бронзовых пластин с изображениями: так как размеры пластин на каждом городище свои, можно думать, что на каждом городище их производили на свой манер.

В позднедьяковский период мелкая глиняная пластика проявилась в керамических табличках, которые вошли в литературу под названием плакеток, и

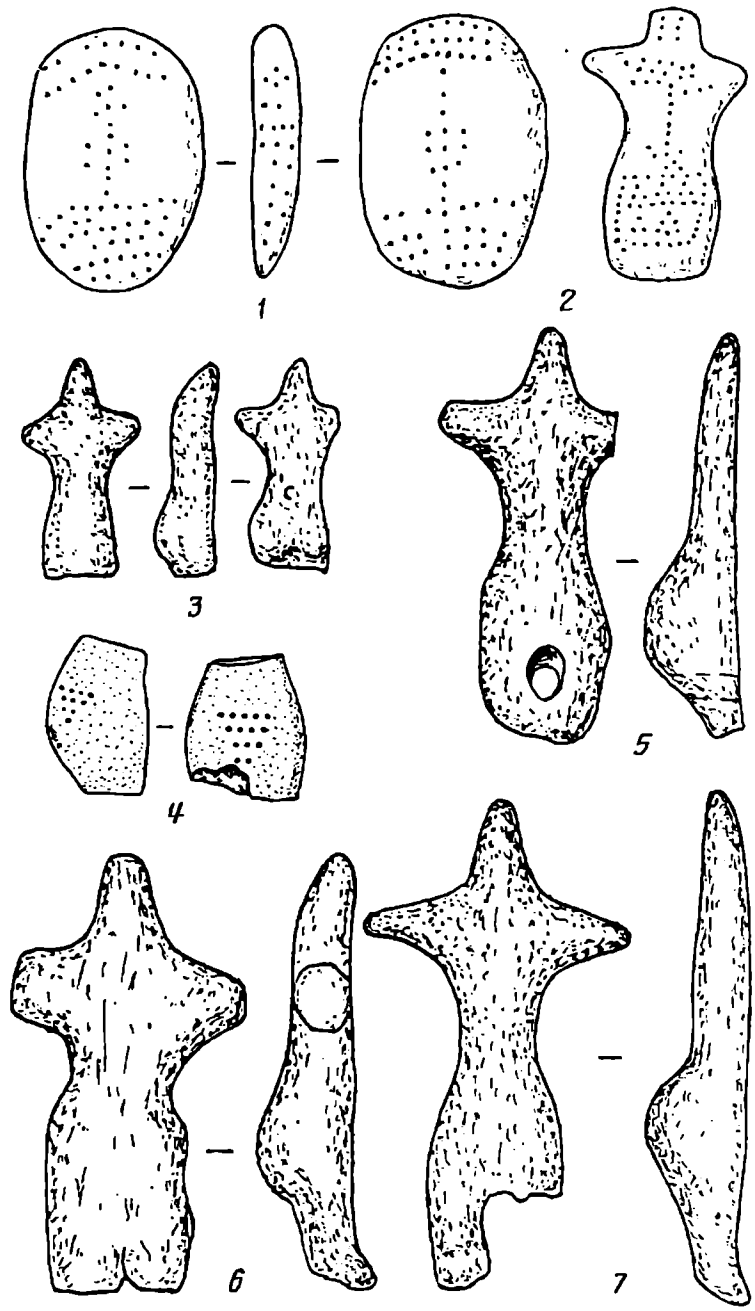


Рис. 4. Предметы изобразительного творчества позднедьяковского периода.

1, *2* — плакетки; *3*—*7* — женские статуэтки

женских статуэтках. Толщина плакеток не превышает 1 см, форма прямоугольная и овальная. На одной или двух плоских сторонах (а иногда и на торцевой) точечные наколы. На некоторых плакетках они расположены двумя группами вдоль верхней и нижней части плакетки, которые соединяет осевая линия, завершающаяся кружочком или ромбом из точечных наколов, как на антропоморфных фигурках бронзовых пластин (рис. 4). В средней части осевой линии — фигура в виде полуовала. Этих деталей было недостаточно, чтобы в плакетках предположить схематизированные фигурки (рис. 4, *1*). Разгадка появилась благодаря найденной на городище Отмичи плакетке-статуэтке (рис. 4, *2*). На плоской ее поверхности были такие же две группы наколов, как и на плакетках, но форма плакетки напоминала статуэтку, судя по утоньшенной талии и незначительным выступам вместо головы и рук.

Глиняные статуэтки, как и находка из Отмичей, в верхней части торса представляют собой уплощенную пластину с утоньшенной талией и треугольными выступами — головой и руками. Наиболее выразительно изображены ягодицы; на одной из них — знак, треугольник из точечных наколов (рис. 4, *4*). Ноги очень укороченных пропорций (рис. 4, *5*, *7*) или вовсе не изображены (рис. 4, *3*). Одна из статуэток со сквозным отверстием, вероятно, служила подвеской-талисманом. Появление женских статуэток у различных племен связано было с возрастающей ролью земледелия, что свойственно и позднедьяковскому периоду.

Перед нами три категории находок, посвященных изображению человека, и две из них — изображению женщин. Нет достаточных данных, чтобы говорить о том, что на бронзовых пластинах изображения женщин, но на плакетках и статуэтках это бесспорно. Уточняя, насколько это возможно, время бытования каждой категории, получаем картину смены бронзовых пластин плакетками и плакеток статуэтками, которые какое-то время сосуществовали, судя по примерно одинаковому количеству находок на городище тех и других. Но для самого позднего периода, видимо, характерны только статуэтки (см. таблицу). На Троицком городище, поздняя дата которого IV—V вв. н. э., где найдено наибольшее число бронзовых пластин, нет ни одной плакетки или статуэтки. На Дьяковом, Луковне и Кузнечиках — плакетки и статуэтки примерно в равных количествах, притом на Кузнечиках — ни одной бронзовой пластины. В наиболее позднем Борисоглебском городище — только статуэтки. Разновременность бытования предметов изобразительного творчества, возможно, соответствует различным этапам в жизни позднедьяковских городищ. Даже в преображенном виде искусство графики исчезает вместе с бронзовыми пластинами. Плакетки и даже статуэтки, слишком схематично передающие образ женщины, не дают оснований для того, чтобы говорить о высоком уровне развития мелкой глиняной пластики в позднедьяковский период.

Слишком ограничен круг источников, чтобы можно было в полной мере судит об искусстве племен, населявших городища дьякова типа. Предметы изобразительного творчества, поддающиеся датировке, не охватывают всего периода существования дьяковских городищ, а лишь только самый ранний — от VII—V до IV—III вв. до н. э.— и самый поздний — с IV—V до VI—VII вв. н. э. Пожалуй, единственная категория находок, которая существует длительно, захватывая и ранний и поздний периоды,— это грузики дьякова типа, которые неоднократно привлекали внимание исследователей. Различные точки зрения об их назначении нашли отражение в литературе. Это одна из наиболее массовых категорий находок (на Троицком городище их найдено 600), многогранный источник, сулящий разнообразную информацию при комплексном изучении всего материала и коллекций из отдельных городищ в контексте памятника. Так, изучение грузиков из раскопок Боршевы прояснило картину последовательности возникновения городищ в среднем и верхнем течении Москвы-реки (Крис Х. И., 1982, с. 40—47).

На поверхности грузиков имеются разнообразные знаки, геометрические фигуры, зооморфные и антропоморфные изображения и композиции. Это источник, достойный специального исследования с привлечением данных о знаковых системах древности и этнографических источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О. Н., 1950. Древние городища на Верхней Волге//МИА. № 13.
Гендуне Ю. Г., 1906. Городище Топорок. Тверь.
Городцов В. А., 1926. Болотное Огубское городище//Труды ГИМ. Вып. I.
Горюнова Е. И., 1951. Этническая история Волго-Окского междуречья//МИА. № 94.
Дубынин А. Ф., 1966. Об орнаменте грузиков Троицкого городища//СА. № 1.
Замятнин С. Н., 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы//СА. X.
Зеленин Д. К., 1935. Идеология сибирского шаманства//Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук.
Кобылина М. М., 1984. Рельефная плита из Херсонеса//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Кренке Н. А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
Крис Х. И., 1981. Предметы звериного стиля из дьяковских городищ//СА. № 1.
Крис Х. И., 1982. Грузики дьякова типа из Боршевы//КСИА. Вып. 170.
Крис Х. И., Чернай И. Л., Данильченко В. П., 1984. О раннем периоде дьяковских городищ//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
Лозе И. А., 1970. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига.
Никольская Т. Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э.//МИА. № 72.
Розенфельдт И. Г., 1982. Древности Западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. н. э. М.
Симченко Ю. В., 1965. Тамги народов Сибири XVII века. М.
Формозов А. А., 1969. Очерки по первобытному искусству. М.
Халиков А. Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железного века VIII—VI вв. до н. э. М.
Шрамко Б. А., 1976. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики звериного стиля//Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Boordman John., 1985. Greek art. New York.

Сильвер Спрингс, США

Kh. I. KRIS

THE DRAWINGS IN DJAKOVO FORTIFIED SETTLEMENTS

Summary

The unique finds from the excavations of Djakovo culture fortified settlements are published in the article for the first time. The drawings on the bone plate from Borshevo fortified settlement (4th-3rd centuries BC) are connected by the author with the most ancient case of the shamanism. The other drawings are also of great importance. They include the anthropo — and zoomorphic pictures on the bone and metal artifacts and on the figurines. All these facts testify to the existence of the early Djakovo drawing art perished by the late Djakovo time (6th — 7th centuries AD). The highly developed small clay plastic art become its typical feature. The author also thinks that the compositions of the points spread widely on Djakovo type weights should be investigated more carefully with the help of the ethnographic data and the ancient semiological systems.

А. П. БУЖИЛОВА

ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ МАЯЦКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Активные раскопки Маяцкого археологического комплекса были начаты в 1975 г. советско-болгарско-венгерской экспедицией под руководством С. А. Плетневой и продолжались в течение шести последующих сезонов. Раскопки могильника проводил В. С. Флёров при участии антрополога Т. С. Кондукторовой. Хорошая сохранность материала дала возможность собрать представительную серию (130 черепов и 150 фрагментарных скелетов).

По мнению В. С. Флёрова, своеобразие Маяцкого могильника проявляется в некоторых особенностях построения катакомб, малочисленности инвентаря, господстве обряда разрушения скелетов с целью обезвреживания умерших, преобладании одиночных захоронений (81—82%), различиях в форме сосудов. На этом основании предполагается, что, хотя Маяцкий могильник и входит в круг памятников салтово-маяцкой культуры, своеобразие погребального обряда и другие признаки указывают на то, что в верховьях Дона проживала иная группировка алан, нежели в бассейне Северского Донца, сумевшая сохранить этнографические особенности (Флёров В. С., 1984). Могильник был датирован В. С. Флёровым концом VIII—IX в. По мнению С. А. Плетневой, могильник следует относить ко времени не раньше IX в. (Маяцкое городище, 1984).

По данным Т. С. Кондукторовой, черепа из Маяцкого долихокранные, лицо ортогнатное, неширокое, орбиты невысокие. Выступание переносья и носовых костей по отношению к линии профиля лица сильное. Горизонтальная профилировка резкая (Кондукторова Т. С., Сегеда С. П., 1987). По результатам сравнительных исследований, Т. С. Кондукторова и С. П. Сегеда пришли к выводу, что для основной части населения характерны черты аланского (верхнесалтовского) типа. В серии выделяются две мужские подгруппы, что дает основание исследователям предположить участие нескольких племенных групп алан в сложении физического облика населения из Маяцкого. Наличие «восточного» одонтологического типа и некоторые аналогии со зливкинской краниологической серией указывают на примесь болгарского населения и именно той его части, в которой монголоидные черты выражены нерезко (Кондукторова Т. С., Сегеда С. П., 1987).

Предлагаемый в данной работе анализ антропологического материала позволяет оценить степень негативного влияния на популяцию как биологических, так и социальных факторов среды. В работе используется апробированная методика комплексного обследования патологических показателей на фоне данных археологии, этнологии, демографии (Бужилова А. П., 1992).

Демографические показатели. Для оценки демографических параметров были использованы 146 фрагментарных скелетов (из них мужских — 71, женских — 75). Средний возраст смерти в группе — 39,7 лет, у мужчин — 41,9, а у женщин этот показатель ниже — 37,6 лет. В среднем возраст смерти для группы Маяцкого немного ниже, чем для синхронной серии Дмитриевского (табл. 1). Ожидаемая продолжительность жизни по группе в целом, для мужчин и для женщин в частности соответствует аналогичным показателям для населения Дмитриевской

© А. П. Бужилова, 1995 г.

Таблица 1

Средний возраст смерти в салтовских группах

Категория	Маяцкое	Дмитриевское
Мужчины	41,9	44,2
Женщины	37,6	40,1
Всего	39,7	42,0

Таблица 2

Демографические показатели в салтовских группах

Показатели	Маяцкое	Дмитриевское
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 15 лет	24,3	25,9
Длина поколения	27,5	27,2
Общий репродуктивный уровень	1,6	1,8
Среднее число детей в семье	3,2	3,7

группы. Средняя длина поколения в популяции, общий размер средней семьи, общий репродуктивный уровень также соотносятся с аналогичными показателями в Дмитриевской группе (табл. 2).

Очевидно, что схожесть демографических параметров для сравниваемых выборок может расцениваться как показатель одинаковых условий жизни обеих групп. Единая экологическая ниша, синхронное время позволяют не принимать в расчет биологические факторы среды. Таким образом, отличия в патологических характеристиках можно будет интерпретировать как последствия главным образом негативных социальных факторов.

Генетически детерминированные признаки. В группе распространены различные варианты неполного срастания костных отделов дуг крестца (Spina bifida sacralis totalis occulta) и отмечено несколько случаев сохранения проявлений сегментарного строения крестца у взрослых индивидуумов (между I и II позвонками). У мужчины (КО357 № 4) зафиксировано проявление сохранения сегментарного строения грудины (3 части). В женской подгруппе отмечено два случая срастания тела и рукоятки грудины и один — наличия межмыщелкового отверстия на плечевой кости (табл. 3).

Частота встречаемости остеом (доброкачественные опухоли) и метопического (лобного) шва незначительна.

В группе отмечен один случай зубной аномалии — у женщины (КО257 № 58) краудинг и недоразвитие верхних внутренних резцов. Резцы располагаются в челюсти под острым углом навстречу друг другу, что препятствует их выходу из челюсти.

Таким образом, в Маяцкой серии частота встречаемости генетически детерминированных признаков незначительна и характер их весьма разнообразен. Очевидно, что представленная выборка может быть оценена как группа, состоящая из различных семей, не имеющих близкородственных связей.

Зубные патологии. Кариес — наиболее распространенная патология и очень информативный признак. Он может маркировать нарушения иммунитета, специфику диеты, общее состояние здоровья индивида.

Распространение кариеса в группе дифференцируется по полу: у мужчин — наиболее высокие показатели, которые соотносятся с максимальными значениями, отмеченными в мужских городских древнерусских группах, у женщин — наиболее низкие, которые соотносятся с аналогичными минимальными показателями для

Таблица 3

Частота встречаемости некоторых генетически детерминированных признаков у населения из Маяцкого комплекса, % (*n*)

Признак	Мужчины	Женщины
Sutura metopica	0(46)	1,8(56)
Остеомы	2,6(46)	4,4(55)
Краудинг и другие аномалии	0(46)	1,8(56)
Spina bifida	15,3(64)	16,2(55)
Признаки сегментарного строения крестца	3,4(64)	7,2(55)
Срастание тела и рукоятки грудины	0(64)	3,6(55)
Межмыщелковое отверстие	0(64)	1,8(56)
Сегментарное строение грудины	1,7(64)	0(56)

городских женщин (табл. 4, 5). Частота встречаемости других зубных аномалий (одотогенный остеомиелит, выпадение зубов при жизни) в группе невелика.

Очевидно, выявленные зубные патологии являются показателем пищевого стресса в мужской группе, так как не превышают известных для средневековых серий значений.

Задержки ростовых процессов в детстве. Существует ряд признаков, позволяющих изучать последствия негативных факторов среды, воздействующих на организм человека и популяцию в целом в определенные временные интервалы. Такие показатели относят к индикаторам эпизодического стресса. Они фиксируются, как правило, у взрослых индивидуумов, хотя обсуждается стрессовое воздействие, испытанное ими в детском возрасте. Формирование костной и зубной систем человека в детском и юношеском возрасте происходит в определенные сроки. Резкое стрессовое воздействие, например острое непродолжительное голодание, различные лихорадочные состояния, острые инфекции и другие заболевания, испытанные ребенком, приводят, как правило, к задержке ростовых процессов, так как строительные белки затрачиваются в первую очередь на преодоление стресса (Acheson R. M., 1960). Прерывание ростовых процессов в детском возрасте отражается на костной и зубной системах в виде специфических «следов», которые сохраняются в дальнейшем и могут быть прослежены специалистами на останках взрослых людей. Существуют специальные методики, позволяющие определять примерный возраст, в котором произошло стрессовое воздействие (Mensforth R. et al., 1978; Hunt E. E. et al., 1981).

На зубах взрослых индивидуумов макроскопически фиксируются различные нарушения толщины эмалевого зубного покрова, так называемая эмалевая гипоплазия, которая проявляется в виде ямок, углублений, бороздок и располагается на различных участках коронки. Как правило, этот признак отражает последствия стрессов, значительных по силе и продолжительности.

В мужской и женской выборках частота встречаемости эмалевой гипоплазии примерно одинакова и соотносится с максимальными показателями для древнерусских городских групп, что указывает на присутствие стресса в группе (табл. 4, 5).

Однако следует заметить, что частота этого признака на фоне возможных вариантов встречаемости в других группах, испытывающих стрессовое воздействие, в целом не столь высока (максимальные значения достигают 80—95%).

Учитывая эти данные, можно предположить, что стресс в группе Маяцкого связан в первую очередь с резким переходом детей в возрасте 1,5—3 лет на взрослую пищу, менее витаминизированную и калорийную.

Признаки воспалительного процесса и Cribra orbitalia. В группе отмечено несколько случаев специфических инфекций (табл. 4). У женщины (КО348 № 11)

Таблица 4

Частота встречаемости некоторых патологий у населения Маяцкого комплекса, % (*n*)

Признак	Мужчины	Женщины
Кариес	57,7(32)	26,4(45)
Одногенный остеомиелит	18,8(30)	16,7(45)
Выпадение зубов	45,2(34)	26,4(45)
Гипоплазия:		
на верхней челюсти	46,1(28)	44,5(27)
на нижней челюсти	44,6(28)	54,3(33)
Периостит на черепе:		
1 балл	6,3(46)	0(55)
2 балла	0(46)	0(55)
Периостит на большеберцовых костях	3,4(64)	0(55)
Отит	1,3(46)	0(56)
Cribra orbitalia	13,2(46)	13,3(56)
Признаки воспаления	5,1(64)	5,4(55)
Травмы на:		
черепе	12,6(46)	3,6(55)
костях скелета	10,2(64)	0(55)
Признаки рахита	1,7(64)	3,6(55)
Болезни суставов	10,2(64)	0(55)
Болезни позвоночника	1,7(64)	0(55)

на левой теменной кости зафиксирована деструктивная гумма без четко определяемого контура со стороны эндокрана и легким истончением кости со следами пороза. У молодой женщины (КО348 № 13) на правом крыле подвздошной кости обнаружена значительная по величине область холодного абсцесса овальной формы. Локализация и характер воспаления напоминают случай, зафиксированный у молодого человека из Дмитриевской серии (КО96 № 13). Следует добавить, что у женщины отмечены следы дегенеративно-дистрофических изменений в области крестцово-подвздошных сочленений с обеих сторон.

В мужской выборке отмечен один случай воспаления среднего уха, возможно, в результате гнойной инфекции (табл. 4). Воспаление надкостницы (периоститы на черепе и костях скелета) в слабо выраженной степени отмечается также только у мужчин. Возможно, что периоститы в данном случае связаны не с инфекцией, а с пищевым стрессом (некалорийным питанием).

В мужской и женской выборках оценивалась частота встречаемости Cribra orbitalia (характерные симметричные костные поражения в области орбит). По данным некоторых исследователей, Cribra orbitalia — наиболее общая форма поротического гиперостоза — может быть индикатором ранней стадии железодефицитной анемии (Carlson D. et al., 1974).

Эта патология может быть связана также с некоторыми неблагоприятными биосоциальные воздействиями. Наиболее часто она встречается у детей и молодых женщин. Таким образом, дефицит или отсутствие железа в пищевых продуктах, высокая частота инфекционных заболеваний, неблагоприятные социальные факторы (скученность, антисанитарные условия и др.), недостаточное количество таких микроэлементов, как Mg, Zn, Cl, могут способствовать развитию этой патологии (Brothwell D. R., 1961; Lallo J. et al., 1977; Mensforth R. et al., 1978; Walker P. L., 1986).

У мужчин и женщин Маяцкого частота встречаемости Cribra orbitalia примерно одинакова, что, по мнению некоторых исследователей, указывает на присутствие стресса в группе (Goodman A. H. et al., 1984).

Таблица 5

Усредненные показатели частоты встречаемости маркеров стресса на черепе в различных социальных группах, %

Признак	Мужчины			Женщины		
	С	Г	СМК	С	Г	СМК
Кариес	36,4	54,0	60,7	36,0	44,2	33,4
Одонтогенный остеомиелит	17,1	22,0	20,6	11,3	5,6	9,7
Выпадение зубов	58,6	77,3	49,3	35,1	56,6	33,4
Гипоплазия:						
на верхней челюсти	5,9	19,4	52,1	2,4	19,2	52,7
на нижней челюсти	8,7	35,8	45,5	0,0	45,3	57,4
Периостит:						
1 балл	10,5	11,9	10,2	4,0	3,0	2,6
2 балла	5,8	1,1	0,0	0,0	1,3	0,5
Признаки отита	7,3	2,9	4,9	3,9	0,0	1,6
Cribra orbitalia	9,0	9,3	21,3	6,5	19,2	16,5
Травмы	6,7	9,3	11,5	3,3	3,3	5,3

Примечание: С — сельское население (славянские курганные могильники), Г — древнерусское городское население (Витичев, Любеч, Новгород, Старая Рязань, Смоленск), СМК — салтовское население из Маяцкого и Дмитриевского археологических комплексов.

Следует заметить, что эти показатели гораздо ниже значений, отмеченных в Дмитриевской выборке, но соответствуют максимальным значениям, известным для некоторых славянских групп (табл. 4, 5).

Болезни обмена веществ. В маяцкой серии обнаружено три случая искривления диафизов большеберцовых костей. Возможно, что это последствия рахита (табл. 4). Учитывая выше приведенные данные по Cribra orbitalia (маркеру дефицита железа и других микроэлементов) и присутствию периоститов в мужской выборке, можно предположить, что питание в Маяцком, особенно у мужской части населения, не отличалось разнообразием продуктов.

Травмы. Травматические повреждения наиболее часто фиксируются именно в мужской выборке. Черепные травмы можно сгруппировать следующим образом.

1. Компрессионные переломы. У молодого человека (КО357 № 11) с правой стороны следы воспаления надкостницы с бугоркообразными элементами без четко выраженных контуров (размеры поражения 35×25 мм). У женщины (КО342 № 9) на лобном бугре слева следы зажившего перелома (вмятина размером примерно 15×5 мм). У другой женщины, погребенной на территории селища, на левом теменном бугре отмечены следы зажившего перелома без признаков воспаления (размеры поражения примерно 30×27 мм).

2. Ранения острым оружием. У молодого человека (КО318 № 8) на теменной кости справа недалеко от венечного шва отсечена часть кости (размер поражения примерно 25×17 мм) без следов воспаления. У другого мужчины (КО318 № 7) отмечены следы ударов острым оружием в затылочной части теменных костей. Одно из повреждений (область поражения примерно 42×16 мм) с рассечением костей на глубину примерно 7 мм, возможно, было причиной смерти. Эти люди были погребены в одной катакомбе № 7 (погр. 1, 2), очевидно, одновременно.

Уровень черепных травм в исследованных группах маяцкого и дмитриевского населения достаточно высок (13,2 и 21,2% соответственно) и по своим значениям приближается к максимальным показателям, отмеченным в некоторых славянских

сериях (Витичев, Смоленск) (23,5 и 14,3% соответственно). Как правило, наиболее часто травмы отмечаются в мужских группах, исключение составляет выборка из Маяцкого селища, где травмы были зафиксированы только в женской группе. Аналогичная тенденция была отмечена в двух группах московских вятичей (Бужилова А. П., 1993).

На костях скелета зафиксированы переломы как верхних, так и нижних конечностей. У мужчины (КО335 № 43) на левой лучевой кости в нижней трети диафиза отмечен перелом с резким развитием периостита в пораженной области («тестообразные» нашлепки) и воспалением надкостницы в сопредельной области на локтевой кости. У мужчины (КО357 № 28) обнаружена костная мозоль в нижней части диафиза правой плечевой кости, очевидно, следы зажившего перелома, и у него же на левой лучевой кости в нижней трети диафиза отмечена значительная по размеру костная мозоль со следами воспалительной реакции (возможно, более поздняя травма с осложнением). У другого мужчины (КО357 № 13) на правой локтевой кости зафиксирован полный перелом в нижней трети диафиза, лучевая кость не задета, признаков периостита нет.

Очевидно, что перелом кости произошел посмертно. По мнению В. С. Флёрова, у населения Маяцкого существовал обычай обезвреживания мертвых посредством перелома костей конечностей (Флёров В. С., 1984). Возможно, это один из случаев.

У мужчины (КО357 № 2) в верхней трети диафиза бедренной кости отмечена костная мозоль размером примерно 45×5 мм. У молодого человека (КО357 № 35) на правой большеберцовой кости в середине диафиза отмечены следы зажившего перелома, в нижней части диафиза — признаки резкого развития периостита, особенно в области Lig. tibiofibulare. Зафиксированы резкие краевые разрастания в местах сочленения с пяточной костью, и отмечено развитие периостита в сопредельной области на большеберцовой кости. Очевидно, что это последствия одной и той же травмы правой голени.

Болезни опорно-двигательной системы. В мужской серии, как и в выборке из Дмитриевского, обнаружено значительное число заболеваний суставов. Дегенеративно-дистрофические изменения отмечены в правом коленном, тазобедренном и крестцово-подвздошных суставах у мужчины из катакомбы № 20 (КО318 № 11). Незначительные деструктивные изменения в области правого крестцово-подвздошного сустава отмечены в двух случаях у мужчины и женщины (КО357 № 27, КО348 № 11). Случай резкого деформирующего артроза зафиксирован у мужчины (КО357 № 45) в области правого тазобедренного сустава. На бедренной кости головка полностью разрушена, в области вертлужной впадины отмечено срастание фрагментов головки бедра к суставной площадке вследствие острого воспалительного процесса. Очевидно, что такое резкое деструктивное изменение привело к полной иммобилизации (обездвиживанию) конечности. У другого мужчины (КО357 № 57) поражен левый тазобедренный сустав: на головке бедра следы дегенеративных изменений, в области вертлужной впадины зафиксировано образование новой суставной площадки (процесс не закончен, следы воспалительного процесса).

В двух случаях у мужчин (КО342 № 16, КО357 № 30) отмечены следы воспалительного процесса на большеберцовых костях (разрастание костной ткани в области Lig. tibiofibulare). Эти поражения могут быть как последствиями травмы, так и результатом проникновения инфекции через ток крови. Еще один случай поражения правого коленного сустава (возможно, гонит) с развитием остеофитов и следами воспалительного процесса отмечен у другого мужчины (КО348 № 4).

У мужчины (КО342 № 1) на позвоночнике отмечено срастание двух последних грудных позвонков с правой стороны при помощи клювовидных остеофитов (свыше 10 мм).

К сожалению, наблюдения на позвоночнике весьма отрывочны в серии из-за

Таблица 6

Средний возраст смерти у населения Дмитриевского комплекса по хронологическим периодам

Этап	Мужчины	Женщины	Общая выборка
Первый	38,4(11)	32,2(15)	53,3
Второй	44,5(30)	39,2(24)	41,8
Третий	42,9(8)	37,4(10)	40,2

фрагментарности представленного материала. В целом патологии на позвонках отмечались главным образом в мужской выборке.

* * *

Население Маяцкой и Дмитриевской групп характеризуется сходными демографическими показателями. Возможно, это сходство объясняется единством этнического субстрата, сходством культурных традиций и хозяйственно-экономического уклада рассматриваемых популяций.

Незначительная частота встречаемости генетически детерминированных признаков свидетельствует о достаточно высокой разнородности исследуемого населения.

Следует подчеркнуть, что по разным показателям отмечается присутствие пищевого стресса в мужской выборке, возможно, связанное с однообразной некалорийной пищей (кариес, периоститы, Cribra orbitalia).

Тем не менее в выборке из Маяцкой группы показатели Cribra orbitalia и эмалевой гипоплазии значительно уступают аналогичным данным, полученным для Дмитриевской группы. Однако эти показатели выше средних значений, отмеченных в славянских группах, а коэффициенты полового диморфизма несколько занижены, что указывает на присутствие стресса в группе (Goodman A. H., 1989).

Наличие завышенных показателей маркеров стресса в группе может быть связано и с определенным этапом освоения среды. Так, при обследовании населения из Дмитриевской группы удалось определить по демографическим показателям, что основное, наиболее массированное воздействие стресса дмитровцы испытали на начальном этапе освоения нового места жительства (табл. 6). К сожалению, на Маяцком комплексе археологам не удалось выделить каких-либо характерных хронологических этапов, поэтому мы, опираясь на демографическое сходство показателей, можем предположить, что время стрессовых процессов в Маяцком комплексе совпадает, возможно, с третьим хронологическим этапом по схеме С. А. Плетневой (Плетнева С. А., 1989).

Прокомментируем датировки по данным археологии. Нижняя граница существования Дмитриевского комплекса — середина VIII в. (Плетнева С. А., 1989), а Маяцкого, по мнению В. С. Флёрова (Флёров В. С., 1984), конец VIII в., по мнению С. А. Плетневой, не раньше IX в. Тогда возникает предположение, что выборка из Маяцкого (хронологически более поздняя) может быть уже более или менее адаптированной группой по сравнению с выборкой из Дмитриевского. Возможно, что популяция из Маяцкого — это «вторая волна» миграции уже внутри территории Хазарского каганата и ее представители — это потомки разных групп первых мигрантов-алан. Этот тезис хорошо согласуется с результатами патологического анализа. У населения Маяцкого комплекса отмечены заниженные показатели неспецифических инфекций, средний уровень развития кариеса, что указывает на высокий иммунный потенциал группы, ведь у мигрантов, как правило, наблюдается разбалансировка иммунной системы вследствие адаптивного процесса. К тому же, по данным краниологии, выборка из Маяцкого — это скорее

механическая смесь из нескольких антропологических вариантов (разные племенные группировки алан), чем метисная более однородная группа, как это отмечается в дмитриевской выборке (Кондукторова Т. С., Сегеда С. П., 1990).

Таким образом, наличие стресса в группе можно объяснить присутствием генерализованного воздействия экзогенных факторов, определяющих некоторую дискомфортность образа жизни населения из Маяцкого комплекса, например недоеданием, некалорийным питанием, антисанитарными условиями, повышенной плотностью населения. Следует подчеркнуть, что по многим маркерам стресса население Маяцкого (особенно мужчины) схоже с населением Витичева и Старой Рязани. Возможно, это объясняется военной специализацией этих групп.

Травматические поражения — наиболее характерные маркеры военной жизни, и в группе из Маяцкого травмы встречаются преимущественно в мужской выборке. Это и компрессионные переломы, и ранения острым оружием на черепе, травмы на костях скелета — как на верхних (преимущественно левое предплечье), так и на нижних конечностях (преимущественно правая голень). Следует подчеркнуть, что в отличие от других групп, где встречаются либо травмы верхних конечностей (славяне), либо нижних (дмитровцы) у мужчин из Маяцкого такой специализации не наблюдается. Возможно, это указывает на использование разных приемов ведения боя (как пешие воины, так и воины-всадники).

В маяцкой, как и в дмитриевской, выборках отмечено достаточно большое количество случаев заболеваний суставов и сухожилий (артриты и артрозы), зафиксировано несколько случаев поражений на черепе, свидетельствующих о наличии какой-то специфической инфекции в группах. Она встречается преимущественно у мужчин и поражает в значительной степени крупные суставы, сухожилия опорно-двигательной системы.

Опираясь на палеопатологические и отчасти археологические данные, можно предположить, что в группах Маяцкого и Дмитриевского комплексов мог быть очаг инфекционно-аллергического заболевания — бруцеллеза. Археологические и исторические данные указывают на развитие пастушеского скотоводства у населения салтово-маяцкой культуры. В состав стада входили крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи (Плетнева С. А., 1967; Матолчи Я., 1984). По данным Ек. Е. Антипиной (устное сообщение), в остеологической серии из Маяцкого поселения отмечены случаи артритов, которые можно рассматривать как следствие определенной инфекции. Возможно, заражение людей происходило как алиментарным путем через зараженные молочные продукты, так и при непосредственном уходе за животными (прием родов и т. д.) в летнее время на пастбищах, где в основном работали мужчины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бужилова А. П., 1992. Изучение физиологического стресса у древнего населения по данным палеопатологии // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М.

Бужилова А. П., 1993. Вятичи московские: комплексный антропологический анализ // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

Кондукторова Т. С., Сегеда С. П., 1987. Краниологическая и одонтологическая характеристика людей из Маяцкого VIII—IX вв. н. э. // Вопр. антропологии. Вып. 78.

Кондукторова Т. С., Сегеда С. П., 1990. Краниологическая и одонтологическая характеристики людей салтово-маяцкой культуры из села Дмитровское // Вопр. антропологии. Вып. 84.

Матолчи Я., 1984. Кости животных с городища, селища и могильника // Маяцкое городище. М. Маяцкое городище, 1984. М.

Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам // МИА. № 142.

Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М.

Флёров В. С., 1984. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М.

Acheson R. M., 1960. Effect of nutrition and disease on human growth // Human growth / Ed. J. M. Tanner. N. Y.

Brothwell D. R., 1961. The Palaeopathology of Early British Man: An Essay on the Problems of Diagnosis and Analysis // The J. of the Royal Anthrop. Institute of Great Britain and Ireland. V. 91. P. 2.

Carlson D., Armelagos G., Van Gerven D., 1974. Factors influencing the etiology of Cribra orbitalia in prehistoric Nubia // J. Hum. Evol. № 3.
Goodman A. H., 1989. Dental enamel Hypoplasias in prehistoric populations // Adv. Dent. V. 3. № 2.
Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., 1984. Indications of stress from bone and teeth // Paleopathology at the origins of agriculture / Eds Cohen M. N., Armelagos G. S. L.; Orlando.
Hunt E. E., Hatch J. W., 1981. The estimation of age at death and ages of formation of transverse lines from measurements of human long bones // Amer. J. of Phys. Anthropol. № 54.
Lallo J., Armelagos G. J., Mensforth R. P., 1977. The role of diet, desease and physiology in the origin of porotic hyperostosis // Human Biology. № 49.
Mensforth R., Lovejoy C., Lallo H., Armelagos G., 1978. The role of constitutional factors, diet and infections disease in the etiology of porotic hyperostosis and periosteal reactions in prehistoric infants and children // Med. Anthropol. № 2.
Walker P. L., 1986. Porotic Hyperostosis in a Marine-Dependent California Population // Amer. J. Phys. Anthropol. № 69.

Институт археологии РАН,
Москва

A. P. BUZHILOVA

THE PALAEOPATHOLOGICAL DESCRIPTION OF MAJATSKOYE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX POPULATION

Summary

The article is devoted to the results of the preliminary palaeopathological analysis of the burials from Majatskoye burial ground (Saltovo-Majatskoye culture). The author analyzed the demographic, craniometry, odontological and geneticaly inherited features as well as the data about the physiological stress and supposed that: 1. the ancient Majatskoye population formed on the basis of the different Alans tribal groups; 2. probably it was the later settlement inside the already formed Khazar caganat; 3. the great frequency of the traumas and the certain peculiarities of the pathological changes in the male joints testify to the military activity of the population; 4. there are the signs of the bacteriae infection (frequently among the men). Probably it was the brucellosis which is carried by the cattle, horses, goats and sheep.

Публикации

Л. В. ГОЛОВАНОВА, Г. Ф. БАРЫШНИКОВ, Г. М. ЛЕВКОВСКАЯ, С. А. НЕСМЕЯНОВ

МНОГОСЛОЙНАЯ ПЕЩЕРНАЯ МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА МАТУЗКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(по исследованиям 1985—1989 гг.)

Часть II *

Фауна. Из мустьерских отложений грота Матузка в ходе археологических раскопок были собраны многочисленные костные остатки земноводных, рептилий, птиц и млекопитающих. В слоях 5—7 найдено несколько обломков позвонков лососевых рыб. Земноводные и рептилии представлены во всех слоях; обычны косточки жаб (Bufo sp.) и мелких ящериц (Lacerta sp.). Птицы почти полностью относятся к мелким видам отряда воробьинообразных. Кости маленьких позвоночных животных попадали в пещеру преимущественно с погадками сов. Остатки крупных млекопитающих относятся главным образом к «кухонным отбросам» от трапез древних обитателей стоянки или же накапливались в результате жизнедеятельности крупных хищников.

Видовой состав млекопитающих. Фауна млекопитающих грота Матузка подробно охарактеризована в специальной публикации (Барышников Г. Ф., Голованова Л. В., 1989). Определено около 40 видов из 7 отрядов. Интересны совместные находки лесных форм: Dryomys nitedula, Clethrionomys glareolus (ранее отмечавшиеся только в плейстоцене Закавказья) — и типичных обитателей северокавказских степей — Ochotona cf. pusilla, Spalax microphantalamus, Cricetus cricetus. Отметим эндемичный подвид серого хомячка — Cricetulus migratorius guamensis. Среди крупных млекопитающих доминируют остатки кударского пещерного медведя (Urusu deningeri kudarensis), далее следуют остатки козла или барана, благородного оленя, кавказского козла, лисицы (табл. 1). В слое 6 найдена копытная фаланга носорога (Dicerorhinus sp.) — это первая регистрация остатков носорога в мустьерских слоях пещер Северного Кавказа.

Биостратиграфические замечания. Соотношение по слоям пещеры количества косточек мелких млекопитающих разной биотопической приуроченности показывает их закономерные изменения, связанные с плейстоценовой динамикой высотных ландшафтных поясов Большого Кавказа (рис. 1).

Наиболее интересны палеогеографическая обстановка и время формирования самого нижнего слоя 7. Он вскрыт пока на небольшой площади. В собранной коллекции грызунов преобладают степные и лугово-степные виды (Cricetulus, Microtus arvalis), отмечены также формы скально-луговых (Chionomys gud) и лесных биотопов (Dryomys, Apodemus). Среди летучих мышей (определение Б. Волошина) встречаются теплолюбивые виды — большой подковонос (Rhinologhus ferrumeginum) и длиннокрылые (Miniopterus schreibersi). Примечательна находка костей дистальных отделов конечностей очень крупного сурка. Возможно, он

* Часть I см. в № 3, 1995 г. журнала.

© Л. В. Голованова, Г. Ф. Барышников, Г. М. Левковская, С. А. Несмеянов, 1995 г.

Таблица 1

Видовой состав и численность костных остатков млекопитающих из грота Матузка

Виды	Голоцен	Мустье														Всего
		3			4				5			5а	5б	6	7	
	1—2	а	б	в	а	б	в	г	1	2	3					
Insectivora																
Insectivora Talpa cf. caucasica Satun.		1			1	1		1						1	2	7
Sorex raddei Satun.						1										1
Sorex sp.					2	2		1		1				1	1	8
Chiroptera indet. Lagomorpha	39	1	15	5	144	16	16	15	12	10	14	1		11	31	330
Lepus europaeus Pall.		2				1		1					1	1		6
Ochotona cf. pusilla Pall.					2			4			2		3	4	2	17
Rodentia																
Spermophilius cf. musicus Minet.									1			1		1		3
Dryomys nitedula Pall.					1				1						1	3
Sicista sp.					1											1
Spalax microphtalmus Güld.		4	1		8			1	2		2	1		2		21
Apodemus sylvaticus L.					2	2	3	4	3		1			1	1	17
Apodemus flavicollis Melh.	1		1		5	3	1			1		1				13
Cricetulus migratorius guamensis Baryshn.					10	6		2	5	4	9	8	2	6	3	55
Cricetus cricetus L.		2	2		16	4	2	1	6	2	3	2	1	1	1	43
Clethrionomys glareolus Schreb.			3		9	3	2	2								19
Arvicola chosaricus Alexandr.		10	5		19	8	2	3	8	5	15	13	3	15		106
Chionomys nivalis Martins									1							1
Chionomys gub Satun.		7	7		10	1		2	1	1	6		1	4	3	43
Chionomys roberti Thom.		1			1	1		1		1	3		2	2	2	14
Pitymys daghestanicus Shidl.		1	1		5	2					1	1		1		12

Pitymys majori Thom.			1		5		1	1	2	1	3			4	1	19
Microtus arvalis L. s. 1.		22	3		22	3	1	8	7	9	21	11	8	18	7	140
Arvicolinae indet.		95	26	1	140	70	70	35	94	112	227	42	27	160	54	1153
Carnivora																
Canis lupus L.			1		2/1		2/1									5
Vulpes vulpes L.			2/1		7/1		2/1	3/1	1	2/1		2/1		1		18
Cuon alpinus caucasicus Baryshn.			4/1													4
Ursus deningeri kudarensis Baryshn.		38/2	136/3	4/1	96/3	64/2	160/4	13/1	62/2	155/2	31/2		3/1	106/2	18/2	848
Ursus sp.	3/1															3
Martes sp.			1							2/1				1		4
Vormela peregusna Güld.		1														1
Mustela (Gale) boccamela Bechst.					2/1						2/1					4
Mustela (Gale) nivalis L. Perissodactula		1			1				4/2	2/1	1			1		10
Dicerorhinus sp. Artiodactyla														1		1
Capreolus capreolus L.						4/1								2/1		6
Crevus elaphys L.	2/1		3/1		1	3/1	4/1		3/1	1	1				3/2	22
Bison sp.			1		1						1			1		4
Capra caucasica Güld. et Pall.		11/1	6/2		8/2	6/1	3/2	1	2/1	2/1				5/2		44
Неопределимые обломки крупных костей	2	152	453	4	697	332	441	59	205	42	60		8	175		2630
Итого:	47	349	672	14	1218	533	710	158	420	313	403	83	59	526	130	5635

Примечание. Для охотничьих промысловых видов в знаменателе дано количество костных остатков, в числителе — минимальное число особей.

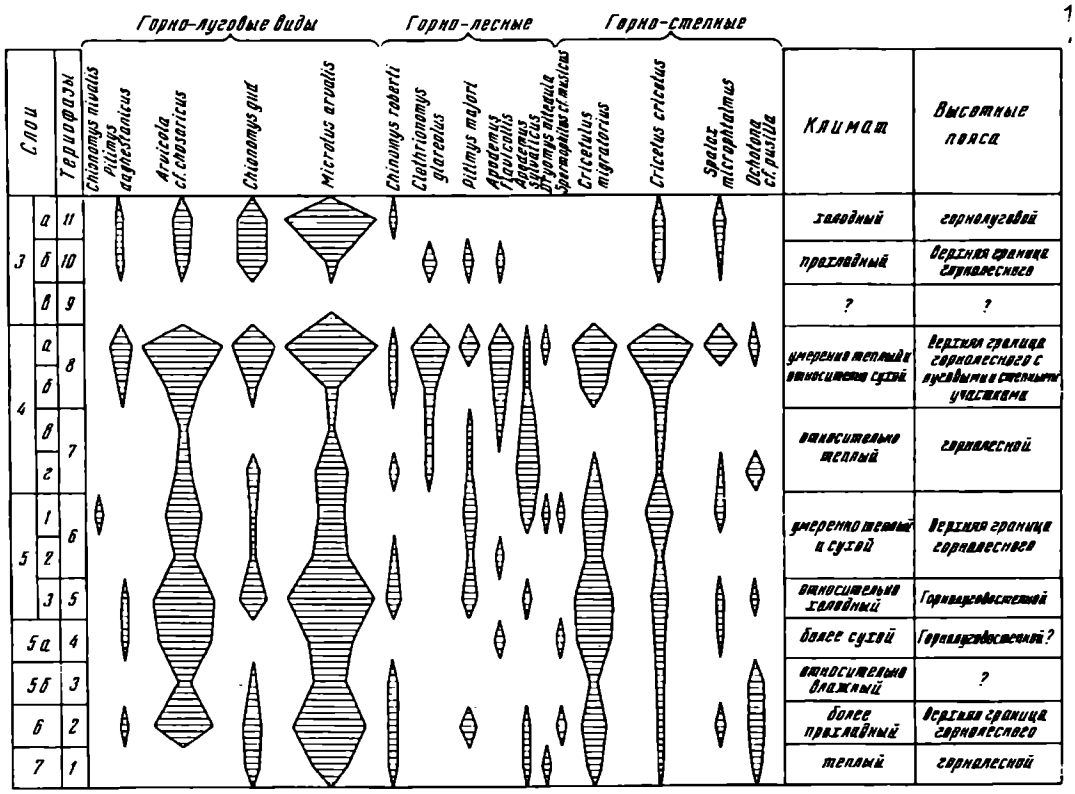


Рис. 1. Изменения относительного обилия зубов мелких млекопитающих («погадочный материал») в слоях грота Матузка и палеогеографические реконструкции

родственен гигантскому сурку из рода Paenemarmota, встречавшемуся в раннем плейстоцене Северной Америки.

Важное биостратиграфическое значение имеет то обстоятельство, что доля архаичных морфотипов первого нижнего коренного зуба M_1 у гудаурской полевки (Ch. gud) в слое 7 близка к той, которая наблюдается у полевок из ашельских слоев 4—7 в пещере Треугольная в Карачаево-Черкесской АО. Можно предполагать, что базальная часть отложений грота Матузка (слой 7 или только нижняя его половина) датируется древним хронологическим уровнем (рисс-вюрм или рисс), очевидно, наиболее ранним из известных в пещерном мустье Кавказа.

Средняя пачка отложений (слои 5—6) характеризуется 5 териофазами (рис. 1). Обычны горно-луговые (Arvicola cf. chosaricus), горно-лугово-степные (Microtus arvalis), горно-степные (Ochotona, Cricetus, Cricetulus) и горно-лесные виды (Pitimys majori), которые свидетельствуют о положении пещеры у верхней границы горно-лессостепного пояса.

В верхних слоях 3—4 хорошо вычленяется лесная териофаза 7 (слои $4^{в,\ г}$) с Clethrionomys glareolus, Apodemus и ряд последовательных фаз, фиксирующих прогрессивное похолодание климата. Наибольшее относительное обилие горно-луговых грызунов наблюдается в слое $3^{а}$ (териофаза 11). Здесь встречены Pitimys daghestanicus, microtus arvalis, Cricetus cricetus, Cricetulus migratorius guamensis, Spalax microphtalmus. Следует отметить также присутствие Cuon alpinus. Эта группировка млекопитающих может быть сопоставлена с фауной слоя 3 в пещере Кударо 1 в Юго-Осетии, который датируется средним вюрмом. Для обоих сравниваемых фаун характерно также преобладание ископаемых костей козла над остатками оленя (в гроте Матузка приблизительно в 3 раза).

Археозоологические замечания. В мустьерских слоях Матузки резко преобладают костные остатки кударского пещерного медведя: слои 3—4 — 86,6%, слои 5—6 — 88,8%, слой 7 — 80,8% от всех остатков крупных млекопитающих.

Таблица 2

Корреляция * фитофаз, реконструированных по полинологическим данным, с териофазами

Предварительная датировка	Культурный слой	Пачка	Слой	Териофаза	Фитофаза	Зональные особенности растительности
		IV				
III_4	Средневековье — неолит		1	—	15	Низкогорные полидоминантные широколиственные леса, сходные с современными
			2	—	14	Среднегорные широколиственные липовые леса. Нижний предел пихты
	Мустье		$3^а$	11	13	Верхний предел лесов, пыльца древесных недоразвита
					12	По пыльце — альпийской пояс. По фауне — максимум горно-луговых видов грызунов. Много остатков козла
			$3^б$	10	11	Низ субальпийского пояса. Доминирует мезофильное разнотравье, синюховые. Заносится пыльца сосны
		III	$3^в$	9?	10?	Пыльца и фауна не обнаружены
			$3^в$—$4^а$		9	Низкогорные или предгорные вязовые леса с ольхой
					8	Пыльца единична
W_2			$4^а$	8	7	Верхнегорные сосновые и березовые леса с ольхой, реже — грабом и злаковые луга. Пыльца коллоидирована
			$4^б$		6	Лесостепь со среднегорными широколиственными (дуб, вяз, примесь ольхи) и сосновыми лесами. Есть степные элементы среди травянистых. Доминируют травянистые
			$4^в$			Верхнегорные леса, более ксерофильные, чем современные, нет пихты, ели. Мало бука. Господствует сосна. По фауне — лесные условия
			$4^г$	7	5	
			5	6	4	Луговые степи. Из древесных — вяз, ольха, орех, дзельква
W_1			II		3	Лесостепь. В лесах господствует вяз. Есть экзоты — грецкий орех, дзельква. Среди травянистых господствует разнотравье, много лебедовых, пыльца коллоидирована
				5	—	По фауне: верхняя граница горно-лесостепного пояса (слои $5^б$, $5^а$, а также — 6 и 5). Палинологически слои $5^а$ и $5^б$ не изучались
	Стерильно		$5^а$	4	—	
			$5^б$	3	—	
	Мустье		6	2	2	Лесостепь: леса из самшита, вяза и разнотравные луга. Фауна: есть элементы широколиственного леса
R—W		I	7	1	1	Единичные находки низкогорных растений и экзотов (рекогносцировочный анализ). По фауне: преобладают степные и лугово-степные виды. Есть экзоты и теплолюбы

* Корреляция выполнена Г. М. Левковской.

Доминирование на стоянке Матузка костей пещерного медведя сближает ее с мустьерскими памятниками Закавказья, Черноморского побережья (Малая Воронцовская, Ахштырская, Мачагуа), где остатки медведя превышают 90% от общего числа охотничьей добычи, а также Имеретии (Цуцхвати, Джручула) и Южной Осетии (Кударо). На предгорных (Ильская) или низкогорных (Баракаевская, Монашеская) стоянках Северного Кавказа кости пещерного медведя редки

или вообще отсутствуют. Здесь древние охотники добывали стадных копытных, преимущественно бизона.

Из охотничье-промысловых видов млекопитающих, входивших в палеоменю мустьерских обитателей грота Матузка, следует отметить горных парнокопытных: козел или баран (3,8%), олень (3,2), козел (2,2), косуля. Их остатки мелко раздроблены и принадлежат главным образом взрослым животным.

Палинология и палеогеография *. В настоящее время пещера расположена в нижней части пояса широколиственных лесов. Здесь практически нет хвойных древесных пород. Они характерны уже для более высоких лесных поясов района, где встречаются Pinus sylvestris, много Abies nordmanniana, Fagus orientalis. Лишь отдельные сосны растут на каменистых склонах. Лесостепь предгорий начинается в нескольких десятках километров к северу от грота. В лесах и их подлеске встречаются некоторые колхидские элементы и экзоты.

Рассмотрим палеогеографические реконструкции, полученные на основе палинологических материалов. Сопоставим палинологические материалы с данными по литологии отложений и палеозоологии (табл. 2).

Литологическая пачка I. Слой 7 с археологическими мустьерскими находками, почти без обломочного материала, по фаунистическим данным формировался во время теплого интервала (териофаза 1 с элементами широколиственных лесов и архаичными морфотипами гудаурской полевки). Палинологически он охарактеризован пока лишь одним образцом (фитофаза 1). В составе ископаемой палинофлоры встречены остатки растений — индикаторов растительности нижнегорного пояса (Anogramma Link и др.). Из древесных встречена пыльца орешника, необычная по морфологии пыльца дуба, из травянистых — необычная по морфологии пыльца вересковых, злаков. Обнаружен ряд неопределенных форм, принадлежащих, по-видимому, экзотам (семь морфологических типов пыльцы).

Литологическая пачка II (слои 6, $5^б$, $5^а$, 5). Эти мустьерские слои имеют некоторое литологическое сходство со слоем 7. Данной пачке отвечает пять териофаз.

Слой 6 — териофаза 2: есть элементы широколиственных лесов; верхняя граница горно-лесного пояса. Слой $5^б$ — териофаза 3: лесных элементов почти нет; много лугово-степных видов, есть горно-степные виды. Слой $5^а$ — териофаза 4: горнолуговостепной (?) пояс. Слой 5 — горизонт 3 — териофаза 5: горно-луговостепной пояс. Слой 5 — горизонты 1, 2 — териофаза 6: верхняя граница горнолесного пояса.

По составу палинологических комплексов (фитофазы 2—4, табл. 2), полученных для низов (слой 6) и верхов (верхи слоя 5) этой пачки, она, очевидно, соответствует одному крупному циклу осадконакопления, а между слоями 5 и 4Г, по-видимому, существовал значительный хронологический разрыв, так как только в слоях 6 и 5 найдена пыльца экзотов, отсутствующая во всех вышележащих отложений. Здесь встречено 10 экзотических по морфологии типов пыльцы травяно-кустарничковых растений. Определены экзоты из числа древесных пород — Juglans, Zelkova. Первый вид обычен сейчас на Кавказе в садах. В некоторых лесах его считают одичавшим. Первичные естественные леса из Juglans известны только в восточном Закавказье, Zelkova растет лишь в реликтовых центрах Кавказа — Колхиде и Талыше.

Вторая особенность отложений пачки II — господство здесь сильно минерализованной пыльцы. Степень минерализации различна. У некоторых зерен из-под минеральной оболочки просвечивает даже протоплазма, т. е. они были покрыты минеральным коллоидом сразу же после попадания в почву. Встречены мине-

* Все слои охарактеризованы пока лишь 17 образцами, отобранными из раскопок 1986 г. Поэтому раздел иллюстрирован не диаграммой, а таблицей (табл. 3). Пыльца и споры единичны в двух образцах (верхи слоя 4А и низы слоя 3П). В остальных пробах количество зерен колеблется от 50 до 440 форм на препарат. Исследовалось от 3 до 30 препаратов, в результате чего удалось получить достаточно представительные комплексы.

ральные «слепки» с пыльцевых зерен, т. е. зерна полностью замещены коллоидом. Очень много неопределимых контуров пыльцы, почти полностью разложившихся в результате химического выветривания. В пещеру, по-видимому, проникали сильно минерализованные воды.

Пачке II, проанализированной палинологически пока лишь фрагментарно, соответствуют три фазы в развитии растительности. Корреляция фитофаз 2—4 с конкретными слоями данной толщи пока не ясна, так как слои $5^а$, $5^б$ выделены в последние годы раскопок.

Фитофаза 2 — (низы слоя 6). Лесные и травянистые группировки занимали примерно одинаковые площади. Среди древесных господствовали Buxus, Ulmus carpinifolia (растение открытых лесостепей — степей и пойм южных рек). Реже встречался Alnus. Доминировали травянистые ценозы, образованные Varia (Iris, Plantago, Utricularia, Fabaceae, Lamiacear, Polygonum, Caryophyllaceae). На сухих склонах встречались Artemisia, Chenopodiceae, Plumbago sp. Зональный тип растительности — луговые степи или лесостепь. Фитофаза 3 (верхи слоя 5) — облесенность близка к предыдущей. Но в лесах сократилось участие Buxus, господствовали Ulmus carpinifolia, Alnus, Corylus. Расширились площади ценозов, образованных Chenopodiaceae. Климат суше, чем в предыдущем этапе. Теплая лесостепь. Фитофаза 4 (верхи слоя 5) — луговые степи с участками широколиственных лесов из Ulmus cf. carpinifolia, Alnus, Populus, с экзотами — Juglans, Zelkova. Травянистые ценозы образованы Varia. В это время были сильны процессы химического разложения пыльцы — в спектрах встречено огромное количество неопределимых из-за разложения контуров Angispermae.

Предварительно можно предполагать, что пачка II, изученная разными методами пока фрагментарно, формировалась в условиях сложной динамики растительности и климата при значительном распространении в районе горно-лугово-степных ценозов и различной степени облесенности территории в разные этапы. Верхняя граница горно-лесо-степного пояса или низкогорные лесостепи были зональными типами растительности в криомеры или термомеры времени образования пачки II.

Литологическая пачка III (слои $4^г$, $4^в$, $4^б$, $3^в$, $3^б$, $3^а$). Слои $4^г$ и $4^в$ с большим количеством обломочного материала формировались примерно в одинаковой палеоэкологической обстановке — им соответствует одна фаза растительности (5) и одна териофаза (7). В фаунистическом комплексе обнаружено наименьшее в пределах разреза количество степных и горно-луговых видов. Много лесных. По палинологическим данным господствовали леса из Pinus sylvestris с Polypodiaceae почти без примеси широколиственных древесных пород. Условия верхнегорного пояса хвойных лесов. Из влаголюбивых древесных пород, имеющих значительное распространение в современном верхнегорном поясе (Abies, Fagus), в прошлом изредка встречался Fagus. Климат не благоприятствовал химическому выветриванию (пыльцевые зерна в отличие от слоя 5 без минерального коллоида). Он был прохладнее современного.

Слоям $4^а$ и $4^б$ соответствует одна териофаза (8). Для нее характерно сочетание различных по экологии элементов — степных (максимальное количество находок в разрезе), лесных (много), широколиственных лесов, а также горно-луговых. По палинологическим данным указанные экзотопы соответствуют различным горизонтам слоев $4^а$ и $4^б$. Палинологические материалы указывают на сложную, до конца еще не выясненную динамику климата в период формирования слоев $4^б$ и $4^а$ (фитофазы 6—9). Слой $4^б$ (фитофаза 6) — лесостепь или степь с участками среднегорных смешанных (Quercus, Abies, Pinus, Ulmus, Alnus) широколиственно-хвойных лесов. В составе травянистых господствует Varia, есть и степные элементы. Низы слоя $4^а$ (фитофаза 7): лесные условия верхнегорного пояса. Сочетание лесов из Pinus, Betula, Alnus с редкими Caprinus. Леса из Betula сейчас характерны на Кавказе для субальпийского пояса или верхней части лесного пояса. На лугах господствовали Poaceae. В пещеру снова просачивались

сильно минерализованные воды, покрывшие почти все пыльцевые зерна минеральным коллоидом.

Середина слоя $4^а$ (фитофаза 8) — экология не ясна (пыльца единична). Контакт слоев $4^а$ и $3^в$ (фитофаза 9) — господство широколиственных лесов из Ulmus и лесов из Alnus. Климат теплый. Таким образом, палинологическая и фаунистическая характеристики слоев $4^б$ и $4^а$ будет уточняться. Предварительно можно сделать вывод о том, что слой $4^б$ формировался в более ксерофильной обстановке, чем низы слоя $4^а$. Во время формирования слоя $4^а$ климат был прохладным. На контакте слоев $4^а$ и $3^в$ зафиксировано кратковременное потепление.

В слое $3^в$ пока не удалось обнаружить костные остатки (териофаза 9), а также пыльцу и споры (фитофаза 10).

Слои $3^б$ и $3^а$, содержащие большое количество крупного, оглаженного щебня, по фаунистическим и палинологическим данным формировались в хорошем климате. Этим слоям соответствуют две теорифазы. Териофаза 10 — сочетание лесных и горно-луговых элементов. Териофаза 11 — максимальное количество находок горно-луговых видов грызунов, разное преобладание остатков козла над оленем. По палинологическим данным, слоям $3^б$, $3^а$ и пограничному горизонту слоев 3 и 2 соответствуют три фазы в развитии растительности. Слой $3^б$ (фитофаза 11) — господствуют субальпийские луга с Polemoniaceae и другими растениями. Среди древесных есть Pinus и Alnus. Слой $3^а$ (фитофаза 12) — пыльца и споры единичны. Имеются свидетельства незадернованности склонов (найдена Ephedra), определена Woodsia alpina.

Пограничный горизонт слоев 3 и 2 (фитофаза 13) — субальпийский пояс. Древесные породы продуцируют мелкую или уродливую пыльцу.

Литологическая пачка IV — слои 2—1 с энеолитической и средневековой керамикой. Они практически не содержат обломочного материала и выделяются в разрезе коричнево-черной окраской. Фауна в этих слоях не найдена. Спорово-пыльцевые спектры слоев 2 и 1 отличаются наибольшей насыщенностью пыльцой, прекрасной сохранностью всех форм. Выделяются лесные фитофазы 14 (слой 2) и 15 (слой 1). Фитофаза 14 — леса из Tilia с примесью других широколиственных пород, встречался угнетенный Abies (пыльцы насчитывается до 10%) — граница нижне- и среднегорного поясов. Фитофаза 15 — низкогорные полидоминантные широколиственные леса из Alnus, Corylus, Carpinus, Fagus, Quercus.

Таким образом, палеогеографическая обстановка в мустье отличалась от современной. Для мустье реконструировано 13 фитофаз и 11 териофаз. Доминирование широколиственных лесов отмечалось лишь в период формирования нижних и верхних горизонтов отложений грота (пачки I и IV) и, возможно, кратковременно в период формирования пограничного горизонта слоев $4^а$ и $3^в$. В прошлом отмечалась сложная динамика климата. Приведенные материалы говорят о возможности в будущем (после изучения всей серии образцов) получить для района детальную палеоклиматическую шкалу для мустье Северо-Западного Кавказа.

Хронология. Литологические, фаунистические, палинологические и археологические данные говорят о том, что отложения разреза Матузки формировались на протяжении трех крупных циклов осадков накопления (табл. 2).

Верхи разреза (слои 1 и 2) с керамикой эпох энеолита и средневековья образовались во второй половине голоцена (первый цикл осадконакопления). Между голоценовым слоем 2 (низы пачки IV) и верхним плейстоценовым слоем $3^а$ (кровля пачки III) существует значительный хронологический разрыв. В разрезе отсутствуют верхнепалеолитические находки и осадки с очень сухими и холодными спектрами, полученными Г. М. Левковской для позднепалеолитической стоянки Губский навес 1 на северо-западном Кавказе.

По фаунистическим данным верхние горизонты мустьерской толщи сопоставимы с субальпийской териофазой мустьерского слоя 3 в пещере Кударо 1 из Южной Осетии. Археологический инвентарь слоев $4^б$ и $4^а$ Матузки имеет некоторые

сходства с Губскими мустьерскими стоянками, а слоев $4^а$ и $3^б$ — с Хостинскими мустьерскими памятниками. По палинологическим данным Г. М. Левковской (Любин В. П. и др., 1989), мустьерский слой 3 в пещере Кударо 1 формировался в условиях последовательной смены трех климатических осцилляций: 1) холодной и влажной (господство субальпийских березняков и лугов); 2) несколько более теплой, чем предыдущая (но холоднее современной); 3) холодной и сухой. Палинологические данные по гроту Матузка указывают на возможность корреляции слоя $3^б$ Матузки (Фитофаза 11, нижняя часть субальпийского пояса) или слоя $3^а$ (фитофаза 13, пыльца древесных недоразвита) с мустьерским слоем 3 пещеры Кударо 1.

Для слоя 3 в Кударо 1 имеется датировка по торий-урану: около 44 тыс. лет назад. Хронологически она отвечает более молодому из двух похолоданий раннего Валдая, которое, по Х. А. Арсланову (Арсланов Х. А., Гей Н. А., 1987), отмечалось между 45 тыс.— 42 тыс. 500 лет назад. Верхи отложений влажной прохладной климатической осцилляции (фаза пихты в поясе современных низкогорных лесов Колхиды) получили датировку по ^{14}C около 41 тыс. лет (Арсланов Х. А. и др., 1980). Осадки сухой и холодной климатофазы сформировались здесь около 38 тыс.— 35 тыс. лет назад. Они получили датировки по C^{14} около 38 тыс. 280 и 35 тыс. 470 лет назад в разрезе Дзигутский торфяник, 35 тыс. 680 лет назад — на мустьерской стоянке Воронцовская пещера (Чистяков Д. А., 1986), 35 тыс. лет назад — на мустьерско-верхнепалеолитической стоянке Ахштырская пещера (слой 3_1) (Векилова Е. А. и др., 1978). Приведенные выше археологические, фаунистические, палинологические и радиоуглеродные данные говорят о значительной древности верхней мустьерской пачки III разреза Матузки. Они указывают на возможность датировки мустьерских слоев, связанных с этой пачкой, средним вюрмом.

С циклом осадконакопления II связано формирование в разрезе Матузка мустьерских слоев 5, $5^а$, $5^б$, 6. В целом пачка II разреза образовалась в иной, более теплой климатической обстановке, чем пачка III.

По палинологическим данным намечается сугубо предварительная корреляция кровли мустьерского слоя 5 (фитофаза 4) с осадками «покрова» из натечных образований, который запечатал культурный слой низкогорной мустьерской стоянки Баракаевская пещера из Губского ущелья (северо-западный Кавказ), только в этих мустьерских разрезах Северо-Западного Кавказа обнаружено пока значительное количество Juglans. В обоих случаях эти фитофазы связаны с этапами интенсивного просачивания в пещеры сильно минерализованных растворов, коллоидирования пыльцы. Исследователи пещеры датируют Баракаевскую стоянку (Любин В. П. и др., 1989) предположительно ранним вюрмом, а «покров» над ней — брерупом. Результаты палинологического исследования говорят о том, что только с толщами I, II разреза связаны находки и других экзотов из числа древесных (Zelkova) и травянистых растений. Экзоты, по-видимому, исчезли во время очень сильного похолодания, которое резко проявились во многих районах Европы в конце раннего вюрма. В Восточной Европе максимум этого похолодания отмечался (по данным различных исследователей) около 72 тыс.— 58 тыс. лет назад или около 57 тыс.— 50 тыс. лет. В это время в пещере, вероятно, прекратилось осадконакопление. После чего на осадки толщи II с размывом их кровли («языковой» контакт слоев 5 и $4^г$) легли осадки толщи III.

Слой 7 (или только нижняя его половина), по фаунистическим данным, является наиболее ранним из известных в пещерном мустье Кавказа. Первые данные спорово-пыльцевого анализа говорят об экзотичности палинофлоры слоя 7. Все это свидетельствует о значительной его древности.

Очевидно, верхние горизонты пачки II разреза грота Матузка древнее среднего вюрма. Средние и нижние горизонты этой пачки могут соответствовать различным климатическим осцилляциям раннего вюрма. Слой 7, полностью лишенный десквамационного материала, с теплолюбивыми экзотами в составе палинофлоры

и териофауны, возможно, рисс-вюрмский (?), что должно быть доказано дальнейшими детальными исследованиями.

Приведенные в I части статьи геолого-геоморфологические корреляции, несмотря на различие вариантов абсолютной датировки стратиграфической схемы, позволяют придти к близкой предварительной трактовке возраста основных толщ разреза стоянки Матузка. Согласно этим корреляциям, можно предполагать, что слои 3 и 4 сформировались в интервале от 25 до 60—70 тыс. лет, слои 5, 6 и верхи слоя 7 — в интервале от 60—70 до 100—120 тыс. лет, а сама пещерная полость имеет возраст порядка 130—150 тыс. лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсланов Х. А., Гей Н. А., 1987. К палеогеографии и геохронологии стратотипического разреза среднего и позднего вюрма Абхазии (погребенный торфяник, р. Дзигута)//ВЛГУ. Сер. 7. Вып. 4 (№ 28).

Арсланов Х. А., Гей Н. А., Лядов В. В., Тертычная Т. В., 1980. Новые данные по геохронологии и палеогеографии среднего вюрма Абхазии//Геохронология четвертичного периода. М.

Барышников Г. Ф., Голованова Л. В., 1989. Млекопитающие мустьерской стоянки Матузка на Кубанском Кавказе//Материалы по мамонтовой фауне в Северной Евразии. Труды ЗИН АН СССР, Т. 198. Л.

Векилова Е. А., Гричук В. П., Губонина З. П., Ермолова А. М., Зубов А. А., Муратов В. М., Фриденберг Э. О., 1978. Ахштырская пещера//Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. Путеводитель совместного советско-французского рабочего полевого семинара. М.

Любин В. П., Аутлев П. У., Барышников Г. Ф., Черняховский А. Г., Левковская Г. М., 1989. Баракаевская пещера//ПМ. Палеолит Кавказа и Северной Азии.

Любин В. П., Селиванова Н. Б., Барышников Г. Ф., Черняховский А. Г., Левковская Г. М., 1989. Пещера Кударо I//ПМ. Палеолит Кавказа и Северной Азии.

Чистяков Д. А., 1986. Мустье Северо-Восточного Причерноморья//Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.

Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург

L. V. GOLOVANOVA, G. F. BARYSHNIKOV, G. M. LEVKOVSKAYA, S. A. NESMEJANOV

MULTILAYER MOUSTERIAN CAVE SITE MATUZKA IN THE NORTHERN CAUCASUS

(on the studies of 1985—89)

Summary

Grotto Matuzka was opened in 1985. The area of the grotto is above 900 m. Nowadays only 12 m are excavated. The cultural layers are more than 5 m thick. The first five meters include 12 Pleistocene layers with the Mousterian tools and 2 Holocene ones with the ceramics. 11 theriophases and 14 phytophases correspond to these layers. The lower of the Mousterian ones are preliminary correlated with the Riss-Wurm, the upper part of the Mousterian layers is dated to the middle Wurm. The Mousterian industries found in this grotto belong to three cultural traditions.

В. И. ГУЛЯЕВ, Е. И. САВЧЕНКО

ТЕРНОВОЕ I — НОВЫЙ СКИФСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК НА СРЕДНЕМ ДОНУ

В 1992 г. в ходе разведок Потуданской экспедиции ИА РАН был открыт новый курганный могильник[1] (рис. 1, *1*). Он находится на землях сельскохозяйственных кооперативов «Терновский» (с. Терновое) и «Колбинский» (с. Колбино) Острогожского р-на Воронежской обл., в 2,5 км к северо-востоку от с. Терновое и в 3 км к югу от с. Солдатское, на высоком плато, переходящем на севере в правый коренной берег р. Потудань, а на юге плавно опускающемся в глубокий и обширный овраг (рис. 1, *2*). Могильник (получивший название «Терновое I») состоит из 11 насыпей, которые образуют неправильную цепочку, вытянутую по линии ВСВ — ЗЮЗ. Все курганы распахиваются, и в настоящее время даже самые высокие из них не превышают 1,5 м (Гуляев В. И., 1992).

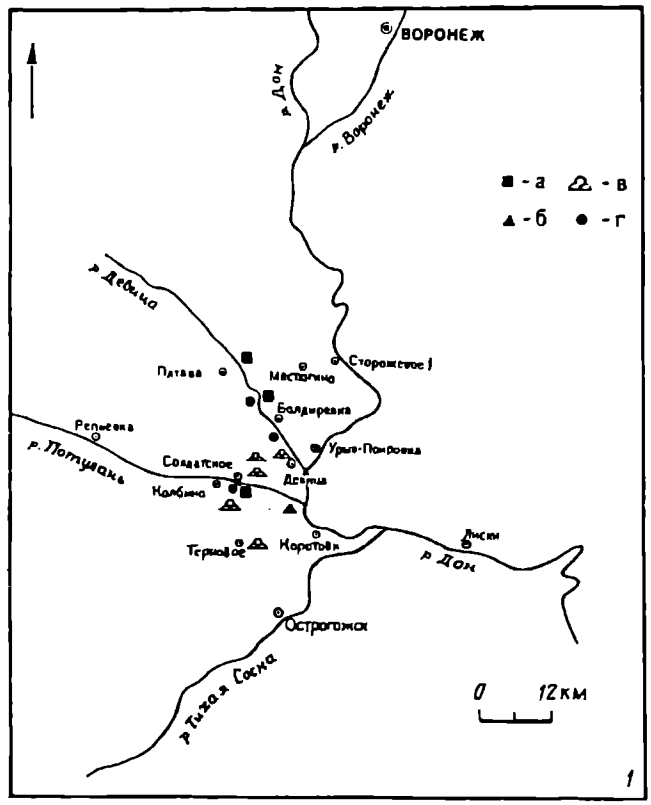
Уже первый осмотр выявил необходимость проведения срочных охранных раскопок курганной группы, так как она интенсивно разрушается глубокой пахотой и в силу естественных причин (эрозия почвы, сезонный водосток) находится на грани полного уничтожения.

В 1993 г. с помощью бульдозера был исследован самый южный курган данной группы — *кург. 6*, высотой чуть более 1 м и диаметром около 20 м. Под насыпью удалось обнаружить два погребения: одно (основное) скифского времени (на уровне древнего горизонта) находилось на деревянном помосте из дубовых плах или досок (рис. 2, *2*); другое (впускное) принадлежало средневековому кочевнику и сопровождалось лишь железным ножом (рис. 2, *1*). Скифское захоронение оказалось дважды ограбленным еще в древности (это хорошо видно по профилю центральной бровки кург. 6) (рис. 2, *3*). От скелета погребенного уцелели лишь обломки черепа, несколько зубов и фрагменты костей руки. По определению антропологов, это была молодая женщина лет 20—25. Ее сопровождал богатый и разнообразный инвентарь: золотые калачиковидные серьги —2 экз. (рис. 3, *18, 19*), золотые дутые бусы с рифлением и ложной зернью —7 экз. (рис. 3, *11—17*), бронзовое плоское зеркало с деревянной ручкой (рис. 3, *22*), 2 бусины из черной стекловидной пасты (1 — фигурная, в виде головки барана) (рис. 3, *20*), 30 бронзовых наконечников стрел (целых и в обломках) (рис. 3, *1—10*) и 2 железных рюмкообразных подтока от дротиков или копий (рис. 3, *23, 24*) (Гуляев В. И., 1993 г.)

Особый интерес представляют для нас предметы греческого импорта (видимо, из мастерских Боспора) — это прежде всего золотые серьги. Они относятся к немногочисленной, но хорошо известной группе ювелирных украшений, находимых время от времени в курганах скифской знати как в степной, так и в лесостепной зонах Скифии. Согласно классификации В. Г. Петренко, это четвертый вариант девятого типа серег (Петренко В. Г., 1978, с. 30, табл. 19), который можно датировать концом V — началом IV в. до н. э. Территориально наиболее близкие аналогии нашей находке известны на Полтавщине — в кург. 5 у с. Осняги (Городцов В. А., 1991, с. 130) и в кург. 16 у с. Олефирщина

[1] Сведения о его местонахождении сообщены местными жителями.

© В. И. Гуляев, Е. И. Савченко, 1995 г.



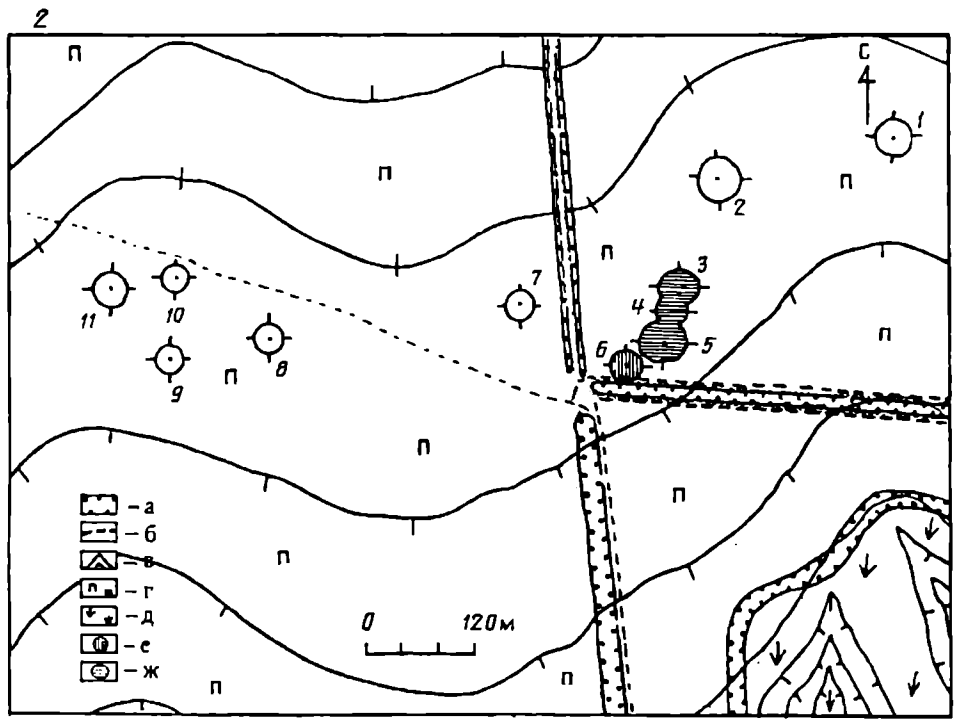


Рис. 1. *1* — Район работ Потуданской экспедиции (*а* — городища раннего железного века (РЖВ), *б* — поселения РЖВ, *в* — курганные группы, *г* — поселения эпохи бронзы); *2* — курганный могильник «Терновое I», план (*а* — лесопосадки, *б* — грунтовые дороги, *в* — овраги, *г* — пашня, *д* — суходол, *е* — курган, раскопанный в 1993 г., *ж* — курганы, раскопанные в 1994 г.)

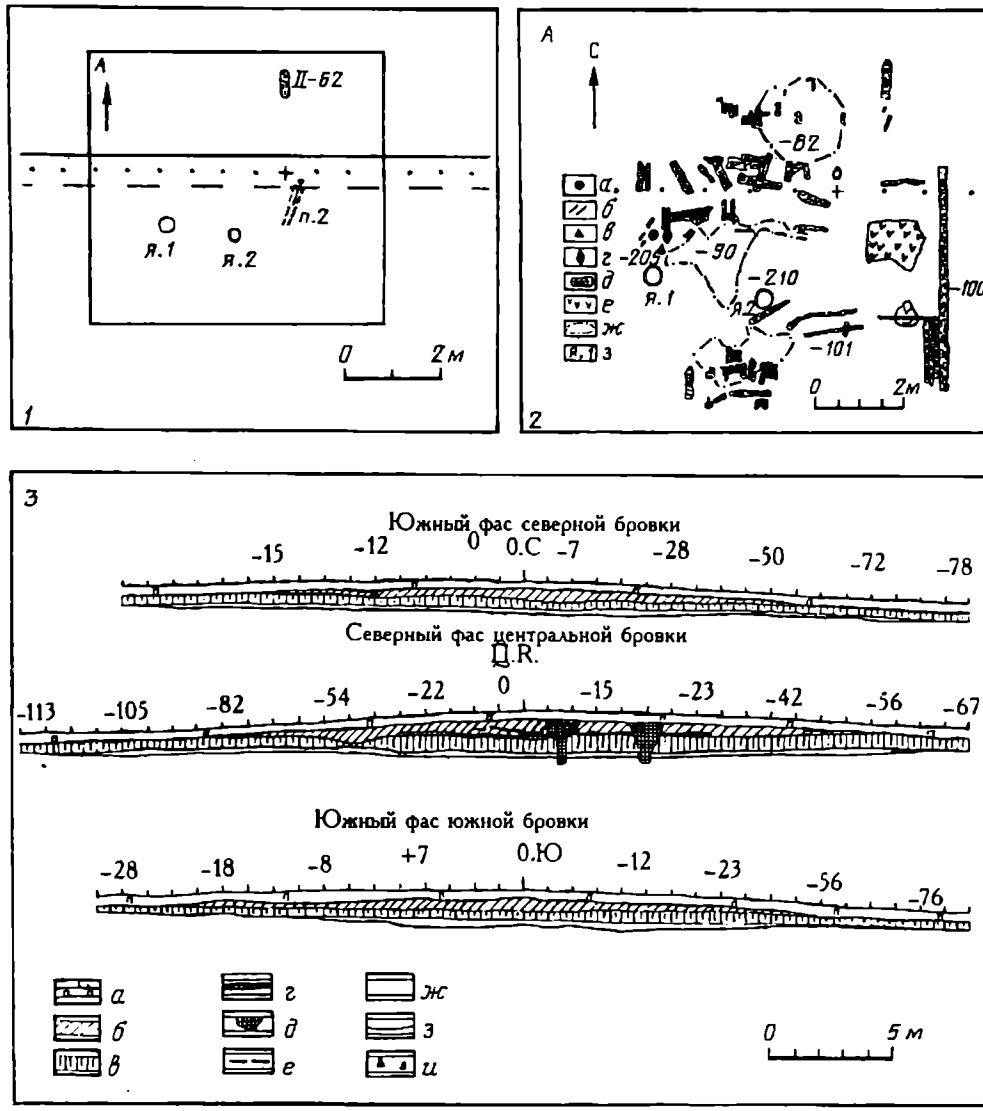


Рис. 2. Могильник «Терновое I», кург. 6. *1* — центральная часть кургана; *2* — план деревянного сооружения погр. 1 (*а* — бронзовое зеркало, *б* — остатки костяка из погр. 1, *в* — кость животного, *г* — фрагмент железного изделия, *д* — дерево, *е* — древесный уголь, *ж* — границы древесного тлена, *з* — номер столбовой ямки); *3* — стратиграфические разрезы кургана (*а* — пахотный слой, *б* — насыпь, *в* — погребенная почва, *г* — прослойка, *д* — грабительская яма, *е* — деревянный настил, *ж* — материк, *з* — граница прокопки, *и* — кости животных)

(Кулатова И. Н. и др., 1993, с. 46—55). В последнем случае золотая калачиковидная серьга (она была одна, так как другую, видимо, унесли грабители) хорошо датируется греческой чернолаковой чашечкой первой половины IV в. до н. э. Однако никакого оружия в этом женском погребении не оказалось. Зато полнейшей аналогией нашей «амазонке» со Среднего Дона являются захоронения вооруженных скифянок в кург. 3 (погр. 2) у с. Богдановка на Херсонщине (Битковский О. В., Полин С. В., 1987, с. 74—84) и в кург. 3 (погр. 6) близ с. Акимовки Запорожской обл. на Украине (Фиалко Е. Е., 1991, с. 7, 8). В первом случае, помимо золотых серег упомянутого типа, с погребенной находилось также плоское бронзовое зеркало, пастовые бусы, несколько бронзовых наконечников стрел и чернолаковый греческий канфар последней четверти V в. до н. э. Во втором — молодая женщина примерно 25 лет сопровождалась двумя копьями с железными наконечниками, четырьмя бронзовыми наконечниками стрел, бронзовым плоским зеркалом, бусами из стекловидной пасты, свинцовым и глиняным пряслицами и золотыми серьгами того же девятого типа.

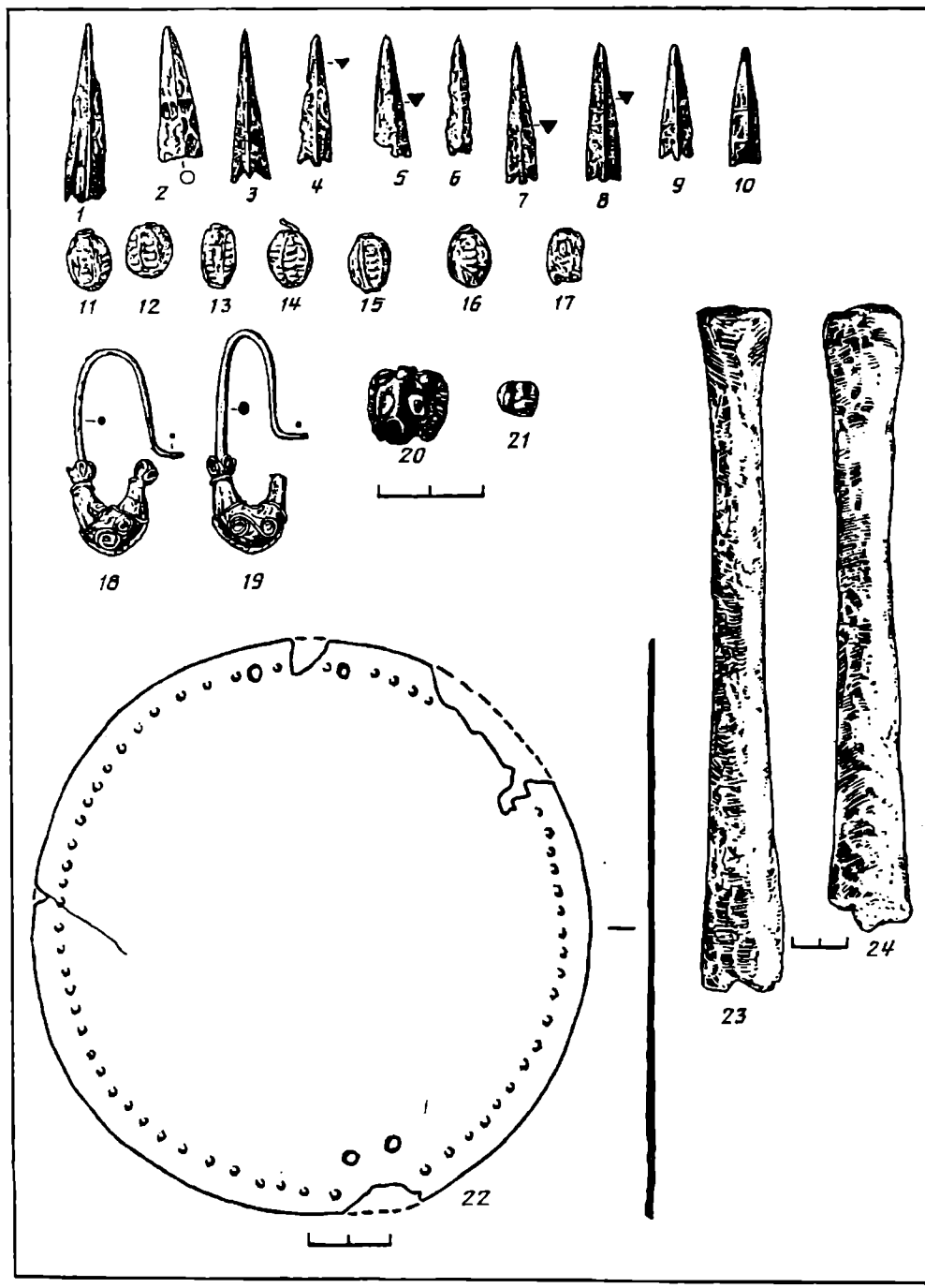


Рис. 3. Могильник «Терновое I», кург. 6. Инвентарь. *1—10* — наконечники стрел; *11—17, 21* — бусы; *18—19* — серьги; *20* — подвеска; *22* — зеркало; *23, 24* — втоки (*1—10, 22* — бронза, *11—19* — золото, *20, 21* — стекловидная паста, *23, 24* — железо)

Совершенно новый для скифских комплексов Среднего Дона элемент представляет и бусина в виде головки барана из черной стекловидной пасты, найденная в кург. 6 у с. Терновое. Это также, несомненно, вещь греческого происхождения, но где именно ее изготовили — в мастерских Боспора или метрополии — сказать пока трудно. Прямые аналогии «баранчику» нам неизвестны, хотя подвески в виде головы барана с ушком в верхней части встречены в яме и в культурном слое Ольвии и датируются концом VI—V в. до н. э. (Алексеева Е. М., 1982, с. 42, тип 468—469; табл. 47, *31, 32*).

Судя по облику упомянутых выше предметов (золотых калачиковидных серег, бус и т. д.) и скифских бронзовых наконечников стрел, погребение «амазонки» из кург. 6 близ с. Терновое можно отнести к концу V — первой половине IV в. до н. э.

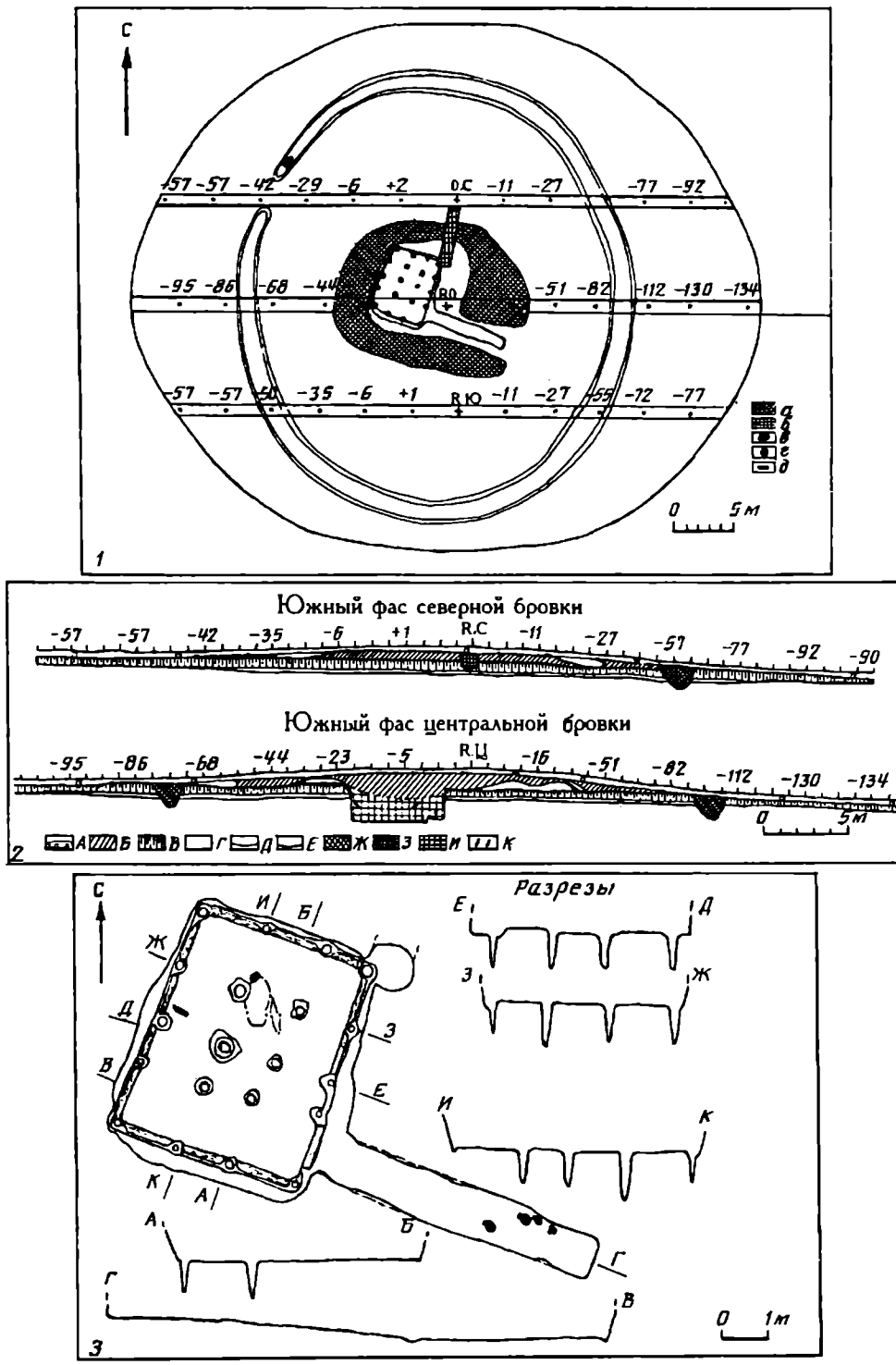


Рис. 4. Могильник «Терновое I», кург. 5. *1* — план кургана (*а* — выкид из могильной ямы, *б* — грабительский ход, *в* — каменное блюдо, *г* — столбовые ямки, *д* — желобок); *2* — стратиграфические разрезы (*а* — пахотный слой, *б* — насыпь, *в* — погребенная почва, *г* — материк, выкиды из могильной ямы, *д* — границы прокопки, *е* — прослойка, *ж* — заполнение погребального ровика, *з* — грабительская траншея, *и* — заполнение могильной ямы, *к* — дерево); *3* — план погребения

В июле — августе 1994 г. Потуданская экспедиция продолжила исследования курганного могильника «Терновое I». С помощью бульдозера были раскопаны еще три насыпи, находившиеся в непосредственной близости от предыдущего кургана — в нескольких десятках метров к северо-востоку от него: это кург. 5, 4, 3 (перечень дается в порядке их исследования) (рис. 1, 2).

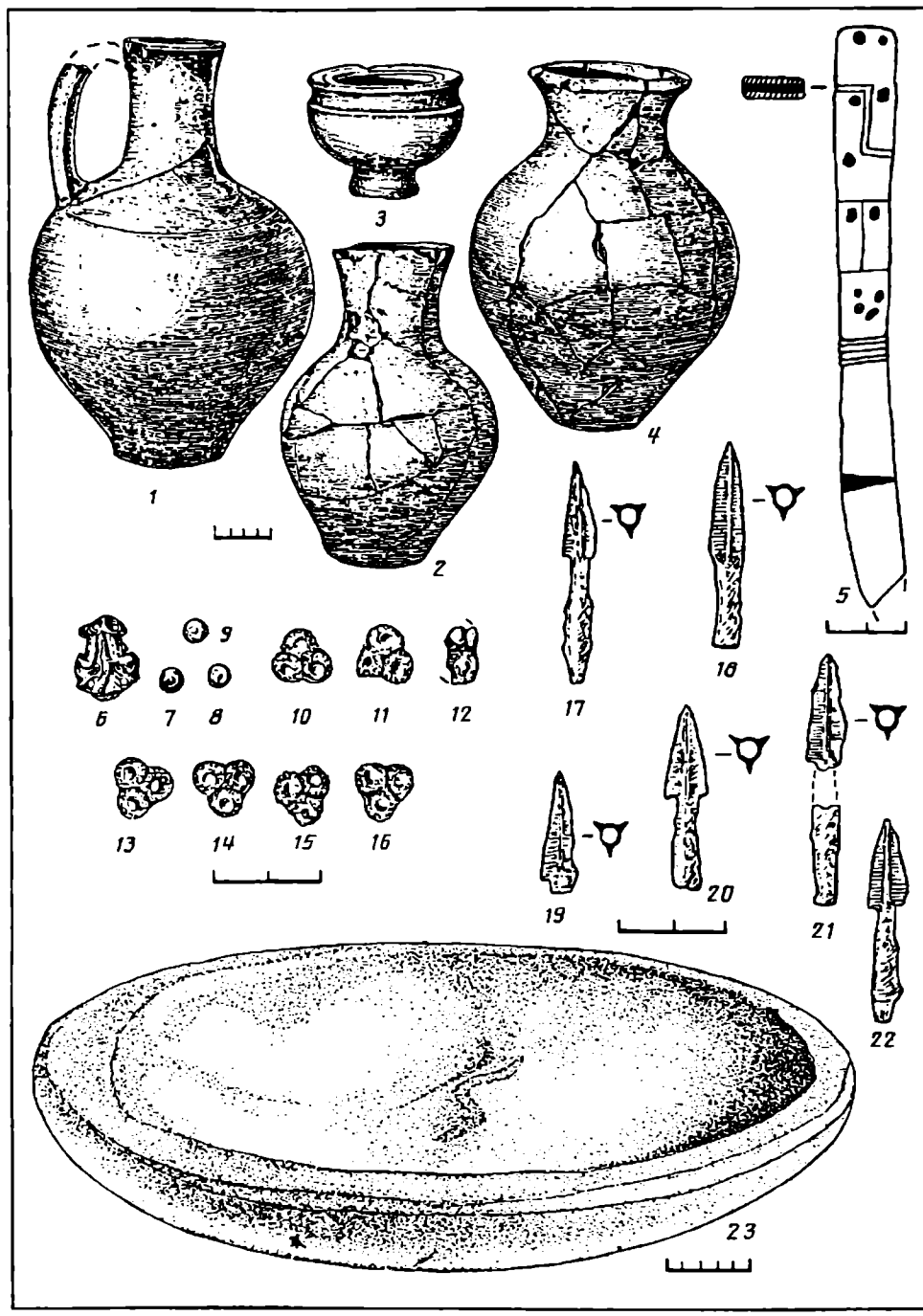


Рис. 5. Могильник «Терновое I», кург. 5. Инвентарь. *1* — лепной кувшин; *2, 4* — лепные сосуды; *3* — лепная чашечка; *5* — нож; *6—16* — бляшки; *17—22* — наконечники стрел; *23* — блюдо (*1—4* — глина, *5* — железо, дерево, кость, *6—16* — золото, *17—22* — железо, *23* — песчаник)

Курган 5 сильно распаханный, имел высоту чуть больше 1 м и диаметр (по внешним признакам) до 25 метров. Однако в ходе раскопок выяснилось, что перед нами — настоящий гигант, достигавший до 45 м в диаметре и, видимо, в прошлом не менее 4—5 м высоты. Вокруг древней насыпи кургана был сооружен погребальный ровик, впущенный в материк на глубину 1,45 м (рис. 4, *1—2*). В плане он яйцевидный, с незамкнутыми на северо-западе концами, по своей длинной оси вытянут по линии север — юг. Внешние размеры ровика 38,3×34,2 м. Расстояние между незамкнутыми его концами не превышало 2,5 м, концы скруглены, их ширина колеблется от 0,9 до 1,1 м, наибольшей ширины ровик

достигал в юго-восточной части — 2,8 м. Стенки наклонные, ко дну сужаются. Заполнение — влажный черный суглинок с затечной аморфной структурой. В заполнении ровика, в его северо-восточной оконечности, на глубине 1,75 от нулевого репера было найдено блюдо-жертвенник из серого крупнозернистого песчаника с заглаженным полусферическим дном и неглубокой чашевидной выемкой наверху (рис. 5, *23*). Кроме того, в различных частях ровика встречались отдельные кости взрослой лошади.

В центре кургана, внутри расположенного полукругом вала из желтой материковой глины (выкид из могилы) (рис. 4, *1*) находилась прямоугольная могильная яма внушительных размеров, ориентированная по линии ССВ — ЮЮЗ (рис. 4, *3*). Общая ее площадь поверху — свыше 33 м^2 (6,16×5,36 м), глубина —1,65 м от уровня погребенной почвы (2,85 м от нулевого репера). В могиле обнаружено 20 столбовых ямок и остатки древесного тлена от досок или тонких плах, составлявших, видимо, перекрытие и облицовку стен. По дну, вдоль стенок могильной ямы, шла узкая канавка или желоб, в котором кое-где сохранились отпечатки концов вертикально стоявших досок (плах).

Погребение было ограблено еще в древности и, видимо, это случилось до того, как рухнула крыша погребального сооружения. Во всяком случае грабители, проникшие в гробницу с северо-восточного угла, «очистили» ее почти полностью, несмотря на солидные размеры могильной ямы (рис. 4, *3*).

В заполнении грабительской траншеи, на глубине 2,62 м от нулевого репера, найдены два железных трехлопастных втульчатых наконечника стрел. На дне могильной ямы, в ее северо-западной части, был обнаружен раздавленный череп и часть нижней челюсти молодой женщины 20—25 лет. Других человеческих костей, к сожалению, не сохранилось, и поэтому определить первоначальное положение скелета погребенной нам не удалось.

Из вещей, оставленных грабителями в гробнице, можно отметить три мелкие бусинки из желтого непрозрачного стекла, прорезную бронзовую бляху с ушком на обороте, золотую штампованную нашивную бляшку с орнаментом в виде пальметки (рис. 5, *6*), несколько золотых полусферических бляшек (5 шт.) и бляшек-«тройничков» (5 целых и 2 в обломках) (рис. 5, *7 — 16*), фрагменты костей взрослой лошади, 2 бронзовых и 12 железных трехлопастных втульчатых наконечников стрел (рис. 5, *17—22*), овальную бусину из синего стекла с 3 белыми глазками, бронзовую литую ворворку, бронзовую бляшку-«пуговицу» с ушком на обороте.

Южнее черепа погребенной, почти вплотную к нему, прослежены два неправильных овальной формы пятна коричневого тлена, вытянутые по оси север — юг: первое пятно имеет размеры 110×51 см, а второе —60×13 см. Возможно, это остатки горита и колчана, поскольку именно в пределах данных пятен и в непосредственной близости от них находились все отмеченные выше наконечники стрел. Под черепом женщины лежал концевой скребок с полукруглым лезвием, изготовленный из пластины белого кремнистого известняка.

Вдоль восточной стенки могильной ямы была прослежена полоска ярко-красного реальгара длиной 3,5 м и шириной до 1 см.

Несколько сгладило общую ситуацию открытие, сделанное нами в дромосе, ведущем в могилу с юго-восточного угла и имевшем около 7 м длины (685 см) и 1,1—1,15 м ширины. Грабители, скорее всего, не заметили его, и поэтому все вещи сохранились там in situ.

На дне дромоса, в самом дальнем (восточном) его конце, грудой лежали кости (ребра и тазовая кость) лошадей — части туш двух взрослых особей. Вероятно, это — остатки напутственной пищи, так как на некоторых костях видны следы разделки туши режущими и рубящими орудиями (определение палеозоолога Ек. Е. Антипиной). Под костями находился фрагментированный железный нож с деревянной рукоятью и фигурной костяной вставкой (рис. 5, *5*). Среди скопления лошадиных ребер обнаружены железная плохо сохранившаяся ворворка, бронзовая литая овальная бляшка с широкой плоской петлей на обороте и обломки дере-

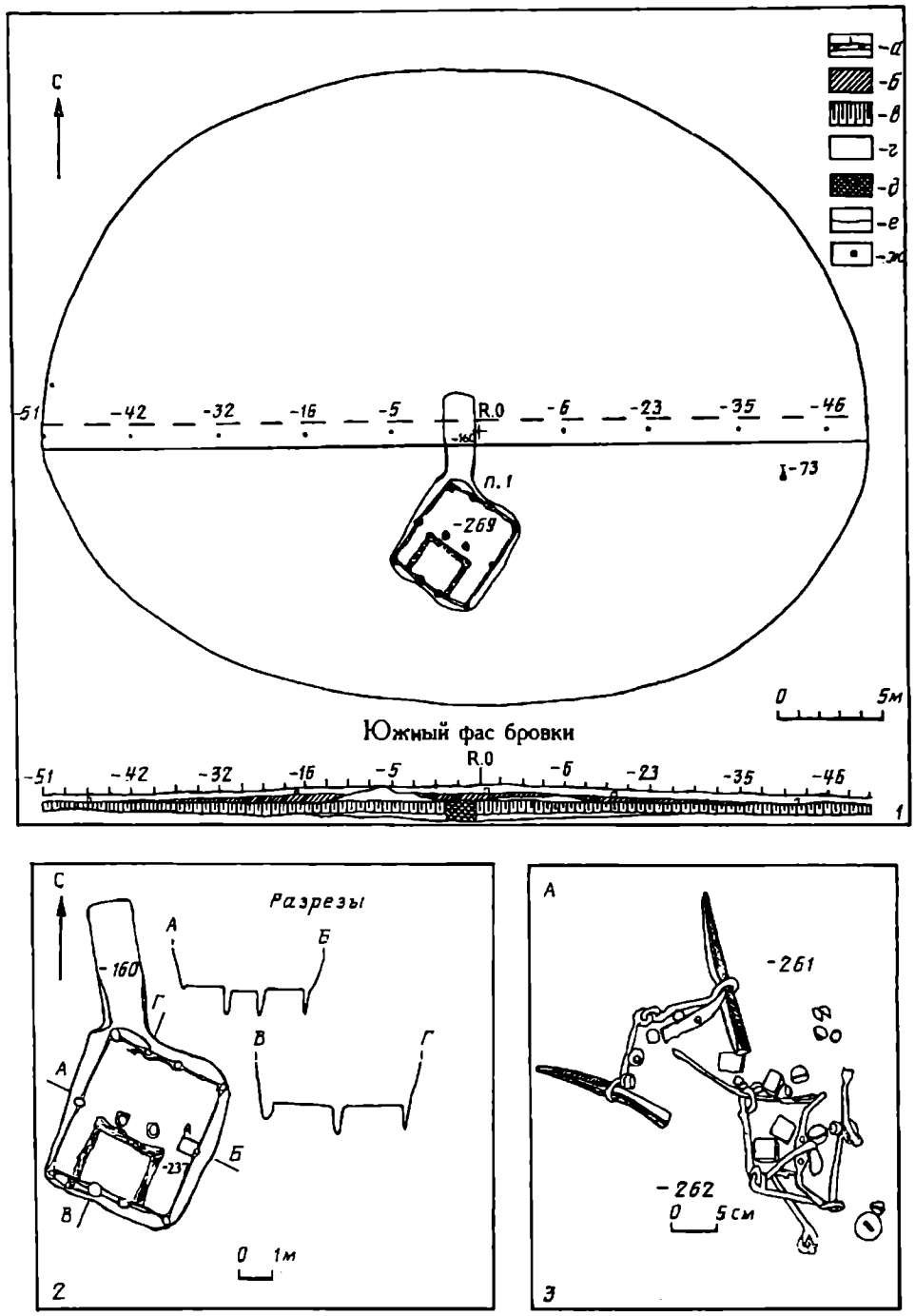


Рис. 6. Могильник «Терновое I», кург. 4. *1* — план и стратиграфический разрез кургана (*а* — пахотный слой, *б* — насыпь, *в* — погребенная почва, *г* — материк, выкид из могильной ямы, *д* — заполнение дромоса, *е* — граница прокопки, *ж* — камень); *2* — план погребения и разрезы; *3* — деталь плана погребения: уздечные наборы

вянного предмета с миниатюрными бронзовыми заклепочками (8 шт.). Примерно в 105 см от юго-восточного угла дромоса прослежено овальное пятно древесного тлена коричневого цвета размером 32×20 см; возможно, это остатки деревянного блюда, прошитого бронзовой полоской. Среди древесного тлена там удалось найти обломки железных заклепок, железную полоску, бронзовый стерженек и окислы меди. У северной стенки дромоса, в 90 см от его северо-восточного угла, лежала на боку лепная лощеная чашечка из темной глины и рядом с ней сильно фрагментированный кувшинообразный лощеный лепной сосуд с поверхностью серо-желтого цвета (рис. 5, *3*, *4*). При разборке его внутри была найдена узкая

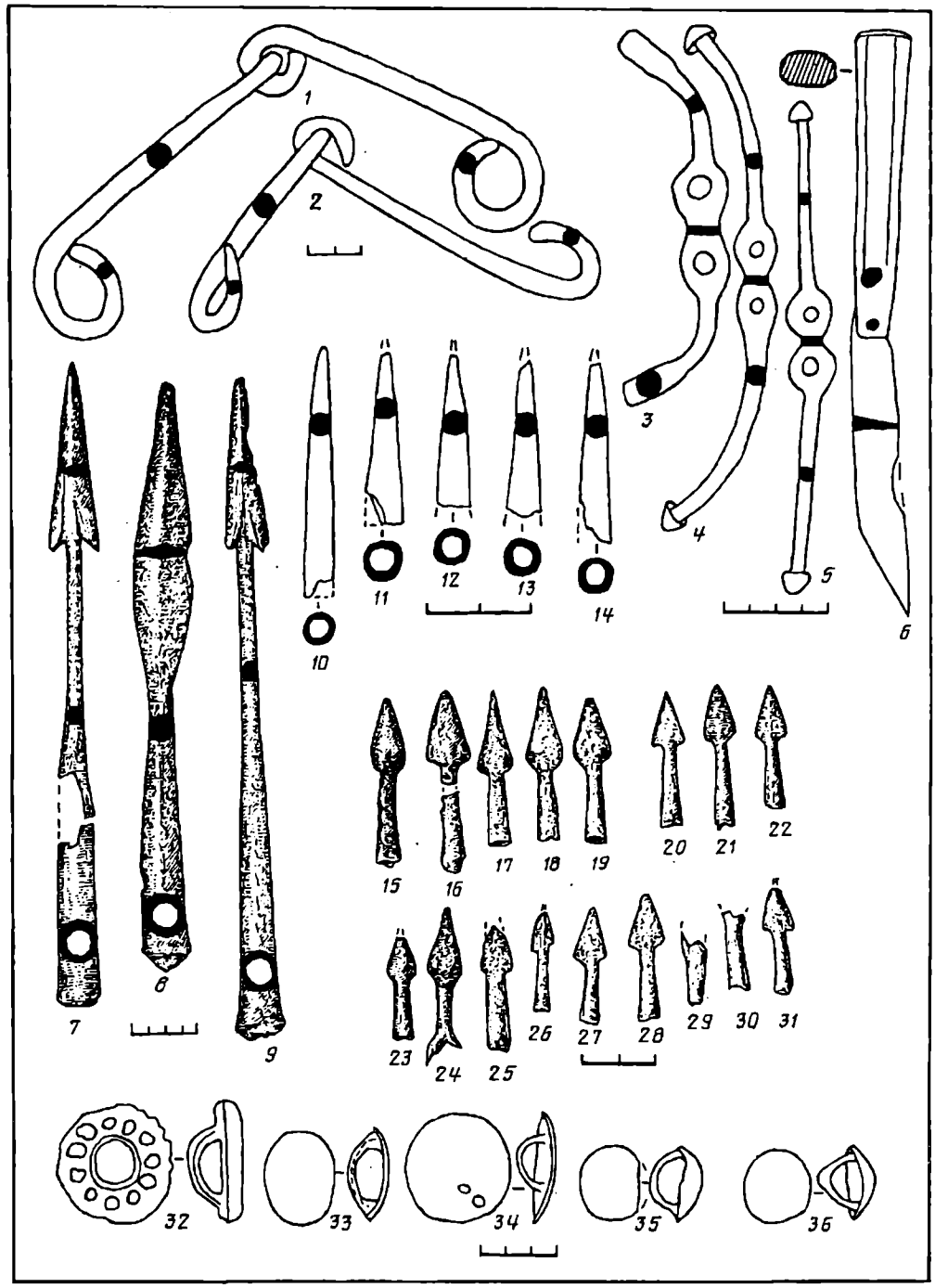


Рис. 7. Могильник «Терновое I», кург. 4. Инвентарь. *1, 2* — удила, *3—5* — псалии; *6* — нож; *7—9* — наконечники копья и дротиков; *10—31* — наконечники стрел; *32—36* — бляшки (*1—9, 15—31* — железо, *6, 10—14* — кость, *32—36* — бронза)

серебряная полоска-оплетка от прямоугольного деревянного предмета и часть шейного позвонка взрослой лошади. Западнее первого горшка, вдоль северной стенки дромоса, на дне лежали еще два лепных лощеных сосуда, один из них с ручкой (рис. 5, *1, 2*).

Следующий *кург. 4* находился всего в нескольких метрах к северу от предыдущего, так что его южная пола практически сливалась с северной полой кург. 5. Размеры кургана по линии север — юг —28 м, запад — восток —38 м, высота —0,51 м (рис. 6, *1*).

После снятия насыпи внутри кольцевого вала из желтой материковой глины (могильного выкида) выявилась довольно значительная могильная яма прямо-

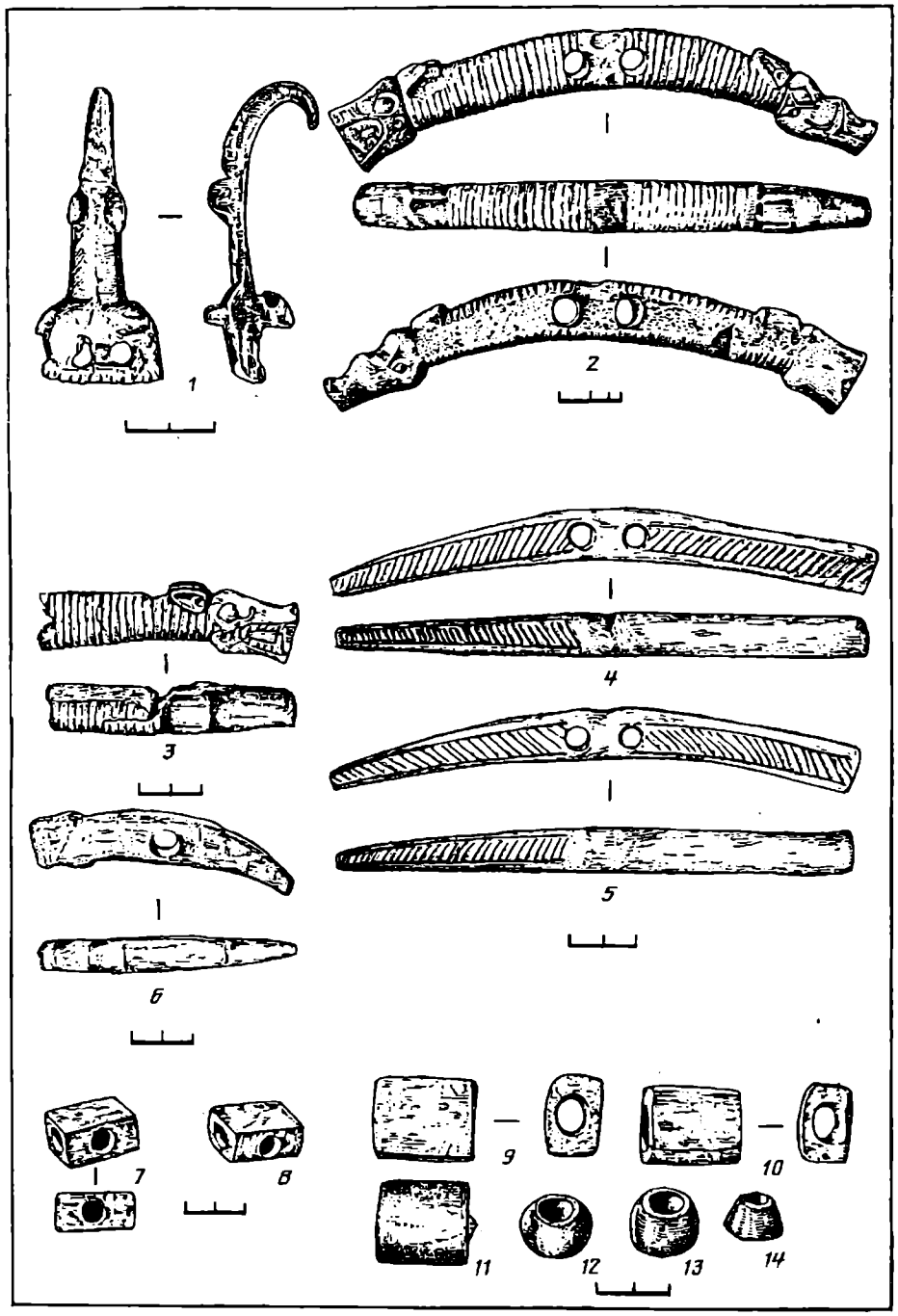


Рис. 8. Могильник «Терновое I», кург. 4. Инвентарь. *1* — зооморфный крючок-застежка; *2—5* — псалии; *6* — подвеска; *7—11* — обоймицы; *12, 13* — пронизки; *14* — ворворка (*1* — бронза, *2—4* — рог, кость)

угольной, почти квадратной формы с закругленными углами, ориентированная по длинной о си ССВ — ЮЮЗ (рис. 6, *2*). Размеры ее 5,04×4,64 м, глубина от уровня древнего горизонта — около 2 м. С северной стороны в могилу вел коридор-дромос 3,8 м длиной и 1,32 м шириной. Дно дромоса наклонное, плавно понижающееся с севера на юг. На расстоянии 0,6 м от северной стенки дромоса, на дне его, обнаружены лежащие грудой кости крупного животного (взрослой лошади, по определению Ек. Е. Антипиной).

Внутри могилы прослежено погребальное сооружение в виде плоского перекрытия и облицовки стен из досок или тонких деревянных плах шириной 10—15 см, державшихся на 12 опорных столбах и с помощью узкого желобка-канавки вдоль

стен. Размеры столбовых ямок колеблются от 15 до 42 см, глубина от 58 до 72 см. В заполнении почти всех из них обнаружен древесный тлен от столбов.

На дне могильной ямы, в ее юго-западной части, обнаружены следы погребального деревянного настила в виде темно-коричневого тлена. Настил состоял из двух параллельно размещенных брусьев шириной 20—30 см, идущих под прямым углом от стенки могилы к ее центру. Поверх брусьев поперек были настланы доски (сохранилась лишь одна из них) шириной до 30 см. Расстояние между брусьями составляло 180 см, а общие размеры настила равнялись 230×180 см. На настиле сохранились остатки скелета погребенного, который (по определению антрополога М. В. Козловской) принадлежал подростку мужского пола 10—12 лет. Он сильно пострадал от действий грабителей. От скелета уцелели лишь левые плечевая и локтевая кости, часть ребер, теменная часть черепа и обломки верхней и нижней челюстей с зубами. Судя по этим костям (особенно на основании находящейся in situ кости левой руки), подросток лежал на спине, головой на юг, с небольшим отклонением к западу. И в данном случае погребение оказалось ограбленным еще в древности. Но на этот раз грабители, видимо, проникли вниз после того, как рухнуло перекрытие, попав через свой вертикальный раскоп-колодец прямо в центр могилы, к скелету единственного погребенного. В результате они разбросали в беспорядке все кости и унесли находившиеся непосредственно вокруг подростка вещи. Однако края могильной ямы, заваленные рухнувшим вниз перекрытием и землей насыпи, оказались нетронутыми и дали нам великолепные находки. У северо-восточной стенки гробницы, вдоль нее, находились три копья (или дротика), от которых сохранились железные наконечники и рюмкообразные подтоки (рис. 7, *7—9*). Судя по их расположению, общая длина копий (с древками) составляла примерно 184 см, 226 см и 260 см. Здесь же, в северной части могилы, у соединения ее с дромосом, был найден бронзовый зооморфный крючок-застежка, один конец которого украшен головкой ушастого орлиноголового грифона, а другой — фигуркой стоящего медведя с открытой зубастой пастью (рис. 8, *1*).

В северной части могильной ямы, в ее северо-восточном секторе, на дне были обнаружены железные двухчленные удила (в обломках), оканчивавшиеся крупными кольцами, в которые были вставлены роговые двухдырчатые массивные псалии (один целый, другой — во фрагментах), выполненные в зверином стиле: один конец псалия оформлен в виде головки кабана, другой — в виде головы «волка» (рис. 8, *2, 3*).

На погребальном настиле вокруг остатков скелета подростка обнаружены наконечники стрел: 6 конических втульчатых костяных (рис. 7, *10—14*), 24 железных трехлопастных втульчатых и 3 железных втульчатых с плоским треугольным пером (рис. 7, *15—31*). Западнее костей левой руки, почти вплотную к ней, находились пять обломков железного предмета, похожего на браслет.

Вне пределов настила, ближе к восточной стенке могильной ямы, на дне ее, были обнаружены лежащие грудой предметы конского снаряжения (рис. 6, *3*): железные двухчленные удила, оканчивающиеся крупными кольцами (рис. 7, *1, 2*), в которые были вставлены парные роговые двухдырчатые псалии, украшенные с обеих широких сторон косыми насечками (рис. 8, *4, 5*); костяная подвеска в зверином стиле с одним отверстием для подвешивания (рис. 8, *6*); еще пара железных двухчленных удил с двумя железными двухдырчатыми псалиями С-овидной формы с коническими навершиями-шишечками на концах (рис. 7, *4, 5*); третья пара железных удил с крупными кольцами и двумя железными двухдырчатыми псалиями С-овидной формы (рис. 7, *3*); костяные разделители ремней, костяные и бронзовые ворворки, бляшки, пронизки от конской сбруи (рис. 7, *32—36;* 8, *7—14*).

И наконец, у северо-западного угла могильной ямы мы обнаружили спекшиеся в кучу разнотипные железные наконечники стрел в количестве 19 экз. (рис. 7, *15—31*), а также железный нож с костяной рукояткой (рис. 7, *6*). Следы напутственной пищи в виде отдельных костей козы-овцы встречались в разных частях могилы.

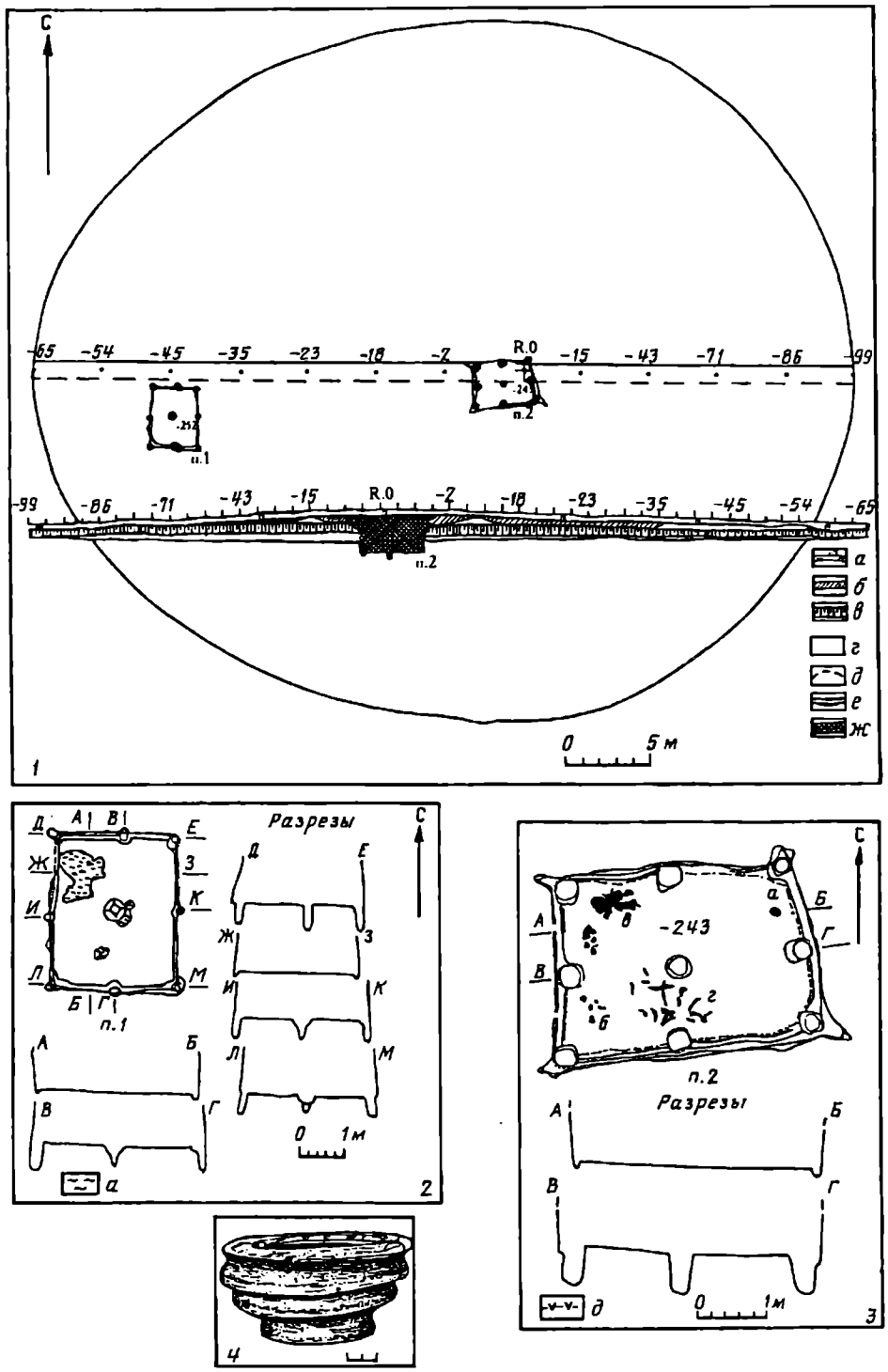


Рис. 9. Могильник «Терновое I», кург. 3. *1* — план и стратиграфический разрез кургана (*а* — пахотный слой, *б* — насыпь, *в* — погребенная почва, *г* — материк, выкид из могильных ям, *д* — деревянное перекрытие, *е* — граница прокопки, *ж* — заполнение могильной ямы). *2* — план и разрезы погр. 1 (*а* — пятна прокала); *3* — план и разрезы погр. 2 (*а* — чаша, *б* — амфора, *в* — кости человека, *г* — кости животного, *д* — черный тлен); *4* — лепная чашечка (глина)

И по всему набору вещей, и по характерным чертам погребального сооружения кург. 4 относится к хорошо известным погребальным комплексам среднедонской скифской культуры, представленным в могильниках у сел Мастюгино (Манцевич А. П., 1973), Русская Тростянка (Либеров П. Д., 1965), Дуровка (Пузикова А. И., 1966) и «Частые Курганы» (Замятнин С. Н., 1946). Необычным является здесь

обилие богато орнаментированных предметов из рога и кости, встреченное археологами на Северном Дону впервые. Например, прямых аналогий роговым псалиям в «зверином стиле» из упомянутого кургана пока не известно. Наиболее близким по общему стилю изображения и сюжетной композиции для терновской находки будет зооморфный резной кабаний клык из разрушенного савроматского погребения у с. Новопривольное Саратовской обл., где один из концов предмета (узкий) также оформлен в виде головки кабана, а другой (широкий) — в виде головки фантастического хищника с открытой зубастой пастью (волк? медведь?). Дата комплекса из Поволжья — конец VI — первая половина V в. до н. э. (Максимов Е. К., 1976, с. 210—213). Обломок клыка дикого кабана, украшенный с узкого конца реалистично выполненной головкой вепря, был найден недавно в ходе раскопок городища Глубокая Пристань близ Ольвии (Днепро-Бугский лиман). Привлекает (как и в нашем случае) внимание факт несовпадения датировки этого клыка по сопровождающему его материалу (последняя четверть V — начало IV в. до н. э.) и стилистическим особенностям его исполнения (конец VI — первая половина V в. до н. э.). «Остается предположить, — отмечают авторы раскопок С. Б. Буйских и А. С. Островерхов, — либо вторичность использования этого амулета, либо наличие архаизированных пережитков в идеологических представлениях тех, кто принес кабаний клык в качестве вотивного дара» (Буйских С. Б., Островерхов А. С., 1994, с. 34—38). Однако в целом общий характер зооморфных изображений на наших псалиях (особенно мотив «волка») ближе всего стоит к савромато-ананьинскому вариантам «звериного стиля», что объясняется, безусловно, и географической близостью, и наличием культурных контактов всех трех указанных областей: Средний Дон, Прикамье, Поволжье — Приуралье.

Что касается бронзового зооморфного крючка-застежки из кург. 4 (рис. 8, *1*), то подобные изделия (в том числе и с фигурой стоящего медведя с открытой пастью) хорошо известны в скифских курганах Среднего Дона (например, кург. 11 из «Частых Курганов» у г. Воронежа, кург. 1 у с. Русская Тростянка (Либеров П. Д., 1965, с. 101, табл. 31, *16, 17*) и в прикамских древностях — Охлебининский могильник, погр. 85 (Корепанов К. И., 1987, с. 69), где они датируются достаточно широко — от конца V до середины III в. до н. э.

Столь же широки хронологические рамки бытования и у других вещей из рассматриваемого комплекса (кург. 4, могильник «Терновое I»): железные С-овидные двухдырчатые псалии, железные трехлопастные и плоские с треугольным пером втульчатые наконечники стрел, железные наконечники копий и дротиков и др. — конец V — середина III в. до н. э. (Либеров П. Д., 1965, с. 75, 77, 83, 85).

Кург. 3 имел меньшую величину по сравнению с предыдущими: диаметр 25 м, высота 0,8 м (рис. 9, *1*). В ходе раскопок в нем обнаружено два погребения скифского времени, почти целиком разрушенных грабителями.

Погр. 1 находилось в западной половине кургана, на расстоянии 18,4 м к западу от центра и на глубине 2,52 м от нулевого репера. Могильная яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами и по своей длине была ориентирована в направлении север — юг (рис. 9, *2*). Размеры ямы 345×268 см. В ее заполнении (юго-восточная часть) найдены плоское днище и два фрагмента стенок лепного грубого сосуда скифского периода и куски истлевшего дерева. На дне могильной ямы, вдоль ее стенок, почти вплотную к ним, был прорыт желобок шириной от 6 до 12 см и глубиной 6—10 см. На внутренней части желобков кое-где сохранились отпечатки вертикально стоявших досок или деревянных плах шириной до 10 см. По периметру могилы выявлено восемь столбовых ямок, в центре — еще одна, девятая. Размеры их различны: диаметр от 13 до 48 см, глубина от 40 до 64 см. На дне некоторых ямок (кстати, мгновенно заполнявшихся при расчистке подпочвенными водами) обнаружены древесный тлен и куски дерева от столбов. Столбовые ямки и желобок служили, вероятно, опорой для погребального сооружения с перекрытием. Последнее своими краями опиралось

на угловые и пристенные столбы и деревянные стены, а по центру поддерживалось массивным (диаметр 48 см) вертикально стоящим столбом.

На дне могилы, в центре и северо-западной частях, отмечены темно-коричневые по цвету пятна прокаленного грунта. Человеческих костей и сопровождающего инвентаря на дне гробницы не обнаружено.

Погр. 2. Основное. Находилось в центре кургана, на глубине 243 см от нулевого репера. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована своей длинной осью по линии ЗЮЗ — ВСВ (рис. 9, *3*). Размеры могилы в верхней части равны 384×276 см, а у дна 378×270 см. В ее заполнении в северо-западной части встречена часть тулова красноглиняной синопской амфоры в обломках и куски истлевшего дерева, вероятно, от перекрытия.

По дну могильной ямы, вдоль стенок, прорыт желобок шириной 8—14 см и глубиной 8—12 см. В каждом углу могилы обнаружены столбовые ямки. Есть они и по периметру гробницы. Всего их было восемь и еще одна — в самом центре. Диаметр ямок колеблется от 24 до 35 см, глубина от 51 до 63 см. На дне обнаружены куски сгнившего дерева от столбов. После расчистки ямки мгновенно заполнялись до краев подпочвенными водами. Таким образом, погребальное сооружение и в данном случае целиком повторяло предыдущие образцы: облицовка стен из вертикально поставленных досок и перекрытие на столбах.

На дне могилы, в ее северо-западной части, были обнаружены остатки скелета и череп погребенной — молодой женщины 20—25 лет (по заключению М. В. Козловской). Определить первоначальное положение скелета не удалось, так как все кости были сдвинуты грабителями в сторону. У восточной стенки гробницы лежала на боку лепная лощеная сероглиняная чашечка на ножке-поддоне (курильница?) (рис. 9, *4*). Близ западной стенки удалось найти еще ряд фрагментов тулова синопской амфоры. В южной части могилы в 38 см от стенки лежали в беспорядке ребра лошади (определение Ек. Е. Антипиной) — видимо, остатки напутственной пищи. Все дно ямы было покрыто какой-то подстилкой из органического вещества (шкуры?), от которой сохранился слой черного тлена.

По обряду захоронения и уцелевшему после грабителей инвентарю (амфора, чашечка) погр. 2, несомненно, относится к среднедонской скифской культуре и, судя по синопской амфоре, датируется срединой — третьей четвертью IV в. до н. э.

Таким образом, несмотря на тот огромный ущерб, который нанесли погребальным комплексам у с. Терновое древние грабители могил, эта курганная группа (4 раскопанных кургана из 11 выявленных на сегодняшний день) дала великолепный и разнообразный материал, значительно обогащающий и дополняющий наши представления о культуре скифского населения Среднего Дона в конце V—IV в. до н. э. Многочисленные аналогии нашим находкам (предметы вооружения, конской сбруи, керамика, ювелирные изделия) в изобилии встречаются в исследованных ранее соседних курганных могильниках у сел Мастюгино и Русская Тростянка и в урочище «Частые Курганы» (г. Воронеж). Однако, если подойти к местным древностям раннежелезного века в более широком сравнительном плане, то почти сразу выявляется поразительная близость среднедонских археологических комплексов со скифскими памятниками Левобережной лесостепной Украины, например, с курганами Полтавщины конца V—IV в. до н. э. в междуречье Ворсклы и Псла (Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., 1993). Здесь слишком много общих параллелей и даже прямых совпадений, чтобы можно было говорить о случайности; наблюдается полное тождество погребальных сооружений (прямоугольные ямы с деревянными конструкциями, ориентированные по линии север — юг, с отклонениями к западу и востоку; коридоры-дромосы, идущие в могилу обычно с торцевой, узкой части; кольцевой выкид желтой материковой глины), наличие напутственной пищи в виде частей туши животных (главным образом, лошади) с воткнутыми в них железными с костяной ручкой ножами. Очень близки и типы вооружения, конской сбруи, украшений и предметов

искусства в «зверином стиле», керамики (как местной — лепной, так и импортной — круговой).

Отсюда можно заключить, что старая точка зрения П. Д. Либерова на среднедонскую культуру скифского времени как на нечто сугубо специфическое и оригинальное, не похожее ни на один другой вариант скифских культур VI—III вв. до н. э. в степи и лесостепи (он даже связывал ее не со скифами, а с будинами, каковых считал в свою очередь не иранцами, а угро-финнами), неверна. Памятники скифского периода на Среднем Дону по всем своим характерным признакам были неотъемлемой частью культуры Левобережной украинской лесостепи, причем наиболее явственно выступают у среднедонского населения связи с племенами, жившими в междуречье Ворсклы и Псла на Полтавщине, на Северском Донце и в Посулье.

И еще одно важное обстоятельство, выявившееся при исследованиях могильника близ с. Терновое. Впервые в истории раскопок скифских курганов Среднего Дона нам удалось (благодаря постоянному присутствию в экспедиции профессионального антрополога М. В. Козловской) твердо установить, что в трех из четырех изученных нами курганов (включая и самый большой из них кург. 5) были погребены молодые женщины из довольно богатых семей, а в двух случаях это к тому же женщины вооруженные. Обычный набор оружия — пара копий или дротиков и лук со стрелами. Наличие дорогих ювелирных украшений боспорского производства, греческих амфор с маслом или вином, значительные размеры и пышность самих погребальных сооружений здесь вполне сопоставимы с уже известными курганами военно-дружинной аристократии у с. Мастюгино и в урочище «Частые Курганы».

Открытие захоронений «амазонок» на Среднем Дону важно еще и по другой причине. Благодаря работам В. А. Ильинской (Ильинская В. А., 1966) и Е. Е. Фиалко (Фиалко Е. Е., 1991), собравших почти весь материал о погребениях вооруженных женщин в скифских курганах степи и лесостепи между Доном и Днепром, сейчас можно сделать некоторые выводы общеисторического порядка. Прежде всего, таких погребений на 1991 г. было известно на упомянутой выше территории более 112, что заметно превосходит количество женских могил с оружием у савроматов Поволжья и Приуралья, всегда считавшихся главными поставщиками «амазонок». Следовательно, это — явление общескифское, характерное и для степной, и для лесостепной зон Европейской Скифии. Далее, в тех случаях, когда половозрастные определения были возможны, выяснилось, что большинство вооруженных скифянок принадлежало к возрасту от 16 до 30 лет (69% общего числа таких захоронений) (Фиалко Е. Е., 1991, с. 11).

Хронологически основная часть погребений «амазонок» относилась ко второй половине V — концу IV в. до н. э. Помимо набора чисто женских вещей (бусы, серьги, зеркала, шилья, пряслица), во всех таких могилах есть либо колчан со стрелами, либо копья и дротики (обычно их бывает пара), а иногда и то и другое вместе.

Наконец, не подлежит сомнению, что многие погребения молодых женщин с оружием принадлежат верхним слоям скифского общества. Мы не думаем, что эти молодые скифские воительницы были во всем аналогичны описанным Геродотом «амазонкам»-мужеубийцам у савроматов. Скорее, видимо, приходится говорить о наличии некой воинской повинности в качестве легковооруженных вспомогательных отрядов для определенных возрастных и социальных групп скифских женщин.

Но если во всех уголках Европейской Скифии, включая и степь и лесостепь, между Доном и Днепром, встречаются совершенно одинаковые даже в мельчайших деталях погребения молодых женщин с оружием, имевших достаточно высокий социальный статус, то, вероятно, необходимо признать факт ближайшего культурного, политического, и, видимо, даже этнического родства между людьми, похороненными в конце V—IV в. до н. э. в курганах степной и лесостепной зон. Не исключено, что во многих областях лесостепи (в том числе и самых северных)

либо круглый год, либо лишь в определенные сезоны жили именно скифы, а не будины, меланхлены, невры и андрофаги, упомянутые Геродотом в качестве северных соседей скифского союза племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. Г1-12. М.

Битковский О. В., Полин С. В., 1987. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине//Скифы Северного Причерноморья. Киев.

Буйских С. Б., Островерхов А. С., 1994. Кабаний клык с зооморфными изображениями из Глубокой Пристани//Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Запорожье.

Городцов В. А., 1911. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии//Тр. XIV археологического съезда. Т. III. М.

Гуляев В. И., 1992. Отчет о работах Потуданской экспедиции ИА РАН в 1992 г.//Архив ИА РАН.

Гуляев В. И., 1993. Отчет о работах Потуданской экспедиции ИА РАН в 1993 г.//Архив ИА РАН.

Замятнин С. Н., 1946. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем//СА. № VIII.

Ильинская В. А., 1966. Скифские курганы около г. Борисполя//СА. № 3.

Корепанов К. И., 1987. О локальных различиях в искусстве «звериного» стиля Среднего Поволжья и Прикамья//Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск.

Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Супруненко А. Б., 1993. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. Москва; Полтава.

Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.

Максимов Е. К., 1976. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Манцевич А. П., 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа//Археологический сборник. Вып. 15.

Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. М.

Пузикова А. И., 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области//КСИА. Вып. 107.

Фиалко Е. Е., 1991. Погребения женщин с оружием у скифов//Курганы степной Скифии. Киев.

Институт археологии РАН,
Москва

V. I. GULIAEV, E. I. SAVTCHENKO

TERNOVOYE I. THE NEW SCYTHIAN BURIAL GROUND IN THE MIDDLE DON REGION

Summary

The materials of four excavated barrows are published in the article. The barrow group was discovered near Ternovoye village in Ostrogozhsky district of Voronezh region in 1992. All the burial constructions were of the same type. They looked like a shallow pits faced with the boards. They were covered by the wooden ceilings supported by the columns. The complex contains the arms, harness and decorations of the common Scythian types. The most close analogies were found in abundance in the neighbour barrows of the 5th-3rd centuries BC in the Middle Don region.

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ, Ю. А. ШИЛОВ

СКИФСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС КУРГАНА ЦЫГАНКА*

В 1987 г. новостроечной экспедицией ИА АН Украины в ходе работ по трассе строящегося газопровода в Придунавье был исследован кург. Цыганка. Полученная при этом информация по стратиграфическому соотношению разновременных погребальных комплексов, особенностям курганной архитектуры и культовой практике их создателей, безусловно, интересна и заслуживает особого внимания специалистов. В данной работе анализируется лишь один погребальный комплекс кургана, причем самый поздний — эпохи раннего железа.

Курган Цыганка, по народному преданию, получил свое название после погребения в его насыпи цыганки Земфиры (скорее всего, данный сюжет является фольклорно-литературным и связан с пушкинской эпохой). Находился курган в 3 км юго-западнее околицы с. Плавни Ренийского р-на Одесской обл. Украины. В физико-географическом плане данный участок местности, заключенный между озерами Кагул и Ялпуг, соответствовал верхней, третьей дунайской террасе; кург. Цыганка и расположенный менее чем в 1 км от него кург. Чауш находились у западного края мысообразного выступа террасы. Курган попал в створ лесозащитной полосы, благодаря чему довольно хорошо сохранился; периферия его восточного и северного секторов была повреждена проселочной дорогой и виноградным плантажом, западный и южный секторы насыпи распахивались. В плане курган имел форму правильного круга диаметром около 50 м; высота его (от древней дневной поверхности) к моменту раскопок составляла 2,6 м. Черноземная насыпь кургана неоднократно досыпалась, а по основанию склонов укреплялась дерновой обкладкой и грязевыми промазками. Слой погребенной почвы по периметру первичной насыпи при ее сооружении был снят на глубину около 0,4 м; под полами верхней (последней) досыпки оказался срытым на 0,5 м и верхний слой материкового лесса. Грунт из образовавшейся по периметру кургана кольцевой ложбины, очевидно, использовался для увеличения объема насыпи.

В кургане обнаружено 16 захоронений эпохи бронзы (культуры многоваликовой керамики и позднеямной), а также описываемый ниже комплекс скифского времени (рис. 1). Именно с данным комплексом был связан кольцевой ровик диаметром 42 м, впущенный в полы верхней — третьей — досыпки кургана. Стенки ровика, пологие в верхней части, с уровня материка делались почти отвесными. За счет этого ровик, на уровне дневной поверхности достигавший ширины 4 м, ко дну резко сужался до 0,3—0,6 м, становясь прямоугольным в сечении. Глубина ровика, неодинаковая по всей его длине, достигала 0,9—1,3 м от уровня древней дневной поверхности. В западном—северо-западном секторе ровика отмечен разрыв-перемычка шириной 1,4 м. Ров здесь несколько расширялся, и именно здесь, по обе стороны перемычки, обнаружены следы жертвенно-поминальной трапезы: кости ног и черепа лошади, около 60 обломков не менее чем трех амфор (рис. 2, *2—4*). На одной из амфорных ручек оттиснуто прямоугольное фасосское клеймо с изображением серьги (в центре) и надписью

* Работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда.

© В. С. Ольховский, Ю. А. Шилов, 1995 г.

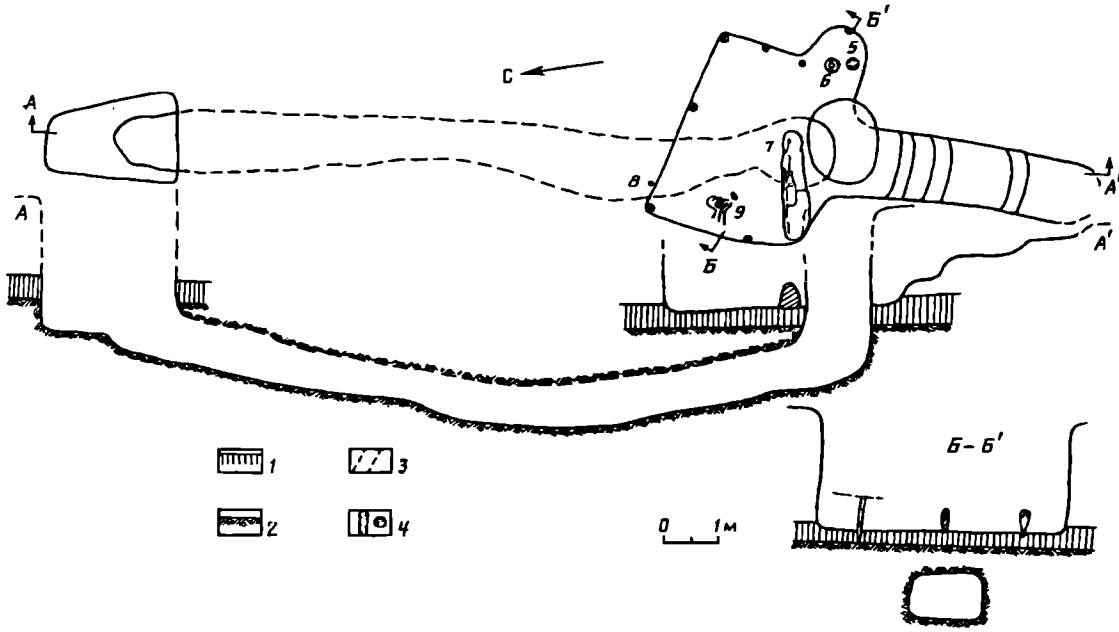


Рис. 1. Комплекс IV в. до н. э. кургана Цыганка: *1* — погребенная почва; *2* — материковый лесс; *3* — границы грабительского хода; *4* — дерево, древесный тлен; *5* — жертвенная ямка; *6* — амфора; *7* — изваяние; *8* — ворворка; *9* — скелет собаки

по периметру Θα]σι. | Χοῖρ | [οσ] *Μέγ* | ω(ν) (рис. 2, *2*). На клейме читаются имена эпонима Мегона и фабриканта Хойра. По классификации И. Гарлана его следует датировать концом 60-х — 50-ми гг. IV в. до н. э. (Garlan Y., 1986, p. 201—276). По классификации же Ю. Г. Виноградова это клеймо относится к группе 3, датирующейся 370—340 гг. до н. э. (Виноградов Ю. Г., 1972, с. 25—27).

Описываемое сооружение находилось под геометрическим центром насыпи и являлось, безусловно, впускным. В типологическом отношении оно представляло собой грунтово-деревянную камеру с ясно выраженным дромосом. Основной объем ее сформирован грунтовой ямой, выкопанной с поверхности курганной насыпи на глубину 2,7 м; дно ямы, таким образом, прорезало древнюю дневную поверхность и на 0,1—0,2 м вошло в слой погребенной почвы (рис. 1). Яма асимметрично-прямоугольной формы размером 3,6×2,9—2,5 м длинной осью было ориентирована с северо-запада на юго-восток. К середине ее длинной юго-западной стенки подходил прямой дромос, ориентированный по оси ЮЗЮ—СВС; ширина его 1,2 м, длина 4,8 м (начало его фиксировалось нечетко, возможно, он был немного длиннее). Дно дромоса опускалось к погребальной камере тремя (четырьмя?) пологими ступеньками высотой 0,15—0,35 м. В короткой юго-восточной стенке камеры, у ее южного угла, была устроена полуовальная ниша шириной 1,1 м и глубиной 0,8 м; высоту ниши вследствие обвала свода установить нельзя; возможно, она соответствовала высоте камеры. Вдоль грунтовых стенок камеры (кроме юго-западной) и ниши вплотную к ним стояло 7 деревянных столбов диаметром до 0,2 м (по 2—3 столба вдоль стенки). Длина их, судя по отпечаткам тлена на стенках камеры, достигала 2,8 м, но при этом они были вкопаны в дно камеры на глубину до 0,6 м. Остатки восьмого столба в виде ямки с древесным тленом (?) были выявлены в 0,5 м восточнее северо-западной стенки камеры под скелетом собаки. Назначение последнего столба не совсем ясно. Не исключено, что он являлся опорой небольшого деревянного стола. Какие-либо иные деревянные конструкции в центральной части камеры отсутствовали.

У южной стенки ниши, в ее грунтовом дне, была выкопана округлая ямка диаметром 0,2 м и глубиной 0,2 м; в ее глинистом заполнении отмечены остатки сажи от сгоревшей органики. Возможно, данная ямка использовалась в культовых целях.

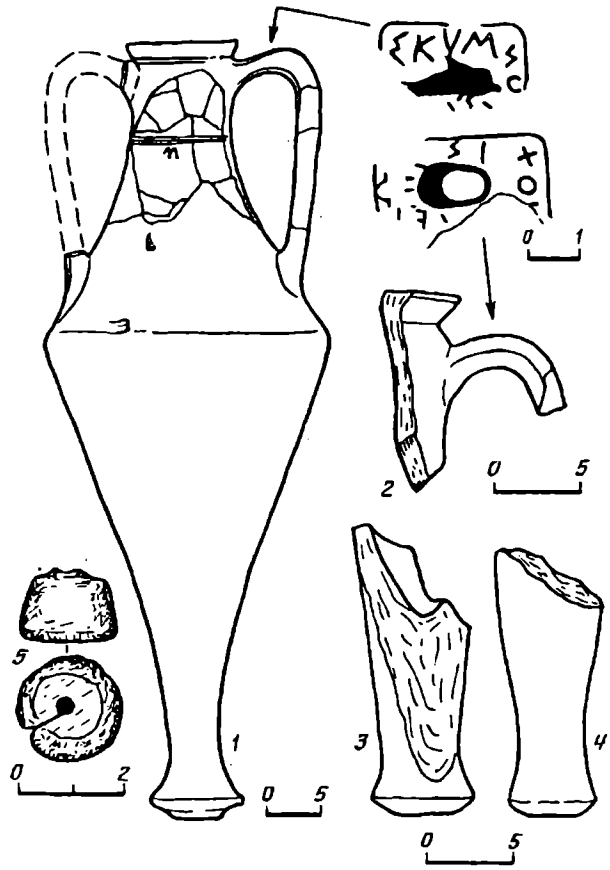


Рис. 2. Предметы IV в. до н. э. из кургана Цыганка: *1* — амфора из камеры склепа; *2—4* — фрагменты амфор из кольцевого ровика; *5* — железная ворворка из грабительского хода

При выборке заполнения и расчистке дна камеры были обнаружены:

1. Скелет собаки; лежал в 0,5—0,6 м выше грунтового дна, в 0,5 м от северо-западной стенки камеры, на левом боку, полускорченно (конечности, возможно, были связаны); голова неестественно запрокинута (результат перерезания горла?).

2. Фасосская амфора (рис. 2, *1*); вкопана в дно камеры вертикально, горлом вверх, в устье входа в нишу. Размеры амфоры: высота—66 см, диаметр венчика—10 см, тулова—25 см, ножки—8,5 см; одна ручка утрачена в древности. Амфора изготовлена из тонкоотмученной глины с включениями слюды, покрыта оранжево-желтоватым ангобом. В амфоре сохранились остатки смолы (от пробки?) и смолистого налета. Под венчиком красной краской нанесен поясок шириной 1,8 см, на горле такой же краской изображено дипинто — литера М. На сохранившейся ручке, у венчика, оттиснуто клеймо с изображением дельфина и надписью, содержащей имена эпонима Сатира и фабриканта Скимна (рис. 2, *1*): Σκυμ | ν(ο σ) Θ[α] | ϙι. Σ[άτ](υ ρ ο ς). По классификации Ю. Г. Виноградова это клеймо принадлежит к 3 группе и датируется 370—340 гг. до н. э. (Виноградов Ю. Г., 1972, с. 25 и сл.). Согласно новейшей классификации клейм Фасоса, разработанной И. Гарланом, деятельность эпонима Сатира приходится на 60-е годы IV в. до н. э. (Garlan Y., 1986, p. 201—276).

3. Антропоморфное изваяние, изготовленное из серого мелкозернистого гранитного монолита (рис. 3); лежало на правом боку на грунтовом дне камеры, перпендикулярно ее северо-западной стенке, у устья дромоса (Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994, с. 92). Размеры изваяния 195×50×40—35 см. Памятник отличается монументальностью и нерасчлененностью объема, что, очевидно, объясняется и трудностью обработки прочного гранита. Морфологически он занимает

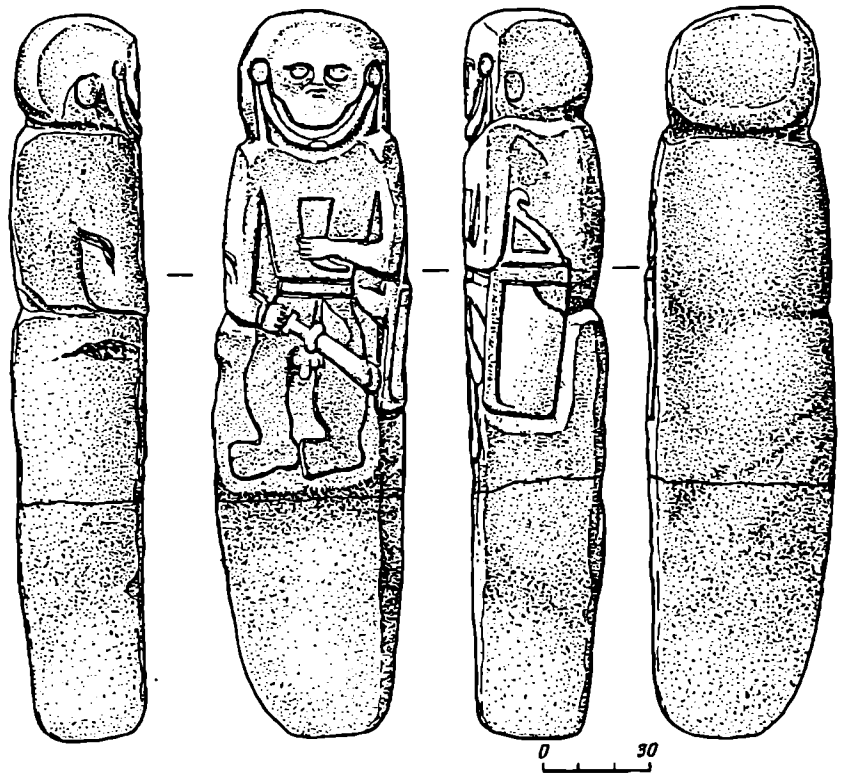


Рис. 3. Антропоморфное изваяние

промежуточное положение между антропоморфным столбом и статуарным рельефом. Иконография же его в целом соответствует традиционной скифской, воспроизводит фигуру мужчины-воина. Антропоморфные детали и атрибуты моделированы в низком рельефе подтеской, а также гравировкой. Лицевая грань памятника уплощена, прочие — более округлы. Голова представляет собой геометризованный полусфероид, почти сливающийся с покатыми плечами; контурной подтеской на передней грани обозначены скулы, подбородок, большие миндалевидные глаза и, возможно, короткие усы. Уши моделированы овалами без детальной проработки. Левая рука персонажа согнута в локте и прижата к груди, правая—также согнута, кисть ее на правом бедре; обозначены пальцы. Человеческая фигура ниже пояса моделирована рельефом «на фоне» лицевой грани памятника, что является характернейшим признаком статуарных рельефов. Обозначены фалл и ноги, причем ступни их представлены в совершенно не свойственной скифской монументальной скульптуре манере — «в профиль». Ступни ног на скифских изваяниях изображаются редко; помимо описываемого, они представлены (в фас) на изваяниях из Виноградовки, Нововасильевки, Кожемяк и Чайки, датируемых в широком хронологическом диапазоне — от VI до середины III в. до н. э. (Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994, ил. 6, 10, 20, 55).

Набор представленных на изваянии изображений атрибутов невелик — гривна, пояс с подвешенным к нему мечом, лук в горите — и вполне соответствует иконографическому стандарту памятников V—IV вв. до н. э. Так, схожим и весьма своеобразным образом гривна показана на изваянии из Эрделевки, обычно датируемом VI или VI—V вв. до н. э., однако, значительно более приемлемой представляется более поздняя дата этой статуи — вторая половина — конец V в. до н. э. (Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994, с. 27). Изображения ритонов обычны для изваяний именно V в. до н. э., хотя они (особенно с поворотом конца ритона влево) известны и на более поздних памятниках (Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994, с. 69).

Таким образом, описываемое изваяние интересно прежде всего необычным сочетанием внешне асинхронных черт. Так, «архаизирующими» элементами,

характерными для V (отчасти и VI) в. до н. э., являются: материал (гранит), изображение фалла, положение рук (предплечья «внахлест» — левое над правым), тип меча и (в меньшей степени) способ его подвески, тип горита (прямоугольный без лопасти). Более поздними хронологическими показателями, позволяющими относить данный памятник к IV в. до н. э., являются: безусловная статуарность, диспропорциональность и некоторая «карикатурность» изображенного персонажа, профильное положение изображений ступней. Кажущееся хронологическое несоответствие элементов, сочетание универсальных и уникальных черт делают рассмотренный памятник весьма неординарным.

В ходе зачистки дна камеры было найдено несколько мелких известняковых камешков, а в засыпи камеры — незначительные по размерам обломки дерева.

Помимо рассмотренного сооружения, к эпохе раннего железа следует относить и подземный ход (рис. 1). Его входная яма трапециевидной формы (2,5×1—1,7×2,6 м) была впущена в северный склон насыпи кургана и ориентирована меридионально. На глубине 3,7 м от репера (на вершине насыпи), в верхнем материковом слое, под южной стенкой входной ямы был устроен лаз, шедший (с понижением в середине своей длины до глубины —5,1 м от репера) в южном направлении. Общая длина хода 13,5 м, ширина 0,6—1,2 м, высота 0,6—0,75 м. Ход был ориентирован точно на камеру и заканчивался вертикальным выходом вверх (на поверхность насыпи) через пол камеры. Дно «выходной шахты», в плане имевшей форму овала 1,6×1,2 м, находилось на глубине —4,8 м от репера. Судя по стратиграфическим данным, к моменту создания подземного хода камера была уже практически заполнена грунтом. На дне хода, под северо-западным углом камеры, была обнаружена железная ворворка (высота 1,5 см, диаметр основания 2 см; рис. 2, *5*).

Реконструкция, датировка, интерпретация. Относительно хорошая сохранность описанных сооружений облегчает задачу их реконструкции, но все же не позволяет однозначно их интерпретировать.

Прежде всего, основной элемент комплекса—грунтово-деревянная конструкция—хотя и идентична погребальным сооружениям (дромосным склепам), но имеет несомненное сходство и с жилыми постройками — землянками и полуземлянками. Полностью либо частично углубленные в грунт жилища с вертикальными, горизонтальными и, возможно, наклонно-двускатными деревянными конструкциями (стенами, перекрытиями) были хорошо известны населению восточноевропейской лесостепи скифского времени (Шрамко Б. А., 1987, с. 37—69). Семантически вполне закономерно и их большое сходство с погребальными сооружениями — «жилищами мертвых» (грунтово-деревянными дромосными склепами). Вышеописанное сооружение кург. Цыганка, по мнению одного из авторов (Шилов Ю. А., 1989; 1993), могло быть сугубо культовой постройкой, землянкой-святилищем. При этом допускается, что изваяние изначально предназначалось для установки внутри землянки, то есть было сознательно скрыто. По окончании периода функционирования такое святилище, возможно, было «законсервировано» самими скифами: изваяние уложено на бок, совершены определенные культовые действия (убита собака), и землянка засыпана.

Однако отметим, что форма нижней части изваяния и пропорции изображения свидетельствуют о том, что установка памятника, несомненно, предполагала его вкапывание на глубину около 0,5 м. Для поддержания скульптуры в устойчивом вертикальном положении могла применяться и массивная каменная база, но ни достаточно большое углубление, ни каменная база на уровне дна «землянки» зафиксированы не были.

Полное отсутствие останков погребенного, а также почти всех предметов инвентаря в принципе может свидетельствовать о непогребальном назначении «землянки». Однако 10—15 % бесспорных могил в скифских некрополях также не содержат ни костей, ни иных остатков (в том числе инвентаря). В некоторых случаях это объясняется характером захоронений (кенотафы), но значительно чаще профессионализмом грабителей. В данном же случае возможность полного ограбления увеличивалась небольшой глубиной сооружения; так как дно послед-

него соответствовало отметке —2,7 м, а деревянные столбы у стен были прослежены на высоту до 2,2 м, нетрудно установить, что деревянное перекрытие сооружения, если бы оно уцелело к моменту раскопок, отделял бы от поверхности кургана слой грунта толщиной 0,3—0,4 м. С поправкой на естественное разрушение насыпи толщина грунтовой «шапки» была, конечно, большей — до 1,5 м? (курган в эпоху раннего железа не досыпался).

Стратиграфически странное расположение скелета собаки может быть связано и с деятельностью грабителей, и создателей сооружения, а также тех, кто, возможно, засыпал его.

Известные к настоящему времени немногочисленные скифские святилища степного Причерноморья конструктивно отличаются от рассмотренного сооружения кург. Цыганка (Ольховский В. С., 1991, с. 133). Некоторые сходство с последним имеют сооружения Ульских курганов в Закубанье, трактуемые как святилища (Балонов Ф. Р., 1987), а также сложная бездромосная (но со входом) деревянная гробница V в. до н. э. в кургане № 2 у с. Аксютинцы (Ильинская В. А., 1968, с. 26, рис. 14). Однако признать аксютинецкую гробницу святилищем (Бессонова С. С., 1992) не позволяют обнаруженные в грабительском ходе остатки погребального инвентаря, а также факт отсутствия реального доступа к сооружению. Святилище как специфическая сакральная зона предполагает совершение неоднократных стереотипных культовых действий, что обуславливает относительно длительный период его существования. Данное условие осуществимо лишь при наличии постоянного доступа посвященных (жрецов, магов) внутрь святилища; курганная же насыпь при отсутствии дромоса препятствует этому. При этом, конечно, вряд ли стоит сомневаться, что любое (в особенности монументальное) погребальное и намогильное сооружение в соответствии с законами религиозно-мифологического мышления воспринималось скифами и как сакральный объект, «микромодель макрокосма», и с этой точки зрения сближалось со святилищем. Такому сближению способствовала и необходимость совершения у кургана периодических поминальных обрядов; курган как культовый объект, таким образом, «функционировал» по крайней мере несколько лет или десятилетий.

Итак, есть достаточно оснований признать рассмотренную «землянку» кург. Цыганка заглубленной каркасной деревянной гробницей — склепом. В данном случае вертикальные бревна использовались для укрепления грунтовых стенок камеры и предотвращения их обваливания; несохранившееся деревянное перекрытие, очевидно, имело вид плоского бревенчатого наката. Деревянная облицовка стенок и пола в данном случае, скорее всего, не применялась.

В эпоху раннего железа деревянные гробницы различного устройства и локализации (наземные и заглубленные, каркасные, срубные, срубно-каркасные, столбовые) встречаются на значительной части степного и лесостепного пояса Евразии, включая Северный Кавказ (Ольховский В. С., 1991, с. 40—43, 152). Прототипы их достаточно определенно угадываются в деревянных и грунтово-деревянных гробницах эпохи поздней бронзы и переходного времени. Не касаясь вопросов генезиса конкретных типов подобных сооружений, отметим, что почти синхронное распространение и бытование деревянных гробниц на огромных территориях соответствует определенному этапу (стадии) духовного и социально-экономического развития целой группы в разной степени родственных (этнически, лингвистически, культурно) кочевых и полукочевых «скифских» народов. Общность такого важного элемента погребальных комплексов как погребальное сооружение говорит и об определенном тождестве религиозно-мифологических концепций указанных этнокультурных групп. Конечно, условия окружающей среды влияли на вещественный результат погребального обряда — погребальное сооружение, модифицируя его (использование в конструкции камня, камыша, глины и т. д.).

В сугубо типологическом отношении деревянные склепы, подобные описанному выше, занимают промежуточное положение между деревянными каркасными (или срубно-каркасными) наземными склепами и так называемыми дромосными ямами, в которых дерево использовалось лишь для создания перекрытия; по существу сооружения типа склепа из Цыганки являются деревянными каркасными гробницами, опущенными в дромосные грунтовые ямы. Дромосные ямы (могилы),

безусловно, являющиеся грунтовыми склепами, приспособленными для неоднократных подзахоронений, входят в употребление (хотя встречаются нечасто) еще в доскифское время; некоторое распространение они имели в среде кочевников эпохи раннего железа Поволжья и Южного Приуралья (Смирнов К. Ф., 1978), Нижнего Дона, Приаралья, восточноевропейской лесостепи и т. д. (Ольховский В. С., 1991, с. 49, 50, 52). Подобные же погребальные сооружения в степном Северном Причерноморье в скифское время практически неизвестны.

Сочетание грунтовых, каменных и деревянных конструкций позволяло создавать принципиально сходные, но в деталях весьма различные сооружения. Несмотря на кажущееся обилие аналогий, типологически почти идентичными рассмотренному склепу следует признать прежде всего грунтово-деревянные склепы второй половины VII—IV вв. до н. э. с днепровского лесостепного Правобережья (Ковпаненко Г. Т. и др., 1989, с. 28—45) типа гробницы № 2 Репяховатой Могилы (Ильинская В. А. и др., 1980, с. 34, 38). И хотя большинство их явно древнее склепа из Цыганки, их объединяет ряд общих элементов: устройство в насыпях уже существующих курганов (т. е. наличие впускных при явном преобладании основных гробниц); подпрямоугольные, иногда асимметричные камеры; расположение устья входа в дромос в южной стенке камеры; меридиональная ориентировка дромоса; наличие следов деревянных столбов у стенок и в центральной части камеры (рис. 4, *1, 3, 6, 7*).

На левобережье Днепра деревянные гробницы в комплексах VI—V вв. до н. э. довольно обычны. Среди них, возможно, есть и склепы со входом (Ильинская В. А., 1968, с. 26, рис. 14). В целом же складывается впечатление, что деревянные каркасные склепы с грунтовыми дромосами в левобережной поднепровской лесостепи в раннескифское время заметного распространения не имели. Однако из склепов IV в. до н. э. довольно близкой аналогией сооружению из Цыганки является склеп кургана № 6 у Старинской птицефабрики (Ильинская В. А., 1966, с. 163, рис. 6); здесь дромос подходит к камере с юго-запада, в правой от входа стенке также имеется ниша (с захоронением слуги), а сам склеп был ограблен через шедший с северо-востока лаз (рис. 4, *9*). Заметим, что старинский некрополь располагался на Левобережье, в прилегающем к Днепру лесостепном районе, но в зоне глубоко вдающегося на север степного «языка».

Помимо право- и (в меньшей степени) левобережной лесостепи, подобные дромосные склепы, датируемые IV — началом III в. до н. э., обнаружены и в скифских некрополях Среднего Дона (Либеров П. Д., 1965), однако дромосы их ориентированы широко и иногда укреплены вертикальными столбами (рис. 4, *2, 4, 5, 8*). На Северном Кавказе в скифских либо скифоидных погребальных комплексах VII — V вв. до н. э. деревянные гробницы также представлены, но среди них нет достоверных каркасных или срубно-каркасных склепов с грунтовыми дромосами (Махортых С. В., 1991).

В степном Северном Причерноморье и Приазовье традиция создания деревянных гробниц на протяжении всего периода существования скифской культуры широкого распространения не имела; пока их известно около 25. Подобные гробницы относительно чаще встречаются в VI — V вв. до н. э., позже почти полностью исчезают (Ольховский В. С., 1978). Типологически соответствуя лесостепным погребальным сооружениям, они все же не столь богаты и сложны; среди них нет сложных многостенных, устроенных по принципу «матрешки» гробниц и склепов с коридорами по периметру камеры, нет многостолбовых гробниц без деревянной облицовки (Ольховский В. С., 1991, с. 43). К IV в. до н. э. относятся две каркасные бездромосные гробницы из Елизаветовского могильника в дельте Дона, из кург. № 1/1892 Пастака (у с. Мирное) в Крыму, а также из кург. 28 у с. Нагорное (Андрух С. И. и др., 1985, с. 66;Андрух С. И., 1995, с.33, рис. 3, *1*). Последняя гробница интересна и тем, что обнаружена в кургане у оз. Кагул сравнительно недалеко от кургана Цыганка.

Таким образом, рассмотренная деревянная гробница кургана Цыганка, судя по опубликованным данным, является единственным бесспорно дромосным деревянным склепом скифского времени в степном севропричерноморском регионе.

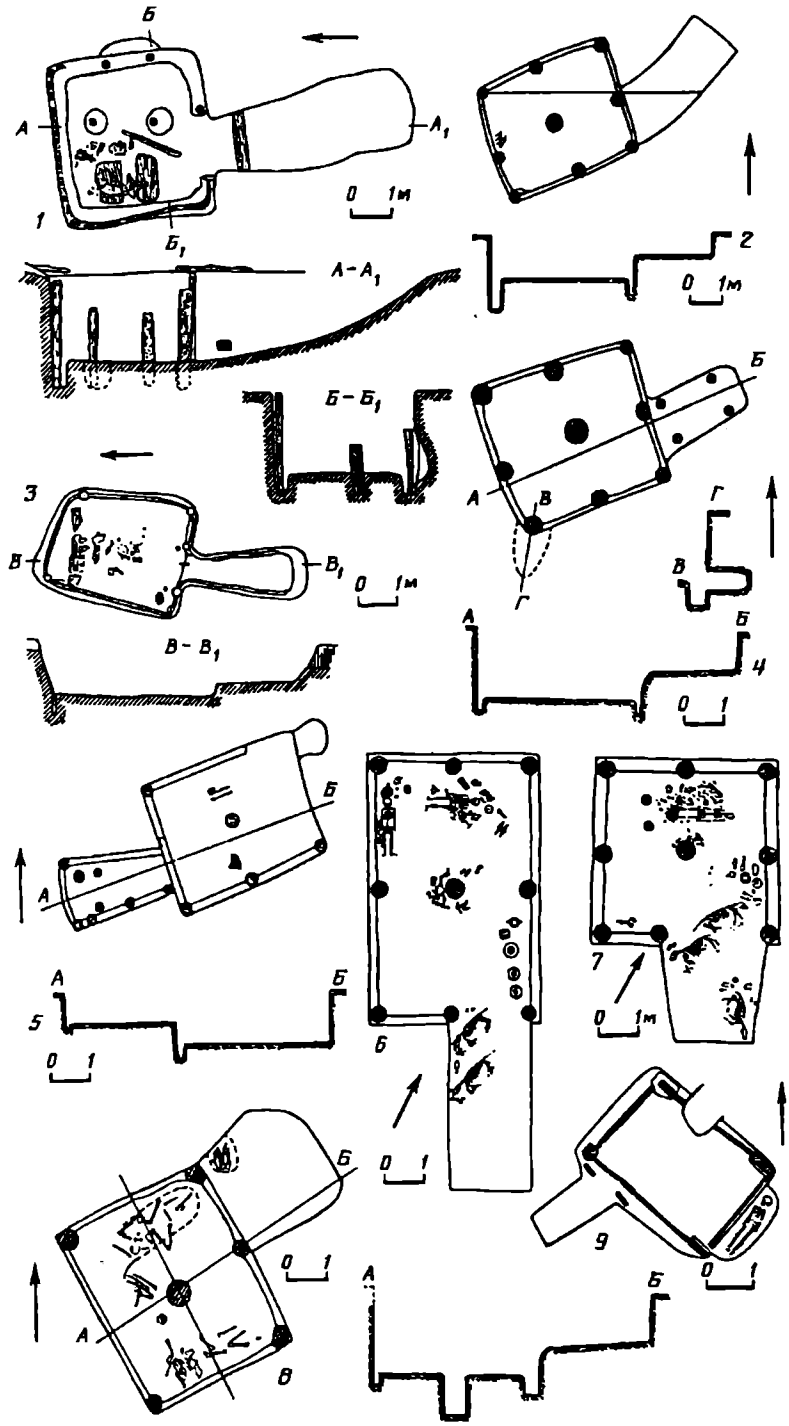


Рис. 4. Грунтово-деревянные дромосные склепы: *1* — Матусов (Репяховатая Могила, гробница 1); *2* — Мастюгино, кург. № 16/36; *3* — Яснозорье, кург. 6, погр. 1; *4* — Мастюгино, кург. № 19/37; *5* — Мастюгино, кург. № 18/38; *6* — Журовка, кург. 400; *7* — Журовка, кург. 401; *8* — Мастюгино, кург. № 47/30; *9* — Старинская птицефабрика, кург. 6 (Сошников курган)

Ниши разной глубины и размеров хозяйственного и погребального назначения — довольно обычный элемент не только дромосных и деревянных склепов восточноевропейской лесостепи, но и бездромосных каркасных деревянных гробниц, а также погребальных ям разных типов на протяжении всего скифского времени и в степи, и в лесостепи. Нередко они устраивались в грунтовых стенках катакомб и комбинированных гробниц, обычно у дна, и использовались для помещения погребального инвентаря, тел «слуг» и туш животных (Ольховский В. С., 1991, с. 26, 29, 32).

В грунтовом дне скифских погребальных сооружений разных видов (особенно катакомб и ям) V — начала III в. до н. э. иногда фиксируются круглые ямки преимущественно небольших размеров, ничем не отличающиеся от ямки в нише склепа в кургане Цыганка; известны случаи устройства ямок и в грунтовом дне ниш. К моменту раскопок большинство таких ямок пустовало; судя по отпечаткам и следам окислов, их использовали для помещения сосудов, поддонов бронзовых котлов, изделий из драгоценных металлов, стрел и другого оружия, наверший, жертвенной пищи. Хотя ямки маскировались грунтом, грабители в большинстве случаев обнаруживали такие тайники (Ольховский В. С., 1991, с. 32). Некоторые ямки играли и сугубо культовую роль ботросов (бофров), использовались для возжигания огня, помещения горячих углей, а возможно, и возлияний.

Обычай вертикальной установки амфоры в ямке, выкапываемой обычно с уровня древней дневной поверхности около погребального сооружения, реже в самом сооружении, хорошо известен в степном северопричерноморском регионе и особенно характерен для V—IV вв. до н. э. (Ольховский В. С., 1991, с. 78); известен он был и ранним сарматам (Смирнов К. Ф., 1984, с. 43). Проявление данного обычая в комплексе Цыганки соответствует скифским погребальным нормам, но скорее степным, чем лесостепным.

Обычай помещения в могилу убитой или убиваемой на месте захоронения собаки у скифов не относился к числу распространенных. Так, в степных причерноморских погребениях он фиксируется с V в. до н. э. (Малая Цимбалка, Станишино); еще в шести случаях собаки находились на дне входных ям и камер катакомб IV — начала III в. до н. э. (Ольховский В. С., 1991, с. 73, 117, 118). Очевидно, данный обычай отражал общее индоевропейское представление о собаке — спутнике хтонических богов, «охраннике» умершего либо стража загробного мира; в скифское время он был известен сарматам, населению Боспора и более восточных азиатских районов.

Прием ограбления крупных погребальных сооружений (особенно катакомб и деревянных склепов) посредством подземных ходов, проходящих от периферии к центру погребального пространства, был довольно широко известен и в степной, и в лесостепной зонах в V — IV вв. до н. э. При этом, однако, существует вероятность спутать грабительский ход с подземным коридором, используемым для подзахоронения — помещения в уже существующую гробницу тел людей, умерших позднее. В последнем случае такие коридоры — дромосы (иногда их сооружали одновременно с гробницей) следует рассматривать как дополнительный элемент конструкции погребального сооружения. Удивительная точность «выхода» грабительских ходов на погребальные камеры, их принципиальное и конструктивное тождество с ходами для подзахоронений, обнаруживаемые в них предметы — все это свидетельствует о практической синхронности погребальных сооружений и большинства грабительских ходов. С какой бы целью — грабежа или культово-магической — они не создавались (Хазанов А. М., Черненко Е. В., 1979; Дашевская О. Д., 1994), сооружали их в большинстве случаев современники, а вполне возможно, соплеменники погребенного и очевидцы захоронения предположительно в течение 1 — 25 лет после похорон; позже естественное разрушение конструкций крайне затрудняло как подзахоронение, так и ограбление погребального сооружения, а большая часть погребального инвентаря по той же причине становилась непригодной к переиспользованию. Разграбление курганов продолжалось, конечно, и в более позднее время.

Таким образом, особенности архитектуры, наличие грабительского хода (характерного именно для погребальных сооружений), найденные предметы, наличие кольцевого ровика с типичными следами погребальной тризны позволяют признать описываемый комплекс из кургана Цыганка погребальным и следующим образом реконструировать его возможную историю.

В вершине кургана эпохи бронзы был сооружен заглубленный деревянный дромосный склеп, в котором совершено реальное или символическое захоронение — кенотаф (в пользу последнего может свидетельствовать отсутствие остатков костей). После этого

насыпь была окружена кольцевым ровиком, совершена тризна, а над засыпанным грунтом перекрытием склепа установлено антропоморфное изваяние. Несмотря на наличие дромоса, склеп вряд ли был использован для подзахоронений. Время сооружения гробницы — около середины IV в. до н. э.— определяется клеймами фасосских амфор. Отсутствие следов подзахоронений или переиспользования склепа не позволяет признать более раннюю его датировку, а также асинхронность склепа и изваяния (в результате возможного переиспользования последнего). Вскоре после сооружения склеп был разграблен. Очевидно, грабительская воронка почти полностью обнажила деревянное перекрытие склепа, которое было разобрано и убрано (находилось оно, очевидно, на небольшой глубине от вершины насыпи). После этого грабители извлекли из склепа неразложившийся труп погребенного и почти весь погребальный инвентарь. Тогда же в грабительскую воронку было сброшено и антропоморфное изваяние, упавшее на дно не заполненного грунтом склепа (внести его через дромос было весьма сложно). Не исключено, что после этого воронка и ограбленный склеп были намеренно засыпаны с целью сокрытия следов грабежа. Во всяком случае появившиеся позже (через несколько лет?) другие грабители, догадывавшиеся либо хорошо знавшие о локализации склепа и попытавшиеся ограбить его через подземный ход, по внешним признакам не определили, что он уже пуст, а в нем «захоронено» лишь изваяние. В северопричерноморском регионе неоднократно фиксировались случаи обнаружения изваяний на дне гробниц, в их засыпи или на уровне перекрытия как результат несомненного ограбления и частичного разрушения погребального сооружения (Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994, с. 44).

Помимо того, что обнаруженное в кург. Цыганка погребальное сооружение уникально для степной скифской культуры, а наличие хорошо датируемой амфорной тары позволяет более достоверно судить о типолого-хронологических особенностях скифских изваяний, оно может рассматриваться и как свидетельство локальных миграций населения северопричерноморского региона в IV в. до н. э. Так, ранее высказывалось предположение, что распространение в степной зоне северной ориентировки погребенных связано «с передвижением части скифского или скифоидного населения лесостепи с Правобережья Днепра на юг» в IV в. до н. э. (Ольховский В. С., 1991, с. 155). Отток скифского населения из Поднепровья на запад, в частности в Поднестровье, продолжался и в III в. до н. э. (Мелюкова А. И., 1962, с. 162; Ольховский В. С., 1991, с. 181).

Достаточно очевидно, что южная лесостепная граница, а также Днепр не были непреодолимым препятствием для кочевых скифов на всем протяжении существования их культуры. Так, более чем вероятна прямая связь немногочисленных скифских деревянных гробниц, найденных в степи, прежде всего с лесостепной зоной. В IV в. до н. э. диагностируется циркуляция скифского населения по левобережному степному коридору (район Киева — район Кременчуга) не только из степи в лесостепь, но и обратно, свидетельством чего является распространение в степи меридиональной ориентировки погребенных и катакомб III типа. Судя по имеющимся данным, катакомбы III типа (как и IV и VI типов) были относительно популярны именно в лесостепи, а не в более южных степных районах (Ольховский В. С., 1977, с. 125; 1991, с. 181), хотя катакомбы не являются доминирующим видом лесостепных погребальных сооружений. Сочетание ориентировки погребенных и сравнительно редкого III типа катакомб позволяет реконструировать следующую схему перемещения части скифского населения в IV—III вв. до н. э.: с Киевщины на юг (Никопольщина и прилегающий район), затем с Никопольщины на запад, в Поднестровье (Тираспольщина). При этом, разумеется, для V—IV вв. до н. э. не исключаются и другие, более прямые маршруты передвижения, подтверждаемые прежде всего погребальными сооружениями (деревянные гробницы и склепы) и в определенной мере ориентировкой погребенных: лесостепное днепровское Правобережье — Поднестровье — Придунавье. Наличие же типологически сходных погребальных сооружений (дромосных

деревянных склепов) в лесостепном Поднепровье и Подонье предполагает существование и иных — широтных направлений передвижений скифского (и скифоидного?) населения в V—IV вв. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрух С. И., 1995. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. (Этно-политический аспект). Запорожье.

Андрух С. И., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н., 1985. Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная. М. (Монография депонирована).

Балонов Ф. Р., 1987. Святилища скифской эпохи в Адыгее (интерпретация курганов на р. Уль)//Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск.

Бессонова С. С., 1992. Курган — святилище у с. Аксютинцы//История и археология слободской Украины. Тез. докл. Всеукраинской конф. Харьков.

Виноградов Ю. Г., 1972. Керамические клейма острова Фасос//НЭ. Т. X. М.

Дашевская О. Д., 1994. О разорении греческих и скифских могил в древности//РА. №4.

Ильинская В. А., 1966. Скифские курганы около г. Борисполя//СА. № 3.

Ильинская В. А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И., 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов//Скифия и Кавказ. Киев.

Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев.

Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону//САИ. Вып. Д1-311. М.

Махортых С. В., 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев.

Мелюкова А. И., 1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских)//МИА. № 115.

Ольховский В. С., 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье//СА. № 4.

Ольховский В. С., 1978. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным//СА. № 4.

Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). М.

Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994. Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. М.

Смирнов К. Ф., 1978. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Смирнов К. Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Хазанов А. М., Черненко Е. В., 1979. Час і мотивы пограбування скіфських курганів//Археологія. Вып. 30.

Шилов Ю. А., 1989. Святилища III—I тыс. до н. э. у Новосельской переправы через Нижний Дунай//История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти профессора А. И. Доватура). Тез. докл. Рени.

Шилов Ю. А., 1993. Святыни//Русская мысль. № 3—12. М.

Шрамко Б. А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Garlan Y., 1986. Quelques nouveaux ateliers amphoriques a Thasos//BCH. Suppl. XIII. Recherches sur les amphores grecques.

Институт археологии РАН,
Москва

V. S. OLKHOVSKY, J. A. SHILOV

THE SCYTHIAN BURIAL AND CULT COMPLEX FROM TSYGANKA BARROW

Summary

The article deals with a Scythian burial complex dated to the middle of the 4th century BC found in the left bank Danube river region in Tsyganka barrow (near Plavni village in Odessa region in Ukraine). It was marked by a granite anthropomorphic statue. The burial made in a wooden frame-tomb with an earth dromos was ransacked completely. This type of tombs is unknown among the Northern Pontic area Scythians but they are spread widely in the forrest-steppes on the right bank Dnieper and Middle Don regions. The analysis of the burial complex proves that the part of the Scythian population moved from the Dnieper forrest-steppes to the south and west (to the Dniester and Danube rivers regions) as well as to the east (to the Don river region) in the 4th-3rd centuries BC.

В. И. МОРДВИНЦЕВА, И. В. СЕРГАЦКОВ

БОГАТОЕ САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У СТАНЦИИ БЕРДИЯ

Последние десятилетия ознаменовались открытием нескольких выдающихся памятников сарматской знати в Северном Причерноморье, Нижнем Поволжье, Подонье и Южном Приуралье. Появление этих комплексов поставило перед учеными новые вопросы и в значительной степени активизировало исследования в области истории и культуры сарматов. Одним из таких памятников, который можно поставить в один ряд с самыми известными сарматскими погребальными комплексами, является кург. 3 могильника Бердия. Могильник находится близ железнодорожной станции Бердия Иловлинского р-на Волгоградской обл., на левом берегу р. Иловли — левом притоке Дона. Курган исследован в 1991 г. Диаметр его составлял 38 м, высота — 0,95 м (по сообщению местных жителей, ранее он был гораздо выше — около 3 м. В середине 50-х годов насыпь была частично срезана бульдозером).

Курган содержал одно погребение, располагавшееся в центральной части. Могильная яма квадратной формы, ориентирована стенками по сторонам света. Ее размеры: 2,6 × 2,75 м, глубина от уровня древней поверхности 1,03 м. Погребение ограблено, в заполнении попадались куски перегнившего дерева от перекрытия, угли и кости человеческого скелета, а по дну ямы в беспорядке разбросаны кости скелета женщины 60—65 лет. В восточной стенке могилы была вырыта ниша длиной 1,8 м, шириной 0,6 м. Свод частично обвалился и накрыл находившиеся в ней вещи, что, видимо, и спасло их от грабителей (рис. 1).

В заполнении могилы и на дне, у входа в нишу, найдены обломки гончарного серолощенного кувшина с фигурной, видимо, витой ручкой (рис. 2, *2*). Там же собраны обломки второго гончарного серолощеного кувшина с двумя маленькими ручками-петельками (рис. 2, *3*). Здесь же найден необработанный кусок окаменевшего дерева.

В северной части ниши вверх дном стоял большой бронзовый котел на полом раструбообразном поддоне, с полусферическим туловом, опоясанным в средней части валиком — имитацией веревочки. К венчику приварены две диаметрально расположенные вертикальные ручки арочной формы с тремя гвоздевидными выступами. В основании ручек помещены тамгообразные знаки, выполненные рельефными валиками. Знак представляет собой прямоугольник с спущенными вниз закрученными усиками. Под венчиком с противоположных сторон приварены еще две вертикальные ручки-петельки, каннелированные двумя продольными желобками. Тулово и поддон отлиты отдельно. Котел не имеет следов повреждения, его высота 57,3 см (рис. 3, *2*).

Рядом с ним, у входа в нишу, вверх дном стоял второй бронзовый котел меньших размеров. У него полый поддон рюмкообразной формы, шаровидное тулово с носиком-сливом в верхней части и отогнутым наружу венчиком. Тулово в средней части опоясано валиком, имитирующим веревочку. Венчик также оформлен в виде «веревочки». К венчику и тулову крепились две диаметрально расположенные вертикальные ручки в виде стоящих кабанов. Рельефными выступами показаны уши, глаза и клыки животного. Продольным валиком показана грива. Передние ноги оформлены в виде столбика, задние выполнены вполне

© В. И. Мордвинцева, И. В. Сергацков, 1995 г.

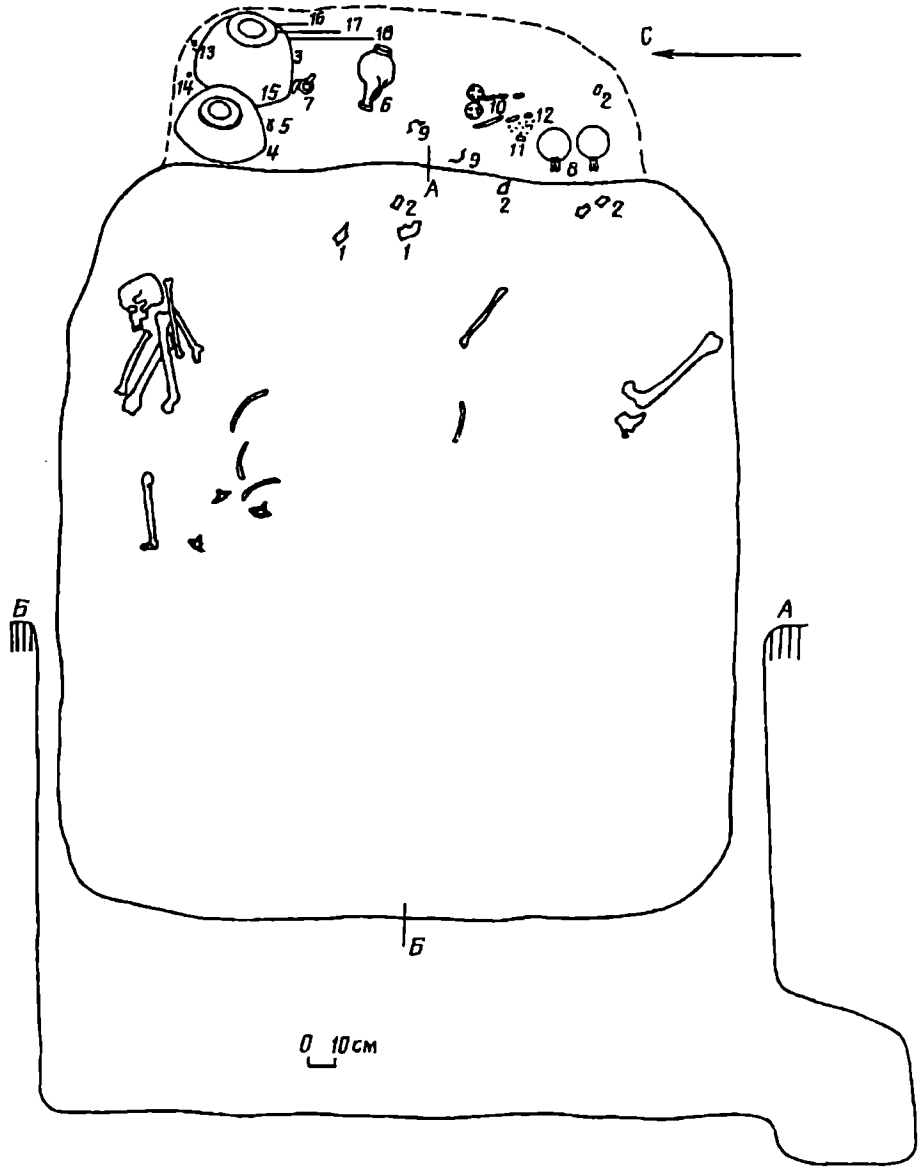


Рис. 1. План погребения у ст. Бердия. *1*, *2* — фрагменты сероглиняных сосудов; *3*, *4* — бронзовые котлы; *5* — золотые обкладки деревянного сосуда; *6* — краснолаковый кувшин; *7* — бронзовые кольца от узды; *8* — серебряные чаши; *9* — бронзовые ручки; *10* — остатки шкатулки; *11* — золотая бляшка от шкатулки; *12* — бисер; *13* — мел и охра; *14* — бронзовая проволока; *15* — золотые бляшки, *16* — бронзовый сосуд; *17* — бронзовый котелок; *18* — бронзовый таз

реалистично. У котла имеются еще две витые ручки-петельки. Одна из них крепится к венчику и тулову, другая — к венчику и носику. Тулово и поддон отлиты раздельно. Снаружи котел сильно закопчен, он абсолютно целый, без повреждений, его высота 35 см (рис. 3, *1*).

Между котлами найдены золотая обкладка от деревянного сосуда и ленточки, которыми были скреплены его части (рис. 4, *4*, *5*).

В центре ниши на боку лежал краснолаковый гончарный кувшин высотой 22,6 см (рис. 3, *3*).

Рядом с большим котлом, но не на дне, а в заполнении ниши найдены два бронзовых кольца с обоймами от конской узды. Скорее всего, ремень, на котором находились кольца, был повешен на ножку котла. Кольца согнуты из толстого прута, концы которого обточены и соединены внахлест с помощью бронзовой заклепки. Обоймы согнуты из прямоугольной тонкой пластины, диаметр колец 6,8 см (рис. 2, *1*).

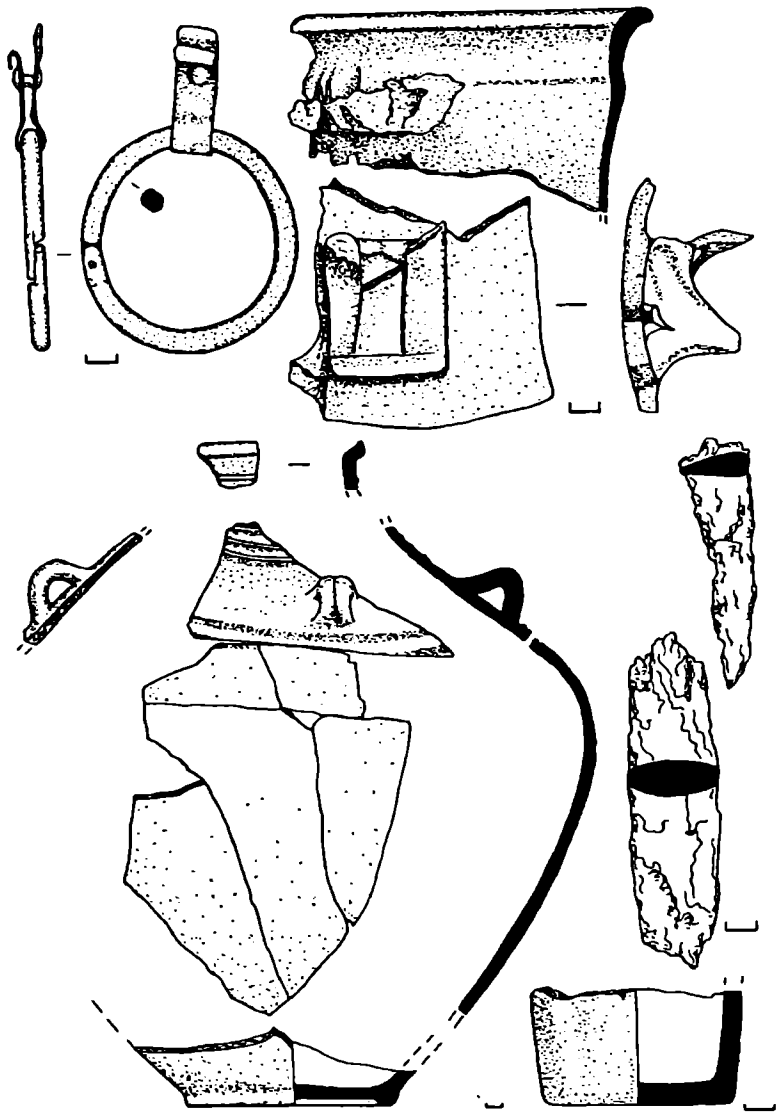


Рис. 2. Находки из погребения у ст. Бердия. *1* — бронзовое кольцо от конской узды; *2*, *3*, *6* — фрагменты серолощеных сосудов; *4* — обломок железного ножа; *5* — обломок железного кинжала

В южной части ниши, у входа в нее, стояли две серебряные чаши с ручками в виде крылатых грифонов. Они абсолютно одинаковы по размерам и различаются лишь по незначительным деталям оформления ручек. Чаши полусферической формы с небольшой закраиной, изготовлены на токарном станке, их диаметр 13,8 см, высота 7,5 см. Сбоку к чаше припаяна массивная литая ручка в виде фигурки крылатого грифона. У него поджарое туловище и длинная шея. Ребра показаны пятью глубокими бороздками. На голове имеются длинные уши треугольной формы, похожие на ослиные. Морда клювовидная. Глаза моделированы высокими выступами с глубокими пустыми гнездами. Перья на крыльях представлены в виде трех продольных бороздок, между которыми нанесены косые насечки. Плечи покрыты бессистемно расположенными насечками. Ноги заканчиваются широкими когтистыми лапами, между пальцами — перепонки. Передние лапы для лучшего крепления к сосуду загнуты за его край. На крупе обеих фигурок имеется по отверстию, куда, возможно, вставлялся хвост, изготовленный из какого-то другого, несохранившегося материала. Обе фигурки отлиты в двусторонней форме и доработаны гравировкой и чеканкой (рис. 5, *1*, *2*).

В центральной части ниши, у ее входа, обнаружены две бронзовые ручки от деревянного сосуда. Ручки пластинчатые, одна гладкая, другая каннелирована

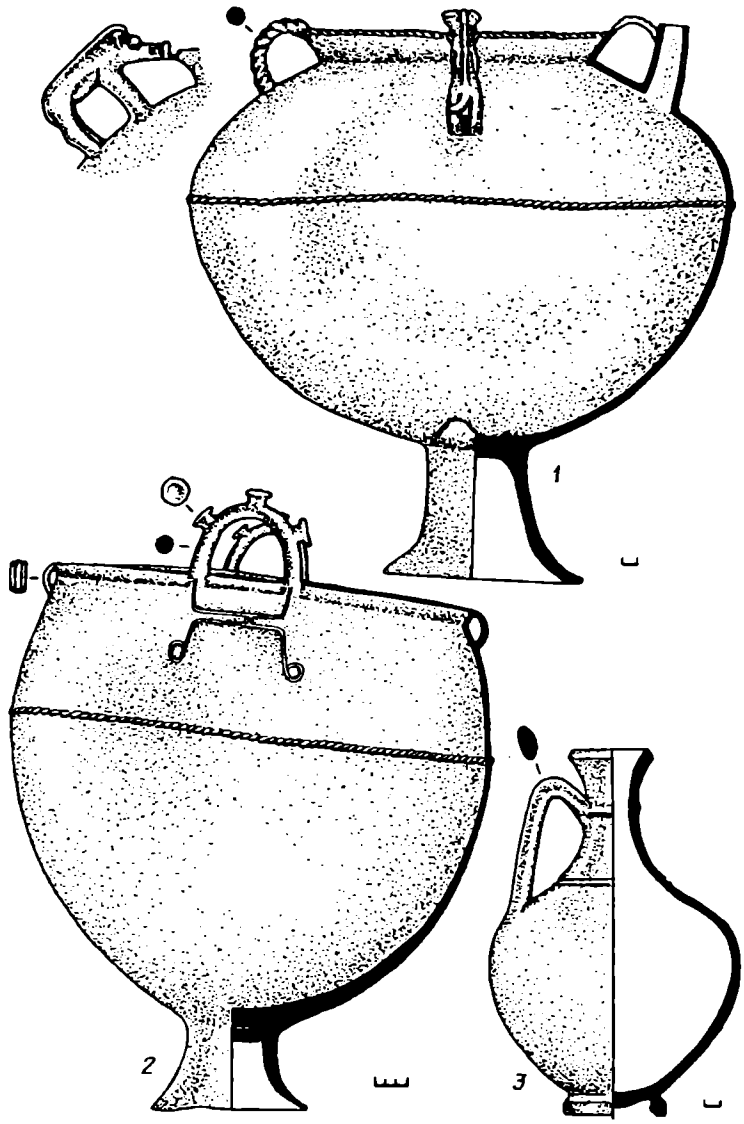


Рис. 3. *1*, *2* — бронзовые котлы; *3* — краснолаковый гончарный кувшин

двумя продольными желобками. Атташи ручек треугольной формы, с заклепками по углам. Их высота 7,7 см (рис. 6, *3*, *4*).

Рядом с серебряными чашами расчищены остатки деревянной шкатулки с железными оковками. Установить ее точную форму и размеры не удалось из-за плохой сохранности. Видимо, она была прямоугольной формы. Ее края окантованы железными пластинчатыми накладками. К крышке были прибиты две дисковидные железные бляхи (рис. 4, *9*). Крышка крепилась к корпусу с помощью двух пластинчатых шарнирных петель подпрямоугольной формы с вогнутыми сторонами (рис. 4, *10*). Кроме того, среди остатков шкатулки найдены фрагменты проволочных скоб, петелек и стерженьков, которыми, вероятно, скреплялись ее отдельные части (рис. 4, *11*, *12*).

Среди остатков шкатулки найдены маленькие обрывки ткани и собрано большое количество стеклянного рубленого бисера зеленого, голубого и светло-коричневого цвета (рис. 4, *8*, *а*, *д*, *е*). Там же находилось бронзовое проволочное колечко с несомкнутыми концами, свернутое в 1,5 оборота (рис. 4, *7*).

У северной стенки ниши, за котлами, найдены два куска мела и комочек охры. Рядом подобрана изогнутая бронзовая проволочка (рис. 4, *3*).

Между котлами обнаружены золотые бляшки. Две из них треугольной формы, спаяны из четырех цилиндрических гофрированных пронизок (рис. 4, *2*). Третья

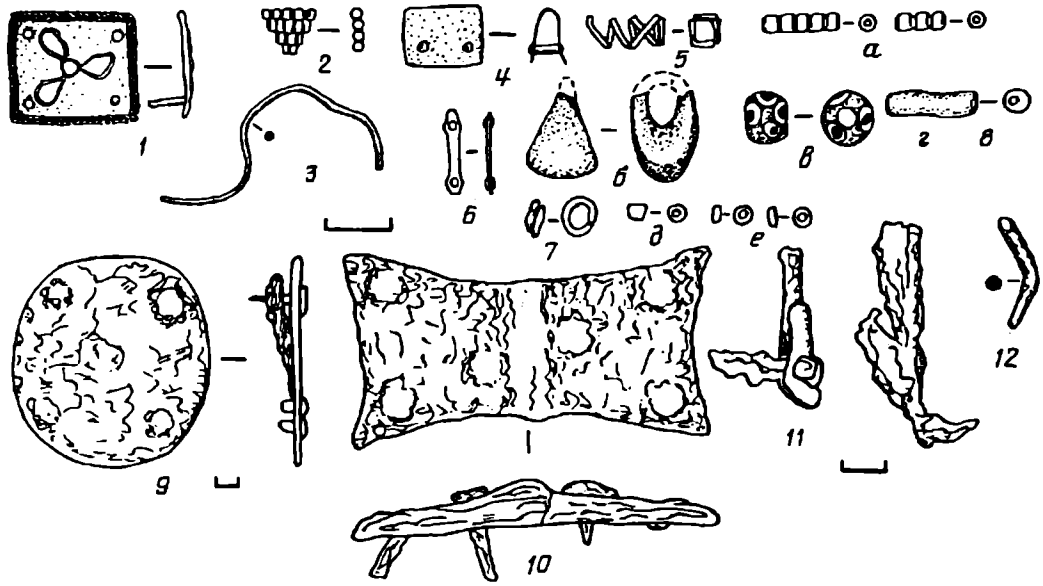


Рис. 4. *1*, *2* — золотые бляшки; *3* — бронзовая проволочка; *4*, *5* — золотая обкладка деревянного сосуда и ленточки, которыми скреплялись его части; *6* — бронзовая «скрепка»; *7* — бронзовое колечко; *8* — стеклянные бусы, бисер; *9* — железная бляха; *10—12* — остатки деревянной шкатулки

бляшка прямоугольной формы находилась у шкатулки. В ее центре напаяны гнезда в виде окружности с тремя лепестками. В гнездах сохранились остатки голубоватой пасты. По краям бляшка обрамлена филигранью. По углам в ней пробиты отверстия, в одном из которых сохранился золотой штырек-заклепка (рис. 4, *1*).

Около меньшего котла найдена подвеска из темно-коричневого камня, имевшая овально-коническую форму (рис. 4, *8*, *б*).

В большом котле находились следующие вещи.

Бронзовый сосуд с плоским дном, округлым приземистым туловом и раструбообразным горлом. На дне рельефными валиками показаны четыре концентрические окружности, подчеркнутые неглубокими врезными бороздками. На боку имеется небольшая вмятина. Сосуд литой, после отливки прокован и доработан на токарном станке. Диаметр тулова 32 см, высота сосуда 25,6 см (рис. 6, *2*).

Бронзовый кованый котелок с округлым дном, четко выраженным ребром в нижней части, сужающимся кверху туловом с профилированным венчиком. Под венчиком котелок опоясан железным пластинчатым ободком, приклепанным с противоположных сторон к краю котла. В местах крепления ободок согнут в петли, в которые была продета железная, овальная в сечении дужка. Поверхность котелка снаружи и внутри покрыта копотью и нагаром от пищи. После очистки на стенках котла хорошо видны следы ковки. Диаметр тулова 23,8 см, высота 13,6 см (рис. 5, *3*).

Бронзовый таз с полусферическим туловом и широким уплощенным венчиком. На дне — концентрические окружности с точкой в центре из рельефных бороздок, выполненных резцом товарного станка. Ко дну припаян профилированный кольцевой поддон. По бокам были припаяны две горизонтальные ручки, одна из которых отломана в древности и отсутствует. В средней части ручек имеются три поперечных кольцевых валика. Атташи ручек оформлены в виде свернувшихся змей. Изображения очень реалистичные. Головы овальной формы, чешуя показана рядами поперечных насечек. Сосуд литой, после отливки прокован и доработан на токарном станке. Поддон и ручки отлиты раздельно. Ручки доработаны после отливки гравировкой и чеканкой. Диаметр таза 40,2 см, высота 15,8 см (рис. 6, *1*).

Сосуды были втиснуты в котел с определенным усилием. Сначала внутрь котла был поставлен первый сосуд, на него поставлен котелок, и затем они были

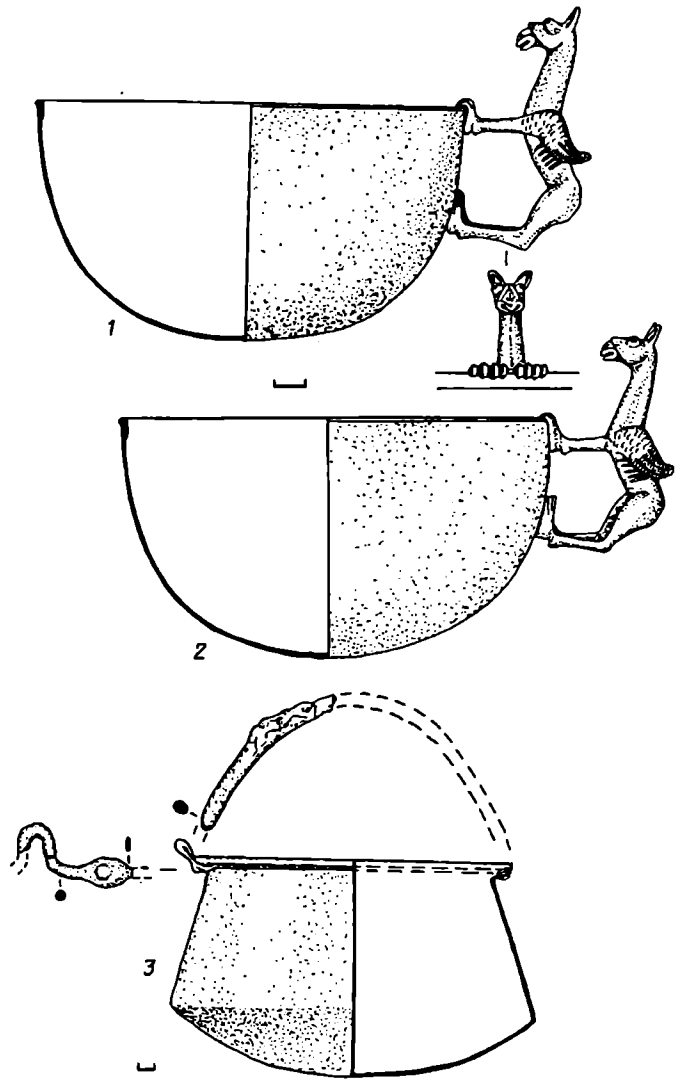


Рис. 5. *1*, *2* — серебряные чаши; *3* — бронзовый котелок

накрыты забитым в котел вверх дном тазом, диаметр венчика которого чуть превышает диаметр венчика котла. После этого котел был перевернут и в таком виде поставлен в нишу (рис. 1, *4*, *16—18*).

В заполнении могилы найдена круглая бусина из синего глухого стекла с бело-голубыми глазка́ми диаметром 0,8 см (рис. 4, *8*, *в*), пронизка из розового коралла длиной 1,4 см (рис. 4, *8*, *г*) и бронзовая пластинчатая «скрепка» с раскованными окончаниями, на которых заметны остатки заклепок (рис. 4, *6*). У входа в нишу обнаружен обломок придонной части гончарного серолощеного сосуда цилиндрической формы (кру́жки?) (рис. 2, *6*). В центре ямы, в заполнении, найден фрагмент железного предмета, линзовидного в сечении,— возможно, клинок кинжала (рис. 2, *5*). Там же обнаружен обломок железного ножа с горбатой спинкой (рис. 2, *4*).

Как уже говорилось ранее, кург. 3 у ст. Бердия можно отнести к погребениям сарматской знати I в. н. э., отличительной чертой которых является наличие в них высокохудожественных изделий из драгоценных металлов, наборов римской посуды, бронзовых литых котлов, предметов конской упряжи. Многие из перечисленных вещей были найдены вне погребальных камер — в тайниках различных конструкций, а также в насыпи кургана, неподалеку от могилы, в качестве поминальных даров покойному (Клейн Л. С., 1962, с. 165; Raev B. A., 1986, p. 5, pl. 32, 36, 39; Bespalyi E. I., 1986, pl. 64). Часто встречаются в курганах

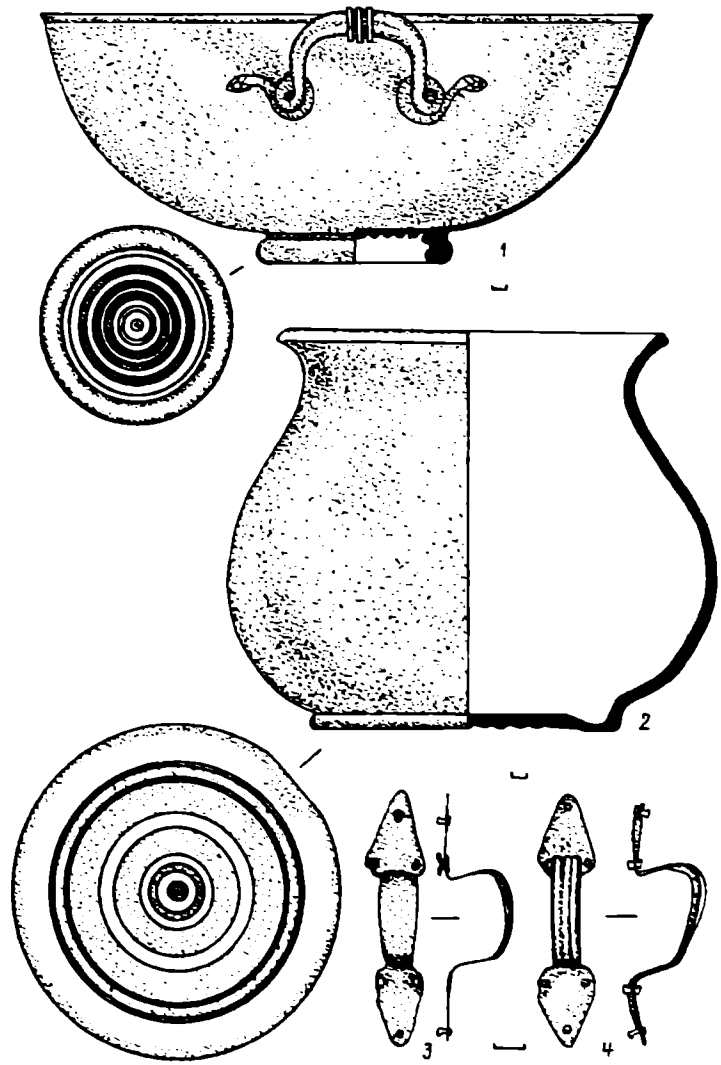


Рис. 6. *1*, *2* — бронзовые сосуды; *3*, *4* — бронзовые ручки от деревянного сосуда

сарматской знати также различные внутримогильные конструкции — тайники в одном из углов, стенок или в полу погребальной камеры (Шилов В. П., 1983, с. 186; кург. 11 у хутора Авиловский; погр. 2 кург. 26 могильника Барановка 1 — раскопки И. В. Сергацкова, материалы не опубликованы). Состав таких тайников — импортная посуда, литые бронзовые котлы, конская упряжь — такой же, как и в случае с расположением тайников в насыпи кургана. Определение состава этих поминальных даров и характера их приношения (помещение в насыпи кургана или в могиле), видимо, в каждом случае строго ранжировалось в зависимости от прижизненного социального статуса погребенного.

В целом погребальный обряд бердиевского захоронения — погребение в квадратной яме под индивидуальной насыпью — характерен для среднесарматской культуры.

Появление богатых сарматских погребальных комплексов происходит почти единовременно на довольно большой территории. Причиной этого послужило усиление военной активности сарматов в I — начале II в. н. э. Комплексы эти содержат импортные вещи восточного и западного происхождения. Не является исключением и бердиевский курган, где была найдена металлическая посуда римского производства.

Набор римской посуды из Бердии включает в себя таз, кованый котелок и бронзовый литой сосуд. Такая деталь, как помещение нескольких сосудов в

больший по размеру, неоднократно встречается в сарматских могилах первых веков н. э. (Raev B. A., 1986, pl. 36; Bespalyj E. I., 1986, pl. 61).

Бронзовые тазы, атташи ручек которых оформлены в виде свернувшихся змей, относятся к числу наиболее распространенных. Эггерс выделяет их в тип 100, который относит к периодам B1 и B2 (Eggers H. J., 1951, beil 38). По мнению Б. А. Раева, подобные сосуды бытуют в Причерноморье до середины III в. н. э., начало же их изготовления в Италии относится к первой половине I в. н. э. (Raev B. A., 1986, p. 27). В то же время бердиевский таз отличается от других экземпляров этого типа по ряду признаков: отлитый отдельно поддон имеет другую профилировку, атташи ручек выполнены в более реалистичной манере, что, скорее всего, говорит о том, что таз из Бердии стоит в начале эволюционного ряда тазов типа 100 по Эггерсу. Среди сарматских древностей довольно точная аналогия бердиевскому тазу есть в материалах из круг. 15 у ст-цы Тифлисской (Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994; кат. № 271). Сосуды сближает форма поддона и плоский, треугольный в сечении венчик. Таз из кургана у ст-цы Тифлисской датируется I — началом II в. н. э. Близок бердиевскому также таз из кург. 4 могильника Плоский 1 (Копылов В. П., и др., 1990, с. 19). Более отдаленные аналогии в материалах из круг. 2 Кирсановского могильника, кург. 20 у пос. Центральный (Raev B. A., 1986, pl. 20) и позднесарматской катакомбы в Ростове-на-Дону (Volkov I. V., Cuguev Yu. K., 1986, pl. 53).

Бронзовый кованый котелок из Бердии дополняет серию котелков типа «debelt», найденных в сарматских могилах первых веков н. э. Ареал их достигает на востоке области Западного Казахстана. Неоднократно встречены они в Поволжье и Подонье. Так, котелок типа «debelt» найден у ст. Тифлисской, в том же кургане, что и таз (Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994, кат. № 273). В междуречье Волги и Дона аналогичные котелки найдены в тайнике кург. 11 могильника Авиловский (раскопки И. В. Сергацкова 1991 г.) и в кург. 75 могильника Жутово (раскопки В. И. Мамонтова 1974 г.). По вещевому материалу эти погребения датируются второй половиной I—II в. н. э. Исходной формой для котелков типа «debelt» служили сосуды южноиталийского происхождения. Дата их I в. н. э. (Raev B. A., 1977, taff. 11. *3*). Бердиевский и тифлисский котелки, судя по качеству изготовления, являются италийскими сосудами. Но многие экземпляры, найденные в сарматских могилах, были сделаны, скорее всего, во Фракии или в Северном Причерноморье (Raev B. A., 1984; 1986, p. 23—26). Железная окантовка венчика и дужка для подвешивания, зафиксированные у бердиевского котелка, были, видимо, изготовлены там же либо добавлены позднее местными мастерами.

Аналогии литому сосуду (рис. 3, *2*) нам не известны. Отдаленное сходство по форме с бердиевским видится в серебряных сосудах из погр. 5 и 6 некрополя Тилля-тепе (Sarianidi V. I., 1985, S. 257, № 13; S. 262, № 28).

Большой интерес в публикуемом комплексе представляют серебряные чаши с ручками в виде ушастых грифонов. Точной аналогии им нет в сарматских древностях. Близкие по форме парные чаши найдены в богатом кург. 28 Жутовского могильника в Октябрьском р-не Волгоградской обл., который В. П. Шилов датирует первой половиной I в. н. э. (Шилов В. П., 1975; с. 150, рис. 58, *1*). К чашам в качестве ручек крепились фигурки орлов, причем сам способ крепления — их лапы заходят за верхний край сосуда — соответствуют экземплярам из Бердии. Поиск возможного места производства этих сосудов приводит нас в Иран, где образы орла и грифона, иконографически близкие бердиевским и жутовским, известны с ахеменидской эпохи и особенно широко распространяются в сасанидское время (Луконин В. Г., 1977, с. 54, 55; Тревер К. В., Луконин В. Г., 1987, с. 120, рис. 123). Протомы ушастых грифонов есть на серебрянном сосуде из кург. «Хохлач» (Raev B. A., 1986, pl. 9; diagram). Дата сосуда V—IV вв. до н. э. в отличие от остального комплекса. Изображение ушастого грифона, близкое бердиевскому, есть на известном новоузенском фаларе, возможно, греко-бактрийского происхождения (Смирнов Я. И., 1909, с. 7; Тревер К. В., 1940, с. 49).

Большие бронзовые котлы, опоясанные по тулову «веревочкой», с ручками арочной формы и тамгообразными знаками встречаются в курганах сарматской знати I—II вв. н. э. В. М. Косяненко и В. С. Флеров выделяют такие котлы в IV тип (Косяненко В. М., Флеров В. С., 1978, с. 197—199), который датируют среднесарматским временем (I в. до н. э.— I в. н. э.). По типологии Н. А. Боковенко бердиевский котел относится ко II типу с той же датой (Боковенко Н. А., 1977, с. 233). По мнению В. А. Раева, все котлы этой группы найдены в курганах I в. н. э. (Raev B. A., 1986, p. 41).

Котел меньших размеров с ручками в виде кабанов и носиком-сливом относится к I типу по Н. А. Боковенко (Боковенко Н. А., 1977, с. 232) и к V типу (представленному одним сосудом) по типологии Косяненко — Флерова (Косяненко В. М., Флеров В. С., 1978, с. 199, 204) с датировкой I в. до н. э.— I в. н. э. Самой близкой аналогией малому котлу из Бердии является котел из кург. 9 могильника Валовый (раскопки Е. И. Беспалова, материалы не опубликованы). Он имеет такой же носик-слив, венчик украшен «веревочкой», профиль сосуда совершенно аналогичен бердиевскому. Различие состоит в том, что на котле из Валового фигурка кабана крепится диаметрально противоположно сливу, а ручки в виде какого-то другого животного, возможно, лошади, приварены перпендикулярно ему с обеих сторон. Погребение относится к позднесарматскому времени и датируется второй половиной II — началом III в. н. э. В то же время подавляющая часть котлов с носиком-сливом и зооморфными ручками относится ко второй половине I — первой половине II в. н. э.: погребение у с. Давыдов Брод; кург. 13 у хут. Верхнеянченков (Капошина С. И., 1965, с. 49); 13-й Багаевский курган (Raev B. A., 1986, pl. 38—40). Небольшой котел с носиком-сливом, противоположной ему боковой ручкой и двумя ручками арочной формы с тремя выступами найден в кургане у ст-цы Воздвиженской; здесь же найдены перевернутый вверх дном большой литой котел и бронзовый позолоченный таз (Гущина И. И., Засецкая И. П., 1989, с. 125, 133, табл. VI, *37*, *38*). Совместные находки большого и малого, с носиком-сливом, котлов, неоднократно отмечены в комплексах I в. н. э., что мы видим и на примере бердиевского погребения.

Помимо металлической посуды в погребении встречена импортная керамика.

Краснолаковый кувшин принадлежит к широко распространенному в античных памятниках Северного Причерноморья типу посуды. Они известны в Херсонесе и его округе (Зубарь В. М., 1982, с. 70, рис. 45, *3*; Гущина И. И., 1974, с. 35; 1982, с. 21), где они датируются I—II вв. н. э. Такие кувшины встречаются на Боспоре (Сокольский Н. И., 1976, рис. 53, *2*), в Танаисе (Античные государства, 1984, табл. CXLVII. *6*; Шелов Д. В., 1961, табл. XXVII, *4*; Арсеньева Т. М. и др., 1974, табл. XVIII, *5*), в Неаполе Скифском (Дашевская О. Д., 1991, табл. 35, *32*) с той же датой.

Сероглиняная керамика, найденная в публикуемом погребении, сильно фрагментирована. Кружка, по всей видимости, цилиндрической формы (сохранилась придонная часть) (рис. 5, *6*), известна по материалам Центрального Предкавказья (Абрамова М. П., 1993, с. 140, рис. 53, *5—10*), где подобные сосуды датируются I — началом II в. н. э.

Обнаруженные в погребении бронзовые кольца (рис. 2, *1*), видимо, играли роль распределителей ремней на конской узде, на что указывает наличие на них ременных зажимов. Такие дополнительные кольца, крепившиеся к удилам, находят в сарматских погребениях со II в. до н. э. (Гущина И. И., 1961, рис. 3; Яценко И. В., 1962, рис. 15). Продолжают встречаться они и в средне-, и в позднесарматское время (Власкин М. В., 1990, с. 64—68; Гугуев В. К., Безуглов С. И., 1990, рис. 2, *19*; рис. 3, *8—10*). Интересна находка в погребении деталей шкатулки, железных оковок и золотого украшения крышки. Металлические (большей частью железные) части деревянных шкатулок встречены в некрополях Кобякова городища (Косяненко В. М., 1991, с. 82, 83), Танаиса (Арсеньева Т. М., 1977, с. 52, 78, табл. XLII, *7*; Каменецкий И. С., 1973, с. 129) и Горгиппии

(Алексеева Е. М., 1982б, рис. 57), а также в могильнике Бельбек IV в Крыму. Все они датируются временем от первой половины I в. до III в. н. э. Остатки деревянных шкатулок обнаружены в среднесарматском погребении кург. 37 могильника Криволиманский 1 (Савченко Е. И., Казакова Л. М., 1981), а также в богатом погребении кург. 10 Кобяковского могильника (Прохорова Т. А., Гугуев В. К., 1992, с. 153, 154, рис. 9), дата которого определяется исследователями второй половиной I — началом II в. н. э. К крышке шкатулки, по-видимому, крепилась прямоугольная золотая бляшка (рис. 4, *1*). Техника ее изготовления, а также такие стилистические особенности, как кайма из двойного ряда филиграни, вставки стеклянной пасты в напаянных гнездах, сближают ее с ювелирными изделиями (подвесками, серьгами, медальонами и проч.) первых веков н. э., произведенными на Боспоре. Таким образом, шкатулка, скорее всего, была произведена в одном из боспорских городов.

Бусы, найденные в погребении, не дают возможности уточнить его дату. Каменная бусина (яшма ?) не имеет аналогий в античных памятниках Северного Причерноморья. Коралловая бусина (тип. 3 по Е. М. Алексеевой) датируется римским временем (Алексеева Е. М., 1982а, с. 30). Точной аналогии глазчатой бусине с девятью глазка́ми в каталоге Е. М. Алексеевой нет, но такая же точно бусина найдена в среднесарматском погр. 8 кург. 1 могильника Верхнепогромное (раскопки В. П. Шилова 1957 г.). Рубленый бисер, найденный в погребении, относится к типу 166 по Е. М. Алексеевой с довольно широкими рамками бытования III в. до н. э.— IV в. н. э. (Алексеева Е. М., 1978, с. 72).

Найденные в погребении бронзовые ручки от сосудов (рис. 3, *3*, *4*), видимо, крепились к деревянным чашам, которые хотя и не сохранились, но осталась золотая обкладка, крепившаяся к краю одной из них. Бронзовая ручка с подтреугольными атташами, сходная по форме с бердиевскими, найдена в позднесарматском погребении кург. *5* Кобяковского могильника, дата которого — вторая половина II — начало III в. н. э. (Гугуев В. К., Безуглов С. И., 1990, рис. 2, *3*).

Остальной инвентарь часто встречается в сарматских погребениях последних веков до н. э. и первых веков н. э. и не позволяет сузить дату погребения. Таким образом, дату кург. 3 Бердиевского могильника можно определить в пределах второй половины I — начала II в. н. э.

Помимо публикуемого бердиевского комплекса на Иловле было открыто еще несколько погребений высшего слоя сарматской знати: Лебяжье, кург. 12 и 13; Барановка 1, кург. 3, 4, 14; Бердия, кург. 6, 8. Все они разграблены, но дали весьма выразительный и богатый материал. Такая концентрация курганов сарматской знати на Иловле — факт, свидетельствующий о том, что в I—II вв. н. э. бассейн Иловли заселяло мощное сарматское объединение, вероятно, игравшее значительную роль среди кочевников Азиатской Сарматии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э.— IV в. н. э.). М.

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. Вып. Г1-12. М.

Алексеева Е. М., 1982а. Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. Вып. Г1-12. М.

Алексеева Е. М. 1982б. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии//Горгиппия II. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар.

Античные государства Северного Причерноморья. 1984//Археология СССР. М.

Арсеньева Т. М., 1977. Некрополь Танаиса. М.

Арсеньеа Т. М., Шелов Д. В., 1974. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964—1972)//Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 1. М.

Боковенко Н. А., 1977. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе//СА. № 4.

Власкин М. В., 1990. Уздечный набор с тамгообразными псалиями из могильника «Царского»//Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.

Гугуев В. К., Безуглов С. И., 1990. Всадническое погребение первых веков н. э. из курганного некрополя Кобякова городища на Дону//СА. № 2.

Гущина И. И., 1961. Случайная находка в Воронежской области//СА. № 2.

Гущина И. И., 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильника)//Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
Гущина И. И., 1982. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э.//Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2. М.
Гущина И. И., Засецкая И. П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э.— начало II в. н. э.)//Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.
Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев.
Дашевская О. Д., 1991., Поздние скифы в Крыму//САИ. Вып. Д1-7. М.
Каменецкий И. С., 1973. Катакомбное погребение в некрополе Танаиса//АО — 1972. М.
Капошина С. И., 1965. Итоги работ Кобяковской экспедиции//КСИА. № 103.
Клейн Л. С., 1962. Садовый курган — новый выдающийся памятник сарматской культуры//Вестник ЛГУ. Л.
Копылов В. П., Кузнецов В. В., Янгулов С. Ю., 1990. Исследования экспедиции РГПИ в Багаевском районе Ростовской области в 1989 г.//Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.
Косяненко В. М., 1991. Детали шкатулок из некрополя Кобякова городища//Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов.
Косяненко В. М., Флеров В. С., 1978. Бронзовые литые котлы нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии)//СА. № 1.
Луконин В. Г., 1977. Искусство древнего Ирана. М.
Прохорова Т. А., Гугуев В. К., 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника//СА. № 1.
Савченко Е. И., Казакова Л. М., 1981. Раскопки курганов у хутора Кривой Лиман//АО — 1980. М.
Смирнов Я. И., 1909. Восточное серебро. СПб.
Сокольский Н. И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
Тревер К. В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.: Л.
Тревер К. В., Луконин В. Г., 1987. Сасанидское серебро. М.
Шелов Д. Б., 1961. Некрополь Танаиса//МИА. № 98.
Шилов В. П., 1975. Очерки истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
Шилов В. П., 1983. Запорожский курган (к вопросу о погребениях аорсской знати)//СА. № 1.
Яценко И. В., 1962. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца//КСИА. № 89.
Bespalyi E. I., 1986. The barrows with Roman imports excavated by the expedition of the Azov Regional Museum in 1979—1984//Raev B. A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278, Oxford.
Eggers H. J., 1951. Der romische Import im freien Germanien. Hamburg.
Raen B. A., 1997. Die Bronzegefässe der romischen Keizerzeit in Trhrakien und Mosien//Ber. RGK. N 58. Mainz.
Raev B. A., 1984. Les Chauldrone marteles; Les Traditions italiques dans les Ateliers provinciaux//Toreutik und figurliche Bronzen romischer Zeit. Akten der 6. Tagung über antike Bronzen. Berlin.
Raev B. A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin//BAR International Series 278. Oxford.
Sarianidi V. I., 1985. Bektrisches Gold aus den ausgrabungen der nekropole von Tilla-tepe in Nordafghanistan. Leningrad.
Volkov I. V., Guguev Yu. K., 1986. A late Sarmatian burial in Rostov-on-Don//Raev V. A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford.

Волгоградский областной
краеведческий музей

Волгоградский государственный
университет

V. I. MORDVINTSEVA, I. V. SERGATSKOV

THE RICH SARMATIAN BURIAL NEAR BERDIJA STATION

Summary

In 1991 Volgograd's University expedition headed by I. V. Sergatskov investigated the barrow 3 situated near Berdija railway station in Ilovlinsky district of Volgograd region. The cashe in a niche containing the major part of the finds was discovered in the eastern wall of the burial. The barrow belongs to the group of the rich Sarmatian burials dated to the 2nd half of the 1st — beginning of the 2nd centuries AD. The barrow can be connected with the new wave of the nomads moving from the east to the East-European steppes.

А. А. МАЛЫШЕВ, М. Б. МЕДНИКОВА

НАСЕЛЕНИЕ ЦЕМЕССКОЙ ДОЛИНЫ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ

После Синдской области и Горгиппии, отмечает Страбон, простирается гористое, лишенное большей частью гаваней побережье, населенное ахейцами, зигами и гениохами (Strabo, XI, 11, 12). Часть этой горной страны, территория современного Новороссийского района, была включена в состав Боспорского государства еще в IV в. до н. э. (Гайдукевич В. Ф., 1949, с. 61). К сожалению, письменная традиция практически ничего не сообщает об истории этой области в составе Боспора. Основные данные о распространении боспорского влияния на этой территории получены благодаря археологическим исследованиям.

В частности, раскопки Раевского городища подтвердили существование здесь боспорского укрепления со второй половины IV в. до н. э. (Блаватский В. Д., 1959; Онайко Н. А., 1959; 1965) (рис. 1, *2*). Возникнув как пограничный пункт, Раевское поселение постепенно превратилось в довольно крупный административный, ремесленный и торговый центр боспорского государства и просуществовало до 30-х годов III в. н. э.

Кроме Раевского городища на этой территории известен целый ряд памятников, где неопровержимо засвидетельствовано присутствие боспорян. Эти памятники условно можно разделить на две группы: прибрежную (поселения и некрополи у пос. Мысхако, а также в урочище Широкая Балка (рис. 1, *3, 4*)) и материковую (усадьбы с мощными стенами, возведенные как контрольно-сторожевые посты в стратегически важных пунктах этого района). В целом мы располагаем данными о шести таких зданиях: два из них (Владимировское и Цемдолинское (рис. 1, *5, 6*)) исследованы в долине, выходящей в Цемесскую бухту, на берегах которой локализуется античный г. Баты (Онайко Н. А., 1976). Памятники вышеперечисленных групп появляются в I в. до н. э.

Особенно интенсивным исследованиям в последние десятилетия подверглись некрополи античного времени (раскопано более 800 погребений). Погребальные памятники имеют большой потенциал для определения культурно-этнической принадлежности, для изучения верований и нередко хозяйственной деятельности.

В предлагаемой статье сообщается о результатах комплексных (археологических и антропологических) исследований материалов раскопок грунтового некрополя, открытого в материковой части этого района в 200 м от вышеупомянутой Цемдолинской усадьбы (рис. 1, *1*; 2).

На могильнике (рис. 2) исследовано 1230 м^2 площади. Границы памятника определены с западной, юго-западной и, частично, с северо-восточной стороны. Неизученными, таким образом, остались участки вдоль р. Цемес, составляющие третью часть всей площади могильника. Рельеф местности, практически снивелированный при современной застройке, сильно изменился. Глубина залегания погребений относительно современной поверхности варьирует от 0,4 до 1,5 м. Раскопано 79 погребений, 3—4, судя по подъемному материалу, были разрушены в ходе расчистки балластного слоя. Средняя плотность захоронений изучаемого могильника составляет, таким образом, 1 погребение на 16 м^2. Большая насыщенность, в особенности по сравнению с северным участком, наблюдается в

© А. А. Малышев, М. Б. Медникова, 1995 г.

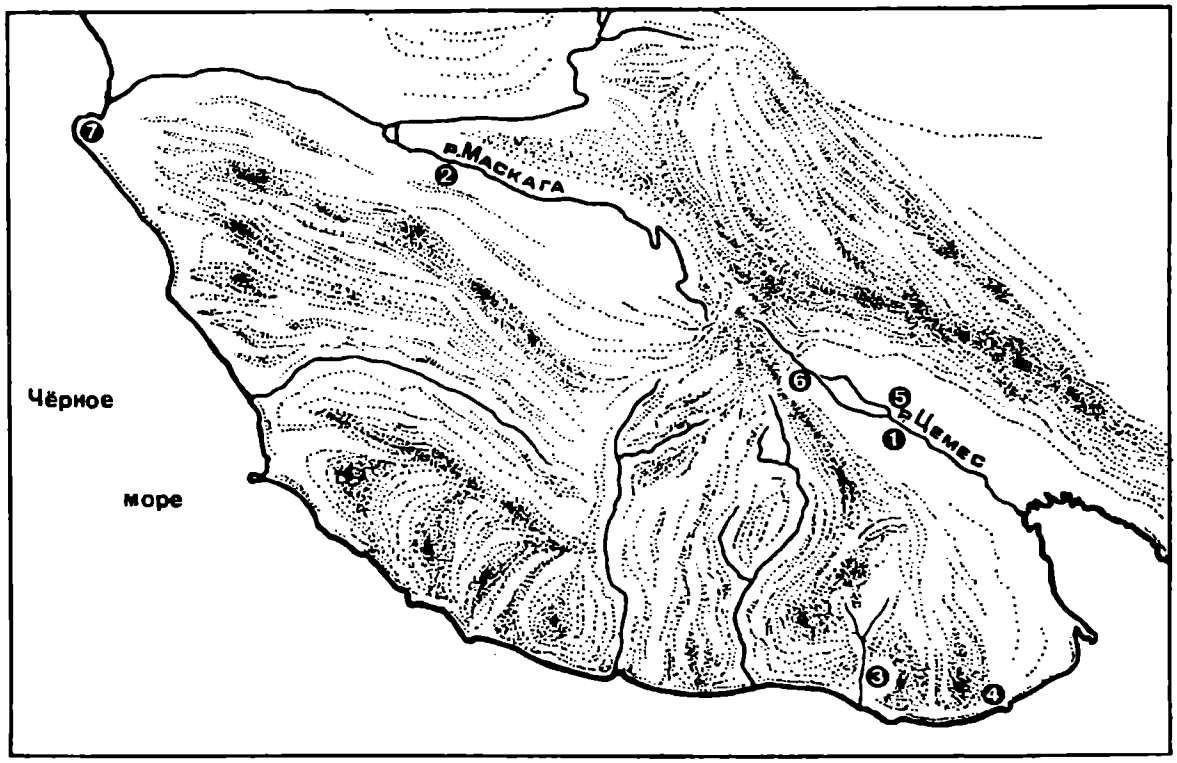


Рис. 1. Памятники римского времени в окрестностях Новороссийска

северо-восточной и юго-западной частях могильника. Наиболее ранние захоронения располагаются возле реки и в юго-западной части некрополя. Следы ограбления имели погребения, расположенные по краям могильника (№ 10, 46, 66, 70, 71) и датированные по уцелевшему инвентарю не раньше середины II в. н. э.

Возможности для определения абсолютной датировки погребений довольно широкие: почти в каждом из них присутствуют фибулы, в основном разновидности лучковых, подвязанных; стеклянная посуда (бальзамарии, мисочки, бокалы и кувшинчики), составляющая 41% от всех сосудов этого могильника, либо краснолаковая керамика. Анализ этого материала позволяет выделить пять хронологических групп (табл. 1). Наибольшая интенсивность функционирования могильника, судя по этим данным, падает на вторую хронологическую группу (вторая половина I — начало II в. до н. э.).

Особенности погребального обряда. Форму погребальной ямы удалось проследить для 49 захоронений. Большинство погребений совершено в узких ямах со скругленными углами (63%), в 11 из них явно имелись небольшие подбои. В 6 из 10 погребений в широких ямах также обнаружены погребальные камеры подбойного типа. Два детских захоронения были совершены в округлых в плане

Таблица 1

Хронологическое распределение погребений Цемдолинского могильника

Группа	Дата	% погребений
1	Рубеж н. э.— первая половина I в. н. э.	3
2	Вторая половина I — начало II в. н. э.	42
3	II в. н. э.	11
4	Конец II — первая половина III в. н. э.	9
5	Рубеж IV—V вв. н. э.	2

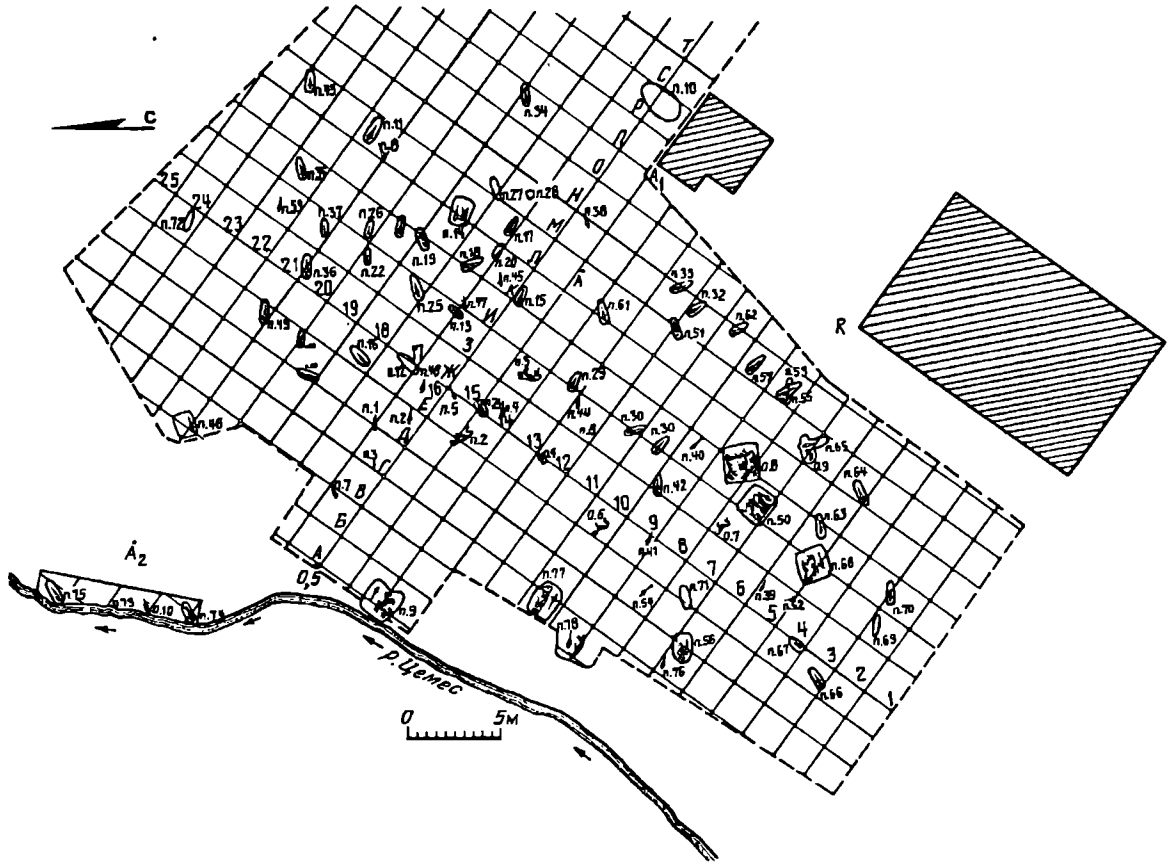


Рис. 2. Исследованная площадь Цемдолинского могильника

ямах. Обнаруженные в погребениях камни употреблялись главным образом для укрепления перегородки из несохранившихся органических материалов между входной ямой и погребальной камерой либо для забутовки пространства входной ямы (погр. 2, 9, 19 (?), 33, 46, 51, 78). Изредка каменные плитки находились под телом или в ногах погребенного.

Для Цемдолинского могильника характерно трупоположение на спине, с ориентировкой в западном секторе (3—10%, СЗ — 42%, ЮЗ — 37%). Юго-восточная ориентировка засвидетельствована для двух погребений (№ 9, 77) в широких ямах с подбоями. Считается, что западная ориентировка обычна для погребальных комплексов степного и среднего Прикубанья (Каменецкий И. С., 1989, с. 246). В частности, в синхронных захоронениях могильника Усть-Лабинский 2 также преобладала ориентировка в западном секторе, сменившая северо-восточную для погребений конца I в. до н. э.— начала I в. н. э. (Анфимов Н. В., 1951, с. 192). В семи случаях ноги погребенных в Цемдолине были перекрещены.

В 35% захоронений Цемдолинского могильника под головой умерших обнаружена миска, чаще в перевернутом вверх дном положении. Этот обычай был широко распространен в среднемеотский период (IV—I вв. до н. э.) в западных локальных группах меотской культуры, включая Краснодарскую. К рубежу н. э., по наблюдениям И. С. Каменецкого, он практически исчезает (Каменецкий И. С., 1989, с. 236, 247), тогда как в захоронениях Цемдолинского могильника этот обычай сохраняется, причем в ряде случаев, особенно для погребений II — начала III в. н. э., засвидетельствовано использование вместо обычных мисок краснолаковых или стеклянных чашек.

В двух комплексах в ногах погребенных обнаружены гальки. Этот обычай имеет довольно широкое распространение. Прокаленные гальки — вероятно, семантические эквиваленты пращевых камней — находят в погребальных памятниках степной Скифии, а также в захоронениях местного населения западной

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни взрослых в популяциях разного времени и с разными хозяйственными укладами

Хозяйственный уклад	Число групп	E15
Охотники и собиратели	4	16,5
Общество раннего земледелия	22	19,8
Общество развитого земледелия	8	25,3
Современные «примитивные» сообщества	14	26,3
Время		
Бронзовый век	6	23,7
Железный век	3	23,4
Античное время	19	24,7
Средние века (Западная Европа)	23	25,3

и центральной частей Северного Кавказа (Ольховский В. С., 1991, с. 115; Абрамова М. П., 1993, с. 56). Начиная с раннемеотского периода (VII—VI вв. до н. э.) до рубежа н. э. гальки встречаются и в захоронениях меотской культуры (Анфимов Н. В., 1951, с. 188; Каменецкий И. С., 1989, с. 232—236; Беглова Е. А., 1989, с. 143).

С северокавказским погребальным ритуалом связана находка железной цепи в погр. 9 (Керефов Б. М., 1984, с. 146). В шести погребениях на полу входной ямы обнаружена жертвенная пища, кости животных (овцы, свиньи?).

В могильнике довольно велик удельный вес захоронений с оружием (19). Почти половина от их числа приходится на погребения воинов в сопровождении верховых лошадей (1—3), уложенных на ступеньку входной ямы. Бо́льшая часть этих комплексов датирована I — началом II в. н. э. Подобные захоронения широко известны в Прикубанье, главным образом на Левобережье (Анфимов Н. В., 1951, с. 191, 192; Дитлер П. А., 1961; Ждановский А. М., 1977; Кожухов С. П., 1988; Сазонов А. А., 1992). В отличие от погребений возле хутора Городского на Цемдолинском могильнике не были засвидетельствованы случаи ритуального умерщвления слуг (Сазонов А. А., 1992, с. 245, рис. 3, 7, 8). Появление этих захоронений на рассматриваемом памятнике синхронно датировке гибели вышеуказанных укрепленных усадеб в Цемесской долине.

Наиболее распространенными элементами вооружения погребенных здесь воинов являлись длинный меч без навершия и перекрестия, а также наконечники копий и дротиков. Наконечники стрел встречены только в захоронениях № 9 и 77 с редкой для могильника юго-восточной ориентировкой.

Керамический комплекс. Основная масса обнаруженной здесь посуды изготовлена на гончарном кругу из серой глины (лепная — 16%, краснолаковая — 23%). Преобладает сероглиняная гончарная посуда — 61%. Причем миски с заостренным загнутым вовнутрь краем составляют 28% всей сероглиняной посуды, меньше трехручных канфаров, небольших кубаревидных сосудов и кувшинов. С одной стороны, состав керамического комплекса, формы сосудов имеют много общего с керамикой меотской культуры Прикубанья (Каменецкий И. С., 1968, рис. 1, *2*), с другой — особенности моделировки канфаров, широкое распространение кольцевидного поддона у сероглиняных форм (ср.: Анфимов Н. В., 1951, с. 191) связывают посуду Цемдолинского могильника с памятниками римского времени Азиатского Боспора, в особенности с памятниками прибрежной группы Новороссийского района.

В целом комплексы Цемдолинского могильника (I—III вв.) обнаруживают стабильность основных элементов погребального обряда (ориентировки, особен-

Таблица 3

Распределение антропологического материала по возрастным категориям

Пол	Возраст, лет			
	15—19	20—29	30—39	40—49
Мужчины	—	12	7	4
Женщины	4	12	7	3
Неопределенные случаи	5	—	—	—
Суммарно	9	24	14	7

Таблица 4

Процентное соотношение индивидов в цемдолинской выборке

Пол	Возраст, лет		
	20—29	30—39	40—49
Мужчины	52,2	30,4	17,4
Женщины	54,5	31,8	13,6

ностей устройства погребальных сооружений, набора и местоположения погребального инвентаря), что может свидетельствовать об отсутствии перемен и в культурно-этническом составе местного населения.

С появлением инокультурного населения, по всей видимости в первой половине III в. н. э., связаны данные об ограблениях в древности ряда погребений четвертой хронологической группы, на местоположение которых, по-видимому, указывали еще сохранившиеся тогда надмогильные сооружения. Прекращение функционирования могильника и осквернение части погребений могло произойти в период военных событий, с которыми связано разрушение в начале 30-х годов III в. до н. э. Горгиппии и поселения на Раевском городище (Онайко Н. В., 1965, с. 130; Кругликова И. Т., 1966, с. 40).

Сравнительный анализ могильников римского времени прибрежной группы (Широкая балка, Мысхако) с погребениями Цемдолинского могильника подчеркивает его своеобразие.

Прежде всего это высокая степень культурного единообразия основной массы комплексов. Наиболее близкие параллели (по элементам погребального обряда, набору инвентаря, форме погребальных сооружений) устанавливаются с группой погребений I—II вв. н. э. некрополя в Широкой балке. Группа включает 13% погребений от общего числа открытых (140) (Масленников А. А., 1990, с. 79), причем одна половина захоронений этой группы имеет юго-западную, другая половина — северо-восточную ориентировку.

Элементы меотского погребального обряда появляются на территории Новороссийского района не позже II в. до н. э. В частности, на грунтовом могильнике Раевского городища (хронологические рамки могильника — IV—I вв. до н. э.) погребения с миской под головой составляют 40% от общего числа (98) исследованных захоронений. Известны здесь и всадническое погребения (Дмитриев А. В., 1985, с. 9—11, погр, № 20, 21; с. 21—23, погр. № 40—42; 1989, с. 40,41). В отличие от Цемдолинского могильника на Раевском некрополе господствует ориентировка в восточном секторе.

Возвращаясь к погребениям Широкобалкинского некрополя, отметим, что здесь гораздо шире применяются каменные конструкции: заклады, вымостки, а

Таблица 5

Влияние социально-экономических условий на уровень смертности в Древнем Риме (Acsadi G. et al., 1970, с. 224)

Классовая группа	Численность	Продолжительность жизни		
		женщины	мужчины	всего
Рабы	678	17,9	17,2	17,5
Свободные	1413	23,4	26,9	25,2
Торговцы	172	24,7	34,1	31,2
Лекари, служители культа, ученые	425	23,31	40,3	36,9

Таблица 6

Таблица смертности (Цемдолинский могильник)

Возраст (x)	Dx	dx	lx	qx	Lx	Tx	Ex
0—14	7	11,5	100,0	0,115	1413,75	2639,5	26,40
15—19	9	14,8	88,5	0,167	405,50	1225,75	13,85
20—24	12	19,7	73,7	0,267	319,25	820,25	11,13
25—29	12	19,7	54,0	0,365	220,75	501	9,28
30—34	7	11,5	34,3	0,335	142,75	280,25	8,17
35—39	7	11,5	22,8	0,504	85,25	137,50	6,03
40—44	4	6,6	11,3	0,584	40,00	52,25	4,62
45—49	3	4,9	4,7	1,043	12,25	12,25	2,61

Примечание: Dx — число умерших в данном возрастном интервале; dx — процентное распределение смертей в разных возрастных интервалах; lx — общее относительное число людей, доживающих до возраста x; qx — вероятность смерти для людей, доживших до возраста x в последующем возрастном интервале; Lx — общее число лет, прожитых людьми в данном возрастном интервале; Tx — общее число лет, которое могут прожить люди, достигшие возраста x; Ex — ожидаемая продолжительность жизни, т. е. число лет, которое может прожить человек, достигший определенного возраста.

в захоронениях ранней группы — каменные ящики. Погребения с верховой лошадью здесь немногочисленны. На могильнике открыты погребения, совершенные по боспорскому обычаю — в гробах, с монетой во рту.

Наиболее эллинизированным памятником прибрежной группы является Мыскакский некрополь (раскопано более 440 погребений). Об этом свидетельствуют широкое распространение боспорской погребальной обрядности (частоты захоронения в деревянных гробах, обол Харона), немногочисленность сероглиняных мисок, а также большое разнообразие краснолаковой и стеклянной посуды (Масленников А. А., 1990, с. 77; Дмитриев А. В. и др., 1994).

Палеодемография. Сведения о численности и возрастной структуре народов в историческом прошлом позволяют существенно дополнить археологические данные. Возраст смерти представляется многим исследователям наиболее бесспорным индикатором стресса, отражающим степень давления неблагоприятных внешних условий на палеопопуляцию (Goodman A. H. et al., 1984).

Диахронные изменения продолжительности жизни и поло-возрастных соотношений в древних сообществах представляют собой в основном экосенситивные вариации. Это убедительно доказывает К. Вейсс (Weiss K., 1973), сопоставляющий величины ожидаемой продолжительности жизни взрослых в группах населения разного времени и с разными хозяйственными укладами (табл. 2).

Традиционное представление данных о смертности либо включает вычисление средних значений возраста смерти (см., например, сводки: Алексеев В. П., 1972, 1989), либо базируется на составлении таблиц дожития (Acsadi G. et al., 1970).

На протяжении последних двух десятилетий активно обсуждаются проблемы рассмотрения скелетных выборок для исторических реконструкций (Acsadi G. et al., 1970; Angel J. L., 1969; Bocquet-Appel J. P. et al., 1982; Buikstra J. E. et al., 1985; Milner G. R. et al., 1989). Необходимыми условиями корректного палеодемографического анализа являются: относительно большой размер выборки, позволяющий применить статистический анализ; правильная поло-возрастная диагностика; генетическая стабильность популяции; стабильность эффективно-репродуктивного размера популяции. Критические замечания по поводу установления среднего возраста смерти и особенно по поводу использования таблиц дожития для некоторых серий затрагивали главным образом малочисленность выборок и невозможность точной оценки возраста (Федосова В. Н., 1994).

Антропологический материал из Цемдолинского могильника представлен останками 61 индивида. В эту серию включены 7 скелетов, объединенных нами в возрастную группу 0—14 лет, сохранность которых не позволила осуществить более детальную идентификацию возраста. Подробные поло-возрастные определения были произведены для 54 человек (табл. 3). При этом оценивались степень развития зубной системы, облитерация швов на черепе, степень срастания эпифизов длинных костей, степень остеопоротических изменений суставных поверхностей (Empfehlungen für die Alters..., 1979), возрастные изменения элементов мускульного рельефа костей конечностей (Медникова М. Б., 1993).

Старший возрастной интервал в выборке соответствует 40—49 годам. Средний возраст смерти у взрослых мужчин и женщин оказался почти одинаков — соответственно 31,0 и 30,4 года. С учетом подростковой смертности средний возраст смерти равен 28,5 годам. Процентное соотношение индивидов также симметрично у мужчин и женщин (табл. 4).

Приведенные выше исходные данные позволяют нам сразу выделить основные моменты, характеризующие своеобразие цемдолинской серии по сравнению с известными палеодемографическими источниками.

1. Крайне низка численность детских останков в возрасте до 15 лет (11,5%). Плохая сохранность детских скелетов традиционно является камнем преткновения в палеодемографических реконструкциях. Кроме того, уровень младенческой и детской смертности в отдельных палеопопуляциях значительно колеблется: младенческая смертность затрагивала 10—40% от общего числа новорожденных, а детская смертность составляла 30—70% (Weiss K., 1973).

Результаты палеодемографического обследования трех серий II—IV вв. н. э. с территории Болгарии (Абритус, Яйлата, Августа Траяна) свидетельствуют, что для римских провинций Мезия, Фракия и для района Северного Причерноморья был характерен уровень детской смертности около 40% (Кондова Н. и др., 1989, с. 37). Логично допустить, что детская смертность у населения, оставившего Цемдолинский могильник, не могла быть существенно ниже этой цифры.

2. Другая отличительная особенность цемдолинской выборки состоит в пониженной величине среднего возраста смерти. Разброс значений этих показателей в античную эпоху варьирует не только среди разных этнических, но и среди разных социальных групп (табл. 5).

В целом величины, полученные для Цемдолинского могильника, укладываются в вариации продолжительности жизни свободных граждан Рима, не достигая значений продолжительности жизни привилегированного класса.

3. Цемдолинская выборка характеризуется отсутствием лиц пожилого и старческого возраста. Для сравнения: в меотской серии Лебеди III (IV в. до н. э.) умершие после 50 лет составляют 11,8% (Романова Г. П., 1986). Причины этого явления могут быть весьма разнообразны. С одной стороны, существует вероятность того, что погребения стариков остались за пределами раскопанной части Цемдолинского могильника, составляющей примерно $^2/_3$ от общей площади. С

Таблица 7

Ожидаемая продолжительность жизни в возрастном интервале 15—19 лет

Культура	Могильник	Датировка	E15
Круг скифских памятников	Николаевка	IV—III вв. до н. э.	26*
	Николаевка-Казацкое	I в. до н. э.— III в. н. э.	31,5*
Меоты	Лебеди III	IV—III вв. до н. э.	25*
Воспизированное поселение	Герулата II	I—II вв. н. э.	22,3**

* Данные Г. П. Романовой (1986).

** Вычислено нами по данным по V. Smrcka et. al. (1988).

другой стороны, население, оставившее могильник, могло по каким-то причинам не доживать до 50-летнего возраста.

Допустимо и третье объяснение: цемдолинская группа представляла собой «открытую систему», структурно отличаясь от нормально развивающейся замкнутой палеопопуляции. Это возможно в случае, если указанная группа населения объединялась ради выполнения некоей цели, например для защиты территории, сохраняя тесные связи с исходными поселениями. Тогда постаревшие члены коллектива могли покидать сообщество и возвращаться в родственную популяцию.

Применяемый нами ниже метод построения таблиц смертности позволяет определять уровни смертности, выживаемости, вероятность смерти и ожидаемую продолжительность жизни в разных возрастах и тем самым детализирует наши представления о динамике демографической структуры Цемдолинской палеопопуляции (табл. 6).

Режим выбывания людей, останки которых погребены в Цемдолинском могильнике, отличается чрезвычайной интенсивностью (рис. 3). Вероятность смерти высока уже начиная с 20 лет и в последующем равномерно увеличивается. Скорость вымирания всего взрослого населения или ожидаемая продолжительность жизни у 15-летних составляет всего 13,85 лет. Этот показатель намного ниже тех, которые известны для других популяций раннего железного века и античного периода (табл. 7).

Высокую смертность молодых индивидов в цемдолинской выборке трудно объяснить естественными причинами, скорее всего она является отражением частых военных столкновений. Популяция, обладающая такой структурой, будучи изолированной, вряд ли могла долгое время оставаться жизнеспособной и поддерживать стабильный эффективно-репродуктивный размер. Таким образом, гипотеза соответствия цемдолинской группы населения модели «открытой системы» получает дополнительное подтверждение.

Выводы. Комплексный подход позволил авторам оценить своеобразие населения Цемесской долины в римское время, пользуясь независимыми информационными системами.

Археологические критерии позволили установить, с одной стороны, монокультурность Цемдолинского могильника, его явную близость к кругу синхронных памятников меотской культуры внутренних районов Прикубанья. С другой стороны, выявлены многочисленные свидетельства тесных контактов этого населения с античными центрами Боспора: обилие и разнообразие импортной античной посуды, прежде всего из стекла и керамики, украшений. Обнаруженная в погребениях сероглиняная посуда была явно изготовлена на гончарном кругу быстрого вращения, что не характерно для синхронных керамических комплексов Прикубанья. Как результат античного культурного воздействия мы рассматри-

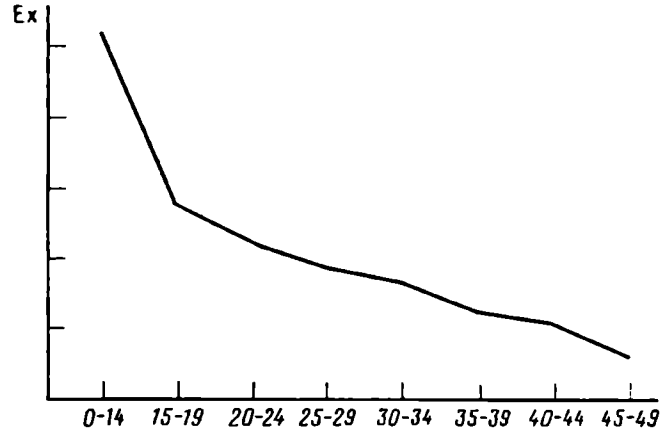


Рис. 3. Режим выбывания населения Цемесской долины по материалам Цемдолинского могильника

вием отсутствие известных в Закубанье захоронений слуг или рабов со следами насильственного умерщвления.

Большой удельный вес погребений воинов обусловлен важным стратегическим значением Цемесской долины. Сухопутная артерия, проходящая по этой долине, связывала античные поселения, расположенные в прибрежной части, с остальной территорией Азиатского Боспора. Не исключено, что она являлась участком меото-колхидского пути, связывающим Боспор и северокавказский регион в целом с городами Закавказья и Малой Азии. Нет сомнений, что гибель Цемдолинской укрепленной усадьбы в середине — второй половине I в. н. э., как, впрочем, и целого ряда сельских усадеб на азиатском Боспоре (Онайко Н. А. и др., 1982, с. 119, 121), синхронна появлению погребений второй хронологической группы могильника (вторая половина I — первая половина II в. н. э.). На это также указывает находка оплавившейся стеклянной реберчатой чаши в слое пожара этого здания, идентичной чаше, обнаруженной в одном из захоронений могильника (объект 8). Таким образом, материалы этого памятника могут свидетельствовать об участии военных отрядов, сформированных из обитателей внутренних районов Прикубанья, в военных столкновениях на территории Азиатского Боспора, происходивших в середине I в. н. э. (Tac. Ann., XII, 15—21).

Демографические критерии также свидетельствуют о своеобразии цемдолинской группы населения. Так, хотя среди погребенных в Цемдолинском могильнике было отмечено практически равное число взрослых мужчин и женщин в возрасте наиболее активной репродукции, поло-возрастная структура цемдолинской палеопопуляции, по-видимому, не способствовала поддержанию стабильного, «жизнеспособного» размера группы. В исследованной антропологической серии отсутствуют лица пожилого возраста; средний возраст смерти понижен; режим выбывания людей, составлявших Цемдолинскую палеопопуляцию, был чрезвычайно интенсивным, а ожидаемая продолжительность жизни взрослого населения намного ниже известных для античного периода данных. Особенности демографической структуры цемдолинской выборки трудно объяснить воздействием естественных причин, скорее всего они обусловлены давлением внешних обстоятельств, в том числе возможностью военных столкновений. Косвенные данные о притоке однокультурного населения дает стратиграфия могильника. В частности, факты разрушения более поздними погребениями ранних: объект 9 и погр. 53 (вторая хронологическая группа) оказались поврежденными более поздними погребениями 65 и 55 (третья хронологическая группа)— подтверждают необходимость выделения второй и третьей хронологических групп и позволяют предположить, что население, оставившее этот памятник, пополнялось за счет выходцев из внутренних районов Прикубанья, не знавших местоположения более ранних захоронений.

Исследованный могильник, по всей видимости, принадлежал воинизированному населению, может быть, специально организованному отряду, базировавшемуся

в Цемесской долине и контролировавшему подступы к поселениям Боспора, располагавшимся на Черноморском побережье. На сложность взаимоотношений этого населения с боспорянами указывает его причастность, по нашему мнению, к гибели Цемдолинской и Владимировской укрепленных усадеб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э.— IV в. н. э.). М.

Алексеев В. П., 1972. Палеодемография СССР//СА. № 1.

Алексеев В. П., 1989. Палеодемография: содержание и результаты//Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М.

Анфимов Н. В. 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской//МИА. № 23.

Беглова Е. А., 1989. Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе//Меоты — предки адыгов. Майкоп.

Блаватский В. Д., 1959. Исследование Раевского городища в 1954 году//КСИИМК. Вып. 77.

Гайдукевич В. Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.

Дитлер П. А. 1961. Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс//СМАА. Т. II.

Дмитриев А. В., 1985. Отчет об исследованиях арехологических памятников в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» близ г. Новороссийска в Краснодарском крае//Архив ИА РАН. Р—1. № 11174.

Дмитриев А. В., 1989. Синды, керкеты, тореты//Проблемы исследований античных городов. М.

Дмитриев А. В., Малышев А. А., Шишлов А. В., Федоренко Н. В., 1994. Исследование археологических объектов античной эпохи в окрестностях пос. Мысхако в 1992 году//Боспорский сборник. № 4.

Ждановский А. М., 1977. О погребальном обряде группы захоронений Ленинохабльского могильника//Археология и вопросы атеизма. Грозный.

Каменецкий И. С., 1968. Новый меотский могильник в Приазовье//СА. № 2.

Каменецкий И. С., 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э.— III в. н. э.//Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Керефов Б. М., 1984. О культовых сосудах Северного Кавказа сарматского времени//Этнография и современность (матер. Всесоюз. этногр. сессии, посвящ. 60-летию образования СССР). Нальчик.

Кожухов С. П., 1988. Погребение всадников сарматского времени у аула Таухабль в Адыгее//Древний и Средневековый Восток. Ч. II.

Кондова Н., Чолаков С., 1989. Палеоантропологични данни за демографските процеси в българските земи през римската епоха//Българска етнография. Кн. 1.

Кругликова И. Т., 1966. Боспор в позднеантичное время. М.

Масленников А. А., 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.

Медникова М. Б., 1993. Возрастная изменчивость некоторых элементов рельефа длинных костей//Вопр. антропологии. Вып. 87.

Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). М.

Онайко Н. А., 1959. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 годах//КСИИМК. Вып. 77.

Онайко Н. А., 1965. О раскопках Раевского городища//КСИИМК. Вып. 103.

Онайко Н. А., 1976. К истории Бат//ВДИ. № 1.

Онайко Н. А., Дмитриев А. В., 1982. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н. э.//ВДИ. № 2.

Романова Г. П., 1986. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III//Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. Вып. 1.

Сазонов А. А., 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Федосова В. Н., 1994. Развитие современной палеодемографии (методические проблемы)//РА. № 1.

Acsadi G., Nemeskeri J., 1970. History of human life span and mortality. Budapest.

Angel J. L., 1969. The bases of paleodemography//Amer. J. Phys. Anthropol. V. 30.

Boecqet-Appel J. P., Masset C., 1982. Farewell to paleodemography//Journal of Human Evolution. V. 11.

Buikstra J. E., Konigsberg L. W., 1985. Paleodemography: Critiques and controversies//American Anthropologist. V. 87.

Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Clarke G., 1984. Indications of Stress from bone and teeth//Paleopathology at the Origins of Agriculture. New York.

Empfehlungen für die Alters- und Geschlechts-Diagnose am Skelett, 1979. B. 30. H. 2. Anhang.

Milner G. R., Humpf D. A., Harpending H. C., 1989. Pattern Matching Age-Distributions in Paleodemographic Analysis//Amer. J. Phys. Anthropol. V. 80. N 1.

Smrčka V., Jambor J., Salas M., 1988. Diet in the 1st-2nd centuries along the Northern Border of the Roman Empire (a reconstruction on the basis of an analyses of chemical elements found in skeletal remains)//Anthropologie. N XXVI/1.

Weiss K., 1973. Demographic models for Anthropology//American Antiquity. V. 38. N 2. Pt. 2.

Институт археологии РАН,
Москва

TSEMES VALLEY POPULATION IN THE ROMAN TIMES BY THE ARCHAEOLOGICAL AND PALAEODEMOGRAPHIC DATA

Summary

The article deals with the finds from the Roman times burial ground excavated in Tsemes valley (the city of Novorossiisk area) in 1991. The authors used a complex approach and independent systems of information investigating the peculiarities of the population lived in one of the micro-regions of the south-eastern Bosporus state. The monoculture of Tsemdolin necropolis as well as its closeness to the Meothian culture sites in the Kuban river region were established with the help of an archaeological criteria. The grate number of the warriors' burials with a horse dated to the 2nd half of the 1st — beginning of the 2nd centuries can be explained by the important strategic role Tsemes valley played in Bosporus and probably in the whole Northern Caucasus region. The low average death age, the absence of the elderly people burials can be explained probably by the outer circumstances, for example the military conflicts. These demographic criteria also testify to the peculiarities of Tsemdolin population group. The burial ground materials illustrate very well the participation of the military groups formed in the inner Kuban-river districts in the military conflicts taking place in the Asia Bosporus territory in the middle of the 1st century AD.

И. О. ГАВРИТУХИН, А. М. ОБЛОМСКИЙ

ГАПОНОВСКИЙ КЛАД
(предварительная публикация)

Целью статьи является ввод в научный оборот сведений о вещевом кладе периода раннего средневековья, обнаруженном в июне 1994 г. на территории Среднего Посеймья, описание обстоятельств находки и публикация основных серий предметов, составляющих комплекс. Рассматриваются также наиболее близкие аналогии вещам из клада и вопросы их хронологии. В полном виде материалы клада будут изданы в специальной монографии, где предполагается также изложить полностью аргументацию по определению даты его и ему подобных комплексов, наше представление об их этнокультурной атрибуции и о событиях VII в. на территории Среднего Поднепровья, Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца, вызвавших массовое сокрытие кладов, содержавших престижные женские и мужские украшения. В настоящее время клад передан в Курский музей археологии.

Клад был найден в 2,5 км к северо-северо-востоку от северной окраины с. Гапоново (Краснооктябрьское) Кореневского р-на Курской обл. (рис. 1), приблизительно в 20 км к юго-востоку от г. Рыльска. Как и большинство подобных комплексов, он был обнаружен случайно во время прокладки водопровода на территории пионерского лагеря завода низковольтной аппаратуры. Поскольку здесь же, в этом лагере, находилась база Левобережной раннеславянской экспедиции Института археологии РАН, то присутствовавшей при земляных работах заведующей камеральной лабораторией Е. Ю. Архиповой удалось зафиксировать место находки и собрать большинство предметов. Впоследствии при деятельной помощи директора завода С. Л. Рохлина и археологов из Курса В. В. Енукова и А. Н. Апалькова у местных рабочих удалось получить недостающие вещи. Клад, таким образом, дошел до нас практически в полном составе.

В месте его находки был заложен шурф площадью 6 м^2, а в 80 м к юго-востоку от шурфа на участке территории лагеря, отведенном для этой цели дирекцией завода,— два раскопа площадью 12 и 24 м^2. В исследованиях, кроме начальника экспедиции А. М. Обломского, принимали участие археологи из Москвы Ю. В. Зуйков и О. В. Шарова. В результате выяснилось, что клад был закопан в слое средневекового поселения размерами 130 × 150 м, занимавшего мыс высотой 2—3 м, образованный пересечением первой надпойменной террасы левого берега р. Сейм и долины р. Крепны. На памятнике обнаружены остатки трех построек и десяти хозяйственных ям, содержавших в заполнении характерную керамику колочинской культуры и расположенных тремя стратиграфическими ярусами. Наиболее ранние объекты, видимо, относятся к V в. н. э., поскольку наряду с фрагментами лепных горшков и дисков в одной из построек был найден обломок черняховского гончарного сосуда. Клад, вероятно, фиксирует время гибели поселка. Более поздние, чем колочинские, напластования на территории селища не обнаружены, если не считать горизонта современных культурных остатков.

© И. О. Гавритухин, А. М. Обломский, 1995 г.

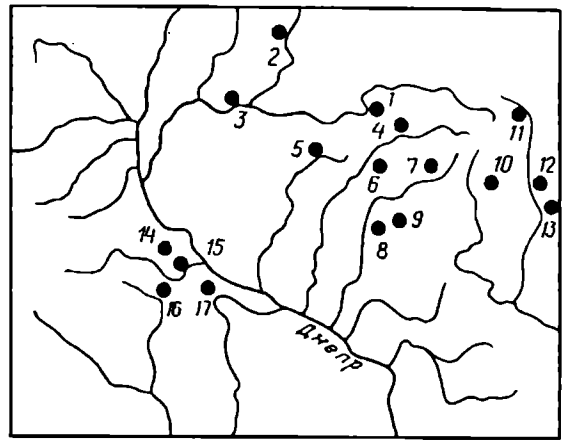


Рис. 1. Карта кладов первой группы круга древностей антов (по О. А. Щегловой с дополнениями авторов)

1 — Гапоново; *2* — Трубчевск; *3* — Мена; *4* — Суджа; *5* — Большие Будки; *6* — Нижняя Сыроватка; *7* — Смородино; *8* — Новая Одесса; *9* — Козиевка; *10* — Цепляево Первое; *11* — Углы; *12* — Колосково; *13* — Валуйки; *14* — Малый Ржавец; *15* — Мартыновка; *16* — Вильховчик; *17* — Хацки

В ближайших окрестностях с. Гапоново известно еще около десятка колочинских поселений, а также могильник Артюшково, где два кургана с трупосожжениями и колочинской лепной керамикой в том же 1994 г. раскопал В. В. Енуков.

В месте находки клада какие-либо следы погребения отсутствовали. Вещи клада составляли вертикальное веретенообразное скопление диаметром около 30 см, верхний край которого находился на глубине 25 см от дневной поверхности, а нижний — на глубине 98 см. В древности предметы были помещены в мешок или завернуты в холст, отпечатки которого сохранились на некоторых железных и свинцовых изделиях. Ниже клада была прослежена яма-погреб с колочинской керамикой, но к этому объекту комплекс прямого отношения не имел.

В состав клада входили металлические детали женского убора (отнесение некоторых предметов к этой категории условно: не исключено, что колокольчики, например, украшали конскую сбрую), предметы поясной гарнитуры, удила и, вероятно, уздечный набор, а также несколько изделий не совсем ясного предназначения — всего 411 предметов. Ниже мы приводим их краткое описание.

I. Женские украшения

1. Пластинчатые лобные венчики с закрученными трубочкой концами. На одном из них помещен орнамент в виде косого креста с прочеканенными насечками «елочкой», оканчивающегося кругами из четырех вписанных друг в друга окружностей, выдавленных с обратной стороны листа. Второе изделие неорнаментировано (рис. 2, *1*). Оба предмета были скручены на манер обручей.

2. Гривна из бронзы или низкопробного серебра с петлевидными концами (рис. 2, *2*).

3. Бронзовые гривны с расширенными концами (целые и в обломках) неорнаментированные (рис. 2, *3*) — 4 экз.

4. Аналогичные изделия из бронзы или плохого серебра с орнаментом в виде прочеканенных зигзагов на концах (рис. 2, *4*) — 5 экз.

5. Аналогичное изделие с орнаментом в виде насечек, расположенных «елочкой» на концах.

6. С-овидные подвески из серебра (часто их трактуют как височные кольца) со спирально закрученным одним концом и частично обмотанным дротом краем рамы изделия (рис. 2, *5*) — 2 экз.

7. Серебряные двуспиральные подвески. Всего — 9 экз.; 7 из них имеют гладкие окончания, у 2 они дополнительно обмотаны проволокой (рис. 2, *6*). Одно кольцо снабжено сверху обоймой для подвешивания.

8. Бронзовое аналогичное кольцо с двумя креплениями для подвешивания на спиральных концах (рис. 2, *7*).

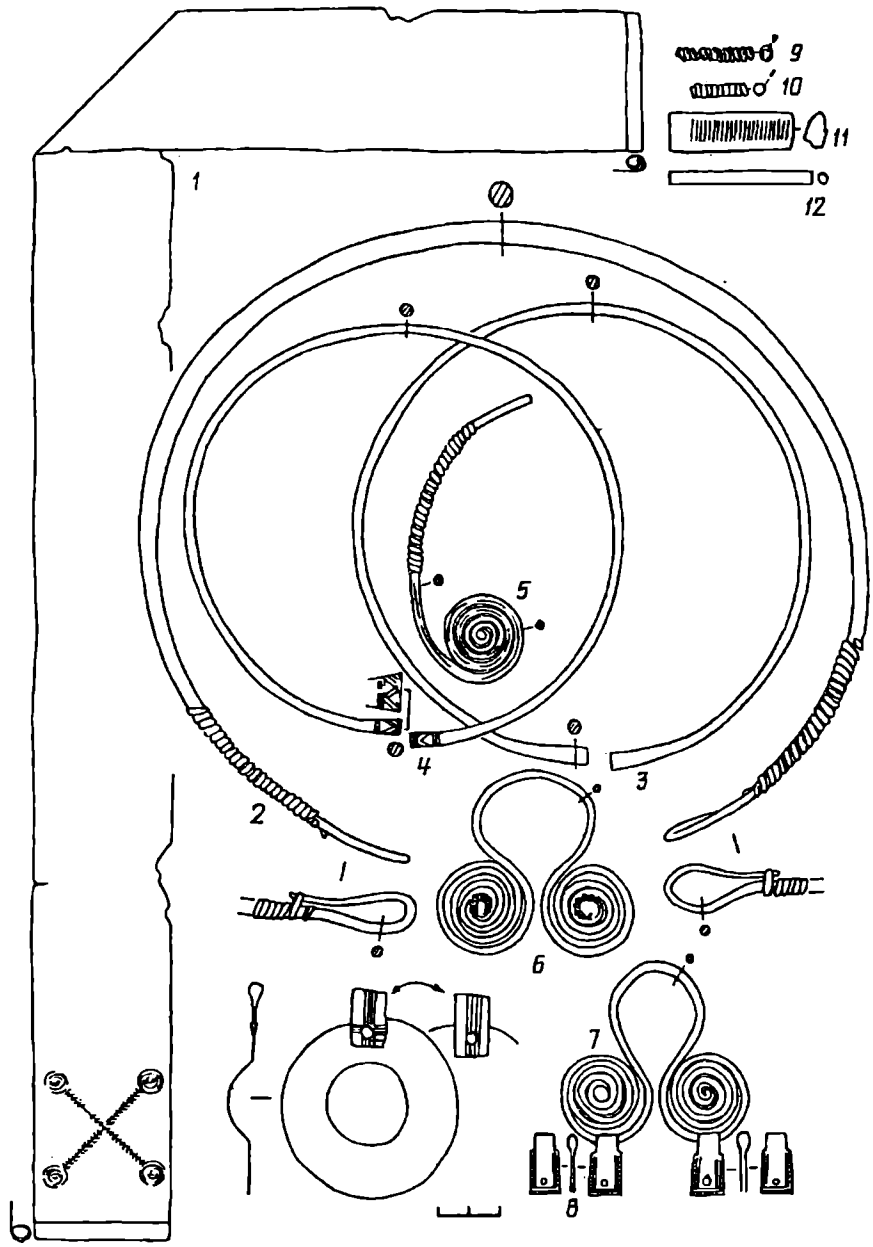


Рис. 2. Вещи Гапоновского клада

9. Серебряные обоймы для подвешивания двуспиральных колец — 9 экз.

10. Умбоновидные подвески из бронзы или плохого серебра, целые и в обломках (рис. 2) — 14 экз.

11. Бронзовые спиралевидные пронизи (рис. 2, *9*, *10*) — 12 экз.

12. Серебряные гофрированные полые трубочки (рис. 2, *11*) — 6 экз.

13. Бронзовые полые трубочки-пронизи (рис. 2, *12*) — 9 экз.

14. Бронзовая трапециевидная подвеска, орнамент прочеканен с обратной стороны (рис. 3, *2*).

15. Две трапециевидные подвески из бронзы (большего размера) с такой же техникой нанесения орнамента, укрепленные на двуспиральном маленьком «височном кольце» (последнее сохранилось в двух обломках — рис. 3, *5*).

16. Круглая бронзовая пластинчатая подвеска без орнамента (рис. 3, *3*).

17. Колокольчики конические из бронзы без орнамента (рис. 4, *8*) — 2 экз.

18. Аналогичные изделия, орнаментированные параллельными полосами (рис. 3, *6*, *7*) — 4 экз.

19. Призматический колокольчик из бронзы (деформирован: рис. 3, *9*).

20. Коническая ворворка из бронзы с тремя треугольными прорезями (рис. 3, *8*).

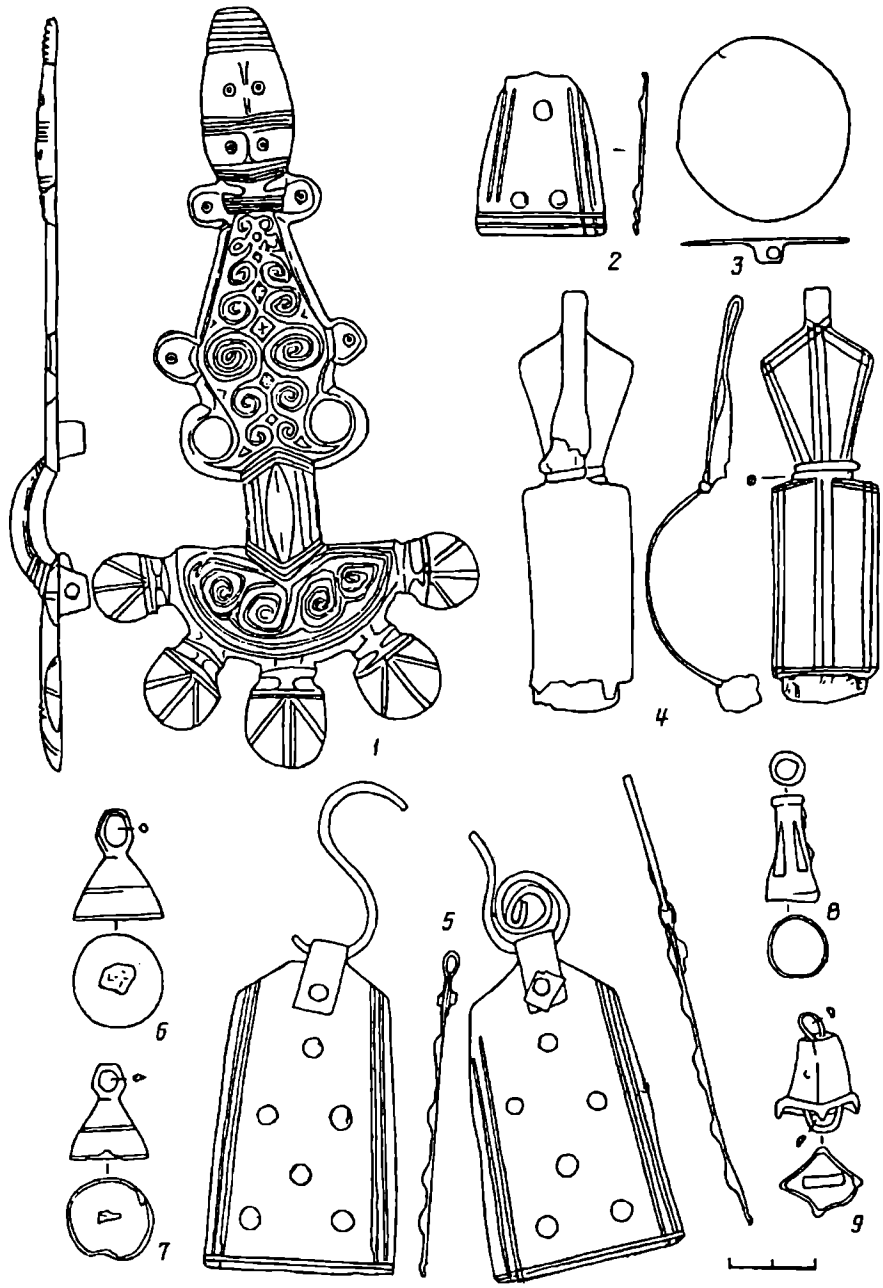


Рис. 3. Вещи Гапоновского клада

21. Две бронзовые парные пальчатые фибулы (рис. 3, *1*).

22. Бронзовая пластинчатая подвязная фибула (шарнирная — рис. 3, *4*).

23. Две более крупные парные пальчатые фибулы (рис. 4, *1*).

24. Бронзовое кольцо с заходящими окончаниями, один конец заострен (рис. 4, *2*).

25. Два сцепленных вместе бронзовых кольца, конец меньшего из них обмотан проволочной спиралью (рис. 4, *3*).

26. Бронзовое кольцо. Один конец расплющен, на нем нанесен орнамент в виде насечек (рис. 4, *4*).

27. Бронзовое кольцо с заходящими концами. Один конец расплющен (рис. 4, *5*).

28. Янтарные бусы уплощенно-бочонковидной формы (рис. 4, *9*, *10*) — 5 экз.

29. Янтарные бусы в виде трехгранной призмы (рис. 4, *11*) — 5 экз.

30. Янтарная дисковидная бусина (рис. 4, *12*).

31. Янтарная бусина в форме шестигранника (рис. 4, *13*).

32. Стеклянные бусы светло-зеленые, бочонковидные — 9 экз.

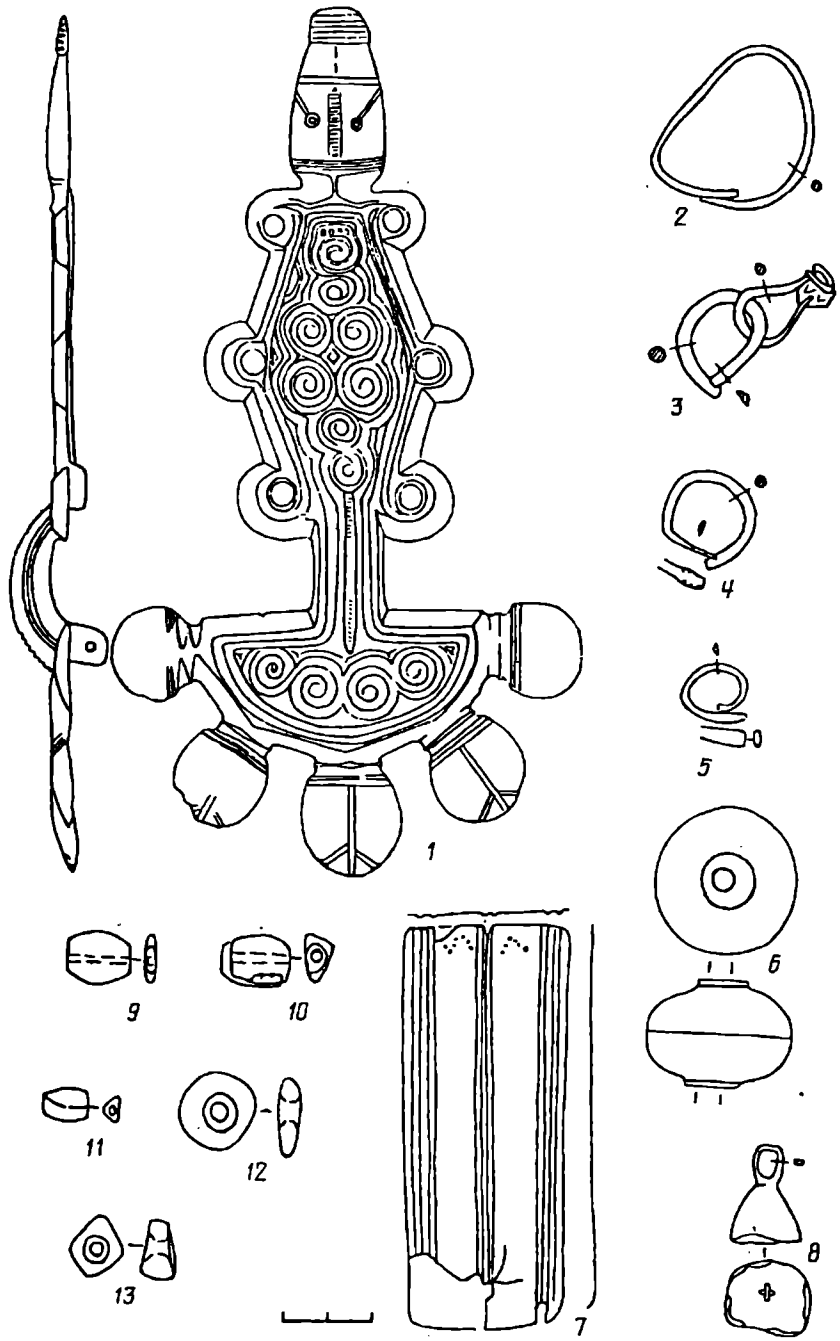


Рис. 4. Вещи Гапоновского клада

33. Черная стеклянная трехчастная крупная пронизь.

34. Шестигранные многоцветные стеклянные бусы — 3 экз.

35. Бочонковидные многоцветные стеклянные бусы — 3 экз.

36. Цилиндрический одночастный бисер лимонного цвета — 5 экз.

37. Аналогичный двухчастный бисер — 1 экз.

38. Цилиндрический одночастный бисер светло-зеленого цвета — 12 экз.

39. Аналогичный двухчастный бисер — 1 экз.

40. Аналогичный трехчастный бисер — 1 экз.

41. Округлый одночастный бисер темно-синего цвета (почти черный) — 14 экз.

42. Аналогичный двухчастный бисер — 4 экз. Все стеклянные бусы изготовлены из глухой непрозрачной массы.

43. Коралловые пронизи-бисер — 10 экз.

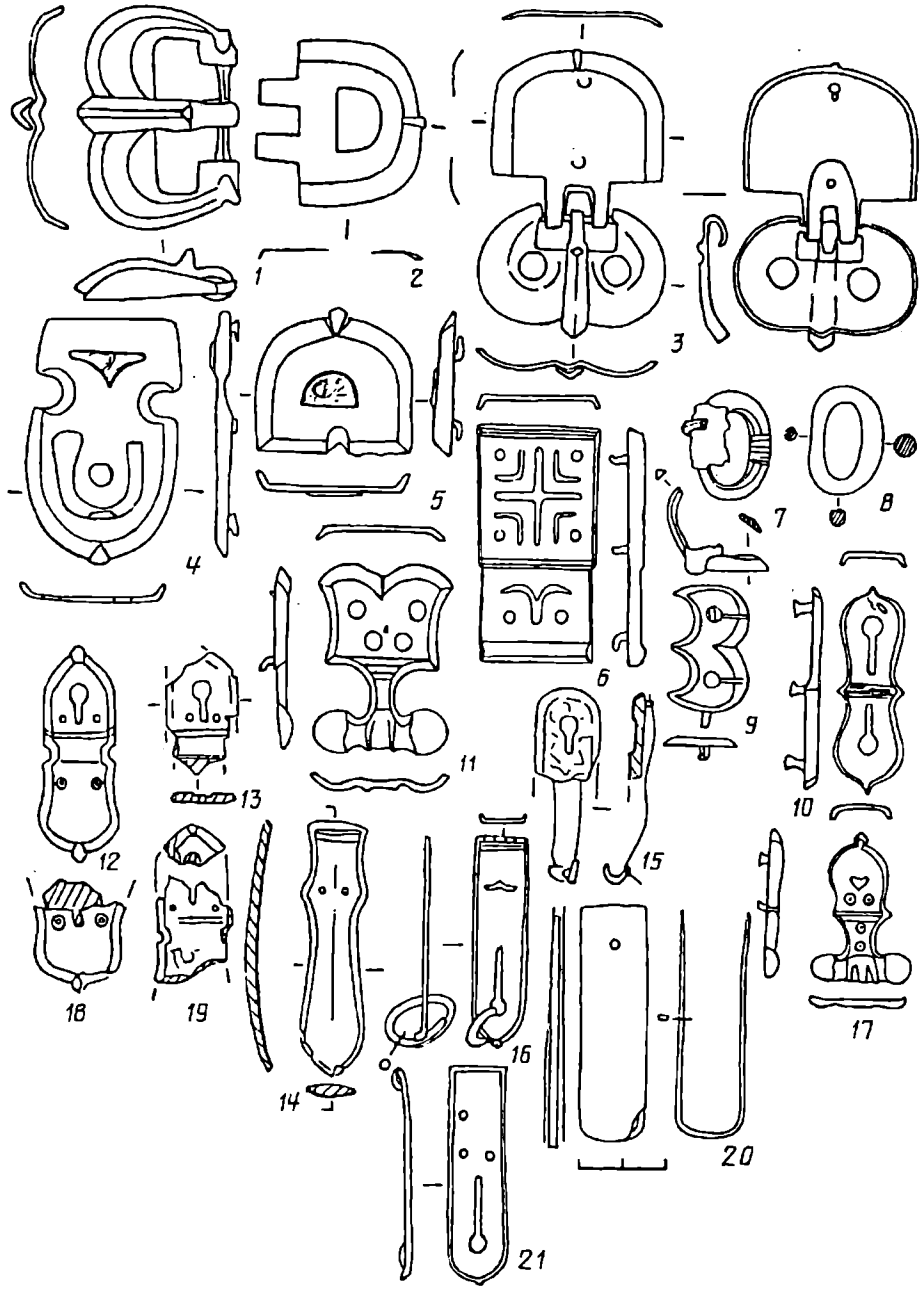


Рис. 5. Вещи Гапоновского клада

II. Поясная гарнитура

44. Крупная серебряная пряжка с гранеными рамкой и язычком (рис. 5, *1*).

45. Серебряная рама от пряжки (вероятно, от описанной выше) с прорезью посередине (рис. 5, *2*).

46. Серебряные одинаковые псевдопряжки с подвижными язычками и обоймами (рис. 5, *3*) — 10 экз.

47. Наконечник пояса из серебра с двумя прорезями на концевом щитке и вставкой из прозрачного бесцветного стекла (рис. 5, *4*).

48. Серебряная накладка со вставкой из синего прозрачного стекла (рис. 5, *5*).

49. Одинаковые серебряные прямоугольные ажурные накладки (рис. 5, *6*) — 6 экз.

50. Бронзовая вертикально-овальная пряжка с язычком и подгранённой рамкой (рис. 5, *7*).

51. Рама бронзовой вертикально-овальной пряжки с утолщенным краем (рис. 5, *8*).

52. З-образные бронзовые накладки с двумя круглыми прорезями (рис. 5, *9*) — 2 экз.

53. Бронзовая накладка в виде двух симметричных геральдических щитов с двумя прорезями (рис. 5, *10*) — 4 экз.

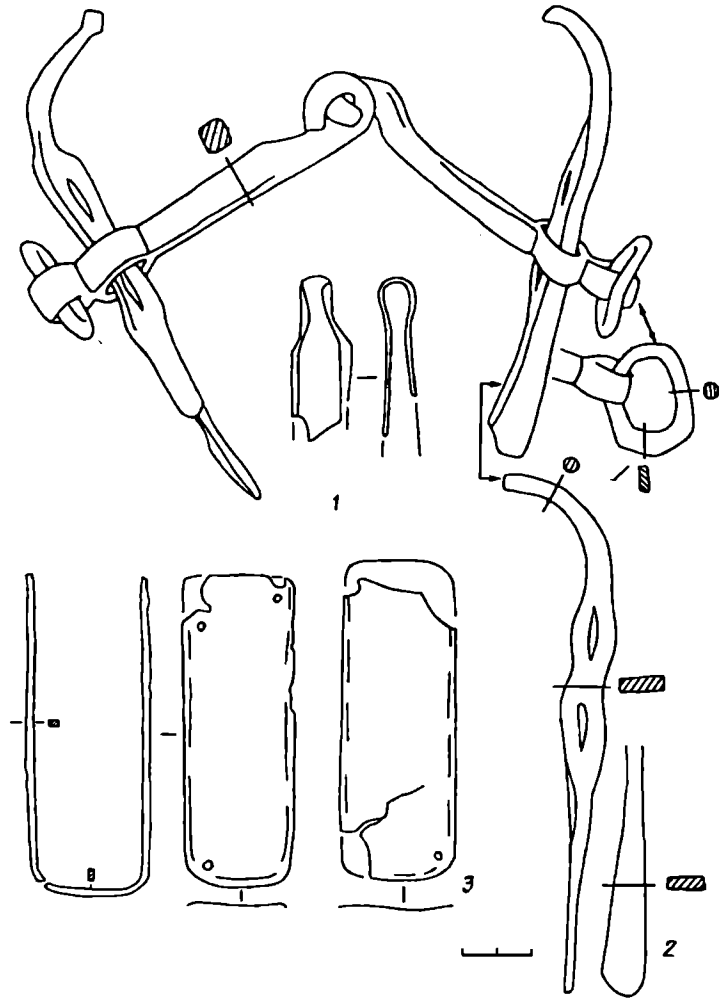


Рис. 6. Вещи Гапоновского клада

54. Крупная Т-образная накладка из серебра с четырьмя круглыми прорезями на щитке (рис. 5, *11*).

55. Т-образная накладка меньшего размера из бронзы с прорезью на щитке, украшенная циркульным орнаментом (рис. 5, *17*).

56. Узкий наконечник пояса из бронзы с заостренным концом и двумя прорезями, в одну из которых продето кольцо (рис. 5, *16*).

57. Близкий по форме бронзовый наконечник с одной прорезью и циркульным орнаментом (рис. 5, *21*).

58. Фрагменты накладок, изготовленных в «прессованной» технике в виде двух геральдических щитов разной формы, повернутых основаниями друг к другу. Накладки, а также наконечники пояса выполнены путем обтяжки серебряным листом мягкой основы из свинца или свинцово-оловянистого сплава, в которую с обратной стороны были впаяны на специальных штифтах пластинчатые обоймы для крепления к поясу. Орнамент прочеканивался снаружи на серебряном листе до основы. На рис. 5, *12* приводится вероятная реконструкция одного из типов накладок. В кладе содержались фрагменты не менее чем 13 изделий этого типа (рис. 5, *13*, *18*, *19*). Из-за химического взаимодействия двух металлов большинство элементов прессованной гарнитуры распалось на мелкие кусочки.

59. Один целый и два фрагмента стреловидных наконечников поясов, выполненных в «прессованной» технике (рис. 5, *14*).

60. Фрагмент «прессованной» накладки (с обоймой), имеющей округлое окончание (рис. 5, *15*).

61. Бронзовые обоймы-крепления от накладок «прессованной» гарнитуры — 8 экз.

62. Малый коробчатый наконечник пояса из бронзы (рис. 5, *20*). Состоит из рамы-окантовки ремня и двух пластин, скрепленных штифтом.

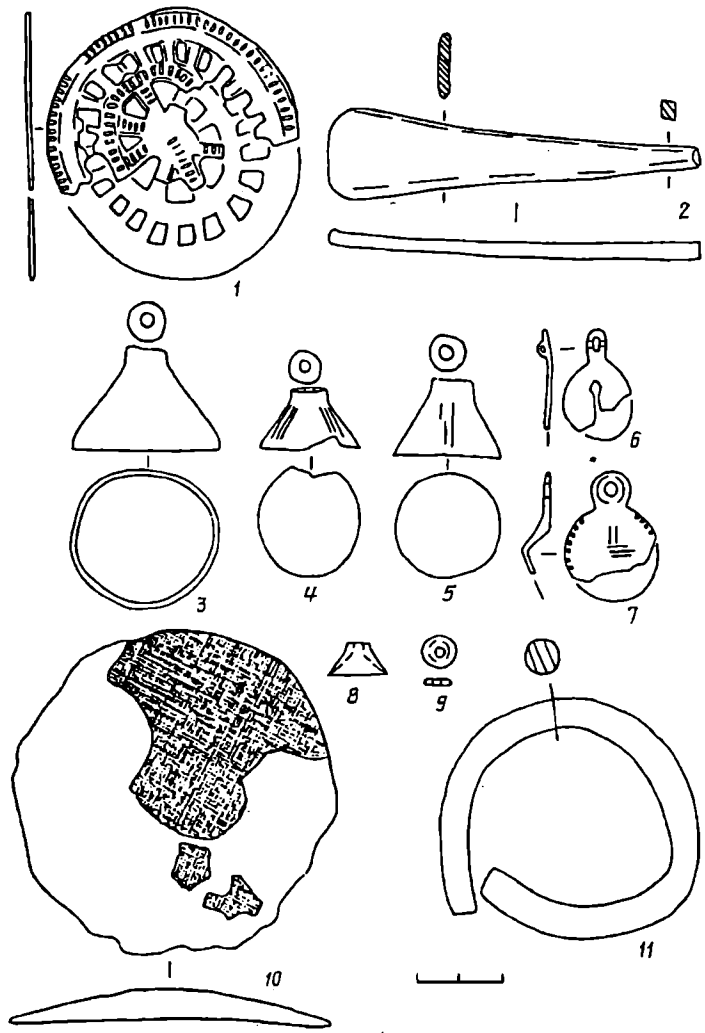


Рис. 7. Вещи Гапоновского клада

63. Большой коробчатый наконечник пояса из бронзовой рамы и двух серебряных тонких пластин (рис. 6, *3*).

64. Две накладки на пояс из тонкого бронзового листа (целая и фрагментированная, рис. 4, *7*). Орнамент прочеканен с обратной стороны изделия. На одном из краев имеются тонкие отверстия для нити.

III. Конская сбруя

65. Железные двукольчатые удила с псалиями (рис. 6, *1*).

66. Железная скрепа (рис. 6).

67. Свинцовые ворворки крупных размеров (рис. 7, *3*) — 2 экз.

68. Свинцовые ворворки средних размеров (рис. 7, *4*, *5*) — 11 экз. Некоторые орнаментированы вертикальными линиями.

69. Свинцовые ворворки малых размеров и их фрагменты (рис. 7, *8*) — 153 экз.

70. Свинцовые дисковидные «бусы» (рис. 7, *9*) — 3 экз.

IV. Прочие изделия

71. Бронзовый округлый предмет из двух спаяных вместе половинок со сквозным отверстием (рис. 4, *6*).

72. Фрагмент свинцового плоского крупного ажурного изделия (рис. 7, *1*).

73. Свинцовая плоская подвеска с прорезью (рис. 7, *6*).
74. Свинцовые «умбоновидные» подвески (рис. 7, *7*) — 2 экз.
75. Свинцовое изделие в виде «ложки» (рис. 7, *2*).
76. Свинцовый слиток с отпечатками ткани на поверхности (рис. 7, *10*).
77. Массивные свинцовые кольца (рис. 7, *11*) — 2 экз.

По набору вещей можно предположить, что в состав клада входили два комплекта женских украшений, к каждому из которых относились по одному лобному венчику и по паре пальчатых фибул. Наборы дополнялись ожерельями из подвесок, бус и пронизей, правда, выяснить, как именно распределялись они по конкретным уборам, не представляется возможным. Из числа элементов поясной гарнитуры определенное стилистическое единство составляют серебряные массивные пряжка и обойма, псевдопряжки, наконечник пояса и бляшка со вставками (рис. 5, *1—5*). Все эти изделия одинаковы по ширине, т. е. явно рассчитаны на один и тот же пояс. Общие формы щитков и наличие стреловидного их завершения совпадают у накладки, обоймы пряжки, псевдопряжек и наконечника ремня. В одной и той же манере оформлены и язычки пряжки и псевдопряжек, близки по очертаниям их рамы и т. д.

На втором поясе крепились элементы «прессованной» гарнитуры (рис. 5, *13—15*, *18*, *19*), своеобразные по технологии. Не исключено, что застежкой этого пояса служила одна из маленьких пряжек (рис. 5, *7*, *8*). Прочие накладки и наконечники или относились еще к одному-двум ремням, или служили украшением ремешков-ответвлений от упомянутых выше поясов. В кладе, таким образом присутствуют элементы гарнитуры минимум двух ремней.

По соотношению категорий изделий комплекс из Гапонова относится к кругу «кладов древностей антов» (по терминологии А. А. Спицына), а точнее — к их первой группе, выделенной О. А. Щегловой. Для комплексов этой группы характерно наличие в женском уборе венчиков из серебряной ленты, височных колец одно- и двуспиральных, ожерелий из крупных и мелких пластин на цепочках и пронизках, шейных гривен, пальчатых или антропозоморфных фибул, цельных литых или кованных браслетов; для мужского костюма — пояса со свисающими ремнями, украшенными бляшками геральдического стиля и наконечниками (Щеглова О. А., 1990, с. 176). В Гапоновском комплексе из перечисленных признаков отсутствуют только браслеты. Кладов первой группы, включая Гапоновский, в настоящее время насчитывается 17. Они распространены на весьма обширной территории Среднего Поднепровья, Днепровского лесостепного Левобережья, Левобережного Полесья (Подесенья и Посеймья), бассейна Северского Донца (рис. 1).

Именно в этом регионе, как в кладах круга древностей антов, так и на поселениях и могильниках колочинской и пеньковской культур, а также в случайных находках известны наиболее близкие аналогии многим типам вещей, составляющих Гапоновский комплекс[1].

Пальчатые фибулы из клада различаются не только деталями, но и характером рельефной отделки. Фибулы разных типов в сочетании встречены и в других комплексах, например, в Нижней Сыроватке и Трубчевске. Чуть меньшие по размерам (рис. 3, *1*) являются достаточно типичными. По классификации Й. Вернера (Werner J., 1950) они относятся к группе II типа А. По форме и

[1] Во избежание перегрузки текста и учитывая состояние публикаций древностей круга рассматриваемого клада, мы опускаем ссылки на каждую из упомянутых здесь аналогий. Сведения о них можно найти в работах Б. А. Рыбакова (Рыбаков Б. А., 1953), А. К. Амброза (Амброз А. К., 1971), Ч. Балинта (Balint Cs., 1992), О. М. Приходнюка (Приходнюк О. М., 1980), монографии Д. Кидда и Л. Пекарской (Pekarskaja L. V. et al., 1994). Исчерпывающий на начало 1970-х годов каталог раннесредневековых древностей, составленный Г. Ф. Корзухиной, в настоящее время находится в печати. Мы пользовались его рукописью, за что благодарим сотрудников ИИМК О.А. Щеглову и В. М. Горюнову.

сочетанию отростков на ножке гапоновскому близки экземпляры из Трубчевского клада, одна из пар в погребении 86 Суук-Су и др.

Более крупные фибулы (рис. 4, *1*) по форме и пропорциям ножки, характеру отростков на ней для Поднепровья уникальны. Сходные по указанным признакам известны, но они отличаются деталями и размерами. Тем не менее принадлежность больших гапоновских фибул к кругу днепровских пальчатых не вызывает сомнений (Гавритухин И. О. и др., 1995).

Широкопластинчатая фибула (рис. 3, *4*) относится к локальной днепровской серии, выделяемой по шарнирному устройству пружинящего механизма в отличие от западнобалканской и иных серий этой подгруппы прогнутых подвязных фибул. По основным деталям экземпляру из Гапонова близки изделия, происходящие с о-ва Кизлевый и из Колосковского клада. К этой же серии принадлежат несколько по-иному декорированные фибулы из Козиевского клада, а также найденные в Новой Одессе (отношение к кладу из этого пункта не ясно), Волошском, Сурской Заборе и др.

Большая серебряная пряжка (рис. 5, *1*) относится к отделу V («В-образные»), варианту 16 (по форме рамки) по классификации В. Б. Ковалевской (Ковалевская В. Б., 1979, с. 10, 40). Аналогичные изделия довольно часты в комплексах с ременными накладками геральдического стиля от Подунавья и Причерноморья до Северного Кавказа, реже встречаются в Поволжье, известны в бассейне Западного Буга (Зимно). Весьма характерны они для поясной гарнитуры днепровских кладов. Особенно близки к Гапоновскому экземпляры из Мартыновки и Трубчевска. Пряжки из Хацковского, Угловского и Колосковского кладов при общем подобии имеют некоторые отличия. Вне кладов в Поднепровье известны находки на Княжей горе в Хмельне (по схематическому рисунку А. А. Спицына).

Небольшие овальные пряжки в составе днепровских кладов редки. Экземпляр с округлым сечением рамы (рис. 5, *8*) представляет собой тип, широко распространенный в различных культурах Восточной и Центральной Европы начиная с позднеримского времени. Другая пряжка (рис. 5, *7*) на современном уровне изучения недостаточно выразительна для культурного определения.

Псевдопряжки (рис. 5, *3*) характерны для ряда раннесредневековых культур Евразии. Ареал, очерченный в работе А. К. Амброза (Амброз А. К., 1973, с. 292, 294, рис. 2, *2*), можно несколько расширить, учитывая находки из Северной Сирии (Balint Cs., 1992, S. 443).

Встречаются они и в поднепровских кладах, где можно выделить локальный тип подобных изделий с рамой, округлой в месте крепления язычка, и обоймой без вырезов-уступов, присущих иным типам (ср. вариант 17 по В. Б. Ковалевской) (Ковалевская В. Б., 1979, с. 10, рис. 1). Ближайшие аналогии вещам из Гапоново происходят из Мартыновки, Блажков, Углов, Трубчевска (в последнем есть и псевдопряжки других типов). Изделия из Хацков отличаются от гапоновских по ряду признаков.

Накладки «из двух прямоугольников» (рис. 5, *6*) выделены в особый тип А. К. Амброзом (Амброз А. К., 1973, с. 292, 293, рис. 2, *1*, признак 6). По характеру прорезей даже внутри весьма компактной днепровской серии накладки могут быть подразделены на несколько вариантов. Экземплярам из Гапонова особенно близки изделия из Трубчевска и Колосково, более отдаленные аналогии происходят из Суджи, Хацков, Мартыновки.

«З-образные накладки» (рис. 5, *9*) обычны в комплексах гарнитуры геральдического стиля, в том числе и днепровских. Близкие аналогии гапоновским известны в Трубчевском кладе, более отдаленные — в Хацках.

Накладка «в форме перевернутого щита» со вставкой (рис. 5, *5*) принадлежит к весьма обширному кругу изделий такого типа (Амброз А. К., 1973, с. 294). Немногочисленные днепровские находки своеобразны на этом фоне и, видимо, составляют особую серию, хотя этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Кроме гапоновской, вставку, вероятно, имело изделие из Мартыновки.

Т-образные накладки (рис. *5*, *11*, *17*) типичны для геральдических поясов самых разных традиций (Амброз А. К., 1973, с. 289, рис. 1, *29—40*; Balint Cs., 1992, S. 483, 484, Taf. 47, 48). Небольшие по размерам (рис. *5*, *17*) накладки этого типа для Поднепровья не характерны. Единичные экземпляры из Моквы, Суджи и Хацков отличаются от гапоновских многими деталями. Большая Т-образная накладка (рис. *5*, *11*) имеет прямую аналогию в Трубчевском кладе и принадлежит к обширной серии, отличительным признаком которой служит наличие так называемой «рогатой» пластины. Аналогии известны на Северном Кавказе, в Крыму, Поволжье, Нижнем Поднепровье (Игрень).

Накладки в форме двух симметрично расположенных щитов (рис. *5*, *10*) выделены в особый тип Ч. Балинтом (Balint Cs., 1992, S. 480, Taf. 44) и имеют множество разновидностей и широкий ареал (Balint Cs., 1992, S. 468, Taf. 32 B). Форма гапоновских изделий довольно редка. Единичные вещи этого типа из Поднепровья отличаются от них по целому ряду деталей.

Крупный ажурный наконечник ремня со вставкой (рис. *5*, *4*) относится к серии, характерной для днепровских кладов, хотя каждое изделие и имеет свои индивидуальные особенности. Аналогии ему происходят из Трубчевска, Хацков, Мартыновки, Арцыбашева (погребение с поясом, очень близким днепровским).

Небольшие литые наконечники ремней (рис. *5*, *16*, *21*) известны среди материалов Поднепровья (Новая Одесса, Моква, находка из района Чернигова — по схематическому рисунку А. А. Спицына), хотя и имеют более широкий ареал, охватывающий северо-восточное Причерноморье и Северный Кавказ. Аналогии «прессованным» стреловидным наконечникам (рис. *5*, *14*) на территории Поднепровья происходят из Надпорожья (Игрень-Подкова, пункт 1, Сурская Забора), хотя в целом такие наконечники распространены шире: на Северном Кавказе, в Поволжье и Сибири (Амброз А. К., 1973, с. 294). Коробчатые наконечники встречаются в основном среди материалов культур степного круга (рис. *5*; *20*; 6, *3*). В поднепровских кладах они довольно редки (Мартыновка, Суджа), что, возможно, объясняется плохой сохранностью комплексов. Эти наконечники весьма хрупки, и при передаче кладов «через третьи руки» они могли просто не дойти до исследователей.

Головные венчики в виде лент (рис. 2, *1*) происходят из Козиевского и Колосковского кладов (в последнем — в обломках). Вероятно, были они и в иных комплексах круга древностей антов, где не сохранились или представлены мелким ломом.

Гривны с утолщенными концами (рис. 2, *3*, *4*) известны в Судже, Козиевке, несколько иные — в Трубчевске. Изделия с орнаментированными окончаниями для днепровских кладов не характерны, видимо, они являются индивидуальной особенностью Гапоновского комплекса. Необходимо отметить, что оба типа орнамента гривен из Гапонова достаточно часто встречаются на браслетах с утолщенными концами, происходящих с территории колочинской и пеньковской культур. Гривна с петлевидными окончаниями (рис. 2, *2*) идентична Суджанской.

Односпиральные подвески (височные кольца) происходят из Суджи, Козиевки, Малого Ржавца, Мартыновки. Встречены они и на территории Надпорожья (Сурская Забора, Волошское, жил. 2), несколько отличающиеся деталями подвески имеются и в составе Трубчевского клада. Двуспиральные кольца (рис. 2, *6*, *7*) известны в Козиевском, Малоржавецком, Мартыновском, Новоодесском, умбоновидные (рис. 2, *8*) — в Козиевском, Новоодесском, Суджанском, Колосковском, Большебудковском кладах.

Трапециевидные подвески во всех днепровских комплексах своеобразны. Они отличаются друг от друга орнаментацией, иногда — формой, но тем не менее образуют единый стилистический круг: крупных, обильно украшенных теснением, часто с клепаными ушками изделий (рис. 3, *2*, *5*) — Трубчевск, Козиевка, Суджа, Хацки. Более всего они напоминают подвески, сопутствующие вещам с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля, однако отличаются от последних

стилистикой орнамента. Встречаются в днепровских кладах и пластинчатые подвески иных очертаний, но в Гапоновском комплексе они не известны.

Гофрированные трубчатые пронизи (рис. 2, *11*) имеются в составе Козиевского и Новоодесского кладов. Трубчатые узкие пронизи (рис. 2, *12*) происходят из Козиевки, Новой Одессы, Хацков, Лебеховки (по рисунку А. А. Спицына), Волошского (жил. 2), спиральки (рис. 2, *9*, *10*) — из Трубчевска.

Достаточно типичны колокольчики с округлым основанием и литым ушком (рис. 3, *6*, *7*; 4, *8*). Они найдены в Козиевке, Новой Одессе, Судже, Лебеховке, Волошском (жил. 2). Изделия пирамидальной формы, а также ворворки с прорезями (рис. 3, *8*, *9*) для днепровских кладов не характерны. Они типичны для финно-угорских культур бассейна Волги эпохи раннего средневековья (Розенфельдт И. Г., 1982, с. 22—25).

Среди представленных в Гапоновском комплексе свинцовых ворворок особенно типичны экземпляры средних размеров (рис. 7, *4*, *5*) в том числе и с вертикальными нарезками. Они встречены в Козиевке, Судже, Смородино и Новой Одессе. В Новоодесском и Козиевском кладах имеются также большие и малые ворворки (рис. 7, *3*, *8*), в Козиевском, кроме того, свинцовый слиток в виде массивного кольца (рис. 7, *11*).

Разнообразные бусы наряду с другими деталями ожерелий встречены во многих кладах, однако они представляют собой весьма специфичную категорию украшений, требующую особого анализа. Эту тему мы предполагаем рассмотреть в полной публикации Гапоновского комплекса.

При датировании днепровских кладов первой группы круга древностей антов ключевыми индикаторами являются элементы поясной гарнитуры и фибулы. Хронология обеих этих категорий находок до сих пор достаточно дискуссионна, ниже приводятся лишь наиболее распространенные точки зрения. Подробнее историографию, включая изложение аргументации сторон, см. (Somogyi P., 1987; Гавритухин И. О. и др., 1995). Хотя большинство типов рассматриваемых вещей было известно с конца XIX в., ввод их в научный оборот происходит в середине нашего столетия. Тогда же начинается и детальное исследование их хронологии. Д. Чаллань, Н. Феттих. Б. А. Рыбаков относили описываемые древности в основном к VI в., считая возможным расширять дату лишь некоторых изделий до первой половины VII в. или на весь VII в. без уточнений. Крупнейший авторитет в области раннесредневековой хронологии Й. Вернер, специально изучавший днепровские находки, датировал «компактную группу кладов из области расселения славянских Антов... концом VI — ранним VII в.» (Werner J., 1974, S. 129).

В недавнее время к хронологии днепровских кладов, в основном опираясь на исследование поясного набора, обратился А. К. Амброз. По его хронологической системе типичные для Поднепровья пояса относятся к третьему стилистическому этапу развития геральдической гарнитуры, сформировавшемуся «между началом и третьей четвертью VII в.», с уточнениями по крымским материалам — около середины VII в. или несколько ранее. Переход к поясам следующего этапа происходит в последней трети VII в. (Амброз А. К., 1973, с. 295—297). В целом же круг интересующих нас вещей и их аналогов он считал реалиями не начала VII в., а более позднего периода (Амброз А. К., 1988, с. 10, 11; 1989, с. 61, 62).

По хронологической системе А. И. Айбабина аналогии днепровским изделиям в могильниках Крыма датируются в рамках второй четверти — конца VII в. (Айбабин А. И., 1990, табл. на с. 178—181 и комментарии в тексте), а для фибул, близких к гапоновской, изображенной на рис. 3, *1*, он даже предложил дату в рамках второй половины VII в. (Айбабин А. И., 1988, с. 5—8). Такая хронология, тем не менее, не стала общепринятой даже в отношении крымских находок (Засецкая И. П., 1990, с. 104, 105).

Иные даты предлагают и специалисты по древностям других культур, где есть аналоги вещам из днепровских кладов. На базе материалов из Мокрой Балки Г. Е. Афанасьев датирует северокавказские и иные схожие находки в

рамках второй половины VI — первой четверти VII в. (Афанасьев Г. Е., 1979, с. 44—48). В. Ф. Геннинг относил близкие материалы из Прикамья ко второй половине VI — первой половине VII в. (Генинг В. Ф., 1979, с. 100, 101, 104), соглашаясь в основном с выкладками В. Д. Голдиной. Хронологическая система последней (Голдина В. Д., 1991, там же изложение выводов более ранних работ) весьма популярна у специалистов по археологии Прикамья и Поволжья. Пояса «с геральдическими мотивами», или «агафоновские», по этой схеме датируются в пределах конца VI—VII в.

Сибирские поясные наборы, бóльшая часть которых, по мнению А. К. Амброза, позднее днепровских, многие специалисты относят к концу VI—VII в. (Могильников В. А., 1981, с. 38, 123), правда, не вдаваясь в вопрос об их типологических отличиях от западных образцов. Один из немногих, кто не обошел молчанием эту проблему, Ч. Балинт (Balint Cs., 1992). Он считает эти различия не столько хронологическими, сколько локальными и относит реалии, в которых сформировались и существовали геральдические пояса и древности их круга, ко второй половине VI — первой трети VII в.

Мнения большинства специалистов по среднедунайской хронологии близки к высказанному Й. Вернером или более осторожны. В последнем случае геральдическая гарнитура датируется в рамках предложенной И. Ковриг хронологии так называемой «первой аварской группы» (ок. 568—670 гг.), хотя для восточноевропейских находок признается возможность удревнения. В ряде новейших работ (Somogyi P., 1987; Lorinczy G., 1993) это предположение переходит в систему, согласно которой степные геральдические пояса относятся в основном к VI в., а их распространение связано с событиями около его середины. VII в. датируются лишь немногочисленные факты «переживания» стиля, что на основе новых данных возвращает нас к концепциям середины XX в.

Именно тогда была сделана попытка определить хронологию кладов круга древностей антов иначе, опираясь не только на датированные монетами аналогии и системы датировок других территорий, но и рассматривая место составляющих эти комплексы изделий среди материалов археологических культур Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья (Корзухина Г. Ф., 1955). Позже эта традиция исследования была продолжена Е. А. Горюновым (Горюнов Е. А., 1981, с. 81—86) и О. А. Щегловой (Щеглова О. А., 1990). Указанное направление нам представляется весьма плодотворным. Свою точку зрения на этот вопрос мы предполагаем изложить в полной публикации Гапоновского клада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени//Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. Симферополь.

Амброз А. К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы//СА. № 2, 3.

Амброз А. К., 1973. Рец. на: Ezdelyi J., Ojtozi E., Gening W. Das Craberfeld von Nevolino. Budapest, 1969//СА. № 2.

Амброз А. К., 1988. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су//Древности славян и Руси. М.

Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.

Афанасьев Г. Е., 1979. Хронология могильника Мокрая Балка//КСИА. № 158.

Гавритухин И. О., Приймак В. В., 1995. Пальчатая фибула из Малой Рыбицы//Раннеславянский мир. Вып. 2.

Генинг В. Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. по материалам могильников Прикамья//КСИА. № 158.

Голдина Р. Д., 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры//Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск.

Горюнов Е. А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

Засецкая И. П., 1990. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя конца IV — начала VII в.//АСГЭ. № 30.

Ковалевская В. Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки//САИ. Вып. Е1—2.

Корзухина Г. Ф., 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э.//СА. № XXII.

Могильников В. А., 1981. Тюрки//Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Приходнюк О. М., 1980. АрхеологІчнІ пам'ятки Середнього ПридніпровʼяVI—IX ст. н. е. Київ.

Рыбаков Б. А., 1953. Древние Русы//СА. № XVII.
Щеглова О. А., 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье//Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
Balint Cs., 1992. Der Guatel im fruhmittelaltealichen Trankaukasus und Grab von Uc Tepe (Sowj. Azerajdzan)//Awarenforschungen. (Herausgebek F. Drim). Bd I. Wien.
Lorinczy G., 1993. Vorläunfiger Bericht der Gräber. Communications archaeologicae Hungarie. Budapest.
Pekarskaja L. V., Kidd D., 1994. Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck.
Somogyi P., 1987. Typologie, Chronologie und Herkunf der Maskenbeschlage. Zu den archäologischem pentischen Steppe in 6. Jahrhundert//Archaeologia Avstriaca. N 197.
Werner J., 1950. Slawische Bügelfiseln der VII Jahrhunderts//Reinecke — Festschrift. Mainz.
Werner J., 1974. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobanden//La civilti dei longobardi in Europa/ Atti del convegno internazionale. Roma.

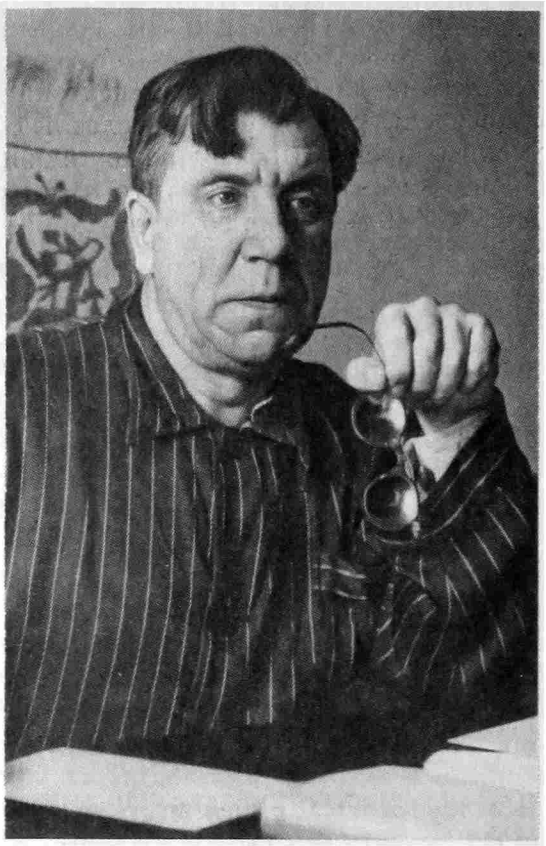
Институт археологии РАН,
Москва

I. O. GAVRITUKHIN, A. M. OBLOMSKY

GAPONOVO HOARD
(the preliminary publication)

Summary

The article aims at a preliminary publication of a hoard found on a Kolotchin culture settlement near Gaponovo village in Korenjevo district of Kursk region (the Middle Seim river area). The hoard consists of the female decorations, parts of a belt set and a horse harness (in all 411 artifacts). The complex includes the head decorations made of a silver ribbon, a grivna, the temple rings with the spiral ends, parts of the necklaces (beads, pendants, etc), small pendants, buckles, belt-heads in a "heraldic style", the iron bit and the lead artifacts. The hoard belong to the first group of the Ants type complexes marked out O. A. Tsheglova. The most close analogies were found in the Middle and the Left side Dnieper areas, but many of them were spread more widely. The chronology of the Ants type hoards (Gaponovo type) is dabatable. The different archaeologists date the similar complexes either to the 2nd half of the 6th — beginning of the 7th centuries or to the 2nd half of the 7th century.



18 июля исполняется 90 лет со дня рождения Сергея Владимировича Киселева — одного из наиболее ярких и интересных представителей русской археологии второй четверти и середины нашего века. Сфера деятельности этого ученого поразительно широка. Его исследования охватывали огромные территории Южной Сибири и Центральной Азии, при не менее значительном хронологическом охвате — от неолита до позднего средневековья. Его полевые работы многократно увеличили фонд археологических источников для всей указанной территории и всех последовательных периодов в пределах более трех тысячелетий. Весьма результативны были разработки Сергея Владимировича и по общим теоретическим вопросам археологии — от новой методики исследования конкретных категорий памятников (поселений, городов) до периодизации древнейшего прошлого человечества. Активная организационная деятельность С. В. Киселева в значительной мере предопределила становление нашего Института в трудный военный и послевоенный периоды. После перевода из Ленинграда в Москву в 1943 г. дирекции Института истории материальной культуры (ИИМК) директором института стал академик Б. Д. Греков, его сменил А. Д. Удальцов (оба историки). С. В. Киселев, будучи заместителем директора с 1943 по 1951 гг. практически руководил Институтом и вел все дела, касающиеся собственно археологии. Им была заложена основа организационной структуры института — система секторов — по хронологическому и историко-культурному принципу (в основе своей существующая и сейчас). Сам Сергей Владимирович до конца своих дней руководил сектором неолита и бронзы. С. В. Киселев сумел собрать в институте всех серьезных московских археологов, а так же ленинградцев, осевших во время и после войны в Москве.

Много внимания уделял С. В. Киселев подготовке кадров археологов. Все профессора кафедры археологии МГУ были сотрудниками института. Он сам был не только большим ученым, но и талантливым педагогом, привлекавшим не только глубокими и разносторонними знаниями, но и обаянием своей незаурядной личности. С момента открытия кафедры археологии в Московском университете в 1938 г. и до конца жизни Сергей Владимирович вел активную педагогическую

деятельность. За это время он прочел ряд созданных им специальных курсов лекций: «Бронзовый век», «Археология Сибири», «Археология Китая», «Археология Монголии». Несколько лет читал Сергей Владимирович общий курс «Введение в археологии», а также спецкурс «Ранний железный век». В спецсеминарах С. В. Киселева изучались древности не только эпохи бронзы, но вплоть до средневековья — Сибири, Казахстана, Дальнего Востока, а также Монголии, Китая, Кореи, Вьетнама. Многие участники его семинаров, выпускники кафедры археологии, стали затем сотрудниками института.

Справедливо будет отметить еще одну важную область деятельности Сергея Владимировича — его активную и плодотворную работу в журнале «Вестник древней истории», главным редактором которого он был с 1949 г. до конца своих дней.

Все вышесказанное и побуждает редакцию «Российской археологии» посвятить светлой памяти С. В. Киселева подборку из нескольких статей.

Редакция

А. А. ФОРМОЗОВ

С. В. КИСЕЛЕВ — СОВЕТСКИЙ АРХЕОЛОГ 1930—1950-х ГОДОВ

В 1995 г. исполняется 90 лет со дня рождения известного русского археолога Сергея Владимировича Киселева. Умер он в 1962 г.— треть столетия назад. Большинство ныне работающих археологов представляют себе этого яркого неповторимого человека только по литературе. Поскольку ему были посвящены обстоятельные биографические очерки, сопровождавшиеся списками его публикаций (Пассек Т. С., 1963, с. 3—11; Мерперт Н. Я., 1963, с. 3—15; Кызласов Л. Р. и др., 1965, с. 7—12), редколлегия «Российской археологии» решила отметить юбилей иначе — поместив на своих страницах рассказы людей, хорошо знавших Киселева.

Л. Р. Кызласов — непосредственный его ученик. Н. Я. Мерперт — участник его экспедиций в Монголию. Я знал Сергея Владимировича в течение 15 лет, но не столь близко: слушал его лекции в университете, был аспирантом, а затем сотрудником возглавляемого им сектора неолита и бронзового века ИИМК, но вне служебной обстановки с ним не общался. Зато, занимаясь историей науки, я могу взглянуть на Киселева особым образом: как на представителя отечественной археологии определенной эпохи.

В некрологах такой подход, разумеется, не был возможен. Сейчас, после падения коммунистического режима, делаются попытки дать сегодняшнюю оценку археологов советской эпохи. Такую попытку предпринял профессор Омского университета В. И. Матющенко в учебных пособиях по истории археологического изучения Сибири (Матющенко В. И., 1992, с. 127—129; 1994, с. 54—58). Отдавая должное вкладу Киселева в науку, он рисует его образ без большой симпатии, называя «комиссаром», «большевиком от археологии». Матющенко — ученик М. П. Грязнова, замечательного ученого, прожившего свою жизнь очень достойно и скромно. Матющенко заботится об увековечивании памяти учителя. Это хорошо, но не дает права на то, чтобы ради возвышения Грязнова как-то принижать его

© А. А. Формозов, 1995 г.

современников, тенденция к чему сквозит в публикациях Матющенко (см. например: «грубейшая ошибка..., непростительная даже начинающему археологу» Матющенко В. И., 1992, с. 57).

С. И. Руденко, М. П. Грязнов, С. В. Киселев жили в очень трудную эпоху, прошли через нелегкие испытания. Люди разного темперамента, разного воспитания, разных жизненных принципов, по-разному отвечали на вызов, брошенный им эпохой. Мне лично линия поведения Руденко и Грязнова ближе, чем линия Киселева, и все же я сохранил чувство признательности и уважения к этому человеку. На мой взгляд, большевиками от археологии были В. И. Равдоникас и А. Н. Бернштам, с которыми Киселев вел упорную борьбу. Будучи членом КПСС, считая своим долгом проводить в науке партийные установки, Киселев одновременно сумел сохранить и продолжить в сталинскую эпоху традиции старой русской археологии, тогда как Равдоникас и Бернштам стремились с ними порвать.

Да, были статьи «Возникновение, развитие и исчезновение марксистской археологии» (Арциховский А. В. и др., 1931, с. 46—48), «О методах вредительства в археологии и этнографии» (Арциховский А. В. и др., 1937, с. 78—91), «Вопросы археологии первобытного общества в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» (Киселев С. В., 1951, с. 3—13). В списках публикаций Киселева, изданных в 1963 и 1965 гг., две первые статьи опущены, а из названия третьей приведено только начало. Но статьи существуют. О них пишут и у нас, и за рубежом, плохо понимая, в каком контексте они появились. Мне хочется понять путь Киселева на фоне его эпохи.

Друг Сергея Владимировича А. В. Арциховский говорил: «Киселев — автор одной книги, как Грибоедов». Имелась в виду, конечно, «Древняя история Южной Сибири», вышедшая двумя изданиями в 1949 и 1951 гг. Это не совсем так. Важны и опубликованная посмертно книга «Древнемонгольские города» (1965), и некоторые статьи. Но знают о Киселеве в основном по «Древней истории...». Написанная полвека назад книга еще в ходу, ничем равноценным не заменена, что редко бывает в археологии. После выхода книги на Енисее много лет работала новостроечная Саяно-Шушенская экспедиция, исследовавшая больше древних погребений, чем было вскрыто за предшествовавшие 250 лет. Были важные открытия (окуневская культура), что-то уточнилось, что-то оказалось ошибочным, но в целом труд Киселева выдержал испытание временем. Одно это свидетельствует о масштабе личности автора.

Киселев был не только кабинетным исследователем, но и полевым работником. Уйбатский чаа-тас, чаа-тас у с. Копены, дворец Ли-Лина, Салбыкский курган, руины Каракорума — об этих и других объектах успешных раскопок Киселева археологи хорошо знают. Был он и профессором Московского университета. Слушатели не забыли его лекции, а тех, кто их не слышал, отсылаю к статье Л. Р. Кызласова. Был он и организатором науки. Десять лет стоял во главе центрального археологического учреждения страны — ИИМК АН СССР. Это его роль в печати слабо освещена. О ней я тоже хочу рассказать.

Киселев окончил Московский университет и был учеником В. А. Городцова. От него он воспринял любовь к раскопкам и к работе с музейными коллекциями. Это вроде бы обязательно для любого археолога, но в действительности свойственно не всем. Среди его современников было немало археологов книжного толка, особенно в Ленинграде (В. И. Равдоникас, Е. Ю. Кричевский, А. Н. Бернштам).

Полевой работой Киселев так увлекался, что студентом и аспирантом в свободные от занятий дни вел разведки и раскопки в Подмосковье: открыл фатьяновский могильник в Икше, шурфовал дьяковское Сетунское городище, отождествил с древнерусским Перемышлем городище у с. Татарское-Сатино, собственными руками раскопал курганы кривичей у с. Кузнецова. Казалось бы, уроженцу подмосковных Мытищ было предопределено посвятить себя археологии Центральной России. Но получилось иначе. В 1928 г. аспирант Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) Киселев поехал в Сибирь и провел свои первые раскопки в Минусинской котловине.

На эту тематику направил своего ученика Городцов. Он сам в 1924 г. побывал в Сибири и стремился ввести памятники этого края в свою систему отечественных древностей. Енисейские курганы увлекли молодого ученого, и изучению их он отдал долгие годы. С 1930 г. под его руководством развернула исследования Саяно-алтайская археологическая экспедиция.

Аспирантское сочинение Киселева называлось «Минусинский палеометалл», а одна из первых больших статей — «Тагарская культура» (1928). Подчеркиваю это название, поскольку В. И. Матющенко утверждает, будто Киселеву термин «культура» был чужд, а выделение археологических культур связано с периодом после 1950-х годов (Матющенко В. И., 1994, с. 14, 56). На самом деле вопрос об археологических культурах был поставлен В. А. Городцовым еще до революции («Культуры бронзовой эпохи в Средней России», 1915) и успешно разрабатывался им и его учениками в 1920-е годы. Теоретики ГАИМК 1930-х годов, насаждавшие теорию стадиальности, осуждали выделение археологических культур как направление буржуазной расистской науки. На время этот термин был снят, но вновь возродился в 1940-х годах не без поддержки Киселева. Вопреки утверждению Матющенко упомянут в названной статье и создатель классификации минусинских древностей С. А. Теплоухов.

Учась в аспирантуре РАНИОН, Киселев занимался в кружке по марксизму, возглавляемом В. М. Фриче. Здесь он и его товарищи — А. Я. Брюсов, А. В. Арциховский, А. П. Смирнов — читали доклады, пытаясь применить методы диалектического и исторического материализма к осмыслению археологических памятников. Доклады были опубликованы, и в них справедливо видят первый шаг приобщения русской археологии к марксизму. Учение, уделяющее особое внимание материальной стороне жизни людей, не могло не привлечь археологов. Мы знаем, что марксистская археология популярна на Западе и сейчас. В отличие от воинствующих марксистов из ГАИМК молодые москвичи не говорили о разрыве с традициями старой археологии. На юбилее Городцова в 1928 г. Фриче охарактеризовал его как «стихийного марксиста». Марксистская археология Арциховского, Брюсова, Киселева и Смирнова — это наука, по-прежнему требующая тщательной работы и при исследовании поселений и могильников в поле, и с музейными коллекциями, но при учете идей по истории общества, выдвинутых марксизмом.

Доклад Киселева назывался «Поселение» (1928). Это попытка проследить эволюцию поселений от раннепалеолитических стоянок до средневековых городов в связи с развитием хозяйства и социального строя. Сегодня многое в этой статье кажется наивным и прямолинейным, но общая установка, безусловно, верна. Стоянки и городища надо рассматривать не как «местонахождения» (вроде палеонтологических), которые можно копать «на выборку материала», а как сложную систему жилых комплексов. Исследовать их надо предельно тщательно для восстановления всех сторон жизни обитавших здесь сообществ.

Таким увлеченным археологом, думающим и о самых важных проблемах ранней истории, встретил 25-летний Киселев — сотрудник РАНИОН и Исторического музея — «Год великого перелома» — период страшных испытаний для всего цикла гуманитарных наук в СССР (Формозов А. А., 1995, с. 43—57).

В 1929—1930 гг. было арестовано около 150 русских историков. Им инкриминировалось создание антисоветского «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». В конце 1930 г. под давлением следствия академик С. Ф. Платонов, ссылаясь на С. В. Бахрушина, показал, что в Москве формировалась «военная группа» этого придуманного чекистами «Союза» во главе с В. А. Городцовым. Он и бывший офицер и недовольный, поскольку его «обижали по службе», а главное — «вокруг него... много молодежи, с которой он занимается... и производит раскопки» (Академическое дело..., 1993, с. 249, 253, 255).

Над всей московской археологической школой нависла смертельная опасность. Правда, ни Городцова, ни его учеников не арестовали. Но Городцов был отовсюду уволен, РАНИОН закрыт, а многие сотрудники его репрессированы. Среди них

археологи А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин, А. А. Захаров, молодые историки Л. В. Черепнин, И. И. Полосин, С. А. Никитин, профессора МГУ Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин, Б. С. Жуков и другие хорошо знакомые Киселеву люди. В этих условиях при «чистке» Исторического музея от классово чуждых элементов Арциховский, Брюсов, Киселев и Смирнов заявили, что порывают с буржуазным ученым Городцовым.

Еще более значительные события произошли в центральном археологическом учреждении страны. В ходе «чистки» из ГАИМК уволили более половины сотрудников — 60 человек. На место их внедрили более подходящие кадры: недавнего профсоюзного босса Ф. В. Кипарисова, бывшего сотрудника ЧК, преподавателя марксизма из Вятки С. Н. Быковского, тихвинского краеведа В. И. Равдоникаса. Эти люди объявили о коренной перестройке академии. Археология была признана устаревшей буржуазной наукой. Само имя ее было упразднено. Предлагалось строить новую марксистскую науку — историю материальной культуры. Задача ее виделась в восстановлении истории общества по единой стадиальной схеме на основе автохтонного развития. Признание специфики отдельных районов, многолинейности развития, определенной роли миграций, выделение археологических культур приравнивалось к расизму и фашизму. Работа по систематизации и классификации коллекций из раскопок осуждалась как буржуазный формализм и «вещеведение». Изучение древних вещей отождествлялось с «идеологией кулака и нэпмана». Понятно, что школа Городцова оказалась основным объектом нападок лидеров ГАИМК. Проработке подвергся не только сам Городцов, но и его ученик Арциховский.

Кипарисов предложил создать на базе археологической секции ликвидированного РАНИОН Московское отделение ГАИМК с тем условием, что туда войдут лишь те, кто примет новые установки ГАИМК и покается в ошибках. Согласились это сделать те же четверо: Арциховский, Брюсов, Киселев, Смирнов. Покаянием их и была статья «Возникновение, развитие и исчезновение марксистской археологии» (Арциховский А. В. и др., 1931).

В современной литературе ситуация 1929—1931 гг. понимается совершенно превратно. Л. С. Клейн считает покаянную статью «смелой» и берет за одни скобки доклады на семинаре Фрича и перемены в ГАИМК, называя и то, и другое «революцией в археологии» (Клейн Л. С., 1993, с. 18—22, 40). Но искреннее стремление молодых ученых идти в ногу со временем и погром, учиненный в науке абсолютно чуждыми ей функционерами,— принципиально разные вещи.

Попавшие в МОГАИМК А. Я. Брюсов и А. П. Смирнов в этом учреждении было мало заметны, проявляя себя в основном в Историческом музее. Но Арциховский и Киселев сумели как-то приспособиться к новой обстановке, печатались в изданиях ГАИМК, стали действительными членами академии. Брошюра Киселева «Разложение рода и феодализм на Енисее» (1933) написана по стадиальной схеме, а в его статье «Семантика орнамента карасукских стел» в сборнике в честь Н. Я. Марра (1933) говорилось даже о «киммерской стадии» (термин Быковского) в Сибири.

Была ли линия поведения Киселева единственно возможной в тех условиях? Нет. Кое-кто предпочел из археологии вообще уйти. П. Б. Юргенсон переквалифицировался в биолога-охотоведа. В. Г. Карцов писал о декабристе Г. С. Батенкове и о преподавании истории в школе. Уволенный отовсюду Б. Н. Граков, не желавший ни отрекаться от Городцова, ни каяться в ошибках, перебивался преподаванием древних языков. Другие старались играть роль маленьких музейных работников, занятых сугубо частными вопросами и не посягающих на обсуждение больших проблем. Но такому энергичному, жаждавшему деятельности, стремившемуся быть на первых ролях человеку, как Киселев, эти пути были чужды. Он предпочел «перековаться». Означают ли мои слова: все понять — все простить? Нет. Я лишь констатирую, как обстояло дело.

При первой возможности Киселев сбросил навязанную ему маску, восстановил отношения с Городцовым, признал в печати ошибочными две названные выше

статьи, вновь заговорил о марксистской археологии, о специфике развития отдельных регионов, о миграциях. Расценить это как беспринципность или как разумную гибкость, пусть решает читатель. Во всяком случае не все так поступали. Арциховский до конца дней заявлял, что Городцов был плохой человек и плохой ученый и низвержение его оправдано. П. П. Ефименко, которому стадиальная схема была навязана, оставался ее защитником, когда уже почти все считали ее тормозом в развитии науки.

В середине 1930-х годов ситуация стала меняться, в чем-то в лучшую сторону, в чем-то — в худшую. Решение правительства о восстановлении преподавания истории в школе позволило возродить закрытые в 1930 г. исторические факультеты в вузах, издание трудов по конкретным проблемам истории. В 1936 г. были арестованы и расстреляны руководители ГАИМК Кипарисов и Быковский. В передовице к «Советской археологии», отмежевываясь от своих недавних соратников, Равдоникас писал, что у этих вредителей были и пособники. Так, Арциховский, Киселев и Смирнов соглашались упразднить марксистскую археологию и признавались, что усвоили марксизм «сквозь призму» лекций Н. И. Бухарина (Равдоникас В. И., 1937, с. VIII—IX).

В противовес этой публикации и была сочинена статья А. В. Арциховского, М. В. Воеводского, С. В. Киселева и С. П. Толстова «О методах вредительства в археологии и этнографии» (Арциховский А. В. и др., 1937). Читать ее сегодня неприятно, особенно тем, кто, как я, знал и ценил ее авторов. Но клеветой были слова одного известного археолога, будто «после этой статьи многих посадили». Авторы клеймили уже расстрелянных Кипарисова и Быковского и критиковали их уцелевших соратников (того же Равдоникаса). Но есть в статье и важный мотив: протест против насаждавшихся в ГАИМК схематизма и схоластики, требование возврата к нормальной работе с тщательными раскопками, классификацией и систематизацией коллекций, публикацией отчетов об экспедициях и т. д.

Этим и старался заниматься Киселев во второй половине 1930-х годов. Он продолжал раскопки в Минусинской котловине, публиковал о них сообщения. В 1936 г. в отрытой полемике с ГАИМК с его «историей материальной культуры» Музей антропологии и этнографии АН СССР начал выпускать сборники «Советская археология». Почти во всех томах есть статьи Киселева с нормальными археологическими названиями: «Кузнецовские курганы», «Афанасьевские курганы у сел Сыды и Теси», «Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг.» и т. д. В 1937 г. в Москве возник журнал «Вестник древней истории», и Киселев стал его частым автором. В 1938 г. создана кафедра археологии МГУ. Возглавивший ее Арциховский пригласил преподавать там своего друга, и тот стал вести курсы «Бронзовый век», «Ранний железный век», позднее — спецкурсы «Археология Сибири», «Археология Монголии». В 1939 г. Киселев получил звание профессора. Началась работа над его главной книгой и докторской диссертацией.

В 1937 г. ГАИМК был преобразован в ИИМК АН СССР. На первых порах Киселев туда не попал, но затем восстановил свое положение и был ученым секретарем Московского отделения ИИМК.

К концу 1930-х годов Киселев, безусловно, в первых рядах советских археологов. В 1930 г. арестовали С. И. Руденко. К археологии он смог вернуться только в 1945 г. В 1933 г. арестовали С. А. Теплоухова и М. П. Грязнова. Теплоухов повесился в тюрьме (Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., 1994, с. 206), Грязнова выслали в Вятку. В Ленинград он возвратился в 1937 г., и, естественно, держался как можно тише и незаметней. Киселев оказался лидером сибирской археологии. Но появился и конкурент — А. Н. Бернштам. Это был опасный человек. Сын расстрелянного во врангелевском Крыму комиссара приехал в Ленинград с чувством классовой ненависти к традициям старой России. Он говорил: «Я ищу врагов повсюду. Если враг оказался в археологии, я изучу археологию, чтобы разгромить врага» (Вознесенский И., 1989, с. 442). Об арестованном Руденко он писал: «работы Руденко...— вопль погибающего класса,

раздавленного железной диктатурой пролетариата, ... реакционный крик ... империализма ..., открытой контрреволюции внутри СССР» (Бернштам А. Н., 1932, с. 27). Бернштам занимался орхоно-енисейской письменностью и историей енисейских кыргызов. Его публикации 1930—1940-х годов пестрят выпадами против основного соперника Киселева. Кончиться это могло плохо.

В таком положении застало Киселева начало Отечественной войны. Она нанесла жестокий удар по ленинградской части ИИМК. Те, кто остались в осажденном городе, в основном умерли от голода. Из молодежи многие погибли на фронте. Остальные рассеялись по стране: кто-то оказался в Елабуге, кто-то в Ташкенте, Свердловске, Казани. Московская группа не покидала столицу, и Киселев ее возглавил. При тенденции ко все большей централизации он поставил вопрос о переносе центра ИИМК в Москву и превращении остатков прежней центральной части в отделение — ЛО ИИМК. Такое решение было принято в 1943 г. На протяжении 12 лет директорами института были историки — сперва Б. Д. Греков, позже — А. Д. Удальцов. В археологии оба понимали мало, да и имели много других нагрузок. Ставший заместителем директора Киселев в 1943—1951 гг. фактически руководил институтом, а тем самым — всей советской археологией. Не случайно в 1942 г. в официальном сборнике «25 лет исторической науки в СССР» раздел «Археология» был поручен ему.

Первое, что ему удалось сделать,— резко расширить штат института. До войны в МО ИИМК было чуть более десятка сотрудников. Киселев пригласил в ИИМК всех серьезных московских специалистов. Из Исторического музея пришли М. Е. Фосс, О. А. Гракова. В. Д. Блаватский, работавший в Музее изобразительных искусств, возглавил отдел античной археологии. Б. Н. Граков — перед войной профессор Института философии, литературы и истории (МИФЛИ) — занял в ИИМК одно из центральных мест. В штат были зачислены выпускники МГУ из довоенных и первых послевоенных выпусков: А. Л. Монгайт, Б. А. Колчин, Н. Я. Мерперт, А. И. Мелюкова, В. В. Кропоткин, В. В. Седов, выпускники МИФЛИ К. Ф. Смирнов, Д. Б. Шелов и др.

Все профессора кафедры археологии МГУ были сотрудниками ИИМК. При такой тесной связи двух учреждений они могли с первых шагов направлять студентов на тематику, наиболее нужную для института, брать их в аспирантуру, а потом в штат академии.

Заботился Киселев и об укреплении поредевшего Ленинградского отделения. П. И. Борисковский говорил мне, что помог ему быстро демобилизоваться и вернуться к науке именно Киселев, тогда как ученый секретарь ЛОИИМК С. Н. Бибиков ничего для этого не сделал.

К 1945 г. 43-летний М. П. Грязнов, уважаемый всеми археолог, не имел ученой степени. Мешали отсутствие университетского диплома и неснятая судимость. Киселев помог коллеге. За представленную к защите работу «Первый Пазырыкский курган» решено было дать докторскую степень, а до этого срочно провести защиту кандидатской диссертации по старым статьям об андроновских погребениях в Казахстане. Официальным оппонентом по кандидатской был Киселев. Он же оппонировал по кандидатской диссертации жене Грязнова — М. Н. Комаровой. Взаимоотношения двух ведущих археологов-сибиреведов не были близкими, но всегда оставались корректными и уважительными.

Казалось бы, «комиссар» и «большевик» Киселев (в 1949 г. он вступил в КПСС) должен был заботиться о «чистоте рядов» и не пускать в институт политически неблагонадежных. Но этого не было. В штат приняли зоолога В. И. Цалкина, хотя все знали, что он яростный противник всесильного тогда Т. Д. Лысенко. В 1951 г. МГУ окончили В. В. Седов и автор этих строк. Мы были рекомендованы в аспирантуру кафедрой археологии, но вместе с дипломом нам вручили характеристики. Там говорилось, что мы чужды советской действительности и не достойны работать в сфере гуманитарных наук (составил характеристики Г. Е. Марков — ныне профессор МГУ, а подписал декан Б. А. Рыбаков). Директор ИИМК Удальцов заявил, что Седов и Формозов войдут в

институт только через его труп. Киселев и Арциховский сделали все возможное для того, чтобы характеристики была заменены, и мы поступили в аспирантуру. Надеюсь, что институт от этого не проиграл.

Пополнив штат ИИМК, Киселев создал и его структуру с рядом секторов. Сам он до конца дней возглавлял сектор неолита и бронзового века. Руководить любым коллективом трудно, а коллективом творческих индивидуальностей — особенно. В секторе работали представители разных школ: ученики Городцова (Брюсов, Фосс, Гракова), Б. С. Жукова (Воеводский, А. В. Збруева, позже О. Н. Бадер), воспитанница ЛГУ Т. С. Пассек, этнограф по образованию В. Н. Чернецов, учившийся в Сибири и переехавший затем в Ленинград М. М. Герасимов. Взаимоотношения этих разных людей были непростыми. Но Киселев умел поддерживать в секторе очень спокойную и доброжелательную обстановку.

Б. Н. Граков был замечательным ученым и педагогом, но испытания 1930-х годов сделали его тяжелым неврастеником. Общаться с ним было нелегко. Киселев не только взял его в институт, но и поставил во главе сектора, сперва вспомогательных исторических дисциплин, потом скифо-сарматской археологии. Все шло хорошо, но, едва Киселев покинул пост заместителя директора, его преемник Е. И. Крупнов повел себя так, что Граков ушел из ИИМК. Новые руководители института воображали, что Гракова вполне можно заменить. В итоге же Москва быстро утратила свое лидерство в области скифо-сарматской археологии.

Меня и сейчас поражает, каким тактом обладал шумный и экспансивный Киселев. Он понимал, что перевоспитать взрослых людей нельзя. Можно лишь их умело направлять, где-то придерживать, где-то поддерживать, чтобы они проявляли свои лучшие, а не худшие качества.

Вспоминаю два эпизода. В 1955 г. историк Б. Ф. Поршнев напечатал в «Вопросах философии» статью «Материализм и идеализм в вопросах становления человека», назвав наших археологов сторонниками идеализма. Тогда это было опасно. Решили ответить. О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев и я написали по отдельности свои возражения, а потом не без труда составили некий сводный текст. «Вопросы философии» печатать его отказались. Киселев решил поместить статью в первом номере только что основанного журнала «Советская археология» и вновь отредактировал ее. При этом большинство моих абзацев выпало. Я сказал, что свою подпись с нового варианта снимаю. Киселев взорвался, состоялся неприятный разговор, но кончился он тем, что вычеркнутое было восстановлено. Мне шел 28-й год, и я всего 2 года назад окончил аспирантуру. Киселев же был член-корреспондент и мой начальник. Никто из его преемников не был способен пойти на такие уступки.

В молодости я очень увлекался балетом, особенно Г. С. Улановой. Было ясно, что скоро она оставит сцену. Каждый спектакль с ее участием воспринимался как последний. И вот однажды «Бахчисарайский фонтан» был назначен на утро в день заседания нашего сектора. Я пришел в институт к 10 утра, посидел час на заседании, тихо вышел и отправился в театр. Должно быть, я объяснил кому-то из своих сверстников, почему ушел, и мое объяснение дошло до ушей Киселева. Столкнувшись со мной перед следующим заседанием в коридоре, он нагнулся ко мне, театральным шепотом спросил: «А сегодня Уланова не танцует?» — и его громоподобный смех разнесся под сводами цокольного этажа. Воображаю, какой разнос устроил бы мне за прогул преемник Киселева, что вызвало бы во мне реакцию отталкивания. А тут, после этой шутки, я устыдился и никогда больше не уходил с заседаний.

Собрав в институте сильный и работоспособный коллектив, Киселев направил его на подведение итогов работы предвоенных лет, почти не отраженных в печати. Москве отошли обе основанные М. И. Артамовновым серии — «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА) и «Краткие сообщения ИИМК». В 1940—1950-х годах один за других выходили объемистые тома МИА — «Древняя история Южной Сибири» самого Киселева, «Периодизация трипольских поселений» Т. С. Пассек, «Древняя история Севера Европейской части СССР» М. Е.

Фосс, «Ананьинская культура» А. В. Збруевой, «Древняя история Нижнего Приобья» В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской, «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» А. П. Смирнова, «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы» О. А. Граковой и др.

Все это фундаментальные исследования. Труд Киселева выделялся среди них добротной проработкой материала, логичностью, обоснованностью исторических выводов. Книга написана в конце войны, когда тяжесть идеологического пресса несколько ослабла. Поэтому тут почти нет ссылок на классиков марксизма, что удивило В. И. Матющенко, и есть ссылки на погибшего в тюрьме Теплоухова, чего Матющенко не заметил.

Перед сдачей в печать все монографии очень серьезно обсуждали. Помню такой случай. Одно из заседаний сектора пришлось на 31 декабря. Думали, как бы освободиться пораньше, и поставили на этот день доклад Фосс: вряд ли кто-либо кроме Брюсова будет выступать. Мария Евгеньевна сделала часовой доклад, после чего взял слово Брюсов и говорил часа полтора-два, Фосс отвечала ему минут сорок, Брюсов выступил вторично и т. д. Киселев никого не прерывал и не торопил. Мне, начинающему археологу, послушать дискуссию двух знатоков неолита было очень поучительно.

Об экспедиционной деятельности ИИМК в эти годы распространяться не буду. Она развертывалась все шире, и Киселев сам в ней участвовал. Но нельзя умолчать о любимом детище Киселева — ежегодных сессиях, подводивших итоги полевых работ в СССР. В сущности это было возрождение дореволюционных археологических съездов. Идея принадлежала, кажется, П. Н. Щульцу, но «пробил ее через инстанции» и реализовал именно Киселев. Здесь, при обсуждении докладов на пленуме и секциях и особенно в кулуарных беседах у витрин с коллекциями, столичные ученые осуществляли руководство археологами, съезжавшимися со всех концов страны.

К каждой сессии устраивалась выставка — целый музей, занимавший большой актовый зал в здании на Волхонке (дом 14), а часто — и прилегающие комнаты. Выставочным комитетом руководила жена Киселева Л. А. Евтюхова, но он и сам принимал живое участие в создании экспозиции. Помню, раз он забежал взглянуть, как идут дела, и заметил, что я достаточно неуклюже пытаюсь закрепить какие-то предметы на планшетке. Он взял ее у меня, быстро и ловко все приладил и, бросив фразу: «каждый археолог должен быть музейным работником», поспешил дальше. Казалось бы, проходные слова, а в них глубокий смысл. Старшее поколение сотрудников ИИМК все вышло из музеев: кто — из ГИМ, кто — из ГМИИ, кто — из Музея антропологии МГУ. Позже эта плодотворная связь была, увы, утрачена.

Как видит читатель, я вспоминаю «киселевский ИИМК» с ностальгическим чувством. Не старческая ли это аберрация? Ведь времена-то были страшные, сталинские. Террор. Идеологический пресс. Все это было и у нас. В 1952 г. Киселев спросил меня: «Не рискованно провести Борисковского в доктора?» Я удивился: «Какой тут риск? Работа солидная».— «Дело не в этом, а в том, как посмотрят на Старой площади»,— поморщившись, ответил Киселев. Подтекст такой: «Знаю, что Борисковский серьезный ученый, но ведь мы во всем зависим от отдела науки ЦК КПСС, а Борисковский — еврей да и недавний маррист. Не поставят ли это в вину институту?» Здесь все характерно. Партийный руководитель спрашивает мнение беспартийного аспиранта первого курса. Борисковского поддерживает (против голосовало двое), но о позиции Старой площади не забывает ни на минуту.

В науке шла сложная игра и глухая борьба. Обострилась московско-ленинградская рознь. Она восходит у нас ко временам соперничества Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества. Подчинив в 1930—1932 гг. московский центр, заставив москвичей каяться и перестраиваться, лидеры ГАИМК спровоцировали противоположные действия 1940—1950-х годов. Арциховский, Блаватский, Граков, Киселев смотрели на ленинградских коллег

с настороженностью и отчужденностью. «Большие и малые Равдоникасы»,— как-то обмолвился Блаватский. А на берегах Невы с обидой говорили о благополучных москвичах, захвативших власть из-за гибели героических ленинградцев во время войны. Кое-кто вынашивал идею реванша. Когда решался вопрос, брать ли меня в штат ИИМК, Киселев сказал Пассек: «Малый толковый и сектору нужен, но уж слишком он проленинградский. Не будет ли пятой колонной?» А дело было лишь в моем участии в экспедициях С. Н. Замятнина и А. А. Иессена и моих докладах в ЛОИИМК.

В 1948—1950 гг. в ИИМК прошли сессии, направленные на разоблачение враждебных советской науке течений: в 1948 г. в связи с итогами сессии Академии сельскохозяйственных наук, в 1949 г.— по борьбе с космополитизмом, в 1950 г.— по искоренению марризма. Председательствовал директор Удальцов, но вел и направлял обсуждение Киселев. Тот, кто когда-нибудь заглянет в стенограммы, поразится иным речам наших ученых. Но надо знать и понимать ситуацию.

Сессии проводились по приказу, который нельзя было нарушить. Многое делалось формально, «для галочки». Обязанные выступить в 1948 г. Б. Н. Граков и А. П. Смирнов говорили: первый — о своей неудовлетворенности переводами с древнегреческого в «Вестнике древней истории», а второй о собственной ошибке при рецензировании поступившей в КСИИМК неграмотной статьи М. В. Покровского. Вреда для науки от таких выступлений не было. Хуже другое: пользуясь ситуацией, наши лидеры боролись за власть, а порой сводили личные счеты. Но при всем том в дикой некрасивой форме все же велся необходимый разговор о путях развития нашей науки.

На сессии ВАСХНИЛ Т. Д. Лысенко провозгласил, что в советской биологии есть два направления: передовое мичуринское и реакционное вейсманистско-менделистское. ЦК КПСС обязал все научные учреждения провести аналогичные сессии, выявить всюду те же два противостоящих направления и разгромить реакционеров. Заместитель директора ИИМК по Ленинграду Равдоникас успел раньше москвичей провести заседание и объявил, что есть марксистская археология в Ленинграде и реакционное буржуазно-формалистическое направление в Москве. Часть сотрудников поддержала докладчика. Создалась опасная ситуация. Равдоникас среди археологов был единственным членом-корреспондентом. Обвинения его звучали грозно.

На заседании в Москве Киселев сумел повернуть ситуацию на 180°. Обвиняемым оказался не столько «вещевед» Арциховский, сколько сам Равдоникас, выпустивший перед тем неудачный II том своего учебника «История первобытного общества». Через год Равдоникас был заклеймен как космополит, а в 1950 г.— как маррист, после чего отовсюду уволен. Хорошо ли это? Нет, конечно. Но Равдоникас стремился вернуть нашу науку ко временам вульгарного социологизма, возобновив «борьбу с вещеведением». Киселев сумел отбить эта атаку и отстоять подлинную археологию.

А могло получиться и иначе. Именно тогда лысенковцы разгромили сторонников классической генетики, на короткий срок очень усилились марристы, в Институте этнографии уволили таких ученых, как Д. К. Зеленин и П. Г. Богатырев, а в Институте языкознания — Н. Ф. Яковлева. У нас же при борьбе с марризмом в цитадели его — Ленинграде пострадал один Равдоникас. Даже секретарша Марра В. А. Миханкова — автор трижды изданной панегирической биографии его — оставалась в штате ИИМК до конца дней. Правда, не смог удержаться Киселев от того, чтобы не дискредитировать своего врага Бернштама. Сотрудником института он остался, но, безусловно, кампании проработок (на что некогда сам Бернштам был великий мастер) способствовали его ранней смерти.

Разумеется, все, что происходило, не мог совершить один Киселев. Надо было заручиться поддержкой Отдела науки ЦК КПСС и Президиума АН СССР. Киселев был туда вхож и умел там разговаривать.

Какую же линию в науке вел в эти годы Киселев? Шло постепенное преодоление стадиальной концепции. Уже в своей докторской диссертации 1944 г. Киселев

писал не о стадиях, а о племенах разного происхождения. Андроновцы не потомки афанасьевцев, а пришли на Енисей с запада. Карасукцы не потомки андроновцев, а выходцы с юга. Миграции признаются. Об автохтонности нет и речи. Закономерно, что Бернштам в рецензии на эту книгу осуждал автора за отказ от стадиального принципа (Бернштам А. Н., 1950, с. 163—168).

Киселев поддерживал работы А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс по выделению археологических культур в неолите (был редактором книги Брюсова по этой тематике), мою кандидатскую диссертацию о мезолитических культурах. В Ленинграде, в секторе палеолита, такие вопросы тогда не ставили. Он был редактором моей книги «Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке», где говорилось уже о локальных вариантах в мустье. Сейчас это трюизм, а в 1959 г. воспринималось как ересь. В последних публикациях самого Киселева («Бронзовый век СССР»), вопреки утверждению В. И. Матющенко, термин «археологическая культура» употребляется постоянно.

В то же время в установках Киселева сохранялось многое от 1930-х годов. Свою книгу он назвал не «Археология Южной Сибири», а «Древняя история...», породив цепь аналогичных заглавий (М. Е. Фосс, Н. Н. Гурина, Е. И. Крупнов, А. Х. Халиков). При утверждении работ к печати на ученом совете он настаивал, чтобы сборник назывался не «Некрополи Боспора», а «Материалы по истории Боспора», возмущался рукописью, где «на каждой странице читаешь: „костяк лежит головой на восток, ноги у него согнуты“, а исторические выводы минимальны». Статьи «Стоянка такая-то», «Городище такое-то» были допустимы для «Кратких сообщений», но написать диссертацию «Керамика такой-то культуры» или «Кремневый инвентарь такой-то эпохи» было нельзя. Надо было для «историзма» назвать тему «Племена такого-то района в таком-то тысячелетии». Появление серий «Свод археологических источников» и «Археология СССР» стало возможным только на следующем этапе развития нашей науки.

Киселев любил наследие русской культуры, но квасной патриотизм, насаждавшийся в послевоенные годы и захвативший ряд наших историков и археологов, не был им воспринят совершенно.

О гениальных трудах Сталина в начале 1950-х годов он писал, в рецензии на книгу Равдоникаса цитировал даже слова Молотова о раболепии и преклонении перед Западом (Киселев С. В., 1949, с. 123). Но среди славословий проскальзывают иные ноты. Еще при жизни Сталина, в 1951 г., Киселев впервые сказал в печати о разгроме ГАИМК на грани 1920—1930-х годов, об увольнении А. А. Спицина, В. В. Бартольда, о травле В. А. Городцова (Киселев С. В., 1951, с. 10).

Последнее десятилетие жизни Киселева кажется мне менее ярким, чем предшествовавшее. В 1958 г. он стал членом-корреспондентом АН СССР. Приняв в 1950 г. пост ученого секретаря АН СССР (престижный, но чисто административный), перестал быть заместителем директора ИИМК. В 1955 г. решался вопрос об освобождении от поста директора института А. Д. Удальцова и назначении нового. В ЦК КПСС рассматривали кандидатуры С. В. Киселева, С. П. Толстова, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова. Выбор пал на последнего. С тех пор советскую археологию возглавлял он.

Году в 1956, придя с заседания Отделения исторических наук, Киселев сказал: «Академик Деборин назвал сочинения Сталина „писаниями“. „Писания Сталина“. Каково?!» Ему, всего три года назад говорившему о гениальных трудах Сталина, это не было неприятно, даже, пожалуй, нравилось, но известная растерянность чувствовалась. В моей книге «Очерки по истории русской археологии» Киселева насторожили страницы о разрушении памятников культуры в СССР: «Об этом, если уж и писать, то как можно аккуратнее».

После XX съезда КПСС приоткрылся железный занавес. Многие потянулись за рубеж. Киселева это не привлекало: «очень надо, чтобы мне иголки под ногти загоняли и расстреляли как шпиона». Ездил он только в Монголию и Китай, незадолго до смерти посетил Венгрию и Кипр.

Но вряд ли случайно именно его ученики вели потом основные зарубежные экспедиции института: Н. Я. Мерперт — в Египте, Ираке, Сирии, Болгарии, В. С. Титов — в Венгрии и Болгарии, В. В. Волков и Э. А. Новгородова — в Монголии. Ведь в своих лекциях в МГУ в годы «борьбы с космополитизмом» Киселев рассказывал и о зарубежных памятниках по книгам В. Г. Чайлда (тогда еще не переведенным). Студенты обязаны были знать сводки Ж. Дешелетта, О. Монтелиуса. В «Древней истории Южной Сибири» памятники Минусинской котловины и Алтая рассмотрены на широком историко-культурном фоне, в контексте истории всего Старого света.

Отказаться от исходных установок советской археологии сталинской эпохи Киселев не смог или не захотел, как и все его поколение. То, пусть и неполное, обновление, которое все же наступило в дни «хрущевской оттепели» в биологии (несмотря на поддержку Лысенко Хрущевым), в лингвистике и филологии (развитие семиотики), археологии не коснулось.

Киселев умер рано, 57 лет. Трудно было в это поверить. Он был таким живым, энергичным, что казалось, ему суждена долгая жизнь. Если бы не неудачная операция, он, вероятно, провел бы еще ряд экспедиций, что-то написал, но, думается, какого-то рывка вперед он уже не сделал бы, как не сделали его пережившие Киселева более чем на 10 лет А. П. Смирнов и А. В. Арциховский. Их роль была уже сыграна.

На похороны собралась «вся археологическая Москва». Из Ленинграда приехал Грязнов. И сверстники и ученики покойного были подавлены. Все понимали, что закончилась целая эпоха в жизни нашей археологии.

Без Киселева многое в нашем институте пошло по-другому. После запрещения совместительства и при напряженных отношениях заведующего кафедрой археологии МГУ и директора ИА АН СССР связи университета и академии ослабли. В аспирантуру и штат стали брать в основном выпускников провинциальных вузов. Среди них было немало способных людей, но подготовка их была хуже. Научный уровень института снизился, что вскоре же сказалось на утрате ИА его лидерства в археологии. Б. А. Рыбаков добился издания журнала «Советская археология», но замечательная серия МИА прекратилась, а позже закрыли и «Краткие сообщения». Сессии перестали быть ежегодными, а на грани 1980 и 1990-х годов сошли на нет. Обсуждение работ на заседаниях год от года становилось все более формальным и поверхностным.

Я не склонен винить во всем преемников Киселева. Каких-то его ошибок они избежали. Так, Рыбаков сумел пригасить московско-ленинградскую рознь. Менялась ситуация в целом, и новым руководителям трудно было найти разумную линию поведения. В довоенные годы археология была не в чести. В науку шли только энтузиасты, согласные заниматься любимым делом за гроши. Они боялись, что археологию вообще закроют, и во избежание этого старались поддерживать друг друга, сплачиваясь вокруг лидеров во имя интересов науки. Затем археология оказалась в фаворе, а занятия наукой — делом престижным и выгодным. В науку пришло много корыстных людей, озабоченных карьерой, материальными выгодами, борьбой за место под солнцем. Былой демократизм сменился командно-административной системой. То, что рассказывалось о временах Киселева, следующему поколению часто казалось странным и непонятным.

Как же оценить деятельность Киселева сегодня? В начале 1980-х годов я написал книгу о И. Е. Забелине. Издать ее было трудно. В издательстве «Московский рабочий» мне твердили, что негоже им, подчиненным Московскому комитету КПСС, печатать книгу об историке-монархисте. В противовес этому я упорно доказывал: «Дело не в политических симпатиях героя, а в том, какой реальный вклад внес он в русскую культуру, какова его направленность, творец он или разрушитель». Тот же принцип хотел бы я применить к деятелям советской археологии, «археологии сталинской эпохи» (такой доклад делал С. П. Толстов в 1949 г.).

Вклад Сергея Владимировича Киселева в нашу науку очень значителен, идет ли речь о полевых исследованиях, о классификации материалов раскопок или

об их историческом осмыслении. Он действовал в нужном направлении, сохраняя верность многим традициям нашей дореволюционной науки, отстаивая базу археологии — работу с источниками, противостоя разрушительным тенденциям.

Его современник В. И. Равдоникас был не менее, а может быть, и более одаренным человеком, но он был разрушитель. Поэтому я не принял участия в сессии к столетию Равдоникаса в Петербурге. А на юбилей «археолога сталинской эпохи» Киселева я, никогда не бывший подобно ему ни коммунистом, ни марксистом, счел своим долгом откликнуться этой статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академическое дело. 1929—1931. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ, 1993. Вып. I. СПб.

Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П., 1931. Возникновение, развитие и исчезновение марксистской археологии//Сообщения ГАИМК. № 1—2.

Арциховский А. В., Воеводский М. В., Киселев С. В., Толстов С. П., 1937. О методах вредительства в археологии и этнографии//Историк-марксист. № 2.

Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., 1994. «Дело славистов». 30-е годы. М.

Бернштам А. Н., 1932. Идеализм в этнографии (Руденко и руденковщина)//Сообщения ГАИМК. № 1—2.

Бернштам А. Н., 1950. Рец.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири//Вест. ЛГУ. № 4.

Вознесенский И., [Перченок Ф. Ф.], 1989. Только востоковеды//Память. Париж. Вып. 4.

Киселев С. В., 1949. Рец.: Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. II//КСИИМК. Вып. XXVIII.

Киселев С. В., 1951. Вопросы археологии первобытного общества в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию//КСИИМК. Вып. XXXVI.

Клейн Л. С., 1993. Феномен советской археологии. СПб.

Кызласов Л. Р., Левашева В. П., 1965. Сергей Владимирович Киселев//Новое в советской археологии. М.

Матющенко В. И., 1992. История археологического исследования Сибири (до конца 1930-х годов). Омск.

Матющенко В. И., 1994. Сибирская археология в 1940—1950-е годы. Омск.

[*Мерперт Н. Я.*], *1963.* Сергей Владимирович Киселев//ВДИ. № 1.

Пассек Т. С., 1963. Памяти Сергея Владимировича Киселева//СА. № 2.

[*Равдоникас В. И.*], *1931.* О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий//СА. III.

Формозов А. А., 1995. Русские археологи до и после революции. М.

Институт археологии РАН
Москва

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

С. В. КИСЕЛЕВ — УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ

К 90-летию со дня рождения (1905—1962)

Теперь, по прошествии многих лет, когда дела и дни С. В. Киселева ушли в прошлое, но когда живы его труды, когда еще ничто не забыто, необходимо, хотя бы вкратце, рассказать о нем, вспомнить, каким он был. А был он в различных обстоятельствах очень разным.

Самым же главным в нем было то, что он был учителем студентов. Профессор истории и археологии, он для некоторых из нас, близких его учеников, незаметно и ненавязчиво стал учителем жизни. Его давно нет, но работает киселевская

© Л. Р. Кызласов, 1995 г.

школа в российской археологии. Многие серьезные исследователи древней истории Евразии, с улыбкой и теплотой вспоминая свои студенческие годы, хранят в памяти незабываемый образ Учителя.

Они очень разные, его ученики. Он и сам был чрезвычайно многогранным в своем научном поиске и сплачивал вокруг себя самобытных и совершенно несхожих между собою студентов. Он любил в науке борьбу мнений, столкновение оригинальных точек зрения, битву характеров. В спорах выковывались основы положительных знаний. Учитель был сложным, как сложна наука и как сложна жизнь.

Первый раз я увидел его летом 1940 г. Мне было 16 лет, и я еще никогда не был в Москве и совершенно не представлял себе, как должен выглядеть настоящий профессор. Откуда ему быть в нашем степном городишке?

И вот он стоит, уперев в бока пальцы крепких волосатых рук, стоит и улыбается в городском саду Абакана. Это высокий сухощавый мужчина средних лет. Одет в белую рубашку с короткими рукавами и синие брюки. Грубые походные башмаки на толстой подошве развернуты носками в разные стороны. Из-под широкополой фетровой шляпы светятся живые серые глаза. На узком лице с крупным носом резко выделяются глубокие вертикальные складки, как бы прорезанные по каждой щеке. Белизна рубашки резко оттеняет загар лица и рук.

Он то смеется, то оживленно говорит что-то, обнажая крупные зубы. Губы его так энергично двигаются, что в уголки рта набегают белые полоски. Он беседует с двумя женщинами. Одна из них — незнакомая статная дама с приятным округлым лицом. Это, как выяснилось позже, его жена и постоянный спутник далеких экспедиций, научный сотрудник Государственного исторического музея Москвы Лидия Алексеевна Евтюхова. Другая — маленькая, сухощавая, сильно загоревшая, с папироской в зубах — археолог Минусинского музея Варвара Павловна Левашева.

Профессор поразил меня своим необычным выразительным лицом, большой внутренней силой и энергией, прорывающейся в его манере говорить и жестикулировать. Отчетливо понимаю — это необыкновенный человек.

Не знал я тогда, что встретил своего Большого Учителя. Не подумал даже, что именно он выведет меня на широкую дорогу жизни, сделает ученым. Но до этого еще далеко. Учиться к нему я приду после тяжелых лет войны, после долгих фронтовых дорог, каждый метр которых приходилось брать с боя. Таким был путь юношей моего поколения в университетскую науку.

Но летом 1940 г. до начала войны оставался еще целый год. Я еще школьник. Интересуюсь историей родного края и родного народа. Пришел в Зеленый театр городского сада послушать лекцию «История хакасского народа», которую читает известный историк и археолог Сергей Владимирович Киселев. Объявления о лекции были расклеены по всему городу.

И вот теперь, сохраняя расстояние, медленно шагаю за знаменитыми археологами по песчаной дорожке к эстраде, расположенной в глубине сада. Профессор, единственный в то время глубокий знаток истории Хакасии, говорил увлеченно и быстро. Его рокочущий сильный бас разносился далеко за пределы Зеленого театра. Я сидел взволнованный и оробевший. Надо признаться — многое из того, что он говорил, было мне тогда непонятно. Осознал только, что надо еще много учиться, что наука сложна и загадочна.

Помню, что после лекции уходил с чувством большой гордости от приобщения к настоящей науке.

В старом здании исторического факультета Московского университета, в бывшем особняке князей Мещерских (улица Герцена, 5), кафедра археологии помещалась на «голубятне» — так студенты называли две комнаты, находившиеся в мансарде третьего этажа. Окна этих комнат были полукруглыми, их подоконники лежали почти на уровне пола. Открывались они прямо на железную крышу

второго этажа. Весной и в начале лета, утомленные учебой, студенты-археологи любили сидеть на крыше, греясь на солнце.

С первых теплых дней студенты мечтали о дальних маршрутах, о разведках и раскопках, о новых находках, которые сулит им грядущий полевой сезон. А осенью они снова собирались на кафедре, окрепшие за лето, загорелые. Они делились открытиями, рассказывали о жизни в поле, напевали сложенные летом экспедиционные песни, выступали с докладами в научном студенческом обществе...

Сменяя друг друга, в обеих комнатах кафедры увлеченно читали курсы лекций крупнейшие археологи страны: А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, М. В. Воеводский, Б. Н. Граков, С. В. Киселев, Б. А. Рыбаков.

Сергей Владимирович выделялся своим громким басом. Его голос разносился по всему зданию факультета, легко проникая в соседние аудитории. Нередко взрывался и его грохочущий смех. Тогда дребезжали стекла и вздрагивали люди, проходящие по двору. Заслышав знакомый голос, сотрудники факультета и студенты, находившиеся в других комнатах, улыбались: «Опять профессор Киселев рассказывает какую-то веселую историю».

Сергей Владимирович был крупнейшим знатоком археологии Старого света. Его курс «Бронзовый век» охватывал все культуры Евразии от Атлантического до Тихого океана. Подобный по широте охвата материала курс не читался, да и теперь не читается ни в одном из университетов страны. Несмотря на то что основная экспедиционная деятельность С. В. Киселева проходила преимущественно в азиатской части Старого света, он, свободно владея европейскими языками, внимательно следил за новейшей литературой, посвященной энеолиту и бронзовому веку Европы. Курс С. В. Киселева «Бронзовый век» входил в цикл общей подготовки молодых археологов и его с удовольствием слушали все студенты кафедры. Периодически профессор читал также общий курс «Основы археологии» для всего потока студентов-историков первого курса.

С особенным блеском и эрудицией им читались специальные курсы по археологии Сибири, Центральной Азии и Китая. Здесь излагалась целая история этих стран, ибо рассказ начинался от неолита и заканчивался ранним средневековьем. Речь лектора была темпераментной и бурной. Она лилась потоком, иногда прерывалась на короткий срок, а затем устремлялась дальше. Особенностью ее было резкое выделение начальных слогов, а также некоторых фраз.

В послевоенные полуголодные годы дружные студенты-археологи устраивали по случаю праздников или в честь окончания университетского курса кафедральные вечера. В студенческом веселье активно участвовали и преподаватели. Многие помнят, как задорно отплясывал и шутил на этих вечерах сорокалетний тогда профессор Киселев. Он был большим жизнелюбцем и весельчаком. Особенно любил петь русские народные песни и как ни старался сдерживать силу своего голоса, его бас выделялся в любом хоре.

Однажды студенты, заметив на низком потолке кафедральной комнаты глубокую вмятину, надписали в шутку возле нее гекзаметром: «Носом пробил Киселев ямку здоровую эту!» Профессор расхохотался и, взяв карандаш, приписал: «Верно! С. Киселев»... Несколько лет любовно берегли эту надпись и радостно показывали ее новичкам и всем приходившим на кафедру.

Будучи человеком необыкновенно активным, стремящимся к справедливости, Сергей Владимирович постоянно оказывался в гуще событий даже на улице. С ним нередко происходили курьезные случаи. Однажды, например, ранним утром, когда он шел на вокзал встречать утренний поезд, мимо него по пустынной улице пробежал человек с мешком. Следом из-за угла выбежал другой, полуодетый мужчина и с криком: «Держи вора!» — понесся за мешочником. Киселев, не раздумывая, азартно пустился в погоню. К поезду он опоздал, но зато помог схватить на чердаке соседнего дома убегавшего преступника.

Но памятен и другой Киселев — заместитель директора Института истории материальной культуры Академии Наук СССР, серьезно решавший многие проблемы, возникавшие на пути развития советской археологии. Известен в широких

научных кругах и Киселев — главный редактор крупнейшего академического журнала «Вестник древней истории». Хорошо знали и работавшего в Президиуме Академии Наук заместителя главного ученого секретаря Президиума члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева. У него были и другие должности и общественные обязанности. Выполняя их, он был строг и обязателен. Человеком большого ума, крупным организатором науки, патриотом был наш Учитель.

В экспедициях Киселев вновь становился воспитателем и руководителем студентов. В основном он учил методике раскопок, специфическому подходу к исследованию памятников, различных по устройству и планировке. Он уважал любознательных и пытливых. Любой вопрос, заданный ему, не оставался без ответа. Короткие, но исчерпывающие лекции его нередко были обращены к одному-двум студентам. Читались они в необычных условиях: в салоне самолета, в купе поезда, в кузове грузовика, в раскопе или вечером у костра. Особенно много удавалось узнать во время маршрутных разведок. Важным уроком было наблюдение за тем, как Учитель сам делает то или иное дело.

Памятна разведочная экспедиция 1947 г. по Туве, территория которой тогда еще не была изучена археологами. Впереди, на верху будки экспедиционного грузовика, было прочно укреплено «гнездо» из автомобильной шины. В нем в течение двухмесячного маршрута ехал, опустив ноги на кабину, сам начальник экспедиции с биноклем в руках. Так ему было удобнее различать стелы, изваяния и курганы в степи. Обнаруженное им изваяние или менгир затем внимательно осматривала студенческая разведка, выскакивавшая из кузова автомашины. Здесь же производилась необходимая фиксация вновь открытого объекта.

В экспедициях царили теплые дружеские отношения между Учителем и студентами. Этому способствовали огромный общий энтузиазм всех участников и большая любовь к своей замечательной профессии, позволяющей совершать почти ежедневные открытия. Бурным источником энергии был сам профессор.

Сын русского интеллигента С. В. Киселев родился в Мытищах и всю жизнь прожил в Москве. Он пришел в Московский университет в 1923 г. с твердым намерением посвятить себя загадочной и никому тогда неведомой истории огромной разнописменной страны — Сибири. Сознавая, что без археологических источников историю Сибири восстановить невозможно, он учился у виднейшего русского археолога профессора В. А. Городцова. Будучи знатоком восточноевропейских древностей, Городцов живо интересовался ранней сибирской археологией и даже совершил в 1924 г. специальную поездку по музеям сибирских городов: Иркутска, Красноярска и Минусинска.

Но у Киселева был и другой учитель — профессор С. В. Бахрушин — известный специалист по истории феодального периода в России, особенно много сделавший для изучения эпохи присоединения Сибири к Русскому государству в XVI—XVII вв. В историческом семинаре Бахрушина Киселев работал параллельно с занятиями археологией.

В 1928 г. аспирант Киселев совершил свою первую поездку в Сибирь на Енисей. С молодых лет его очаровала Хакасско-Минусинская котловина, истории и археологии которой посвящена наибольшая часть работ ученого. Каждое лето он путешествовал по Азии. Им произведены обширные раскопки в степях и на горах Центрального Казахстана, Горного Алтая, Тувы, Забайкалья, Монголии и во многих районах бассейна среднего течения Енисея.

Иногда он отправлялся в путь осенью или даже зимой. Изучал древности в музеях городов Украины, Крыма, Закавказья, Прибалтики, Урала, Западной Сибири, Прибайкалья, Забайкалья, Приморья, Монгольской Народной Республики. За несколько поездок он объездил весь Китай. Посетил Венгрию, Грецию и о-в Кипр.

С. В. Киселев стал историком-археологом широкого профиля. Историзм присущ уже самым ранним его работам. Основной базой исторических воззрений молодого

Киселева являлось марксистско-ленинское учение. Его труды выделялись среди сочинений немногочисленных археологов-сибиреведов 20—30-х годов. В то время некоторые ученые еще придерживались эволюционистского направления и занимались классическим вещеведением. История народов Сибири их мало интересовала. С. В. Киселев стал одним из первых ученых-новаторов, который перевел сибирскую археологию в разряд исторических наук.

Характерно, что историк С. В. Бахрушин, охотно иронизировавший над археологами и их методами, после выхода в свет основного труда С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» признал новизну и большую ценность этой монографии, опубликовав в журнале «Новый мир» (1950, № 4) хвалебный отзыв.

В предисловии к упомянутой книге С. В. Киселев с большой сердечностью вспомнил обо всех участвовавших в раскопках рабочих-землекопах: «...русских, хакасах, тувинцах и алтайцах, которые делили с нами все трудности наших экспедиций». Будучи убежденным интернационалистом, Киселев любил малые народы Сибири. Их историю он не просто изучал, а бережно восстанавливал, собственными трудами добывая первоисточники в нелегких полевых условиях. Он работал для просвещения малых народов и для приобщения их к высотам цивилизации. Недаром среди его учеников имеются люди разных национальностей.

С. В. Киселев постоянно выступал перед большими и малыми аудиториями в районах своих летних работ, регулярно печатал статьи в сибирских русских и национальных газетах. Известны научно-популярные брошюры С. В. Киселева, выпущенные местными издательствами. В Хакасии, Горном Алтае, Забайкалье и Монголии люди до сих пор вспоминают замечательного русского ученого как своего доброго друга.

Болезнь и смерть Сергея Владимировича были неожиданны и неотвратимы. Весною 1962 г., как всегда полный энергии, громогласный и веселый, он пробегал по коридорам университета, читал лекции, вел заседания сектора неолита и бронзового века в Институте археологии Академии Наук СССР. В мае он улетел на о-в Кипр для того, чтобы ознакомиться с материалами новых произведенных там раскопок. Он начал готовиться к написанию большого обобщающего труда «Энеолит и бронзовый век Старого света».

В июне археологи разъехались по экспедициям и мало кто знал, что Киселев вернулся с Кипра больным и положен в больницу. Операция была неудачной. Поздней осенью Учителя не стало.

Время идет вперед. Наука продолжает свое поступательное развитие. Выросло несколько поколений ученых, освоивших труды и идеи Учителя. Уже работают и его научные правнуки. Имя Сергея Владимировича Киселева навсегда останется в ряду тех славных имен крупных российских ученых и путешественников, которые первыми приоткрыли завесу над тайнами истории коренных народов Сибири и Центральной Азии. Выдающиеся труды Сергея Владимировича Киселева принесли ему научное бессмертие.[1]

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

[1] См. о нем: *Кызласов Л. Р., Левашева В. П.* Сергей Владимирович Киселев//Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева. К 60-летию со дня рождения. М., 1965; *Сунчугашев Я. И.* С. В. Киселев (к 60-летию со дня рождения)//Уч. зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1965. Вып. 11; К 70-летию со дня рождения С. В. Киселева//СА. 1975. № 4; *Окладников А. П.* С. В. Киселев — исследователь древних культур Северной и Центральной Азии//Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

Н. Я. МЕРПЕРТ

С. В. КИСЕЛЕВ В МОНГОЛИИ

Ранней весной 1948 г. мы встретились с Сергеем Владимировичем в вестибюле тогдашнего здания исторического факультета МГУ на улице Герцена, 5, традиционного и столь любимого несколькими поколениями историков. Киселев спускался с лестницы, перепрыгивая через ступени, бурно и порывисто, как делал все в жизни этот поразительно темпераментный и яркий человек. «А Вас-то мне и нужно! — возгласил он, не сказал, не крикнул, а именно возгласил своим неповторимым голосом, казалось, сразу же наполнившим все три этажа старого особняка.— Каковы Ваши летние планы?». Я был тогда аспирантом второго курса и никаких планов на лето у меня еще не было, о чем я и сообщил достаточно смущенно, ибо думал, что заместитель директора (а фактически директор) Института истории материальной культуры Академии наук проверяет степень активности аспирантов. Однако ответ мой, казалось, вполне удовлетворил профессора. «Прекрасно! Так считайте себя ангажированным. Поработаете за границей. В Монголии. Со мной. Да знаете ли Вы, что такое Монголия? Это же колоссально! Непочатая археологическая целина! Бескрайние перспективы новых открытий! Для всех периодов! Впрочем, сейчас бегу. Приходите вечером домой, поговорим конкретно» [1].

Предложение было неожиданным и ошеломляющим. Хорошо известно, что в те годы поездка за границу была делом экстраординарным, да и небезопасным. А уж длительная исследовательская работа за границей не могла и пригрезиться. Между тем собеседник мой говорил абсолютно уверенно. Впрочем, здоровый оптимизм всегда был одной из основных черт его характера. И добиваться поставленной цели он умел как никто. Так или иначе, вечером я отправился по хорошо известному мне адресу.

Киселев жил тогда на улице Грановского, в доме, смежном с истфаком. В квартире его (а точнее, в комнатах: квартира была коммунальной) мне приходилось бывать еще в студенческие годы: здесь он читал лекции своего замечательного курса «Бронзовый век». На сей раз увлеченно и предельно образно Киселев рассказывал о Монголии, о ее необычной природе, городах, кочевьях, буддийских храмах, многообразных исторических памятниках, о людях — первых энтузиастах изучения древностей своей земли, зачатках национальных археологических кадров, о русских путешественниках, столько для этой земли сделавших. Рассказывал по свежим впечатлениям недавней своей командировки в Монголию (одной из первых зарубежных поездок наших археологов после Отечественной войны), когда он за предельно короткий срок сумел систематизировать чуть не все известные в ней к тому времени материалы по археологии, определить специфику их для каждого исторического периода, от первобытности до позднего средневековья, с поразительной прозорливостью наметить основные направления дальнейших их исследований. Он успел уже опубликовать превосходную статью «Монголия в древности», отразившую основные положения этой работы и явившуюся, по сути дела, первой общей сводкой по археологии Монголии и одновременно первым перспективным планом ее развития. Я еще неоднократно буду возвращаться к этой статье (Киселев С. В., 1947, с. 355—372). Но это позже. А в этот памятный вечер речь шла прежде всего о проблеме, увлекавшей тогда Сергея Владимировича более всего, проблеме древнемонгольского города.

Проблема была абсолютно нова и поставлена Киселевым впервые. Сама эта постановка, казалось бы, противоречила сложившимся представлениям о специ-

[1] Ряд разговоров при подготовке экспедиции был мною записан и ныне приводится документально.

© Н. Я. Мерперт, 1995 г.

фике развития средневековой Монголии с абсолютной доминантой в этом процессе кочевого скотоводства, о чисто кочевом характере монгольского общества и даже самого государства. Надо было обладать огромным опытом изучения древней и средневековой Центральной Азии, глубоким проникновением в общие закономерности протекавшего здесь исторического процесса, чтобы противопоставить этим представлениям гипотезу о существовании древнемонгольских городов и о значительной роли их в формировании монгольской государственности. И Киселев в полной мере обладал ими. «Были города,— увлеченно и уверенно говорил он,— были! Все развитие общества подводило к их возникновению. И какое без них государство? Кочевой феодализм, конечно, существовал, но и сам автор этой теории и классических работ по кочевому феодализму академик Б. Я. Владимирцев пишет о существовании городов. А описания средневековыми путешественниками ханской столицы Кара-Корума? Тексты Рубрука, Плано Карпини, Марко Поло? По крайней мере, двое первых были в самом городе, проехали значительную часть монгольских земель, видели и другие города, да и все сведения получали из первых рук, а более всего основывались на собственных наблюдениях. И оба они были агентами — один короля, другой папы, оба занимались сбором не сказок, а военно-политической информации. Какие там легенды! Описания их требуют самого серьезного отношения к себе. Конечно, нужна проверка, фактологическое обоснование, прежде всего безусловными археологическими свидетельствами, но и здесь начало положено. И положено нашей русской наукой. Вы о работах Ядринцева слышали? А Позднеева? О каменных черепахах и плитах с ханскими указами? Нет? Читать надо! Начинайте осваивать литературу по Монголии — историческую, географическую, археологическую — всякую... Но особенно по Кара-Коруму. С него-то мы и начнем!» (Киселев никогда ничего не откладывал и всегда начинал с ключевого звена проблемы).

Далеко за полночь Лидия Алексеевна Евтюхова, как всегда невозмутимо и твердо, прервала наш диалог, а вернее, монолог Сергея Владимировича, в котором вырисовывались направленность и контуры первой в послереволюционные годы крупномасштабной зарубежной экспедиции русских археологов.

Началась ее подготовка. Собиралась документация, копировались тексты, таблицы, планы и карты (ведь ксерокса в те времена еще не было), просматривались многие десятки изданий, создавалась картотека. Закупалось оборудование, по тому времени новейшее и необычное для ординарных экспедиций, в том числе киноаппарат: не современная портативная узкопленочная камера, а серьезный массивный агрегат с нормальной пленкой и пружинным заводом. Велись непрестанные переговоры с различными отделами Президиума Академии наук, выездными комиссиями, министерствами иностранных дел, финансов, путей сообщения. Писались десятки документов: помню, что заполнение одних лишь выездных анкет тогдашнего образца заняло у нас не менее двух полных дней. Совершенствовались наши топографические навыки, для чего Киселев пригласил превосходного специалиста, полковника Генерального штаба, в далекие годы увлекавшегося археологией. Был приглашен даже известный кинооператор для обучения нас своему искусству. И во всех направлениях этой многосторонней подготовки инициатива прочно и неизменно принадлежала Киселеву, да и не только инициатива, но и сами действия: все он брал на себя (включая и достаточно тяжелую физическую работу), все делал быстро, умело, с большой сноровкой, я бы сказал, с каким-то особым вкусом.

И вот, наконец, июнь 1949 г., перрон Ярославского вокзала, много провожающих, среди них Т. С. Пассек, Г. Ф. Дебец, М. М. Герасимов, у всех приподнятое настроение, сознание необычности происходящего. А далее Транссибирская магистраль. Прямого пути до Улан-Батора еще не было: схали до Улан-Удэ, там предстояло пересесть на рабочий поезд, шедший до пограничной станции Наушки, куда предварительно были отправлены три старых надежных трехтонки «ЗИС 5» с экспедиционным грузом; на них, уже своим ходом, мы должны были следовать в Улан-Батор.

Поезда ходили тогда еще значительно медленнее нынешних, до Улан-Удэ добирались шесть суток. Но прошли они незаметно: превосходно знавший маршрут по многочисленным сибирским экспедициям, Сергей Владимирович образно рассказывал о каждом его участке, о каждом попутном городе, в каждом находя свой интерес, свою специфику. Продолжалась и работа: в купе железнодорожного ветерана — старого деревянного «международного вагона» были разложены карты и схемы, книги и фотографии и активно обсуждалась предстоящая кампания. И здесь чаще всего упоминался Кара-Корум. Рассматривались материалы аэросъемки района, внимательно изучался план остатков самого города, составленный еще в 30-е годы Дмитрием Демьяновичем Букиничем, к тому времени уже покойным (Киселев С. В., 1947, с. 371). «Одаренный и оригинальный был человек,— рассказывал хорошо знавший его Киселев.— Вначале служил в лейб-гвардии, чуть не в кавалергардах. Потом произошла у него какая-то трагедия, нечто подобное истории с отцом Сергием. Ушел в отставку, стал мелиоратором, географом, а затем и археологом. Много путешествовал, был и в Монголии, где провел большие и плодотворные работы. Обследовал там целый ряд городищ и замков, впервые и весьма профессионально составил их планы. Низкий ему поклон за это! А в Кара-Коруме пытался даже копать. Да, к сожалению, неудачно. Заложил несколько небольших шурфов на участке, где располагались мастерские, производившие культовые изделия для монастыря Эрдэни-Цзу. Мастерские, естественно, поздние, в основном не ранее XVII в. Это и сбило с толку Букинича. Он прорезал остатки мастерских, но не сумел определить границу между ними и подстилающим слоем Кара-Корума, распространив на последний ту же позднюю дату. В связи с этим он усумнился как в древности городища, так и в принадлежности его столице Чингисхана и Чингизидов. Зря усумнился. Копать надо широкими площадями и уж, конечно, до материка. Будут ранние слои, несомненно будут!».

И тут же на плане были намечены наиболее перспективные для раскопок участки: Сергей Владимирович исходил из необходимости максимально полного освещения топографии города и определения специфики конкретных его участков. Выбор оказался безошибочным.

Близ Наушек пересекли границу, очень скоро проехали первый монгольский город Сухэ-Батор, двинулись дальше, к Улан-Батору. Привыкали к оригинальному пейзажу Северной Монголии, лаконичному и величественному: гладкая степь, а где-то на горизонте залесенные холмы. И сколько к ним не едешь, они все на горизонте.

В Улан-Баторе Киселева хорошо знали и встретили очень тепло. Его умение увлечь людей, включить их в свой неизменно стремительный темп хорошо продуманных акций обеспечило сравнительно быстрое завершение подготовки к длительному полевому сезону. Буквально за неделю были просмотрены коллекции и документации в Комитете наук (позднее Академия наук) Монголии, установлен тесный контакт с монгольскими участниками экспедиции во главе с известным археологом Перенлаем, проведены многочисленные необходимые встречи, укомплектована бригада из 90 рабочих, получены оборудование, продовольствие и даже оружие: ведь ехать предстояло на р. Орхон, в далекую и очень мало населенную в те годы местность. И вновь вся организационная нагрузка легла в основном на плечи Киселева. Успевал он все и, казалось, одновременно был в нескольких местах: в архиве Комитета наук, в нашем консульстве, в фондах Национального музея (рис. 1), в университете, где большую помощь экспедиции оказывал его ректор (впоследствии президент Академии наук Монголии) профессор Шерындыб.

Дела — делами, но находилось время и для подробного осмотра города — от старых кварталов с их юртами и фанзами за глухими высокими оградами до огромной площади Сухэ-Батора, где новые, добротно выстроенные здания европейского стиля, в том числе уже возведенный, но еще не завершенный театр с традиционным портиком, сочетались с огромным цирком, служившим тогда и

Рис. 1. С. В. Киселев (второй слева) в Национальном музее в Улан-Баторе

местом торжественных собраний. Неоднократно бывали мы и в действующем буддийском монастыре Гандане. С живым интересом рассматривал Киселев его предельно сложную культовую атрибутику, подробно расспрашивал наших гидов, обычно лам, о значении каждого символа, каждой скульптурной группы, просил одеть ритуальные маски, сам одевал их. Хорошо помню особое воодушевление его во время богослужения, когда волны глубоко оригинальной мелодекламации, сопровождавшейся ударами в барабаны и рычанием огромных труб, протянувшихся из края в край большого храмового зала, целиком заполняли его, перекатывались, затаивались, взрывались вновь. Ряды лам, накрытых специальными молитвенными одеждами, располагались на широких скамьях. Ламы сидели в позе лотоса и были обращены лицами друг к другу. Во главе каждого ряда в широком кресле сидел хорега, плавным движением поднимал очир, управляя хором, подавая знаки трубачам и барабанщикам. И здесь Киселев пытался понять смысл каждого действия, каждого жеста. Он быстро познакомился, а далее и подружился с проводившим богослужение главой ламаистской буддийской церкви Монголии, который с удовольствием беседовал с московским профессором, сам давал ему пояснения, угощал бараньим супом, который в огромных чанах приносили прямо

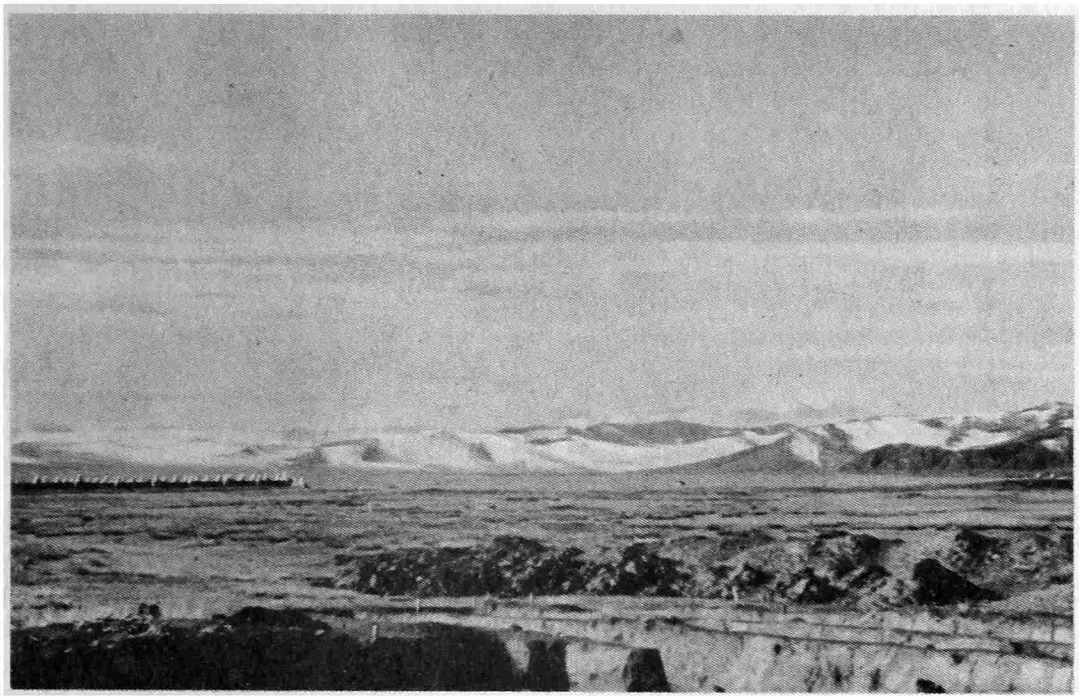


Рис. 2. Долина Орхона. На переднем плане начало раскопок городища Кара-Корума. На заднем плане слева — монастырь Эрдэни-Цзу

Рис. 3. С. В. Киселев (сидит слева), лама Чадамба (напротив), ламы и монгольские рабочие за обедом в монастыре Эрдэни-Цзу

в храм. А по возвращении в наш уланбаторский дом Киселев бурно делился всеми полученными сведениями, с увлечением имитируя и своих собеседников, и хор, и трубы, и барабаны.

Посещения монастыря, ознакомление с его символикой, беседы с ламами оказались весьма полезными впоследствии и для самих исследований экспедиции,

когда в наиболее позднем слое Кара-Корума были найдены значительные скопления буддийских культовых изделий, связанных с перекрывшим руины города монастырем Эрдэни-Цзу, а в самом нижнем слое — под остатками построенного Угэдэем дворца Вань-ан-гун — многочисленные фрагменты фресок, принадлежавших буддийскому храму времени основания города самим Чингисханом.

По вечерам Киселев любил бродить к югу от города по долине Толы, где большие открытые пространства чередовались с причудливыми скоплениями скал. «А ведь здесь вполне вероятны стоянки каменного века,— неоднократно говорил он.— Да и скальные рисунки...». На второй год работ экспедиции А. П. Окладников, возглавивший ее палеолитический отряд, нашел и те и другие.

Тихая и безлюдная долина полностью преображалась в дни Надома — главного национального праздника Монголии. Сюда переезжал чуть не весь город. Прибрежные участки покрывались массой юрт, майханов (шатров), павильонов. На больших открытых площадках происходили массовые спортивные состязания. Особенно популярны были скачки, стрельба из лука и более всего национальная монгольская борьба. Киселев приходил в восхищение при виде целой армии борцов, появлявшихся в сопровождении двух секундантов каждый и выбегавших на «поле сражения», подражая полету орла. В 1948 г. боролись 512 пар...

Наконец, завершены были все приготовления. Тяжело нагруженные машины, в которых, помимо груза, с трудом разместилась рабочая бригада и все участники экспедиции (всего около 100 человек), двинулись в путь. А через день на рассвете с высоты небольшого перевала мы увидели серебряную ленту Орхона, за ним — отроги гор, а перед рекой — в широкой, с юга обрамленной холмами долине — стены и субурганы знаменитого монастыря Эрдэни-Цзу, построенного во второй половине XVI в. на оплывших уже к тому времени развалинах Кара-Корума (рис. 2, 3).

Спустившись с перевала, мы приблизились к городищу с севера, пересекли его и въехали в ворота монастыря. Последний был уже частично реставрирован и постепенно вставал из руин, оставшихся после восстания середины 30-х годов. Были восстановлены обводные стены, большой субурган в центре монастыря, два больших храма китайского стиля, огражденных невысокой внутренней стеной. Оставались разрушенными большой тибетский храм и множество мелких кумирен, некогда заполнявших всю площадь монастыря, ныне пустынную и безлюдную. Но монастырь был взят уже под охрану государством как памятник культуры. Появился его комендант — бывший лама по имени Баир — высокий, немногословный и неторопливый человек. Рабочие разместились в полуразрушенном тибетском храме, нам же была поставлена небольшая юрта. «Гениальное все-таки изобретение», заключил Киселев, наблюдая за ее установкой.

А через час он был уже на городище и внимательно вглядывался в покрывавшие значительные его участки уплощенные всхолмления, сверяя их с планом Букинича и тотчас же внося в него исправления и добавления. «Смотрите-ка! — говорил он.— Казалось бы беспорядочно разбросанные слабо выраженные возвышения, а на плане они выстраиваются в определенном порядке. И особенно на аэрофотоснимках. Целые улицы очерчиваются! В центре застройка густая, очень густая. А к северу резко идет на убыль, перед обводным валом фактически большой пустырь. Зато сам вал четко выражен». Мои сомнения, касавшиеся этого невысокого и отнюдь не грозного вала, Киселев решительно парировал: «Да он, скорее всего, имел лишь фискальное значение, никак не оборонительное: кто мог угрожать тогда столице мировой империи? А вот в юго-западном углу хорошо прослеживаемое внутреннее укрепление. Стены его помощнее. И холмы за ними куда больше и выразительнее! Явно особый участок. И заслуживает особого внимания. Здесь будем копать. Но не только здесь. Раскопы надо расположить так, чтобы определить основные моменты топографии города. И в центре и на периферии. Даже за валом. Это одна из основных задач. Вторая же — стратиграфия. Надо исправить ошибку Букинича, расчленить слой, выявить хронологические его составные. Они должны быть неизбежно. Пусть столицей Кара-Корум был лишь

Рис. 4. Август 1948 г. Первая выставка находок из культурного слоя Кара-Корума. Стоят (справа налево): С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт, Х. Перенлай, Доржисурэн

несколько десятилетий, но как город он существовал еще достаточно долго. И жизнь его должна была быть достаточно активной. Китайские войска брали его уже в конце XIV в. А в 1586 г. на том же месте Абатай-ханом основан Эрдэни-Цзу — один из крупнейших буддийских монастырей страны. И опять активная жизнь! Так что слои должны здесь быть значительными, охватывающими несколько веков. И главное не смешать их, определить их границы и специфику, попытаться найти исторические привязки».

Выполнение этих задач и определило весь ход раскопок, начавшихся уже на следующий день и длившихся два длительных полевых сезона в 1948 и 1949 гг., всего более восьми месяцев (рис. 4). И выработанная Киселевым стратегия исследований полностью себя оправдала.

Здесь нет смысла останавливаться на ходе раскопок, всех открытых объектах и группах материалов, тем более что они освещены в большой специальной монографии, явившейся лебединой песней Сергея Владимировича (Киселев С. В., 1965). Но постараюсь прежде всего соотнести основные результаты работ с отмеченными выше генеральными их задачами.

Раскопы охватили «особый участок» в юго-западном углу городища, наиболее густо застроенную часть его центра, пересеченного крест-накрест двумя главными улицами, район восточных ворот, северный участок городского вала и отдельные постройки за его пределами. Специфика этих участков, выявленная раскопками, оказалась весьма показательной и позволила в значительной мере документировать топографию города и его районирование. Всего же на городище было вскрыто около 7 тыс. м^2.

За четырехугольником стен юго-западного «особого участка» вскрыты остатки знаменитого дворца Вань-ан-гун, построенного Угэдэем в 1235 г. и столь поразившего европейских путешественников. Последние, прежде всего Вильгельм де Рубрук, оставили восторженные его описания. И результаты раскопок в значительной мере им соответствовали. Постройки дворцового комплекса располагались на большом центральном и четырех боковых холмах, первоначально представ-

лявших собой искусственные платформы, сооруженные из суглинка и песка. Большую часть центрального холма занимал огромный парадный зал, конструктивную основу которого составляли 64 деревянные колонны, опиравшиеся на массивные каменные базы, чаще всего кубической формы. На колонны же опиралась кровля, покрытая черепицей и украшенная глиняной скульптурой (изображениями львов, драконов и т. п.). Черепица как зеленого, так и красного цвета, а последний, как сразу же было отмечено Киселевым, в древнем Китае считался цветом императорским (Киселев С. В., 1959, с. 174, 175). Парапет здания и ведущая к парадному залу с юга широкая лестница были облицованы гранитом. Специальные переходы соединяли зал с расположенными позади него жилыми покоями (их отличало обилие бытовых изделий и костей животных). Эти помещения также имели деревянные колонны с каменными базами, деревом же были покрыты их полы. Жилой и хозяйственный характер носили и постройки на четырех прочих холмах комплекса, причем все они были обращены фасадами к главному зданию дворца. К дворцовому участку с запада подходили каналы, подводящие воду из расположенного в полутора километрах Орхона, а следы обширной впадины позволяют предполагать наличие здесь озера, возможно, искусственного. «Пофантазируйте немного,— увлеченно говорил Киселев,— представьте себе яркий солнечный день и огромный многоцветный дворец, отражающийся в водах озера».

Но при всем огромном своем значении дворцовый участок отражает культурный слой города далеко не в полном его объеме. Самая нижняя его часть расчищена и нивелирована при создании упомянутых искусственных террас. А после середины XVI в., в период существования Эрдэни-Цзу, та же участь постигла и последующую часть слоя, поскольку на сей раз расчистке и нивелировке подверглись поверхности самих террас, на главной из которых, в преддверье монастыря, был сооружен большой субурган (а возможно, и другие культовые сооружения).

Зато в полной мере культурный слой представлен в центральной части города, на месте пересечения двух главных его улиц, где толщина его достигала 6 м. Заложенный здесь и доведенный до материка большой раскоп был назван Киселевым «Домом на перекрестке»: он позволил выяснить историю большого комплекса сочлененных построек, неоднократно разрушавшихся и восстанавливавшихся вновь. «Он дважды горел, ваш „Дом на перекрестке“,— говорил мне Киселев,— трижды строился...» Достаточно массивные и совершенные конструкции этого комплекса свидетельствуют об уверенном владении и различными строительными материалами (сырец, глина, камень, дерево), и хорошо выработанными, прежде всего в китайской архитектуре, приемами (системы отопительных каналов-канов и т. п.). И все сооружения носили четко выраженный производственный, складской и торговый характер. Сырцовые стены оштукатурены и в ряде помещений расписаны, причем и с внутренней, и с внешней сторон (наиболее популярные мотивы росписи — бабочки и иероглифы). Концевые диски черепичных кровель украшались зооморфными изображениями, чаще всего — дракона с оленьими рогами. Ремесленные мастерские и лавки отапливались: здесь в ряде мест расчищены подпольные отопительные каналы-каны. Комплекс был весьма долговечным: выше я уже привел слова Киселева о неоднократных его разрушениях и последующих восстановлениях, причем по тому же плану и с теми же техническими и орнаментальными деталями. Сохранялась и отмеченная функциональная специфика комплекса. И наиболее ярко представлены здесь свидетельства металлообрабатывающих ремесел, достигших высокого совершенства и значительных масштабов. Найдены до десяти плавильных горнов, кузница и многие сотни железных, стальных, чугунных изделий. Состав их весьма показателен: это сельскохозяйственные орудия и — более всего — предметы вооружения и снаряжения монгольской армии: находки втулок к осям огромных телег, подков, сабель, наконечников стрел, походных котлов. И все это в пределах одного исследованного пока комплекса! Между тем густота расположения и безусловная взаимосвязь подобных же сооружений, занимавших фактически всю

центральную часть города, делает весьма вероятным распространение той же функциональной специфики и на них. И весь этот очень большой район пользовался особым вниманием высшей власти: недаром именно в «Доме на перекрестке» найдена обугленная деревянная печать со словом «иджи» («приказание»), которым начинались указы от имени императрицы...

Во всяком случае Киселев имел все основания заключить, что металлургия города была рассчитана на вооружение и снаряжение монгольской армии, а сам Кара-Корум «предстает перед нами прежде всего как военно-металлургическая база государства» (Киселев С. В., 1957, с. 99; 1965, с. 177).

Оригинальная картина открылась при исследовании участка у восточных ворот города. Отсюда начиналась дорога в Китай. По ней в город доставлялся хлеб. Здесь, как впрочем и у других ворот, по сообщению Рубрука шла активная торговля. И заложенный здесь раскоп полностью подтвердил эту информацию. Сами ворота представляли собой широкий коридор с верхней надстройкой, опиравшейся на массивные деревянные колонны. И по обеим сторонам подводящей к воротам улицы располагались лавки и связанные с ними хранилища, отмеченные скоплениями как местных, так и привозных изделий. Обильно представлена здесь уже отмеченная продукция каракорумских металлургов (позднее монгольские археологи при одной из лавок найдут целый ее склад). Не менее обильны иноземные, прежде всего китайские, товары: керамика, фарфор, фаянс, селадон, бронза, украшения. И сотни китайских монет. Фрагменты огромных хумов позволяют предполагать наличие здесь зернохранилищ: торговлю хлебом Рубрук связывает именно с восточными воротами. «Не случайно стоит здесь каменная черепаха: скорее всего, она несла на себе стелу с ханским указом, регламентировавшим торговлю привозным хлебом»,— говорил Киселев, интерпретируя материалы этого раскопа. Добавлю, что выделяющееся из числа прочих помещение у самих ворот, отапливающееся и более тщательно оформленное, могло служить как местом расположения стражи, так и своего рода таможней. Во всяком случае функциональная специфика и этого района представлена достаточно четко.

А к северу от центральных ремесленно-торговых районов обширные участки, вплоть до городского вала, лишены следов фундаментальных построек, хотя бытовые остатки — керамика, скопления золы и угля, кости животных — регулярно встречались здесь как в специальных шурфах, так и в размывах, поздних канавах и перекопах. Киселев предполагал концентрацию на этих участках легких сооружений, прежде всего юрт, т. е. наличие там основных жилых районов.

Так были освещены основные моменты топографии и районирования Кара-Корума. Есть основания считать, что первая задача, поставленная Киселевым перед исследованиями города, была в основном выполнена.

То же следует сказать и о второй задаче — стратификации культурного слоя памятника. Наиболее показательными в этом аспекте явились данные центрального раскопа — «Дома на перекрестке». Накопление культурного слоя в этом ремесленном районе шло наиболее активно, и мощность его приблизилась здесь к 6 м. Киселев сразу же отметил внутри слоя наличие нескольких строительных уровней, разделенных следами пожаров и разрушений. Наиболее значительными были два пожара, охвативших весь район, а скорее всего и весь город, ибо свидетельства их зафиксированы и на других раскопах. Первый пожар, документированный четко выделявшейся сплошной зольно-угольной прослойкой, ограничивал нижний строительный горизонт, с которым и связаны основание и быстрое развитие описанного выше ремесленного комплекса. Именно для этой, наиболее ранней части слоя, характерна особая концентрация свидетельств металлообрабатывающего производства и самой его продукции. Все датирующие показатели — китайская поливная керамика, фарфор, монеты, бронзовые изделия, архитектурные детали и стенная роспись, печать императрицы и проч. позволяют с уверенностью отнести нижний горизонт к XIII в., т. е. ко времени столичного статуса Кара-Корума и непосредственно последовавшим за ним десятилетием. Большой пожар, определяющий верхнюю хронологическую границу горизонта,

Киселев первоначально связал со взятием восставшего города (после переноса столицы в Хан-Балык) войсками Хубилая в 1260—1261 гг. (Киселев С. В., 1957, с. 99). Позднее же, после всестороннего анализа материалов, он обосновал связь пожара с разграблением Кара-Корума преемником Хубилая в 1295 г., когда начальник обоза императорской армии «разгромил и разграбил базары и амбары города» (Киселев С. В., 1965, с. 176).

Однако сколько-нибудь заметного хронологического разрыва в существовании города не было. Он был быстро восстановлен, причем с сохранением планов и характера построек первого горизонта, во всяком случае на исследованном участке. Остатки конструкций второго горизонта непосредственно перекрывают следы первого пожара. Мощность этого горизонта весьма значительна, внутри него отмечены следы ряда реконструкций и несколько уровней полов. И здесь фиксируются следы металлообрабатывающих ремесел, но к ним добавляются свидетельства и весьма активного керамического производства. Найден целый ряд керамических обжигательных печей, множество фрагментов вынуто непосредственно из них. Керамика весьма многообразна. Господствуют китайская технология, китайские формы, китайское оформление сосудов (сунская синяя и голубая поливная посуда и др.). А в ряде случаев на днищах указаны и имена мастеров, тоже в большинстве случаев китайцев, переселившихся или пригнанных в Кара-Корум: помимо уже отмеченных следов местного производства, здесь найдены и многочисленные полуфабрикаты таких же сосудов. Лишь высшие сорта посуды (Цы-Чжоу, фарфор, селадон) привозились из самого Китая. Но встречена керамика и иного происхождения. Киселева особенно заинтересовали фрагменты биконических серых горшков с отогнутым венчиком и клиновидным орнаментом. «А ведь напоминает нашенскую, славянскую,— говорил он.— Да и ничего удивительного: сюда вполне могли пригнать пленных ремесленников из русских земель. Хотя бы из Старой Рязани». (Киселев С. В., 1957, с. 100).

По стратиграфическим показателям и находкам этот интереснейший горизонт был отнесен к XIV в. Сверху он был ограничен следами второго большого пожара. Последний убедительно сопрягался Киселевым с зафиксированным китайскими летописями разрушением Кара-Корума в 1368 г. войсками Минской династии освободившегося Китая. В отличие от первого второй пожар знаменовал начало резкого упадка города, а возможно, и полного длительного его запустения. Быть может, небольшой поселок и сохранялся на этом месте. Письменных сведений о нем нет. Не оставил он и сколько-нибудь заметных материальных остатков. Киселев справедливо заключил, что «остатки столичного города ко времени постройки в 1586 году древнейших храмов Эрдэни-Цзу определенно представляли собой мертвые развалины, из которых мастера Абатай-хана спокойно извлекали наиболее ценный строительный материал, особенно гранитные плиты цоколей и базы колонн, совершенно так же, как это делали ламы в начале XX века для ремонта монастырских зданий и стен» (Киселев С. В., 1959, с. 173). Но, очевидно, жива была память о славном прошлом этих развалин. И вполне вероятно, что именно эта память определила выбор места для строительства одного из древнейших и наиболее значительных буддийских монастырей Монголии, в документах которого Кара-Корум неоднократно упоминается. С созданием монастыря жизнь здесь вновь разгорелась и приняла весьма активные формы. За прошедшие с тех пор века сформировался третий горизонт культурного слоя, не уступавший по мощности предыдущим, предельно насыщенный принадлежностями буддийского культа и остатками мастерских по их изготовлению. Именно он, как уже отмечалось выше, и ввел в заблуждение Д. Д. Букинича. Отмечу, что внутри каждого из трех указанных горизонтов Киселевым было выделено по несколько конкретных строительных уровней. Всего их намечено 11.

Стратификация культурного слоя Кара-Корума явилась одним из наиболее значительных результатов выработанной Киселевым стратегии исследования города. Она дала фактические основания для разработки ряда ключевых вопросов

истории последнего. Кратко остановлюсь лишь на одном из них — на вопросе о дате основания города.

Как я уже отмечал выше, под платформой дворцовых сооружений был выделен слой, безусловно им предшествующий и содержащий остатки большого здания с глиняными стенами, покрытыми фресковой росписью религиозного буддийского содержания. Сохранились многочисленные ее фрагменты, превосходные цветные копии которых были тут же в поле выполнены Л. А. Евтюховой. Эти находки были встречены Киселевым с особой радостью. Он тщательно расклассифицировал их, придирчиво и многократно рассматривал каждый сюжет и сразу же сопоставил фрески с росписью «пещерных монастырей» XI — начала XIII в. и прочих памятников Синьцзяна, исследованных в свое время экспедицией академика С. Ф. Ольденбурга. Вначале он склонялся к наиболее ранней дате каракорумских фресок, относя их к XI в. (Киселев С. В., 1959, с. 173). Однако в дальнейшем стилистический и сюжетный анализ их (Евтюхова Л. А., 1965, с. 167—171) побудил его связать их со временем Чингиз-хана (Киселев С. В., 1965, с. 161).

«Вот и решение старого спора о времени основания Кара-Корума»,— говорил Киселев, еще раз пересматривая фрагменты фресок.— «Решение в пользу замечательного нашего соотечественника Иакинфа Бичурина, который еще в первой половине XIX века на основе анализа текста „Истории Юань“ определенно писал, что Чингис-хан перенес сюда свой двор в 1220 году. Но другие исследователи, в том числе такие крупные, как Абель Ремоза и Д'Оссон, утверждали дату более позднюю, 1234—1235 гг., когда был построен дворец Угэдэя. Поэтому последнему приписывалось и само основание города. И лишь через 100 лет П. Пелльо новыми текстологическими анализами подтвердил раннюю дату. Ныне же и безусловные стратиграфические свидетельства в ее пользу. А стратиграфия вещь упрямая! Фрески-то непосредственно под дворцом. И связь их со временем Чингис-хана не подлежит сомнению».

Добавлю, что рассмотренные раскопки поставили точку еще в одной дискуссии, касавшейся самой локализации древнемонгольской столицы. Несмотря на неоднократные упоминания ее в китайских летописях, анализ последних позволил лишь установить, что город находился много южнее Селенги, на берегу Орхона. Более точное определение требовало новых источников и прежде всего прямых материальных показателей. И они появились в результате обследования Н. М. Ядринцевым и А. М. Позднеевым Эрдэни-Цзу и городища у его стен. Главным показателем были находки упоминавшихся уже каменных черепах, служивших постаментами для каменных стел с ханскими указами, да и сами стелы, переиспользованные как строительный материал для монастырских сооружений. Но эти отдельные находки убедили далеко не всех. Дискуссия продолжалась. А тут еще неудачные раскопки Д. Д. Букинича. И лишь исследования Киселева, позволившие обосновать идентификацию городища целым комплексом прямых показателей, знаменовали завершение дискуссии. Полулегендарный город обрел материальные формы, место и точное время существования.

Раскопки Кара-Корума по сей день остаются самыми крупными и результативными исследованиями древнемонгольского города, решительно способствовавшими разработке впервые поставленной С. В. Киселевым проблемы. Но ими не исчерпывались результаты работ экспедиции 1948—1949 гг., масштаб и многообразие которых были обусловлены прежде всего широтой интересов и неисчерпаемой энергией ее руководителя. На территории обширного района Центральной Монголии им были начаты сплошные планомерные обследования археологических памятников различных периодов, а на ряде из них произведены весьма результативные раскопки.

Прежде всего это касается столицы Уйгурского ханства IX в. г. Хара-балгаса, расположенного на левом берегу Орхона и занимавшего в период расцвета площадь, достигавшую 25 км^2. Киселев плодотворно продолжил традицию исследования этого гиганта, созданную русскими учеными В. В. Радловым, Н. М. Ядринцевым, Д. А. Клеменцом. Начатые им в 1949 г. раскопки позволили заметно

уточнить представления о топографии города и, главное, о соотношении его с огромной цитаделью с ее 12-метровыми стенами и 14-метровым донжоном. Предшествующие исследователи отрывали цитадель от уйгурского города, относили ее к XIII в. и связывали ее создание с Мункэ-ханом. Массовый материал раскопок убедительно опроверг это ошибочное заключение и доказал хронологическое единство города и крепости. Отмечу, что внутри последней, при расчистке остатков дворцовых сооружений, были найдены типичные образцы архитектурной орнаментики танского времени. В самом городе были намечены жилые, ремесленные, садовые участки. Полностью была установлена бескрайняя перспективность археологического исследования уйгурской столицы (Киселев С. В., 1957, с. 93—95). Получены были и прямые свидетельства гибели города при кыргызском завоевании середины IX в.: следы страшного пожарища зафиксированы во всех раскопах, как в цитадели, так и в ряде городских районов. И главное, четко определилось значение этого величественного памятника в развитии той градостроительной традиции Центральной Азии, которая на более позднем этапе предопределяла создание Кара-Корума и закономерность существования древнемонгольских городов.

Были намечены и промежуточные звенья этого процесса. Их Киселев видел в городском строительстве Киданей в Монголии в X—XII вв. В этой связи он обследовал два города этого периода. На одном из них — Харухаин-балгасе на р. Харухе — произведены и раскопки, позволившие четко выделить слой города указанного периода и заметно уточнить его топографию. Древний город представлял собой квадрат со стороной 0,5 км, обрамленный валом с четырьмя воротами. Внутри города определена главная улица с кварталами жилых и хозяйственных построек по обе ее стороны. Керамика Харухаин-балгаса документирует как связь с предшествующей (харабалгасской) традицией, так и появление новых элементов, обусловленных воздействиями культуры ляосского государства, а далее и Циньской империи чжурженей. Особое значение имеет отмеченное Киселевым появление в верхнем горизонте слоя сунской поливной керамики и постепенное приближение керамических находок «к находкам в древнемонгольской столице Кара-Коруме» (Киселев С. В., 1957, с. 97).

Абсолютно такой же характер носит керамика второго города этого периода — Чин-Тологоя (Киселев С. В., 1947, с. 371). Здесь работы экспедиции ограничились внешним обследованием. Огромное городище (1 × 0,5 км), остатки мощных валов и башен, следы улиц и ряда кварталов застройки, наконец, находки подобных каракорумским каменных черепах-постаментов для стел с указами властей позволяют предполагать особую (столичную) роль этого памятника.

Все эта четко спланированные, целенаправленные исследования позволили Сергею Владимировичу прочно обосновать тезис о длительной градостроительной традиции, развивавшейся в этой части Центральной Азии и воспринятой монголами в период создания их государственности.

Наряду с решением отмеченных выше основных задач, значительное внимание уделил Киселев и погребальным памятникам районов, прилегавших к долине Орхона («Как же без них! — говорил он.— Недаром нас с Лидией Алексеевной в период сибирских работ называли похоронным бюро!»). В трех пунктах (Джаргаланты, Хушот-Худжиртэ и Орхон-Дель) вскрыты чрезвычайно характерные древнетюркские подкурганные погребения. Некоторые из них сопровождались богатым инвентарем (уникальные ювелирные изделия, предметы конского убранства, сохранившаяся шелковая ткань, китайское бронзовое зеркало и многоцветный кожаный футляр для него и проч.), а входившие в его состав китайские монеты позволяют уверенно датировать погребения в пределах IX в. (Евтюхова Л. А., 1957, с. 205—227).

Исследовались погребения и более ранних периодов, прежде всего «плиточные могилы» середины I тыс. до н. э. А уже после завершения полевого сезона 1949 г. в Улан-Баторе Киселеву сообщили, что на трассе строительства железной дороги от русской границы к Улан-Батору в обрезе замечены «какие-то большие горшки».

Он тотчас отправился туда и расчистил несколько гуннских погребений с рядом чрезвычайно типичных сосудов.

Сергей Владимирович рассчитывал на многолетнее продолжение столь плодотворно начатой монгольской кампании. Весной 1950 г. он увлеченно говорил мне о необходимости заложить новые раскопы за пределами валов Кара-Корума (по его предположению там могла находиться христианская церковь), планировал широкие раскопки Хара-балгаса, выделение специального отряда для изучения погребальных памятников, постоянное расширение территориальных и хронологических рамок исследований. Судьба, увы, распорядилась иначе. Но и то, что успел сделать Киселев, краеугольным камнем легло в основу разработки коренных проблем древней и средневековой истории монгольских земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Евтюхова Л. А., 1957. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов)//СА. № 2.

Евтюхова Л. А., 1965. Фрески, найденные под дворцом Угэдэя в Кара-Коруме//Киселев С. В. (ред.). Древнемонгольские города.

Киселев С. В., 1947. Монголия в древности//Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. № 4.

Киселев С. В., 1957. Древние города Монголии//СА. № 2.

Киселев С. В., 1959. Из истории китайской черепицы//СА. № 3.

Киселев С. В. (ред.), 1965. Древнемонгольские города. М.

Институт археологии
РАН, Москва

Критика и библиография

F. Osole. Betalov Spodmol, rezultati paleolitskih izkopovanj S. Brodarja. I del. Poročilo o raziskovanju paleolita, neolita in eneolita v Sloveniji. T. XVIII. S. 7—41. Ljubljana, 1990. II del. T. XIX. S. 7—129. Ljubljana, 1991.

Словения, самая северная из республик, входивших в состав Югославии, не богата памятниками нижнего и среднего палеолита. Хотя значительная часть территории страны занята горами и входит в зону интенсивного развития карста, пещерных местонахождений со свидетельствами обитания этого времени совсем мало. Интенсивная разведка и шурфовка пещер в последние несколько лет не доставила новых выразительных палеолитических стоянок. Так, по данным словенского исследователя И. Турка, из 30 разведанных в последние годы пещер лишь 1 содержала следы палеолитического обитания.

На территории республики давно известен, однако, памятник, содержащий несколько горизонтов залегания среднепалеолитических и верхнепалеолитических культурных остатков, включающих каменные изделия, фауну, очаги. Этот памятник — пещера Беталов Сподмол — известен с середины 30-х годов (поздний комплекс); более древние отложения исследовались в 40—50-е годы. Литература по Беталову Сподмолу довольно обширна (до 20 наименований), среди основных следует назвать работы С. Бродара (Brodar S., 1956; 1971), И. Раковца (Rak'ovec I., 1951; 1959). Ф. Осоля (Osole F., 1975). Несмотря на относительную обширность этого списка, археологические материалы стоянки до самого последнего времени были опубликованы совсем недостаточно. Серьезным событием в словенском палеолитоведении явилось поэтому издание в двух номерах «Отчета о исследовании палеолита, неолита и энеолита в Словении» (Любляна) работы «Беталов Сподмол, результаты палеолитических раскопок С. Бродара», написанной проф. Францем Осолем, ближайшим сотрудником проф. С. Бродара. Основная цель работы Ф. Осоля — наиболее полным образом издать материалы, добытые в процессе раскопок стоянки в 40—50-е годы. Текст сопровождается значительным числом графической документации: 9 разрезами (приложения 6—9, 11—14, 31), 20 планами (приложения 2—4, 5а, 5б, 16—30), а также высококачественными рисунками каменных изделий (табл. 1—38). Текст снабжен большим числом вспомогательных статистических таблиц.

Структурно работа состоит из небольшого введения и 8 разделов: 1) данные о убежище; 2) данные полевых исследований; 3) стратиграфия; 4) палеолитический культурный инвентарь; 5) петрографический анализ; 6) горизонтальное распределение каменных находок и очагов; 7) культурная интерпретация археологического инвентаря; 8) хронология.

Беталов Сподмол представляет собой сухую пещеру коридорного типа в 2,5 км от г. Постойны, в юго-западной части Словении. Ориентация входа ЮЮВ, высота у входа 4, ширина у входа 6, общая протяженность 174, высота над уровнем моря 537 м. С 1932 г. стоянку исследовал итальянский ученый Ф. Анелли (в то время Беталов Сподмол находился на территории Италии). Им были исследованы отложения на большей части привходовой площадки и в пещере до первого резкого изгиба коридора, на глубину, в среднем 1,8 м. Работы велись до начала второй мировой войны и были возобновлены в 1947 г. уже С. Бродаром, проводившим исследования в 1947—1950 и 1952—1953 гг. Работы велись С. Бродаром в основном в пределах площади итальянского раскопа, целью ставилось исследование нижней пачки отложений пещеры. Раскоп достиг максимальной глубины 10,2 м на очень небольшой площади; в среднем же толща исследованных С. Бродаром отложений составляла около 3 м от уровня пола раскопа Ф. Анелли. Отложения исследовались с разбивкой площади на квадратные метры, по литологическим слоям, от правой к левой скальной стенке пещеры участками от одного поперечного профиля к следующему. Всего таких профилей на

© В. П. Степанчук, 1995 г.

раскопанном участке длиной до 27 м насчитывается 22 (приложения 11—14, 31), однако лишь 5 из них предоставляют полную колонку отложений, поскольку были получены на участках, не исследовавшихся в 30-е годы. Общая площадь раскопов С. Бродара на уровне поверхности составляет 112 м^2. Артефакты и фаунистические остатки увязываются автором раскопок с литологическими слоями; типологические различия в составе инвентаря, залегающего в литологически однородных седиментах, служили, по-видимому, основанием для отнесения таких инвентарей к различным так называемым культурным горизонтам. Работа Ф. Осоля снабжена многочисленными планами находок по слоям и культурным горизонтам, но, к сожалению, содержащими лишь данные о количестве находок обработанного кремня на квадрат, а также дающими представление об очертаниях и расположении очагов. Отсутствие полноценных планов (с указанием характера находки, глубинных отметок, четким указанием места находки в пределах квадрата и т. п.) очень огорчительно, учитывая важность планиграфического аспекта изучения стоянки и потенциально высокую информативность таких исследований на Беталовом Сподмоле (четко выраженные различия в распределении находок на различных уровнях обитания, немногочисленность инвентаря). Большая часть фаунистических остатков из Беталова Сподмола была вскоре после полевых исследований определена И. Раковцем, древесные угли идентифицировались А. Буднар-Трегубовой, геологические разрезы описывались, по-видимому, С. Бродаром; в тексте Ф. Осоля не указывается также, кем проводился анализ пыльцы для некоторых слоев пещеры. Абсолютные датировки культурных горизонтов отсутствуют.

Пачка отложений пещеры делится на несколько литологически и генетически различных комплексов. Комплекс I, самый древний, представлен вторичными русловыми отложениями; его датировка, согласно мнению исследователя стоянки, не позднее миндель-рисса. Комплекс II представляет собой последовавшую после небольшого эрозионного перерыва фазу аккумуляции щебней и глин. В сопутствующей фауне преобладает Ursus spelaeus, Ursus cf. deningeri. Комплекс II включает материалы так называемого культурного горизонта А, датируется риссом. Комплекс III представлен в основном глинистыми седиментами с примесью корродированных щебней. В основании зафиксирован культурный горизонт В. Показательно наличие в фауне Dicerorhinus kirchbergensis, sus scrofa, Megaceros giganteus, Cervus cf. megaceros, Alces alces (преобладает). Многочисленна пыльца лиственных (Quercus, Populus, Ulmus etc.) по углям определено наличие липы, сосны. Комплекс датируется рисс-вюрмом. IV стратиграфический комплекс расчленяется на 2 части: IVa (нижняя) и IVb. Седименты IVa представлены глиной и криокластическими щебнями. Фиксируются признаки криотурбации. Комплекс IVa включал два среднепалеолитических культурных горизонта: С и D. Горизонт С доставил остатки Marmota marmota, Ursus spelaeus (преобладает), Hyaena spelaea, Alces alces, Cervidae indet., Bison priscus. Фауна культурного горизонта D представлена Arvicola sp., Marmota marmota, Lepus timidus, Rodentia indet., Vulpes vulpes, Ursus spelaeus (преобладает) Alces alces, Cervus elaphus, Megaceros sp., Cervidae indet., Bos seu Bison, Sturnus cf. vulgaris, Turdus cf. viscivorus, Aves indet. Для комплекса IVa отмечается преобладание (по углям) Pinus sp., единичный уголек принадлежит Ostrya sp. Хронологически этот комплекс сопоставляется с первым стадиалом вюрма и отчасти с эпизодом вюрм $^1/_2$. Комплекс IVb составлен глинистыми седиментами различной цветности с примесью щебней. В нижней части IVb содержит позднейший для памятника горизонт среднепалеолитического обитания (культурный горизонт Е), а в верхней трети комплекса IV зафиксирован верхнепалеолитический культурный горизонт F. Фаунистические остатки немногочисленны. Для горизонта Е определены Marmota marmota, Lepus timidus, Lepus sp., Ursus spelaeus (преобладает), Alces alces, Bos seu Bison, Falco cherrug, Anatidae indet.; для горизонта F — Marmota marmota, Ursus spelaeus (наиболее многочислен), Ursus sp. Alces Alces. Большинство углей из IVb было утеряно; имеются определения Tilia sp. и Pinus sp. Для культурного горизонта предполагается датировка интерстадиалом вюрм $^1/_2$. Горизонт F, по мнению авторов раскопок и рецензируемой работы, следует датировать вюрмом 2. Более поздние комплексы Va, Vb, VI большей частью были раскопаны еще в 30-е годы Ф. Анелли и из работ С. Бродара известны в основном по участкам в глубине пещеры. Это щебнистые седименты, с редкими включениями глины. Здесь зафиксированы культурные горизонты G (вюрм 2 — вюрм 3) и H (голоцен). Горизонт G доставил остатки Cricetus cricetus, Marmota marmota (многочисленны), Lepus timidus varronis, Vulpes vulpes, Alopex lagopus, Ursus spelaeus (преобладают), Ursus sp., Martes cf. martes, Sus scrota, Sus palustris, Cervus elaphus, Rangifer tarandus, Alces alces, Cervidae indet., Rupicapra rupicapra, Bison priscus, Bos seu Bison, Falco cherrug, Hirudo rustica, Cygnus sp., Aves indet. Немногочисленные угли принадлежат Pinus sp. и Carpinus sp. Фауна голоценовых отложений представлена Arvicola terrestris scherman, Clethrionomys glareolus, Insectivora indet., Canis lupus, Vulpes vulpes, Meles meles, Sus scrofa,

Таблица 1

Стратиграфический комплекс	Литологические слои	Культурный горизонт	Геологическая датировка	Археологическая датировка
I	15, 15a, 15b, 16	—	Миндель-Рисс	—
II	14, 14a 14b	A	Рисс	Средний палеолит «прамустье»
III	12, 12a 12b, 12c, 13	B	Рисс-вюрм	Средний палеолит Шарантьен
IVa	11, 11_2, 11a, 11b, 11c	C	Вюрм 1	Средний палеолит Шарантьен
		D	Вюрм $^1/_2$	Средний палеолит Шарантьен
IVb	10, 10a, 10b, $10b_2$, 10c, 10d	E		Средний палеолит «Финальное мустье»
		F	Вюрм 2 — Вюрм 3	Верхний палеолит Граветтский технокомплекс
Va Vb	9,9a 8	G	Вюрм 2 — Вюрм 3	Граветт Тардиграветт
VI	5, 6, 6_2, 7, 7_2, 7_3			Эпиграветт
	1—4	H	Голоцен	Мезолит/Неолит

Sus palustris, Sus domesticus, Sus sp., Cervus elaphus, Cervidae indet., Capreolus sp., Capra sp., Bos primigenius, Bos seu Bison, Aves indet.

Приведем корреляционную таблицу стратиграфических комплексов, литологических слоев, археологических культурных горизонтов и датировок, составленную на основе текста, табл. 18 и приложения 10 работы Ф. Осоля (табл. 1).

Анализу стратиграфии памятника посвящен специальный раздел. Подробно описан каждый из 22 профилей. Значительно меньшее место занимает описание фауны и флоры — эти сведения приводятся в разделе «Хронология». Данные стратиграфии, анализ фаунистических и флористических свидетельств служат главным основанием для датировки выделяемых культурных горизонтов.

Изложение собственно археологических данных занимает наибольшее место в работе. Материалы культурных горизонтов A — F и слоев 1—9 описываются отдельно. Приводятся также и данные о составе инвентаря каждого отдельного литологического слоя. Описание дается по стандартной схеме: приводится тип-лист орудий (по Ф. Борду или Д. Сонневий-Борд — А. Перро), предлагается статистика по основным категориям находок: нуклеусам, пластинчатым сколам, отщепам, обломкам, осколкам, чешуйкам, галькам (в качестве отдельностей сырья). В целом описание довольно беглое и схематичное; отсутствуют данные о типологической принадлежности нуклеусов, абсолютно не характеризуются сколы, индустрии оказываются фактически не описанными с технической точки зрения. Очень важно, однако, что работа снабжена обширным альбомом высококачественных иллюстраций, увязанных с описанием в тексте. Издано около 300 каменных артефактов, т. е. весь комплекс орудий, многие нуклеусы, некоторое число сколов.

Подробны сведения о петрографии каменных изделий стоянки (определения Д. Возеля). Сырье собиралось в аллювии ближайшего ручья. Различается восемь основных групп: роговик, яшма, лидит, кремень, кварцит, туф, кварц-порфир и varia. Информация о сырьевом составе инвентарей различных слоев и культурных горизонтов суммирована в табл. 10—17. Наиболее многочисленны изделия из роговика, в среднем до 50% находок: это сырье наиболее доступно в галечнике Черного потока. Картина распределения сырья, с небольшими вариациями, в целом сходна почти для всех культурных горизонтов и слоев. Особняком стоит лишь серия изделий культурного горизонта C, в котором роговик составляет лишь 9%, и, напротив, резко возрастает доля туфов и кварц-порфиров.

Культурный горизонт А, древнейший в Беталовом Сподмоле, доставил лишь девять каменных артефактов, в том числе два ретушированных изделия (протолимасы по Ф. Осолю). Материал горизонта определялся как «прамустье» в понимании Г. Обермайера (ср.: Brodar S., 1956), либо как «тайяк-прамустье» (Osole F., 1979). Ясно, однако, что любая дефиниция столь небольшой выборки не может считаться достоверной и окончательной. Культурный горизонт В доставил 283 каменных артефакта: 46 орудий, 2 нуклеуса, иногда трактуемых как рубила или рубиловидные изделия, 12 пластин, 115 отщепов, 56 обломков и чешуек. По Ф. Осолю наиболее многочисленны среди изделий, отнесенных в группу орудий, сколы леваллуа, причем имеются и типичные, и атипичные образцы; преобладают неретушированные изделия. Леваллуазская группа насчитывает 22 артефакта, затем наиболее представительны разнотипные скребла (12). Индустрия определялась как ашело-мустьерская, леваллуа-мустьерская (Brodar S., 1971; 1979), шарантская типа Феррасси (рецензируемая работа). Культурный горизонт С доставил 293 каменных изделия: 49 орудий, 3 нуклеуса, 2 пластины, 157 отщепов, 33 обломка и чешуйки. Имеется лишь 1 ретушированное леваллуазское острие, резко преобладают скребла (42 орудия), среди которых особенно часты выпуклолезвийные формы. С. Бродар определял инвентарь как мустье (Brodar S., 1956), позднее как развитое мустье (Brodar S., 1971). Ф. Осоль относит материалы к шарантьену, не уточняя далее это определение. Культурный горизонт D наиболее богат находками: 81 орудие, 4 нуклеуса, 12 пластин, 553 отщепа, 229 обломков, осколков, чешуек и галечек сырья. Типичные и атипичные леваллуазские формы немногочисленны (7). Вновь, как и в культурном горизонте С, резко преобладают скребла (54), представлены ножи на сколах (8), имеются выемчатые изделия, атипичные скребки и резцы, прочие единичные формы. Согласно Ф. Осолю, индустрия относится к шарантским. Горизонт Е доставил 9 ретушированных изделий, 3 пластины, 51 отщеп, 46 обломков, осколков и чешуек. Среди орудий встречены скребла (3), скребки (2), резец (1), нож (1), сколы с ретушью. Этот, самый малочисленный и самый поздний среди среднепалеолитических, инвентарь определяется как финально-мустьерский. Культурный горизонт F содержал 19 орудий, 3 нуклеуса для пластин, 21 пластину, 103 отщепа, 148 обломков, осколков, чешуек, галек. Орудия представлены высокими скребками (4), резцами (3), острием Фон-Ив (1), пластинами с притупленной спинкой (5), ретушированными пластинами (5), скреблом (1). Инвентарь определяется либо как ориньяк sensu lato (Brodar S., 1971), либо как относящийся к граветтскому технокомплексу (Ф. Осоль). Культурный горизонт G доставил 8 нуклеусов, 33 пластинки, 93 отщепа, 126 обломков, осколков и чешуек, а также 47 ретушированных изделий: разнотипных скребков, резцов, пластин с ретушью, пластин с притупленной спинкой, сверл и проч. Бродар (Brodar S., 1956; 1979), относил эти материалы к заключительным этапам верхнего палеолита. Ф. Осоль уточняет это определение, различая внутри горизонта G слои граветта, тарди- и эпиграветта. Наконец, культурный горизонт Н, голоценового возраста, доставил лишь 47 каменных артефактов, главным образом сколов; орудия отсутствуют. В слое 4 встречена подвеска из зуба оленя. Горизонт определяется как мезо-неолитический.

Учитывая относительную малодоступность рецензируемого издания, оправданно привести основные статистические данные по орудийным наборам культурных горизонтов Беталова Сподмола (табл. 2, 3).

По мнению Ф. Осоля, материалы среднепалеолитических горизонтов Беталова Сподмола могут сопоставляться с инвентарем Крапины, Винджи, Великой Печины. Однако подробное сравнение не проводится, и об этом можно лишь сожалеть. Оставлены вне упоминания также такие известные памятники, как Ветерница, Камен, Црвена Стена. Не проводится и обзор среднепалеолитических находок на территории Словении.

Согласно подразделению Я. Козловского (Kozlowski J. K., 1992), на территории Югославии могут различаться: шарантские индустрии двух типов (тип Крапина-Ветерница и тип Црвена Стена), типичное мустье, мустьеро-леваллуазские инвентари. Учитывая своеобразие материалов Црвеной Стены (так называемое микромустье, находящее известные параллели в крымских материалах типа верхнего слоя Киик-Кобы), а также несомненно справедливое определение материалов Беталова Сподмола как принадлежащих шарантьену, следует, по-видимому, относить материалы этого памятника к шаранту типа Крапина-Ветерница.

Нет особого противоречия и в сравнении материалов Беталова Сподмола с инвентарем Винджи. Последний определяется как типичное мустье, обогащенное скреблами (Kozlowski J. K., 1992), но исследователями не раз обращалось внимание на достаточно высокую условность отграничения таких индустрий от индустрий шарантских (ср., например, Turq A. et al., 1990).

Специальное внимание в работе уделено рассмотрению параллелей между Беталовым Сподмолом и венгерской стоянкой Эрд. В. Габори-Чанк, лично знакомившаяся с материалами из раскопок

Таблица 2

Среднепалеолитические инвентари Беталова Сподмола

Номер согласно типлисту F. Bordes	Наименование изделия	Количество орудий по культурным горизонтам				
		A	B	C	D	E
1	Скол леваллуа	1	13	—	2	—
2	Атипичный скол леваллуа	—	2	—	—	—
4	Острие леваллуа ретушированное	—	6	1	—	—
5	Псевдолеваллуазское острие	—	1	—	5	—
6	Мустьерский остроконечник	—	1	—	—	—
7	Удлиненный мустьерский остроконечник	—	1	—	—	—
8	Лимас	2	—	—	—	—
9	Скребло простое прямое	—	4	6	12	—
10	» выпуклое	—	3	24	24	1
11	» вогнутое	—	—	2	—	—
13	Скребло двойное прямо-выпуклое	—	—	1	—	—
15	» двояковыпуклое	—	1	2	1	—
18	Скребло конвергентное прямое	—	—	—	3	—
19	» выпуклое	—	2	3	—	1
21	Скребло угловатое	—	—	—	1	—
22	Скребло поперечное прямое	—	1	—	2	—
23	» выпуклое	—	1	2	5	1
26	Скребло с крутой ретушью	—	—	1	3	—
27	Скребло с утонченной спинкой	—	—	1	3	—
30	Скребок	—	1	—	1	2
31	Атипичный скребок	—	—	—	1	—
32	Резец	—	—	1	2	1
34	Проколка	—	2	1	1	—
35	Атипичная проколка	—	1	—	1	—
37	Атипичный нож со спинкой	—	—	—	2	—
38	Нож со спинкой, покрытой коркой	—	—	—	6	1
42	Орудия с выемками	—	4	1	5	—
43	Зубчатое орудие	—	1	2	—	1
45	Отщеп с ретушью с брюшка	—	1	1	—	—
51	Тайякский остроконечник	—	—	—	—	1
	Всего	3	46	49	81	9

С. Бродара, приходит к выводу о наибольшей близости инвентаря Эрда слою С Беталова Сподмола (Gabori-Csank V., 1968) * Ф. Осоль согласен с этим выводом, но полемизирует с исследовательницей о степени родства между культурными горизонтами B и D, приходя к заключению о достаточной отдаленности его.

Ф. Осоль подробно излагает свои взгляды на периодизацию верхнепалеолитических инвентарей Словении. Он различает три ступени эволюции граветтского технокомплекса (см. также *Osole F.*,

* Имеется в виду поиск аналогий на территории Югославии. Материалы Эрда и по крайней мере горизонтов С и D Беталова Сподмола сближает также исходное (галечное) сырье, утилизация которого определяет известное технико-типологическое подобие. Этот момент позволил некоторым исследователям усматривать аналогии названных пармеиров в материалах понтиниано Северной Италии.

Таблица 3

Верхнепалеолитические инвентари Беталова Сподмола

Номер согласно тип-листу D. de Soneville-Bordes, J. Perrot	Наименование изделия	Количество орудий по культурным горизонтам и слоям					
		F	9	8	7	6	5
1	Скребок на пластине	—	—	—	—	1	—
8	Скребок на отщепе	—	1	—	—	—	1
11	Высокий скребок	2	—	1	—	—	1
12	Атипичный высокий скребок	2	1	—	—	—	1
15	Нуклевидный скребок	—	1	—	—	—	—
23	Сверло	—	1	—	—	1	—
27	Срединный резец	1	—	—	—	—	1
30	Угловой резец	1	—	—	2	—	2
43	Нуклевидный резец	—	—	1	—	—	—
44	Плоский резец	1	—	—	—	—	—
48	Граветтское острие	—	1	—	—	—	—
49	Атипичное граветтское острие	—	1	1	—	—	—
52	Сотрие Фон-Ив	1	—	—	—	—	—
64	Пластина с усеченным концом	—	—	1	—	—	—
65	Пластина с ретушированными	3	4	1	3	2	1
66	лезвиями						
74	Отщеп с выемкой	1	1	3	1	—	2
77	Скребло	1	1	1	—	—	—
85	Пластинка с притупленной спинкой	5	1	1	—	—	3
89	Пластина с выемками	1	—	—	—	—	—
90	Пластинка Дюфор	1	—	—	—	—	—
91	Азильское острие	—	—	—	—	1	—
	Всего	20	13	10	6	5	13

1979): I «граветт», паудорфское время, наличие пещерного медведя в фауне, II «тардиграветт», стадиал вюрм 3, преобладание северного оленя, III «эпиграветт» 17—10 тыс. лет назад, наличие северного оленя, лося, различных оленей. В колонке Беталова Сподмола Ф. Осоль различает материалы всех трех ступеней. Он не считает возможным относить к ориньяку материалы культурного горизонта F, справедливо указывая на отсутствие типичных костяных острий. Ориньяк (ольшевьен) известен Словении, по данным Ф. Осоля, лишь на стоянках Поточка Зьялка и Мокришка (Brodar S. et al., 1983); можно упомянуть также недавнюю находку костяного острия в Дивже Бабе I (Turk I. et al., 1988a).

Как уже отмечалось, работа снабжена многочисленными высококачественными иллюстрациями. Типологическое определение изделий, как правило, вполне корректно, хотя иногда можно и сомневаться в правильности отнесения изделия к тому или иному типу.

Так, не стоило относить фрагментированные орудия к числу изделий с точно устанавливаемой типологической принадлежностью, как это было, например, сделано в случае срединного обломка двулезвийного орудия, определенного как двойное выпукло-вогнутое скребло (табл. 26, *2*). Изделия на табл. 14, позиции *5* и *8*, почему-то определены как простые выпуклые скребла (конвергентное скребло и остроконечник, соответственно). Неясно, почему конвергентные скребла определяются иногда как поперечно-выпуклые (табл. 27, *1*; 34, *3*). Заметим также, что часть зубчатых и выемчатых изделий из горизонта D может являться естественно поврежденными сколами (ср. свидетельства криотурбации в литологическом комплексе IVa).

Несмотря на эти и некоторые другие, не упомянутые, разночтения, общее определение принадлежности инвентаря представляется справедливым. Индустрии Беталова Сподмола вполне укладыва-

ются в рамки шарантских инвентарей с характерно малым количеством пластин, обильными скреблами, немногочисленными остроконечниками, единичными изделиями с двусторонней обработкой и разнотипными подтесками-утончениями. По иллюстрациям хорошо видно различие между материалами культурных горизонтов C и D, с одной стороны, и B — с другой. Если в первых двух часты массивные заготовки, сохраняющие участки корки, много изделий с ретушью кина и полу-кина, обушковых форм, встречаются тыльно- и базально-утонченные орудия, имеется даже частично двустороннее изделие (культурный горизонт C; это изделие, кстати, не отмечено Ф. Осолем в тип-листе), то в материалах культурного горизонта B больше пластинчатых заготовок с тонким профилем, обширнее леваллуазская группа изделий, шире представлена слабомодифицирующая ретушь. Таким образом, шарант Беталова Сподмола неоднороден; не случайно Ф. Осоль определяет горизонт B как шарант типа Феррасси, а определение культурных горизонтов C и D как шарантских далее не уточняет.

Среднепалеолитические материалы Беталова Сподмола хорошо вписываются в круг шарантских памятников Балкан, среднего Дуная, Трансильвании. Отчетливо прослеживается отличие от зоны центральноевропейского среднего палеолита, где преобладают микокские и таубахские традиции, хотя шарантские памятники также представлены. Особняком стоят и памятники европейской части бывшего СССР, где широко представлены микокские и парамикокские индустрии, разнофациальные индустрии мустье типичного, таубахские инвентари. При этом следует отметить, однако, что ряд памятников Молдовы, а именно так называемый северо-молдавский вариант мустье типичного по Н. К. Анисюткину (Анисюткин Н. К., 1992), демонстрирует определенное сходство с шарантскими инвентарями Беталова Сподмола. Интерес в связи с поиском параллелей в Восточной Европе представляют также парамикокские индустрии типа Староселья и Рипичени Извора (Формозов А. А., 1958; Păunescu A., 1993). Однако наличие в них многочисленных развитых двусторонних изделий, относительно большого числа орудий с утончениями указывает скорее на параллели с инвентарями так называемого «восточного шаранта» юго-восточной Франции (в качестве примера назовем инвентарь Бланзи (Desbrosse R. et al., 1970), а не с «восточным» или «юго-восточным» шарантом в понимании М. Габори (Gabori M., 1976) и Я. Козловского (Kozlowski J. K., 1990—91).

Наличием шарантских индустрий разнообразие среднего палеолита Словении, по-видимому, не исчерпывается. В послёдние годы на территории республики исследуется новый многослойный пещерный памятник Дивже Бабе I, так же, как и Беталов Сподмол, содержащий материалы среднего и верхнего палеолита. В печати уже появились публикации результатов естественно-научных исследований (Turk I. et al., 1988в, 1989, 1992). Археологические материалы пока не изданы полностью (коллекции обрабатывает М. Бродар), но, по имеющимся данным, можно предполагать, что средний палеолит стоянки не представляет собой аналог Беталова Сподмола, а тяготеет к микроиндустриям таубахского облика. Если это подтвердится в будущем, материалы Дивже Бабе будут представлять большой интерес для выяснения судеб центрально- и восточно-европейской таубахской индустриальной традиции в послеэемское время.

Работа имеет некоторые недостатки и упущения. К числу существенных следует отнести полное отсутствие технических показателей инвентаря, беглость и недетализированность описания каменных изделий. Следует сожалеть об отсутствии полноценных планов распространения культурных остатков на раскопанной площади. Неясным моментом остаются также принципы расчленения материалов культурных горизонтов D и C, F и E. Можно было бы предполагать, что это разделение производилось согласно литологии. Однако из текста следует, что для культурных горизонтов D и C общими являются 10 и 10a литологические слои, а для пары горизонтов F и E (стратиграфический комплекс IV) — литологические слои 11, 11a, 11b, 11c. Необоснованность и неясность подхода становится особенно существенной в случае расчленения материалов культурных горизонтов F (граветт) и E (финальное мустье). Досадным упущением является отсутствие сколько-нибудь подробного сравнения материалов Беталова Сподмола с инвентарем других палеолитических стоянок региона.

В целом же работа представляется безусловно интересной и полезной, она с достаточной полнотой вводит в научный оборот материалы стоянки и представляет собой ценный источник по палеолиту Словении и в целом Балкан.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

В. Н. Степанчук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисюткин Н. К., 1992. Ранний и средний палеолит юго-запада европейской части СССР. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. С.-Петербург.

Формозов А. А., 1958. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите//МИА, № 71.

Brodar S., 1956. Ein beitrag zum Karstpaläolithikum im Nordwesten Jugoslaviens//Actes du IV[c] Congrès International du Quaternaire. Roma — Pisa 1953. Roma.

Brodar S., 1971. Betalov spodmol près de Postojna — station paleòlithique Epoque prèhistorique en Yougoslavie//UISPP — VIII[c] Congres. Beograd.

Brodar S., 1979. Lep primerek paleolitskega rezila//Ledenodobne kulture v Sloveniji. Ljubljana.

Brodar S., Brodar M., 1983. Potočka zijalka visokoalpska postaja aurignacienskih lovcev//Dela 24 SAZU. I. 4. Ljubljana.

Desbrosse R., Tavoso A., 1970. Un gisement moustérien à Blanzy (Saône et Loire)//Quartar. Bd. 21.

Gabori N., 1976. Les civilisation du Palèolithique moyen entre les Alpes et l'oural. Budapest.

Gàbori-Csànk V., 1968. La station Palèolithique moyen d'Erd — Hongrie. Budapest.

Kozlowski J. K., 1990—1991. Le charentien d'Europe Centrale et la place de la technique pontinienne//Quaternaria Nova. №1.

Kozlowski J. K., 1992. The Balkans in the middle and upper palaeolithic//Proceedings of the Prehistoric Society. № 58.

Osole F., 1975. Poselitev Pivške kotline v ledeni dobi//Ljudje in kraji ob Pivki. Postojna.

Osole F., 1979. Nalazi predmousterienske starosti. Srednji paleolitik//Praistoria jugoslavenskih zemalja (Paleolit i mezolit). № 1. Sarajevo.

Păunescu A., 1993. Ripiceni-Izvor paleolitic şi mezolitic. Bucureşti.

Rakovec I., 1951. O fosilnih sesalskih ostankih iz Betalovega spodmola//Letopis SAZU. IV knjiga. 1950/51. Ljubljana.

Rakovec I., 1959. Kvartarna sesalska favna iz Betalovega spodmola pri Postojni //Razprave VI SAZU. Ljubljana.

Turk I., Culiberg M., Dirjec J., 1988a. Paleolitsko najdišče Divje babe I v dolini Idrijce. Ljubljana.

Turk I., Kogovšek J., Kranjc A., Dirjec J., 1988b. Fosfati in tanatomasa v sedimentih iz jame Divje babe I//Acta carsologica, XVII(1988). Ljubljana.

Turk I., Dirjec J., Strmole D., Kranjc A., Čar J., 1989. Stratigraphy of Divje Babe I//Razprave IV. Razreda SAZU, XXX. Ljubljana.

Turk I., Dirjec J., Debeljak I., Huber D., 1992. Divje habe I — poskus uporabe statistične analize množičnih živalskih ostankov v paleolitski arheologiji//Archeoloski vestnik Ljubljana. № 43.

Turg A., Geneste J.-M., Jabert J., Lenoir M., Meignen L., 1990. Les Moustériens charentiens du Sud-Ouest et du Languedoc oriental: approche technologique et variabilite geographique//Les Moustériens Charentiens, resumes des communications de colloque international. Brive-la Chapelle-aux-Saints.

Dieter Mertens. Der alte Heratempel in Paestum und die archaische Baukunst in Unteritalien. Deutsches Archäologisches Institut, Röm. Sonderschrift. B. 9. XVIII + 193 S. 92 Abb. 4 Farbbildungen. 92 Taf. 17 Beil. Philipp von Zabern. Mainz am Rhein, 1993

Монография посвящена одному из самых прославленных храмов Древней Греции, обозначаемому в современной литературе как I храм Геры. Он расположен на южном священном участке в центре Пестума (греческой Посейдонии), дочерней колонии ахейского Сибариса на берегу Тирренского моря.

Книга состоит из предисловия, общего резюме, четырех основных частей (которые в свою очередь делятся на разделы) и обширного приложения. В первой части дано описание строительства и реконструкции храма. Подробно разобраны сооружение фундаментов, стереобата, постановка и характеристика колонн, перекрытия, терракотовой крыши, ее реконструкции и ремонтов, рассмотрена также целла, ее части и следы ее стен. Изложены сведения о материалах постройки и технике строительства. После наблюдений о концепции планировки храма следует история строительства и его хронология, посвящения богине Гере и предполагаемой процедуре богослужения. Во второй части храм Геры рассмотрен в рамках архитектуры его времени. В третьей части сделаны наблюдения и выводы о греческом архитектурном ландшафте в метрополии и западных колониях периода архаики. Четвертая часть посвящена месту храма Геры в истории архитектуры. В приложениях даны общие

© Ю. Е. Чистяков, 1995 г.

обмерные планы, виды и разрезы с четырех сторон, планы реконструкции, а также планы храмов западной Греции.

Поразивший европейских путешественников, величественный храм первоначально воспринимался как «портик» или стоя и назывался базиликой. Только в 1899 году R. Koldeway и O. Puchstein, произведя обмеры и геодезическую съемку, правильно определили его как храм. Последующие исследования 1927 г. (V. Spinazzola), 1933, 1941, 1955 (P. Sestieri), 1957 гг. (F. Krauss) дали много нового для понимания этого памятника. С 1967 г., с перерывами, над храмом работал сам автор, Дитер Мертенс, под эгидой Германского Археологического института в Риме.

Ранний храм Геры — дорический периптер, имеющий 9×18 колонн по периметру, они окружают целлу, разделенную на два нефа средним рядом колонн, из которых на месте стоят только три. Пронаос с двумя антами в виде квадратных столбов с капителями, перед которыми 3 колонны, отделен от наоса стеной, как и адитон с другой стороны.

Выявлены три фазы существования храма, причем первая и вторая фазы стали известны только благодаря раскопкам фундаментов внутри целлы. Изучение строительных остатков и керамики из разведочных шурфов, заложенных во многих точках, дает картину первой фазы (около 550 г. до н. э.).

В скальном материке были вырыты котлованы для фундаментов наружной колоннады и целлы, заполненные потом чистым желтым морским песком, что создало ровную постель для точной укладки квадров. При этом наиболее широкие и мощные фундаменты были созданы для колонн по периметру, замыкавшему целлу, менее сильные — под стены целлы, и среднее положение в этом смысле у фундаментов под колоннами целлы. На фундаментах по периметру был выведен стереобат из трех ступеней. Равновеликие пронаос и опистодом замыкались с востока и запада тремя колоннами. По оси наоса намечались 8 колонн, делящих его на два нефа. Перед стеной, отделяющей опистодом от наоса, должна быть одна колонна.

Вскоре произошли изменения в планировке целлы и наступил перерыв в строительстве. Для точной абсолютной датировки этого нет стратиграфических данных. В этой второй фазе планировки исчезает колонна перед стеной, отделяющей опистодом от наоса, ориентированного на восток, а уровень его пола уступами поднимается в западном направлении. Непосредственно после установки колонн перед восточным фасадом целлы продолжается с востока на запад возведение наружной колоннады.

Окончательный план выразился в том, что вместо трех колонн перед опистодомом сооружается гладкая стена, превращающая его в адитон, в котором, по-видимому, было два прохода, как в пронаосе. В наосе не возводится последняя, восьмая колонна ряда, а последний, шестой пролет существенно расширяется — на 1 м. В наосе повышается уровень пола. Продолжается развернутое возведение последнего отрезка западной стены периптера, где отчетливо контрастируют колонны с богато орнаментированными капителями.

Внешний вид храма может быть восстановлен почти полностью по его теперешнему состоянию и сохранившимся строительным остаткам.

Наиболее впечатляющее зрелище представляет, конечно, его удивительная колоннада. Барабаны колонн, как и все квадры фундаментов, стереобата и другие части постройки вырублены из местного крупнозернистого известняка — травертина. На стволах колонн сделано по 20 каннелюр. На поставленных уже колоннах сначала обрабатывалась их поверхность. Уже после этого производилась выемка из ствола колонны желобков каннелюр. На колоннах периптера и целлы здесь впервые в греческой архитектуре появляется энтазис. Средняя высота колонн 6,468 м. Колонны уклоняются от вертикали в наружную сторону, прежде всего на запад.

На своих местах стоят 50 колонн по периметру храма. Их капители сделаны из травертина, только эхин угловой юго-восточной колонны — из песчаника, так же как и эхины трех капителей в пронаосе и у обеих восточных колонн целлы, а также украшения перекрытия. Таким образом, в этом храме, как и во всех архаических сооружениях Пестума, для всех элементов постройки, которые должны были быть украшены рельефами, употреблялся мелкозернистый песчаник, совершенно однородный по строению и потому хорошо подходивший для тонких пластических работ. Этот тяжелый камень заготовлялся в 14 км морского пути от Пестума.

При одинаковых размерах поражают вариации во внешнем виде капителей, причем нет никакой системы в распределении их по колоннаде от простейших до сложных форм украшений. Капители колонн, вероятно, были раскрашены. Отдельные следы красной краски находятся в желобках листьев у капителей различных колонн периптера, на одной капители целлы открыты остатки красного и синего пигментов.

Непрерывная курватура эхина образует большое изогнутое плечо, отчетливо подчеркивающее отделение пластики его от геометрической простой формы абака — квадратной плиты в виде квадра.

Архитрав состоит из двух слоев. На простой без украшений несущей балке из известняка лежит, как тения, профиль из более узких блоков песчаника с декором в виде листьев и ов снаружи и с внутренней стороны. Весь архитрав имеет в поперечнике квадратную форму, причем $^2/_3$ общей высоты в 1,14 м составляет несущая балка и $^1/_3$ — тения. Длина несущих балок обычна для таких больших блоков и колеблется от 3,12—3,08 м на продольных южной и северной сторонах храма и 2,87—2,82 на западной и восточной.

Фриз, который, возможно, был исполнен из песчаника, совершенно утрачен. Его следы в некоторых пролетах западной и северной сторон — единственные на него указания.

Средний размер ширины триглифа определяется как 63,7 см, метоп на фронтальных сторонах — 79,3 см, продольных — 91,2 см, а угловых метоп соответственно 1,09 и 1,20 м.

Увенчивающий перекрытие гейсон не сохранился. Немногочисленные каменные блоки, обнаруженные разрушенными вокруг храма без привязки к местам их находок, могут рассматриваться как относящиеся к нему только по аналогии с более поздним (на 20 лет), но очень близким раннему храму Геры храмом Афины в Пестуме.

В руинах храма обнаружено много частей терракотовой облицовки, которая укреплялась по краю крыши на каменной под ней конструкцией. Такой вывод, по мнению Д. Мертенса, можно сделать на основании следов петель на внутренней стороне глиняных облицовочных фартуков.

Среди собранных вокруг храма и хранящихся в музее Пестума элементов крыши известна облицовка гейсона, фрагменты антефиксов в виде цветка, частично от фронтальных сим, частично от концевых калиптеров крыши. По глине, способу формовки и раскраске выделяются фрагменты от более поздних реставраций крыши. Пластины облицовки гейсона прикреплялись бронзовыми гвоздями, один из которых сохранился. На некоторых фрагментах есть процарапанные знаки чисел, служившие нумерацией при монтаже. По-видимому, гейсон был одинаково облицован со всех сторон храма.

Важнейшим украшением края крыши были скульптурные раскрашенные львиные головы, по две на каждой пластине облицовки, а между ними поочередно цветы лотоса и пальметты.

Из скрепленных с симами черепиц, завершающих край крыши, сохранились боковые с отверстиями для крепления к ним антефиксов калиптеров в виде цветка лотоса и пятилепестковых пальметт по обеим от него сторонам, выполненные в легком рельефе.

На фронтальных симах, поднимающихся от углов непосредственно к косому срезу фронтона, вместо львиных голов были наложены омфаловидные трубчатые водосливы с цветами и пальметтами между ними. Среди находок терракоты от крыши из старых раскопок есть фрагмент плиты с лапой грифона или сфинкса, а вместе с симами в виде львиных голов, относящихся к этому храму, найдены фрагменты позднеархаической фигуры сфинкса от акротерия (углового), что прямо позволяет связывать эти фрагменты с храмом. По аналогии с решением оформления углов крыши в других позднеархаических сооружениях Пестума и Метапонта, автор предполагает, что здесь также были помещены сверху фигурные украшения.

Над внутренним профилем триглифного фриза из известняка проходила плоская опора, которая могла бы быть местом окончания стропил. Как в гейсоне храма Афины, они не обязательно связаны с водостоками, а уложены в собственные вырубленные для них в камне пазы, сразу за каменным профилем. Предполагаемые каменные опоры для кассет потолка не касаются их. Пролет на крыше был около 6—6,5 м.

На фрагментах разнообразных терракотовых частей крыши сохранилась раскраска. Они изготавливались большими сериями. Это прежде всего сложной формы продольные и фронтальные симы, скрепленные с черепицами края крыши и связанные с фартуками обкладок гейсона, сформованные в матрицах из отдельных элементов, соединенные в полусыром состоянии и затем обожженные. Различаются также антефиксы в виде цветков на фронтальных симах и на калиптерах края крыши, больше же всего фрагментов соленов, обычных калиптеров и коньковых черепиц.

По всем стилистическим признакам, особенно по выразительным львиным головам и декору из лотосов и пальметт на симах и антефиксах, сооружение крыши и окончание постройки храма может датироваться 520—510 гг. до н. э.

В постройке храма прослежен такой порядок: все существенные решения по размерам воплощались сначала на фронтальной стороне, а потом переносились на продольные.

Основной прямоугольник храма планировался в соотношении 1 : 2 при 80 на 160 футов и символизировался соотношением колонн 9 : 18. Четыре поля одинаковой ширины в 20 футов разде-

лялись на 2×20 для колоннады и 2×20 для обоих нефов целлы, но при этом они были уменьшены на 5 футов в колоннаде, и ширина храма по оси сузилась до 70 футов.

После определения пролета по фронту как $^1/_8$ этой ширины ($70 : 8 = 8^3/_4$) установлен как его половина нижний диаметр колонны — $4^3/_8$. Высота колонны составляет $2^1/_4$ пролета. Впервые здесь пролет понимался как единство пропорций, связанное с важным в дорической архитектуре соотношением $1 : 2^1/_4 = 4 : 9$. Высота перекрытия может быть как $^1/_3$ высоты колонны, а вся высота конструкции равнялась тройной ширине «нормального» фронтального пролета. В соответствии с этими пропорциями изготавливались для отдельных частей постройки модели или шаблоны в натуральную величину. Но это не было механическим размножением элементов, запланированных от размера нормального пролета, а сознательным индивидуальным оформлением отдельных частей, особенно колонн, в неисчерпаемом разнообразии их капителей.

В различиях пролетов на фронтальных и продольных сторонах колонны в их напряженной силе стволов понимались как самостоятельные элементы. Особенно выразительны здесь впервые в высшей степени подчеркнутый энтазис, а также тонко рифленое, подобно одежде, каннелирование. Этим они близки одновременной им по созданию фигурной большой пластике, отмечает Д. Мертенс.

Множество колонн несет на себе перекрытие, необычное для канонической дорической архитектуры. За лишенной украшений несущей балкой вместо обычной тении и регул следует второй слой архитрава, пластичный профиль из песчаника, сразу же пресекающий всякую вертикальную связь между колонной и триглифно-метопным дорическим фризом. Выше снаружи были два профиля гейсона из песчаника, нижний из которых совершенно без рельефа подходил как переход к завершению каменного перекрытия над выступающими верхними краями триглифов и метоп. Храм увенчивался терракотовой облицовкой гейсона и края крыши.

В верхней части его самое большое значение имеет перекрытие с украшенными профилями и пластическим триглифно-метопным фризом, в чем, отмечает Д. Мертенс, еще нет ничего общего с представлением об ордере как главном в дорической архитектуре, характерном и для метрополии, а также для Сицилии. В то же время неправомерно искать здесь родство с ионийскими перекрытиями. Автор видит в этом последовательное развитие фриза, впервые появившегося в каменной архитектуре в старом храме в Пестуме в устье реки Селы. До этого в ранних, VII в. до н. э., дерево-сырцовых на каменных цоколях храмах, проектировавшихся как простые дома или мегароны, и без наружной колоннады, уже были глиняные фризы с фигурными изображениями, как предшествующие формы. В метрополии этому соответствовали «лицевые фризы» в ранних постройках, например в Фермосе, где были еще и раскрашенные глиняные гейсоны. Вместе с сооружением уже каменных перекрытий получают развитие и значительные терракотовые украшения, как в храме Артемиды на о. Корфу, с облицованными фартуками гейсона и высокими симами.

В Среднем и Западном Пелопоннесе триглифный фриз подчиняется такой облицовке, в чем проявляется ослабление дорийского членения перекрытия.

Ранний (или I) храм Геры стоит в южном теменосе Пестума в тесном соотношении с храмом Посейдона (II храм Геры), сооруженным в одном с ним направлении и на одной оси на 80 лет позже, на месте предшествующей постройки. По представлению Р. Сестиери, этой тесной связи обоих храмов могло способствовать почитание в них одной и той же богини — Геры. Аргументируется это большим количеством вотивных статуэток из раскопок. При этом самая важная стратиграфическая находка — серебряный диск с посвятительной надписью Гере из слоя пепла от извержения Везувия в 79 г. Материалы ботроса, сооруженного из блоков, доказывают, что Гера была главной богиней в обоих этих храмах по меньшей мере в четырех ипостасях.

На расстоянии 29,51 м от раннего храма Геры и точно параллельно его восточному фасаду и симметрично по оси был сооружен большой жертвенный алтарь размером 21,6×6,07 м с четырехступенчатой лестницей на высоком подиуме во всю его длину со стенками по продольным сторонам. Но точность размеров, пропорциональность по осям и отстояние от храма позволяют думать о единой с ним постройке как месте культа. Правда, пока не подтверждено находками, что здесь происходили жертвоприношения, хотя их еще можно ожидать. Сооружение алтаря, возможно, произошло около 530 г. до н. э. в связи с изменением плана строительства храма и объяснялось потребностями культа.

Для выяснения вопроса о местонахождении в храме культовой статуи очень важны выводы автора о смысле изменений в третьей фазе строительства здания. Сохранность пола в южном нефе целлы на всю почти его длину и в последней четверти северного нефа, при том, что в пригонке плит нет следов постановки базы статуи, показывает, что она должна была находиться в адитоне, устроенном из опистодома.

Ранний храм Геры около полутысячелетия был действующим. За это время в нем происходили много раз ремонты, прежде всего терракотовой крыши. Очень вероятно, что около 400 г. до н. э., при вторжении в Пестум луканских племен, он пострадал, как и храм Афины. Разрушения и последующие тщательные реставрации на фронтонах и симах из песчаника должны датироваться этим переходным временем.

В римское время к храму была пристроена с восточной стороны сегментовидная лестница, фланкированная двумя статуями, базы которых частично сохранились, что свидетельствует о внимании в это время к древнегреческому храму.

В позднереспубликанское время храм постепенно разрушается, причем настолько, что сброшенные части крыши, как и оставшиеся лежать на своем месте, убирались и могли использоваться где-нибудь в другом месте как материал для фундаментов. В императорскую эпоху храм уже был в руинах. Предположительно тогда систематически разбирался фриз и использовался в других местах, поскольку не найдено ни одного фрагмента из почти 158 м его длины. Возможно, это произошло еще до разборки стен целлы в средние века, когда в строительстве собора в Солерно использовали только известняковые квадры храма. В этом руинированном состоянии храм находится до сих пор.

Первоначальный план старого храма Геры указывает на влияние круга архитектуры северно-западной метрополии, прежде всего на о. Корфу. Но в своем окончательном виде он необычен, оставаясь в схеме старого плана. Здесь, в самом северном ахейском поселении Великой Греции гениальный зодчий добился оптимального решения в архаическую эпоху. Средний ряд колонн для расширения внутреннего пространства обычен для самых древних больших храмов Великой Греции в раннеархаическое время до появления монументальных храмов в метрополии. Но здесь этот старый строительный мотив отличается особенно богатым украшением капителей. Перекрытию широкого пространства также способствовали широкие наружные колоннады, как в храме Артемиды на о. Корфу, но непосредственным образцом мог послужить ахейский храм BI в Метапонте, начатый постройкой около 560 г. до н. э. Нет необходимости видеть здесь и воздействие архитектуры островной Ионии. Так же нет никакой связи с современными каменными храмами Сицилии, заключает Д. Мертенс.

Дорическая капитель с венком из листьев находит древнейшие параллели в Корфу и ее колониях, а также в Спарте и других местах Среднего Пелопоннеса. Бронзовый венок из листьев в Олимпии, вероятно, может быть выведен из микенского прототипа. От капители в Тиринфе начинается дорическая капитель. В прежних центрах микенской Греции, в том же Тиринфе, и прототип антов Пестума, Сибариса, Метапонта.

Что касается терракотовой крыши и архитектурных профилей, то в пелопоннесской метрополии для них нет убедительных моделей. Каменные орнаменты перекрытия получили на месте из развившихся уже терракотовых форм, образцы их в северно-западной Греции, особенно на о. Корфу, а не в Лаконике. Нет здесь связи ни с Коринфом, ни с ионийскими профилями. Каменные профили старого храма Геры находят место в эволюции перекрытий в Великой Греции, начинающейся от древнего храмика на Селе. Таким образом, развитие каменной архитектуры, начатое в зародыше в Пелопоннесе, получило самостоятельный расцвет в южноиталийских городах-колониях, основанных на берегах Ионийского, а потом и Тирренского морей большей частью ахейцами. Изгнанные из Пелопоннеса во время Мессенских войн, они искали там свою новую родину в городах, получивших быстрый экономический рост, обусловивший большой размах строительства, прежде всего сакрального.

Книга Д. Мертенса о старом храме Геры в Пестуме и архаической архитектуре Южной Италии может служить образцом монографического исследования выдающегося памятника архитектуры. На основании скрупулезного изучения самого храма, сохранившихся фрагментов его постройки и сравнения с другими архаическими сооружениями Великой Греции и метрополии, автор убедительно воссоздает картину планировки и строительства этого шедевра древнегреческого зодчества, возможной реконструкции его несохранившейся крыши и показывает значение памятника в истории архитектуры.

В отечественной литературе до сих пор не публиковались столь конкретные сведения об обмерах всех частей храма; сделанные автором наблюдения и выводы заслуживают самого серьезного внимания. Прекрасным дополнением к тексту служат 82 чертежа и рисунка, 95 таблиц с фотографиями и 17 приложений с обмерами каждого камня, планами и разрезами храма, планами других храмов Западной и Великой Греции, выполненные на высоком профессиональном уровне.

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Ю. Е. Чистяков

Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. Ed. by N. Yoffee and J. Clark. The University of Arizona Press. Tucson and London, 1993

В археологической литературе довольно редки примеры публикаций результатов чужих раскопок. Если же это происходит, то это обусловлено, главным образом, двумя причинами: либо выдающимся значением раскопанного, но не опубликованного памятника, либо уважением к личности исследователя, по той или иной причине не опубликовавшего результаты своих полевых исследований. Если говорить о более чем столетней истории археологического изучения памятников Ближнего Востока, то подобного рода публикации были подготовлены и изданы всего несколько раз. На память приходят публикации Г. Шмидтом раскопок Г. Шлимана в Трое (Shmidt H., 1902), Пампелли на Анау (Shmidt H., 1908) и М. фон Оппенхейма на Телль Халафе (Von Oppenheim M. A. S., Shmidt H., 1943), а также публикация М. Корфманном материалов Тильки Тепе из разновременных раскопок В. Белка, Е. Рейли, С. Лейк и Б. Кирсоп (Korfmann M., 1982).

Подобного рода издание, посвященное многолетним трудам советской археологической экспедиции в Северном Ираке, было недавно осуществлено в США. Чем же обусловлен такой повышенный интерес к результатам работ именно отечественной экспедиции, приведший к публикации за рубежом главных итогов исследований в виде отдельной книги?

Для археологии Северной Месопотамии, прежде всего для первобытной археологии этого региона, двенадцатилетние (1969—1980) работы советской экспедиции имели очень важное значение. По сути дела, до исследований советской экспедиции знания археологов о первобытности Северной Месопотамии ограничивались материалами из зондажа Ниневии (Thompson R. S., Mallowan M. E. L., 1933), раскопок Арпачии (Mallowan M. E. L., Rose J. C., 1935), Тепе Гавры (Tobler A. J., 1950), Чагар Базара (Mallowan M. E. L., 1936) и Телль Хассуны (Lloyd S., Safar F., 1945). Считалось, что хассунская культура является самой ранней земледельческой культурой Северной Месопотамии, а на самом эпонимном памятнике удалось проследить процесс становления земледелия и оседлого образа жизни. В результате раскопок, проведенных советской экспедицией в Ираке, история ранних земледельцев на севере Месопотамии была удревнена по меньшей мере на 1500 лет по отношению к хассунской культуре. Были исследованы неизвестные раньше этапы докерамического неолита, прослежены наиболее ранние этапы формирования хассунской культуры, уточнено относительное хронологическое положение хассунской, самаррской и халафской культур, вызывавшее до того разночтения. Среди важных итогов исследований экспедиции тот факт, что была прослежена линия непрерывного культурного развития от начала VI до IV тысячелетия до н. э., от предхассунского времени до убейдской эпохи, отражавшая основные этапы культурно-исторического развития дописьменной истории Северной Месопотамии от достаточно раннего этапа становления производящей экономики вплоть до времени, непосредственно предшествовавшего сложению древнейшей, Шумерской цивилизации. При этом было выявлено относительное соотношение между сменявшими друг друга культурами, а именно дискретное соотношение хассунской и халафской культур и непрерывное, отражавшее процесс аккультурации,— халафской и убейдской культур.

Впервые на достаточно массовом материале была исследована погребальная практика носителей халафской культуры.

До настоящего времени поселения Ярым Тепе 1 и Ярым Тепе 2 являются наиболее широко исследованными памятниками соответственно хассунской и халафской культур.

Наряду со знаменитой Тепе Гаврой поселение Ярым Тепе 3 является наиболее широко исследованным памятником северного убейда, документирующим процесс плавной трансформации халафского материального комплекса в убейдский.

Безусловным вкладом советской экспедиции в исследование первобытных памятников Ближнего Востока можно считать методическое совершенство раскопочной техники и фиксации материала; здесь мы имеем в виду раскопки широкими площадями и фиксацию материала 2,5-метровыми квадратами и 20-сантиментровыми штыками, что раньше в ближневосточной археологии не практиковалось. Исключительно высокое качество полевой техники советской экспедиции было отмечено рядом зарубежных коллег, в том числе и таким авторитетным ученым, посвятившим всю свою жизнь ближневосточной археологии, как Сетон Ллойд (Ллойд С., 1984, с. 78).

© Ш. Н. Амиров, 1995 г.

Наконец, в результате разведочных работ, проводившихся экспедицией в предгорьях и долине Синджара, было выявлено около 50 разновременных памятников, включая палеолитические и самые ранние в Синджарской долине оседлоземледельческие поселения (Мунчаев Р. М., 1984, с. 38).

Результаты многолетних раскопок советской экспедиции в Ираке были освещены в двух монографиях (Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., 1981; Бадер Н. О., 1989) и десятках научных и популярных статей, опубликованных как на русском, так и на английском языках. За рубежом помимо 10 развернутых полевых отчетов в иракском ежегоднике «Sumer» (Merpert N. Y., Munchaev R. M., 1969, p. 125—131) были опубликованы аналитические статьи в таких журналах, как «Iraq» (Merpert N. Y., Munchaev R. M., 1973, p. 93—113), «Das Altertum Heft» и других.

Работа советских археологов была высоко оценена такими авторитетными специалистами, как М. Маллован (Mallowan M. E. L., 1977, p. 91—125), С. Ллойд (Ллойд С., 1984, с. 78), Дж. Меллаарт (Mellart D. J., 1975, p. 141—169), Д. и Дж. Оатс (Oates D., Oates J., 1976).

Идея публикации главных результатов многолетних работ советских археологов в виде единой книги принадлежит профессору Норману Иоффе, работающему ныне в качестве руководителя отдела ближневосточных исследований в Мичиганском университете.

Норман Иоффе был участником двух советско-американских симпозиумов по археологии Ближнего Востока, Центральной Азии и Индии, состоявшихся в 1981 г. в Гарвардском университете и в 1983 г. в Самарканде. Во время этих симпозиумов американская делегация была ознакомлена с последними открытиями, сделанными советской экспедицией в Северном Ираке. Несмотря на то, что часть информации была к тому времени опубликована на английском языке, участникам симпозиума стало ясно, что проведены большие исследования, которые просто еще не известны в полной мере западным ученым, и что «наше понимание ранних этапов месопотамской культуры может быть благодаря им пересмотрено» (рец. изд., с. 1).

В дальнейшем, в ходе специального визита в Москву осенью 1986 г. Н. Иоффе ознакомился с русскоязычными публикациями участников иракской экспедиции, которые, по его словам, были совершенно не известны за пределами нашей страны. Тогда же созрел замысел опубликовать их английские переводы.

В результате издание представляет собой сборник публикаций, раскрывающий некоторые из основных результатов экспедиции, так как, по словам редактора, к сожалению, невозможно перевести все публикации этой команды (рец. изд., с. 4).

Как уже говорилось, работы экспедиции имеют большую библиографию как на русском, так и на английском языках, в том числе и два монографических исследования, которые, безусловно, содержат гораздо больше информации, нежели можно опубликовать в рамках одной книги, однако функциональное различие упомянутых изданий и рецензируемой книги дает свои преимущества последней. Благодаря ей мы можем ознакомиться со всеми раскопанными нашими археологами памятниками в хронологической последовательности в рамках одного издания.

Самым древним из исследованных экспедицией раннеземледельческих памятников было поселение докерамического неолита — Телль Магзалия, датируемое концом VIII — началом VII тысячелетия до н. э. Во второй главе опубликованы краткие результаты четырех полевых сезонов (1977—1980) раскопок этого памятника, для чего была использована статья Н. О. Бадера в «Советской археологии» (Бадер Н. О., 1979, с. 117—132).

Несмотря на открытие на севере Ирака целого ряда памятников докерамического неолита, таких как Джармо, Карим Шахир, нижние слои Шимшары, Магзалия остается одним из наиболее широко исследованных памятников региона. В ходе раскопок было вскрыто около 625 м^2, что составило примерно четвертую часть площади поселения. Автором раскопок были дифференцированы 16 строительных горизонтов. Данная глава содержит топографический план поселения, генеральный стратиграфический разрез, планы двух строительных горизонтов, дающие представление о планировке сооружений в основании и верхней части культурного слоя.

Следующим в хронологической последовательности поселений, демонстрирующих очевидный прогресс производящей экономики, является поселение Телль Сотто, исследованное экспедицией в ходе полевых сезонов 1971—1974 гг. Материалам этого поселения посвящена третья глава издания, которая является переводом статьи Н. О. Бадера, опубликованной в «Советской археологии» (Бадер Н. О., 1975, с. 97—111). Раскопки этого памятника были призваны пролить свет на принципиальную и малоизученную проблему исследования наиболее ранних этапов развития хассунской культуры. На сегодняшний день в данном районе выделяется целый пласт синхронных Телль Сотто памятников,

таких как Шимшара (Mortensen P., 1970), Телуль эт Талятат (Fukai S. et al., 1970), Умм Дабагия (Kirkbride D., 1972, p. 3—15).

Поселение было исследовано на площади 475 м^2 и имело семь строительных горизонтов. Опубликован стратиграфический разрез и план седьмого (нижнего) строительного горизонта.

С целью проверки результатов, полученных на поселении Телль Сотто, в 1975—1976 гг. были проведены раскопки на другом хронологически близком памятнике — Кюль Тепе. Главные итоги этих работ изложены в главе 4, которая представляет собой перевод статьи Н. О. Бадера (Бадер Н. О., 1982, с. 50—57). Само поселение — это небольшой телль, имеющий культурный слой около 2,5 м, где были выделены четыре строительных горизонта. Поселение было исследовано на площади 125 м^2. В данной главе опубликован стратиграфический разрез и план первого строительного горизонта.

В пятой главе опубликован перевод одного из разделов книги Н. О. Бадера (Бадер Н. О., 1989, с. 346—356). Он посвящен итогам работ советской экспедиции на памятниках, характеризующих наиболее ранние ступени производящей экономики (Магзалия, Телль Сотто, Кюль Тепе), которые позволили проследить эволюцию культуры Северной Месопотамии вплоть до эпохи, предшествующей этапу архаической хассуны.

Глава 6 посвящена памятнику, наиболее широко исследованному экспедицией, а именно хассунскому поселку Ярым Тепе 1. Этот памятник остается до настоящего времени наиболее широко и планомерно исследованным поселением хассунской неолитической культуры VI тыс. до н. э. Всего на поселении было вскрыто 1700 м^2, на материк выведено 400 м^2. В ходе раскопок были выделены 12 строительных горизонтов.

Для данной главы были использованы две совместные статьи Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева, опубликованные в английском журнале «Iraq» (Merpert M. Y., Munchaev R. M., 1973, p. 93—113).

Ярым Тепе 1 был одним из основных объектов работы экспедиции. Результатом многолетней раскопочной кампании, в частности, явился очень большой объем полевой документации, что нашло отражение и в рецензируемом издании. Так, опубликованы планы 8 из 12 строительных горизонтов и генеральный стратиграфический разрез, который по досадной случайности помещен в разделе, посвященном халафскому поселению Ярым Тепе 2.

Большим достоинством опубликованного в данной главе материала является тот факт, что здесь равновелико представлена информация как о верхних, так и о нижних слоях данного памятника.

Выделению архаической фазы в хассунской культуре на материале нижних слоев Ярым Тепе 1 посвящена глава 7 книги, которая представляет собой перевод статьи Н. Я. Мерперта, опубликованной в сборнике «Археология Старого и Нового Света» (Мерперт Н. Я., 1982).

Архаический этап в хассунской культуре был выявлен С. Ллойдом и Ф. Сафаром в результате раскопок эпонимного памятника культуры поселения Телль Хассуна (Lloyd S., Safar F., 1945, p. 255—289). Долгое время этот памятник оставался единственным, где было отмечено это принципиальное стратиграфическое разделение материального комплекса хассунской культуры на архаический и стандартный этапы.

Стратиграфический анализ слоя Ярым Тепе 1 позволил полностью подтвердить выводы, полученные в результате раскопок Телль Хассуны.

Другим наиболее широко исследованным советской экспедицией памятником было поселение халафской культуры V тысячелетия до н. э.— Ярым Тепе 2. Данный памятник был исследован на площади 500 м^2. Было выделено девять строительных горизонтов. Подобно главе, посвященной раскопкам Ярым Тепе 1, данная глава 8 использует соответствующие разделы из двух вышеупомянутых совместных статей Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева (Merpert N. Y., Munchaev R. M., 1973; 1987).

Халафским слоям Ярым Тепе 3 посвящена глава 9 данного издания. Эта глава, возможно, представляет наибольший интерес, поскольку этот материал, перепечатанный из иракского ежегодника «Sumer» (Merpert N. Y., Munchaev R. M., 1984, p. 54—68), не публиковался по-русски, а соответствующий номер ежегодника по причинам политического характера является труднодоступным для читателей.

Ярым Тепе 3 является наиболее крупным памятником из группы теллей Ярым Тепе, он имеет диаметр 225 м и высоту 10 м над уровнем равнины. Раскопки памятника проводились в 1977—1980 гг. Была вскрыта площадь примерно 600 м^2. Культурный слой исследован на глубину 7 м. Материк был достигнут в одном месте, в шурфе, заложенном у основания телля. Было установлено, что мощность культурного слоя достигала 12 м, при этом нижние 8 м принадлежали халафской культуре, а верхние 4 м — убейдской культуре.

Особый интерес представляет соотношение двух наиболее близко расположенных памятников — Ярым Тепе 2 и Ярым Тепе 3. Дело в том, что южная граница Ярым Тепе 3 сливается с северо-западной

частью Ярым Тепе 2, а материал из раскопанной части Ярым Тепе 3 является синхронным материалу из верхних слоев Ярым Тепе 2, что говорит об одновременном существовании двух поселков или двух противопоставленных друг другу частей одного поселка в халафское время.

Принципиальный интерес представляет отсутствие какого-либо разрыва между халафской и убейдской частями культурного слоя памятника, что вслед за Тепе Гаврой продемонстрировало эволюционный характер развития халафского керамического комплекса и аккультурацию его убейдской керамикой, результатом чего явилось оформление североубейдской культуры.

В данной главе опубликованы планы трех строительных горизонтов халафской части культурного слоя памятника.

Халафскую тему данного издания продолжила глава 10, посвященная погребальной практике халафских племен. Данная глава представляет собой перевод статьи Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева, опубликованной в сборнике «Археология Старого и Нового Света» (Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1982а, с. 28—49). Экспедицией было исследовано около 70 халафских погребений; 50 из них, преимущественно детских, были обнаружены непосредственно на поселении, в культурном слое Ярым Тепе 2, и около 20 захороненных — в специальном некрополе, впущенном в культурный слой расположенного неподалеку хассунского памятника Ярым Тепе 1. Таким образом, советской экспедицией было исследовано больше халафских погребений, чем на всех прочих изученных ранее халафских памятниках, вместе взятых. В данной главе воспроизведены чертежи и фотографии 10 погребений.

Слоям убейдской культуры на поселении Ярым Тепе 3 посвящена глава 11 данного издания, она представляет собой перевод статьи Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева, опубликованной в «Советской археологии» (Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1982б).

До раскопок Ярым Тепе 3 североубейдская культура была исследована на достаточно широких площадях всего на двух поселениях Северной Месопотамии, а именно в Тепе Гавре (слои XVIII—XII) и Арпачии (слои TT1—4), причем эволюционный характер соотношения материальных комплексов двух культур был наиболее отчетливо прослежен именно в Ярым Тепе 3. В данной главе опубликованы планы четырех строительных горизонтов.

Глава 12 книги посвящена металлическим находкам, сделанным в ходе раскопок Ярым Тепе 1 и Ярым Тепе 2, а также Телль Сотто. В данной главе содержится послойный список находок из трех памятников и таблица химического анализа указанных предметов, что суммирует все обнаруженные на упомянутых памятниках находки металлических изделий. В данной главе содержится оценка сделанных находок металлических предметов в контексте ранней металлургии Западной Азии. При этом данная глава не претендует на то, чтобы дать всю информацию о данном предмете, она была написана как приложение к монографии Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта и соответственно была опубликована в 1981 г. (Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., 1981, с. 307—316). Поэтому в нее не включены даже находки металлических предметов из Магзалии.

В главе 13, которая представляет собой перевод статьи Р. М. Мунчаева (Мунчаев Р. М., 1984, с. 38—45), содержится краткий обзор исследований и главных результатов работ советской экспедиции в Северном Ираке и их места в общем контексте изучения проблемы происхождения и развития производящей экономики на Ближнем Востоке.

Заключительная глава 14 книги, которая называется «Месопотамские сферы взаимодействия», написана одним из редакторов издания Н. Иоффе, но, по словам автора, она дана не в качестве заключения редактора, а для того, чтобы показать, какие интерпретационные возможности открываются благодаря многолетним русским работам на Ближнем Востоке (рец. изд., с. 6). Автор использовал методику исследования сфер взаимодействия, предложенную и апробированную Дж. Колдуэллом на североамериканском материале (Caldwell J. R., 1964, p. 133—143), применительно к ситуации в Месопотамии, при этом основывал свои выводы об этнокультурной ситуации в преисторическое время на материалах, исследованных советскими археологами.

Институт археологии РАН,
Москва

Ш. Н. Амиров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер Н. О., 1975. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто//СА. № 4.
Бадер Н. О., 1979. Телль Магзалия: Раннеземледельческий памятник на севере Ирака//СА. № 2.
Бадер Н. О., 1982. Некоторые результаты работ на раннеземледельческом поселении Кюль Тепе в Северном Ираке//Археология Старого и Нового Света. М.
Бадер Н. О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Ллойд С., 1984. Археология Месопотамии. М.
Мерперт Н. Я., 1982. К вопросу о архаическом этапе хассунской культуры//Археология Старого и Нового Света. М.
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1982а. Погребальный обряд племен халафской культуры//Археология Старого и Нового Света. М.
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1982б. Поселение убейдской культуры Ярым Тепе 3 в Северной Месопотамии//СА. № 4.
Мунчаев Р. М., 1984. Некоторые проблемы археологии Месопотамии в свете новейших исследований//КСИА. Вып. 180.
Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.
Caldwell J. R., 1964. Interaction Spheres in Prehistory//Hopewellian Studies ISMSP. 12. Springfield.
Fukai S., Hariuchi K., Matsutani T., 1970. Telul eth Thalatat. The excavation of Tell 2. Tokio.
Kirkbride D., 1972. Umm Dabaghiyah 1971: a preliminary report//Iraq. V. 34.
Korfmann M., 1982. Tilki Tepe: die Ersten Ansätze prahistorisher Forshung in der Östlichen Turkei. Tübingen.
Lloyd S., Safar F., 1945. Tell Hassuna Excavations by Iraq Goverment Directorate General of Antiquities in 1943-1944//JNES. V. IV. № 4.
Mallowan M. E. L., 1936. Excavations at Chagar Bazar and archaeological survey of the Habur region 1934-1935//Iraq. V. 3.
Mallowan M. E. L., 1977. Mallowan's Memoirs. London.
Mallowan M. E. L., Rose J. C., 1935. Excavations at Tell Arpachiyah, 1933//Iraq. V. 2.
Mellaart D. J., 1975. Neolithic of the Near East. London.
Merpert N. Y., Munchaev R. M., 1969. Excavations at Yarim Tepe. First preliminary report//Sumer. V. 25 (и последующие публикации в ежегоднике «Sumer»).
Merpert N. Y., Munchaev R. M., 1973. Early Agricultural Settlements in the Sinjar Plain, Northern Iraq//Iraq. V. 35.
Merpert N. Y., Munchaev R. M., 1984. Soviet Expeditions Research at Yarim Tepe 3 Settlement in Northwestern Iraq 1978-1981//Sumer. V. 43.
Merpert N. Y., Munchaev R. M., 1987. The Earliest Levels at Yarim Tepe 1 and Yarim Tepe 2 in Northern Iraq//Iraq. V. 49.
Mortensen P., 1970. Tell Shimshara. The Hassuna period. København.
Oates D., Oates J., 1976. The Rise of Civilization. Oxford.
Schmidt H., 1902. Heinrich Schliemann's Sammlung Trojanischer Altertümer.
Schmidt H., 1908. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv//Prehistoric Civilizations of Anau. V. 1. Washington.
Thompson R. S., Mallowan M. E. L., 1933. The prehistoric Sondage of Nineveh 1931—1932//Annales of Archaeology and Anthropology. Liverpool. V. 20.
Tobler A. J., 1950. Excavations at Tepe Gawra. V. 2. Philadelphia.
Von Oppenheim M. A. S., Shmidt H., 1943. Tell Halaf. V. 1: Die Prahistorichen Funde. Berlin.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1994 г. в престижном археологическом журнале «Антиквити» (Antiquity, 1994, 68, p. 882—885) была опубликована рецензия видного английского археолога, известного специалиста по археологии Месопотамии — Джоан Оатс, посвященная той же самой работе, что и приведенный выше обзор Ш. Амирова. И весьма знаменательно то, что мнение маститой исследовательницы из Англии и точка зрения молодого российского ученого на книгу «Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization: Soviet excavations in Northern Iraq» (Tucson and London: University of Arizona Press, 1993) почти полностью совпадают.

«Доистории Северной Месопотамии,— пишет Дж. Оатс,— родины Хассуны и Халафа, до сих пор уделялось очень мало внимания, несмотря на ее важную роль в формировании основ месопотамской цивилизации. До недавних времен исследования в Месопотамии были направлены на изучение проблемы происхождения земледелия, причем северной месопотамской равнине отводилась при этом явно периферийная роль, тогда как главные раскопки велись на юге региона, где, как считалось, впервые появились самые ранние города, письменность и т. д. Британская археология всегда была ведущей в исследованиях на севере Месопотамии, но с некоторых пор отдала эту роль советской экспедиции из Института археологии в Москве, а та провела в жизнь научную программу, заметно изменившую наше представление о месопотамском неолите».

Данное высказывание тем более ценно, что именно английские археологи — супруги Дэвид и Джоан Оатс — были первыми наставниками и консультантами советских археологов в Северной Месопотамии. Кстати, район Ярым-тепе был рекомендован нашей экспедиции именно англичанами, работавшими на близлежащем ассирийском памятнике Телль-эль-Римах.

«В целом,— продолжает Дж. Оатс,— шесть памятников, раскопанных советской экспедицией, внесли существенный вклад в общее понимание неолитического периода в Северной Месопотамии.

Кроме того, тот факт, что целых 12 полевых сезонов были посвящены этому грандиозному предприятию, и то, что данные памятники были раскопаны достаточно широко и в пространственном, и в вертикальном отношении, означало для нас впервые приобретение обширной социальной и экономической информации из великолепного стратиграфического контекста. Стратегия многолетних и интенсивных раскопок доказала свою правоту, факт, который, возможно, будет оценен по достоинству на фоне многих других современных скоротечных программ, не способных в принципе дать сколько-нибудь сопоставимых результатов».

Можно добавить в заключение, что именно советские археологические исследования в Синджарской долине на северо-западе Ирака позволили привести в систему, упорядочить многие известные до того разрозненные факты по Северной Месопотамии, а это позволило в свою очередь перейти от общих схематических построений и характеристик отдельных археологических комплексов к изучению исторических процессов в регионе от эпохи мезолита и до порога шумерской цивилизации.

В. И. Гуляев

M. H. Munn. The Defence of Attica. The Dema Wall and the Boiotian War of 378—375 B. C. Berkley; Los Angeles; Oxford, University of California Press, 1993. 229 p., 43 figs.

Рецензируемая книга посвящена проблемам защиты сельскохозяйственной территории (хоры) Афин в классическую эпоху. Она состоит из 4 частей, каждая из которых подразделяется на несколько глав: часть I носит название «Введение» и имеет подзаголовок «Изучение аттической фортификации», часть II — «Стена Дема», часть III — «Беотийская война» с подзаголовком «Защита Аттики. 378—375 гг. до Р. Х.», наконец, часть IV носит общий заголовок «Постскриптум» и подзаголовок «Защита Аттики в четвертом веке». Кроме того, в книге имеется несколько дополнений, в которых детально исследуются некоторые частные вопросы, имеющие, однако, важное значение для системы доказательств автора. Монография снабжена несколькими указателями и некоторым количеством иллюстраций.

Центральное место в книге занимает исследование и интерпретация так называемой стены Дема, однако, отталкиваясь от результатов этого анализа, М. Манн создает большую и достаточно интересную концепцию истории аттической фортификации, специально предназначенной для защиты хора этого полиса. Поскольку работа имеет ярко выраженный концептуальный характер, то представляется более правильным в рецензии изложить содержание книги не в соответствии с тем планом, которому следовал автор, а в соответствии с логикой его исследования.

Как мы уже отмечали, главное место в работе занимает анализ так называемой стены Дема. Это монументальное фортификационное сооружение достаточно загадочно, отчасти и потому, что ни в одном письменном (нарративном или эпиграфическом) источнике оно не упоминается. Остатки стены неоднократно описывались исследователями. Наиболее ценным из этих описаний является то, которое было выполнено Дж. Джоунзом, Л. Сакеттом и К. Эллиотом (Jones J. E. et al., 1957, p. 152—189). Особую ценность этой работе придает то, что описание стены было выполнено тогда, когда еще не произошла интенсивная застройка в этом районе и стена имела много лучшую сохранность, чем сейчас. Дема на новогреческом языке означает «связь», и эта стена, действительно, связывает два холмистых района (Эгалеос и Парнасс), перегораживая долину, ведущую из района Элевсина не только к Афинам, но и вообще к внутренней территории Аттики, наиболее густо населенной и наиболее плодородной. Район же Элевсина был легко достижим с Коринфского перешейка и от Киферона (Беотия). Таким образом, эта стена перекрывала путь с самого опасного оперативного направления, где могли появиться войска как Спарты, так и Фив. Только недавно была установлена примерная дата возведения этой стены. Было доказано, что эта стена существовала в классическое и эллинистическое время.

© Г. А. Кошеленко, 1995 г.

Автор детально описывает устройство стены Дема, опираясь при этом как на собственные наблюдения, так и на отчеты исследователей, ранее работавших над этой проблемой. Общая длина этой стены 4360 м. Основная часть ее имеет протяженность 2950 м, именно эта стена перекрывает долину. Вторая же ее часть проходит севернее, и она уже находится на холмах. Очень большое различие наблюдается в качестве кладки между основной и северной частью стены. Если основная часть сложена очень тщательно, то северная — весьма небрежно. Направление стены не строго прямое, а несколько напоминающее меандр. По наблюдению автора, стена очень хорошо спланирована, ее направление представляет собой «баланс между самой короткой линией и максимумом преимуществ позиции для защищающихся от врага, идущего с запада».

Стена состоит из отдельных не связанных друг с другом секций. Северное окончание каждой из них немного выдается вперед (на запад), несколько перекрывая южный край соседней секции таким образом, что между двумя секциями возникает небольшая калитка, имеющая ширину около 1 м. Кроме того, имелось трое ворот с шириной 2—3 м. Двое из них сохранились, третьи полностью разрушены, они, по мнению автора, находились там, где сейчас проходит автострада и железная дорога.

Секции имеют различную протяженность: в самой низкой части (в долине) каждая из них равна 29 м, выше (на склонах) — 65 м. Секции различаются не только протяженностью, но и устройством. Секции, расположенные на равнине, имеют ширину 3 м, высоту 2 м и парапет шириной 0,6 м. На склонах толщина стены около 2 м, высота 1,5 м. На всех участках стены имеются с восточной стороны подъемы и лестницы. Кроме того, на тех участках стены, которые расположены на склонах, имеются выложенные из камня пандусы, ведущие наверх, к господствующим высотам.

Автор считает (и, видимо, вполне обоснованно), что эта стена представляла собой укрепление, имеющее фортификационное значение только в том случае, если его защищает большая полевая армия, а не относительно небольшой гарнизон. Автор также обращает внимание в этой связи на отсутствие помещений для гарнизона, а также на тот факт, что с этой стеной не связан никакой из теперь уже хорошо известных так называемых «гарнизонных фортов» Аттики. Внимательный анализ всех фортификационных особенностей стены Дема приводит его к выводу, что эта стена могла успешно защищаться только при наличии на ней и за ней значительных сил обороняющихся, состоящих из всех родов войск: тяжеловооруженных пехотинцев (гоплитов), средней пехоты (пельтастов), вооруженных копьем и мечом, но имеющих более легкий, по сравнению с гоплитами, оборонительный доспех (меньший щит и кирасу не бронзовую, а из нескольких слоев ткани), легковооруженных (пращников и лучников) и конницы. Оборона стены могла быть успешной только в том случае, если она была активной, т. е. помимо борьбы на стенах сопровождалась постоянными вылазками, для чего предназначались многочисленные калитки. М. Манн саму многочисленность калиток считает наиболее показательной чертой конструкции стены. Устройство этих калиток таково, что их для этих целей не могли использовать гоплиты, но только пельтасты. При этом необходимо иметь в виду не только сам тип вооружения, но и необходимость того, чтобы это были хорошо тренированные и высокодисциплинированные воины, вероятнее всего пельтасты-профессионалы, т. е. воины-наемники. Стена явно создавалась тогда, когда в греческих армиях пельтасты стали занимать важное место. Помимо аргументов, приведенных автором, см. также (Маринович Л. П., 1975, с. 54—72), где доказано, что в источниках того времени практически всегда, когда упоминаются пельтасты, имеются в виду именно наемники.

Опираясь на выводы Дж. Андерсона относительно специфики каждого из родов войск в армиях древней Греции этого времени (Anderson J. K., 1970), М. Манн утверждает, что, с другой стороны, одни пельтасты не могли бы защитить эту стену, если бы ее стремилась преодолеть вражеская армия, состоящая из гоплитов, поддержанных легковооруженными и пельтастами. В силу этого необходимо признать, что в защите стены Дема должны были принимать участие и гоплиты, сражаясь как перед стеной, так и на самой стене. Точно так же необходимо признать наличие здесь и кавалерии, задачей которой была защита флангов и разведка территории перед стеной. Широкие ворота предназначались именно для прохода гоплитов и конницы. Окончательный вывод автора состоит в том, что стена Дема представляет собой именно полевое укрепление, рассчитанное на то, что за ним и перед ним будет сражаться армия, состоящая из всех родов войск. При этом такая армия должна была насчитывать несколько тысяч гоплитов и соответствующее число пельтастов (также тысячи), несколько сот кавалеристов и легковооруженных.

Весь этот анализ подводит автора к вопросу о том, когда и при каких обстоятельствах могла быть создана эта оборонительная система. Он исходит из того, что в Греции IV в. уже хорошо

сознавалось различие между долговременными укреплениями городов и крепостей, с одной стороны, и полевыми укреплениями — с другой (см. Plato., Legg., 778 d-e). Поскольку автор считает стену Дема одним из самых ярких образцов именно полевых укреплений, он продолжает свое исследование в трех направлениях: собственно археологическом, пытаясь датировать эту стену сколь возможно более точно, историко-стратегическом, выявляя различия в тех концепциях, которыми руководствовались Афины на разных этапах своей истории в защите своей сельскохозяйственной территории (хоры), наконец, конкретно-историческом, пытаясь выявить тот момент, когда создались такие условия, которые бы вынудили афинян построить именно это фортификационное сооружение.

Собственно археологическое исследование посвящено датировке кладки стены, анализу археологического материала (весьма, впрочем, немногочисленного) из заполнения стены и анализу истории дома, существовавшего какое-то время рядом со стеной.

Для даты стены на основании системы кладки предлагается дата — классическая эпоха, точнее, конец V—IV в. до Р. Х. Однако надо помнить, что эта дата — весьма широкая. Из самой стены был извлечен, в сущности, только один датируемый предмет — чернолаковая солонка, анализу которой М. Манн посвящает отдельное «Приложение». Он стремится доказать, что этот сосуд датирует время строительства стены в достаточно узких пределах: не ранее чем последняя четверть V в., но — вероятнее всего — начало следующего века. С его точки зрения, определенное подтверждение и даже сужение даты возможно благодаря выяснению даты строительства дома, остатки которого были найдены рядом со стеной (на расстоянии 15 м от нее). Этот дом важен в том отношении, что он также дает определенные хронологические указания, поскольку он не мог существовать тогда, когда стена функционировала. Дом был возведен в конце V в. (можно предполагать более узкую дату — в период Никиева мира). Затем он был разрушен и восстановлен когда-то вскоре после 350 г. Однако и на этот раз его существование было коротким. Таким образом, время, когда стена была построена и функционировала, и на основании этих данных также может быть отнесено к первой половине IV в.

Историко-стратегический анализ М. Манн начинает с совершенно справедливого указания на то, что для изучения проблемы защиты сельскохозяйственной территории древней Греции основной материал представляет хора Афин — Атика. Эта проблема была объектом исследований большого числа ученых, среди которых он особо выделяет исследования Вреде В. (Wrede W., 1993), Ж. Пуйу (Pouilloux J., 1954), Мак Креди Дж. (McCredie J. R., 1966), Обера Дж. (Ober J., 1985), Лаутера Х., Лаутер-Бюфе Х. и Ломанна Х. (Lauter H. et al., 1989). Можно согласиться с М. Манном в том, что каждая из этих работ внесла очень большой вклад в изучение проблемы сельской фортификации Аттики. Важнейшим достижением в этой сфере исследований является то, что все те укрепления, расположенные на сельской территории Аттики, которые были открыты, главным образом, в предыдущем веке, и датированные тогда весьма неопределенно (чаще всего как «пеласгические» или «элладские»), теперь получили много более точные даты. По мнению автора, изучение аттических сельских укреплений (а также сельских укреплений древней Греции, вообще) перешло на новый уровень. Теперь проблема ставится по-другому: исследователи хотят знать, как эта фортификация функционировала, но не в узко техническом смысле, а в более широком, в связи со всем комплексом условий жизни общества того времени: военными, экономическими, социальными и т. д.

Свое собственное исследование М. Х. Манн начинает с достаточно тривиального ныне утверждения о коренном отличии отношения афинян к защите своей сельской территории в IV в. до Р. Х. по сравнению с тем, что было типично в предыдущем столетии (Ober J., 1985, p. 51—66; Garlan Y., 1974, p. 66—86). Как известно, в V в. стратегия Афин (что столь ярко проявилось в ходе Пелопоннесской войны) строилась на концепции отсутствия необходимости защищать свою сельскую территорию. Аттика была отдана спартанцам и их союзникам на разграбление, поскольку превосходство спартанской сухопутной армии было подавляющим и руководители Афин не хотели потерять огромное количество граждан в безнадежных сражениях. Все население, обитавшее в хоре, было собрано в Афинах и Пирее. Главная тяжесть борьбы со спартанцами была возложена на афинский флот.

Иная ситуация сложилась в IV в. Мы знаем, что в это время один из членов коллегии стратегов специально отвечал за защиту сельской территории. Хотя эпиграфические документы говорят об этой должности с 352 г. (IG II 2, 204 ср. Aristot. Ath. Pol. 61, 1), совершенно несомненно, что она была создана гораздо раньше. Имеющиеся (весьма разнообразные) свидетельства источников говорят о том, что проблема защиты сельской территории имела огромную актуальность и активно обсуждалась как в официальном русле, так и неофициально — в трудах теоретиков (см., например, Xenoph., Memorab. III, 5, 25 сл., III, 6, 10 сл., Arist. Polit., 1326b — 1327a, Rhetor 1360a и т. д.). Именно в

IV в. институт эфебии приобрел ту свою форму, которую мы хорошо знаем — служба молодых граждан по охране границы в течение двух лет. Этот институт столь хорошо организован и столь известен, что иногда создается впечатление, что он существовал всегда. Однако в действительности он был создан только в IV в.

В связи с этим встает вопрос о том, как же осуществлялась эта защита территории. Наиболее распространенный сейчас вариант объяснения: основная роль принадлежит тем фортам, которые были построены на сухопутных и морских границах Аттики: Элевсин, Панактон, Ойны, Элевтеры, Фила, Ороп, Афидна, Рамнунт, Сунион, Торик, Анафлистос. Было также несколько более эфемерных и более мелких фортов. Однако М. Манн доказывает, что эти форты не могли играть той роли, которую им обычно приписывают. Считается, что они составляли единую систему, задачей которой было — перекрывать дороги, ведшие в Аттику (естественно, имеются в виду дороги, шедшие от Истма и из Беотии).

Возражения автора рецензируемой книги базируются на нескольких соображениях. Прежде всего эти форты не могли составлять единую систему, поскольку все они разновременны: некоторые из них были созданы еще до Пелопоннесской войны, некоторые во время этой войны и некоторые после ее окончания, уже в IV в. Второе возражение относится к истории формирования этой концепции. Проследив ее развитие, он показал, что первым сформулировал ее принципы полковник В. Лик, действовавший в начале XIX в. на территории Греции (Leake W. M., 1841), тогда еще принадлежавшей Турции, как военный разведчик. Именно его взгляды, отражавшие представления военных специалистов начала прошлого века, стали базой для всех последующих концепций о формах защиты аттической территории. Наконец, третье возражение состоит в том, что только два из упомянутых фортов могли физически выполнить эту предписываемую им задачу, действительно перекрывая дороги, ведущие в Аттику.

Анализ письменных источников приводит автора к выводу, что эти форты выполняли в военное время ту задачу, которая была возложена на укрепленный район Афины — Пирей, т. е. служили «пассивным» убежищем для аттического населения в момент внезапного нападения врага. Аттика по античным масштабам была очень большой страной и поэтому нуждалась в ряде убежищ, которые в условиях обычного полиса выполнял один городской центр, снабженный укреплениями. В мирных условиях эти форты также играли достаточно важную роль, поскольку они были расположены в приграничных районах, где постоянно совершались мелкие нарушения границ, в частности, со стороны Беотии. Несмотря на всеобщие призывы к общегреческому миру древняя традиция, считавшая всякого иностранца врагом, а территорию соседей — естественным объектом для грабежа, была очень сильна и жизненна. В силу этого начиная с IV в. граница Афин постоянно патрулировалась отрядами эфебов, а форты были теми операционными базами, на которые они опирались.

Таким образом, как считает М. Манн, стена Дема никак не связана с аттическими фортами, и причины ее строительства должны быть иными, нежели фортов.

Конкретно-историческое исследование автор строит из анализа так называемой Беотийской войны 378—375 гг. до Р. Х., ведшейся между Спартой и ее союзниками, с одной стороны, и объединенными силами Фив и Афин — с другой. Он отмечает, что это была первая в Греции война, когда в широких масштабах стали использоваться полевые укрепления для войск, что надежно засвидетельствовано письменными источниками, в том числе таким автором, как Ксенофонт, весьма опытным в военном деле. Эти полевые укрепления создавали афиняне и фиванцы, поскольку, даже объединив свои силы, они в это время были еще слабее спартанцев, армия которых и числом и умением превосходила их силы. Кроме того, М. Манн обращает внимание на то, что источники говорят о совместном использовании в военных действиях как ополчений граждан-гоплитов, так и пельтастов-наемников (применение легковооруженных воинов и конницы, естественно, также засвидетельствовано источниками). Именно благодаря этой тактике афиняне и фиванцы смогли противостоять Спарте и без решающего сражения добиться успеха в войне. Создателем этой тактики автор считает известного афинского стратега Хабрия, который имел большой опыт руководства как ополчением афинских граждан, так и профессиональных воинов-пельтастов. М. Манн обращает внимание на то, что непосредственно перед этой войной, в которой он принимал самое активное участие, Хабрий руководил обороной Египта против армии персов, которые стремились восстановить свою власть в этой стране. По свидетельствам источников, успех обороны был в значительной мере достигнут благодаря широкому применению всякого рода полевых укреплений, на которые опиралась армия греко-наемников, руководимая Хабрием. Хотя природные условия Греции сильно отличались от природных условий Египта, и, соответственно, должны были отличаться сами укрепления, тем не менее, по мнению М. Манна, и

там, и здесь виден один и тот же принцип. Именно поэтому он считает Хабрия создателем новой системы обороны Аттики, которую мы видим в действии в течение по крайней мере всего IV в.

М. Манн, исходя из всего изложенного выше, считает, что стена Дема была создана афинянами именно во время Беотийской войны для предотвращения угрозы прорыва спартанцев в глубь аттической территории после того, как система полевых укреплений в Беотии доказала свою эффективность в течение первого военного лета.

Мы достаточно полно изложили взгляды автора и его систему доказательств именно потому, что эта книга, безусловно, заслуживает самого пристального внимания специалистов. Все основные выводы М. Манна кажутся нам вполне убедительными, но только те, которые касаются развития общих принципов развития обороны сельскохозяйственной территории Аттики на протяжении V и IV вв. Что же касается основного и, видимо, самого дорогого для автора вывода относительно стены Дема, времени и обстоятельств ее строительства, то можно сказать следующее: возможно, но не доказано.

Наши сомнения базируются на следующих соображениях. Прежде всего автор не только не разъяснил, но даже не поставил следующий, как нам кажется, вполне закономерный вопрос: почему о строительстве полевых укреплений в Беотии древние авторы (в том числе и современники описываемых событий) говорят вполне определенно, но совершенно не упоминают о таких же сооружениях в Аттике? Полностью неубедительной выглядит вся та часть работы, которая посвящена датировке стены Дема. В сущности, вся датировка зависит от одного сосуда. Однако даже точная дата его не доказывает, что стена не могла быть построена позднее. Ведь совсем не обязательно, чтобы эта маленькая чернолаковая солонка должна была попасть в стену вскоре после своего изготовления. С точно таким же основанием можно отнести ее попадание в кладку стены и ко времени несколькими десятилетиями позднее. Таким образом, стена, с нашей точки зрения, могла быть построена как в то время, которое предполагает автор книги, так и позднее, например, в период сразу после Херонейской битвы. Но, с другой стороны, стена могла быть построена и несколько ранее — например, во время Коринфской войны. С нашей точки зрения, сейчас в качестве даты стены в равной мере можно предполагать любое время в течение IV в.

Также не выглядит убедительным Хабрий в роли создателя системы полевой обороны. Точно с таким же правом на эту роль может претендовать, например, и Ификрат. В конце концов именно «ификратовы пельтасты» стали нарицательным термином, а не хабриевы. Наконец, еще одно замечание, касающееся на этот раз не стены Дема, а более общих вопросов. Соглашаясь с общей схемой развития системы обороны хоры Афин, предложенной М. Манном, мы вместе с тем должны отметить излишнее стремление автора к подчеркнутой заостренности своих выводов. Так, не выглядит до конца убедительной та роль, которую он отводит гарнизонным фортам. Ведь М. Манн сам указывает, что они служили опорными базами для пограничных отрядов эфебов и в ходе военных действий соответственно не могли играть только пассивную роль убежищ для жителей Аттики. Опираясь на эти форты, можно было вести разведку, нападения на вражеские отряды, вышедшие на фуражировку и т. д. Ведь опыт такого использования, правда негативный, у афинян уже имелся. Мы имеем в виду второй период Пелопоннеской войны, когда спартанцы захватили и несколько лет удерживали Декелею.

Для М. Манна одним из основным аргументов для его понимания роли фортов является текст псефизмы, содержащейся в речи Демосфена «О веке» (Demosth., XVIII, 37—38). Известно, что в оригинальном тексте речи этой псефизмы не было. Она была вставлена в текст каким-то более поздним эрудитом, стремившимся сделать текст речи прославленного оратора более удобным для понимания читателей. М. Манн, конечно, знает этот факт, но, стремясь подкрепить свою систему доказательств, он высказывает предположение, что текст псефизмы был вставлен в эллинистическую эпоху, когда содержание ее еще было хорошо известно. Однако этот тезис не доказан. С равным правом можно предполагать, что текст псефизмы был сфабрикован и в позднеантичное время и, тем самым, является чистой фикцией.

В завершение этой достаточно длинной рецензии мы еще раз можем подчеркнуть, что при недоказанности основного (для самого автора книги) тезиса этой работы для читателей ее он отнюдь не выглядит действительно самым главным. Самое главное — идеи автора об общей эволюции фортификации Аттики, и в этом отношении книга заслуживает самой высокой оценки.

Институт археологии РАН,
Москва

Г. А. Кошеленко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маринович Л. П., 1975. Греческое наемничество IV века до н. э. и кризис полиса. М.
Anderson J. K., 1970. Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkley.
Garlan Y., 1974. Recherches de poliorcétique grecque (Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athenes et de Rome, fasc. 223). Paris.
Jones J. E., Sackett L. H., Eliot C. W. J., 1957. To DEMA: A Survey of the Aigaleos-Parnes Wall//Annual of the British School at Athens. Vol. 52.
Lauter H., Lauter-Bufe H., Lohmann H., 1989. Attische Festungth. Beitrage zurm Festungswessen und zur Siedlungsstruktur vom 5 bis 3 Jh. v. Chr. (Marburger Winckelmann-Programm, 1988). Marburg.
Leake W. M., 1841. The Topography of Athens. V. 2. The Demi of Athens. London.
McCredie J. R., 1966. Fortified Military Camps in Attica (Hesperia Suppliment 11). Princeton.
Ober J., 1985. Fortress Attica: Defence of the Athenian Land Frontier, 404—322 B. C. (Mnemosyne Supplement 84). Leiden.
Polloux J., 1954. La fortresse Rhamnonte, étude de la topographie et d'histoire (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athenes et de Rome, fasc. 179). Paris.
Wrede W., 1933. Attische Mauern. Athens.

В. С. Флёров. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград: Перемена, 1993. 142 с., 65 рис.

Салтово-маяцкая культура, или культура Хазарского каганата, на протяжении многих десятилетий привлекает к себе внимание исследователей, чьи научные интересы и тематически, и территориально удалены от собственно хазарских проблем. Объясняется это не только значительной ролью собственно Каганата в культурной и этнополитической истории народов Восточной Европы, но и степенью изученности самой культуры, прежде всего в ее лесостепном, «аланском» варианте. Например, не будет преувеличением сказать, что салтово-маяцкие погребальные комплексы давно уже выступают в качестве своеобразного эталона при хронологизации средневековых древностей других регионов, Урало-Волжского в частности, а «салтовские» типы украшений, вооружения, конской сбруи и керамики постоянно фигурируют в классификационных номенклатурах евразийских исследователей как типологические реперы. Поэтому вполне естественно, что каждая новая публикация по салтовской тематике вызывает самый живой интерес у широкого круга археологов, занимающихся проблемами раннего средневековья не только в нашем отечестве, но и за его пределами.

Не составляет в этом отношении исключения и книга В. С. Флерова, посвященная описанию и анализу погребального обряда Маяцкого могильника — одного из немногих хорошо изученных некрополей салтово-маяцкой культуры. А если учесть, что погребальный обряд лесостепного варианта этой культуры до сих пор мы изучали преимущественно по материалам Дмитровского могильника (Плетнева С. А., 1967, с. 71—102; 1981, с. 69—72; 1989, с. 173—267), публикации Салтовского могильника в этом плане едва ли могут быть признаны удовлетворительными, а принадлежащая перу названного автора публикация Маяцкого могильника 1984 г. носит, как выясняется, предварительный характер (Флеров В. С., 1984, с. 142—199), то выход в свет данной книги представляется совершенно своевременным и необходимым.

Структура рассматриваемой книги вполне традиционна: из девяти составляющих ее глав первые пять представляют собой детальное описание погребального обряда Маяцкого могильника по материалам 133 погребений, исследованных на могильнике самим автором в 1977—1982 гг. Девять раскопов, где выявлены эти погребения, содержащие в общей сложности 2426 м^2 вскрытой площади, составляют, судя по приведенным на с. 4 размерам, 8% предполагаемой площади памятника (но отнюдь не 0,1%, как это считает сам автор). Соответственно и 133 исследованных погребения должны составлять примерно такую же долю от возможного (по самым приближенным подсчетам) количества захоронений на могильнике. А с учетом 20 погребений, исследованных М. И. Льловой в 1987 г. (с. 5), удельный вес изученных погребений может быть увеличен и до 9%. Другое дело, что площади раскопов и соответственно количество выявленных в них погребений совершенно не равнозначны: от 64 в раскопе № 3 до 1 в раскопе № 9 (рис. 2—4). Да и само размещение раскопов по площади могильника,

© В. А. Иванов, 1995.

судя по плану на рис. 1, не представляется удачным, так как не способствует установлению хотя бы приблизительных границ памятника, особенно в его северной и северо-восточной частях.

И тем не менее, заключение автора о том, что имеющаяся выборка погребений, в силу своей малочисленности, не является репрезентативной (с. 5), представляется чрезмерно осторожным и в какой-то степени даже искусственно занижающим источниковедческую значимость полученного материала.

Глава 1 книги посвящена описанию катакомб как основного вида погребальных сооружений Маяцкого могильника. По сути, содержание данной главы заключается в обосновании длины дромосов катакомб как отличительного признака социального статуса погребенных или, по словам самого автора, как «своеобразного индекса прижизненного положения погребенных или обстоятельств их смерти, или того и другого» (с. 10). Для доказательства данного положения автор приводит корреляцию длины дромосов катакомб с наборами сопровождающего инвентаря и возрастом погребенных, используя для этого женские катакомбы с длинными (более 2 м) и мужские катакомбы с короткими (не более 1,5 м) дромосомами (с. 7—9). Полученные результаты выглядят в целом достаточно убедительно, подтверждая указанный тезис, поскольку, действительно, в катакомбах с длинными дромосами оказываются погребенными женщины молодого или зрелого возраста с неординарным составом сопровождающих вещей (множество бус, амулеты) и более тщательно отделанными могилами, тогда как в катакомбах с короткими дромосами преобладают захоронения пожилых (по средневековым возрастным меркам) мужчин с очень незначительным инвентарем. Однако некоторые возражения вызывает сам принцип получения этих результатов. Например, трудно согласиться с тем, что в приводимых в книге статистических выкладках и примерах автор использует только материалы раскопок Маяцкого могильника после 1975 г. То есть более половины всех исследованных на памятнике погребений не участвуют в обосновании и подтверждении тезиса о наличии «тенденции хоронить женщин в катакомбах с „нормальными“ или удлиненными дромосами» (с. 10). Вместе с тем мы знаем, что для выявления подобных тенденций существуют специальные статистические формулы, применение которых дает минимальную ошибку в результатах, но только при максимальном использовании имеющейся выборки. В данном же случае заинтересованному читателю для получения репрезентативной для имеющейся по Маяцкому могильнику выборки данных придется обращаться сразу к двум публикациям: 1984 г. (катакомбы 1—70) (Флеров В. С., 1984) и рассматриваемой (катакомбы 71—133). Причем в публикации 1984 г. автор не ставил и не решал задач социальной интерпретации погребальных сооружений памятника.

Но вот что является безусловной находкой автора книги, так это установление строгой зависимости ориентации дромосов и камер катакомб от топографии местности, а точнее — от направления склонов, на которых располагались катакомбы (с. 11). Эти выводы, будучи дополненными выводами об устойчивом расположении самих погребенных влево головой по отношению к входу в камеру и дромосу (с. 20), действительно, заставляют пересмотреть наше отношение к ориентировке погребенных как к этнокультурному признаку не только применительно к данному могильнику, но и ко всей культуре в целом. Без риска излишней гиперболизации можно утверждать, что этот вывод, хотя и сделанный на достаточно специфических материалах, имеет важное методическое значение, поскольку заставляет задуматься над смыслом разнобоя в ориентировке погребений на могильниках других типов, например, многочисленных грунтовых в Волго-Уральском регионе.

В главе 2 рассматривается половозрастной состав погребенных Маяцкого могильника. Здесь автор на материалах раскопа 3, самого насыщенного погребениями, где обнаруживается кратное соотношение мужских и женских захоронений, проводит идею о наличии у населения, оставившего памятник, парной семьи. Здесь автор полемизирует с Г. Е. Афанасьевым, ссылаясь на его статью 1984 г., где доказывается тезис (и автор рассматриваемой книги считает его «в общем правильным») о существовании у алан большой семьи (с. 19). Не берясь судить о том, кто из названных исследователей более близок к истине, хочу только отметить, что в пылу полемики автор приводит одно слишком категоричное и отнюдь не бесспорное суждение о том, «что погребальный обряд в первую очередь отражает не социальные и экономические, а кровно-родственные и брачные отношения, кроме того, он формируется под мощным прессом факторов, вообще не имеющих прямого отношения к социально-экономическим условиям: мировоззрение, представление о загробном мире и путях „переселения“ в него, вера во вредоносность покойников» (с. 19). Данный тезис, верный в его второй части, в первой части едва ли может быть принят, ибо противоречит не только данным о других культурах и территориях, но и собственным выводам автора книги (вспомним выводы первой главы о неординарном социальном статусе женщин, погребенных в катакомбах с длинными дромосами).

Глава 3 посвящена детальному описанию погребального обряда Маяцких катакомб. Автор рассматривает их по половозрастному признаку: мужские, женские, детские и семейные. Каждая из групп рассматривается очень подробно, много внимания уделяется деталям, важным с точки зрения исторической этнографии: различия в позах у мужчин и женщин, общее и различное в составе погребального инвентаря. В последнем особенно интересным представляется наличие жесткой связи поясных наборов с мужскими погребениями, а амулетов — с женскими (с. 24, 27).

С источниковедческой точки зрения в данной главе весьма интересными и ценными являются сводные таблицы пола, возраста погребенных и сопровождающего их инвентаря (в общем-то традиционные для публикаций по салтово-маяцкой культуре), учитывающие материалы раскопок всех лет.

В плане определения этнического состава населения, оставившего Маяцкий могильник, весьма интересны немногочисленные, правда, ямные погребения, обряду которых автор уделяет много внимания на страницах своей книги (гл. 4). Традиционно считая их болгарскими (или, когда речь идет о детских захоронениях, производными от смешанных, алано-болгарских, браков), автор вполне справедливо именно в них видит ключ к решению проблемы межэтнических отношений в Хазарском каганате (с. 38). Однако в данном случае представляется, что автор не уделил должного внимания планографии ямных погребений. И хотя на с. 35 вскользь отмечено, что ямные погребения не занимают на могильнике особой территории, а размещены среди катакомб, но при ближайшем рассмотрении выясняется, что почти все они концентрируются в северной части некрополя (раскопы 7 и 8), тогда как в южной, наиболее изученной части (раскоп 3) их практически нет. Это обстоятельство наводит на мысль о существовании какого-то хронологического рубежа, за которым начинается проникновение в аланскую этническую среду иноэтнического компонента, обозначенного ямными погребениями. И было бы весьма ценно и важно при дальнейших исследованиях Маяцкого могильника этот факт проследить и археологически обосновать.

В главе 5 рассматривается обряд четырех выявленных на могильнике погребений с подбоями. Автор отмечает их отличие от подбойных погребений, известных на других некрополях салтовской культуры (Дмитровском могильнике), и приходит к выводу о том, что в них погребены представители еще одной, третьей и пока не определяемой этнической линии в составе населения, оставившего Маяцкий могильник (с. 40—41).

Глава 6, посвященная изложению и археологическому обоснованию обряда обезвреживания погребенных на Маяцком могильнике, и глава 7, содержащая библиографию этого обряда, являются по сути центральными в рассматриваемой монографии. Подробно разбирая степень и характер разрушений скелетов погребенных, автор полностью отрицает вероятность их ограбления, развивая на материалах Маяцкого могильника высказанную предшественниками мысль о наличии у носителей салтовской культуры обряда обезвреживания покойников (ООП). Следует подчеркнуть, что приводимая автором система доказательств данного положения представляется достаточно убедительной, поскольку она базируется на объективных данных, а именно — стратиграфии дромосов, где хорошо прослеживается процесс выемки первоначального заполнения (суглинок) с целью освобождения входа в камеру катакомбы и его вторичная засыпка.

В процессе ООП автор выделяет два археологически фиксируемых этапа: первый — связывание ног умершего при его захоронении, что проявляется в перекрещенных костях голеней у мужских в частности костяков и закрытие входа в камеру катакомбы с тем, чтобы воспрепятствовать попаданию туда земли. Автор предлагает остроумную версию засыпки дромоса суглинком, по цвету и структуре схожим с материковым грунтом,— маскировка входа в дромос со стороны камеры от самого погребенного (с. 44).

Второй этап — вскрытие дромоса, проникновение в камеру и разрушение останков умершего, выражавшееся в отделении черепа, разрушении грудной клетки и рук. Именно через ООП автор объясняет факт малочисленности и разрозненности найденного в могилах погребального инвентаря, в первую очередь — оружия. По его мнению, большинство находившихся при погребенном вещей изымалось перед разрушением человеческих останков, что, в частности, наглядно иллюстрируется материалом воинского погребения в катакомбе № 107, в заполнении дромоса которой были найдены скобы от ножен сабли, утерянные при ее извлечении из камеры (с. 48).

Признаки ООП автор книги обнаруживает в ямных и подбойных погребениях Маяцкого могильника, что представляется крайне интересным с учетом допускаемой им вероятности присутствия этого обряда и за пределами салтовской культуры: у ранних болгар Волго-Камья, у носителей ломоватовской

культуры Верхнего Прикамья и на других территориях. Однако отсутствие надежной стратиграфии в ямных погребениях могильника и их малочисленность не позволяют пока воспринимать эту часть Маяцкого могильника как эталонную иллюстрацию проявления ООП в ямных захоронениях, хотя сам автор к перспективе дальнейших поисков в этом направлении относится вполне оптимистично (с. 51).

Следующая, седьмая глава рассматриваемой книги по сути представляет собой антологию археологических проявлений ООП на других территориях и в других археологических культурах эпохи раннего средневековья, в том числе, как уже говорилось, на Средней Волге и в Приуралье. Приводимые автором сведения со всей очевидностью указывают на то, что ООП — явление универсальное, далеко выходящее за рамки какого-то конкретного этноса. Это лишний раз подчеркивает методическую ценность наблюдений автора над археологическими проявлениями этого обряда на Маяцком могильнике, полиэтничном по своему составу.

Глава 8 монографии, посвященная хронологии Маяцкого могильника, оставляет двойственное впечатление, поскольку начинается с совершенно неожиданного для стороннего читателя вывода о том, «что проблема хронологии Маяцкого могильника, и не только абсолютной, но и в значительной мере относительной, пока нерешаема» (с. 60). И хотя автор ниже объясняет причины, приведшие его к такому выводу,— общая неразработанность хронологии салтово-маяцкой культуры — это тем более удручает, поскольку, как уже говорилось вначале, для исследователей других восточноевропейских регионов салтовские древности оказываются подчас если не единственным, то основным хронологическим репером.

В основу хронологизации Маяцкого могильника автор кладет хронологическую шкалу, разработанную С. А. Плетневой для Дмитровского могильника, правда, критически оценив принцип отбора исследовательницей типов вещей, использованных в корреляции. Однако и предлагаемый автором набор хронологизирующих вещей не лишен недостатков: так, мотыжки, костяные обкладки лука (для которых мы пока не имеем надежной хронологии), серьги в виде несомкнутого колечка, подвески-бубенчики в силу их широкого временного и территориального бытования едва ли могут считаться хронологическим признаком.

Используя апробированную С. А. Плетневой на материалах Дмитровского могильника методику корреляции однотипных вещей в погребениях, автор выделяет пять блоков катакомб, внутренняя связь которых базируется на присутствии в инвентаре однотипных вещей. Сразу следует отметить, что, судя по приведенному на рис. 59 графу, в этих блоках задействованы только 47 катакомб, что составляет не более 35% всех исследованных на могильнике погребений. Поэтому приходится констатировать, что отмеченный автором недостаток хронологической корреляции С. А. Плетневой он «успешно» повторяет на страницах своей книги. Обращает на себя внимание выделение блока IV, основанного на серьгах в виде несомкнутого колечка, в который, кроме того, входят поясные накладки с подвижным колечком, идентичные накладкам из блока I (см. рис. 60 и 62), а также блоков I и II, выделенных по совершенно однотипным серьгам с граненой привеской, различающимся только материалом изготовления (золотые в блоке I и бронзовые в блоке II). Данное обстоятельство выдвигает на первый план не столько хронологическое, сколько социальное различие этих блоков.

В итоге приходится отметить, что хронология Маяцкого могильника по-прежнему остается общей и предварительной. Для изменения существующей ситуации, как применительно к рассматриваемому памятнику, так и к салтовской культуре в целом, необходима новая, современная методика, основанная на использовании ЭВМ. То есть пожелание, вынесенное автором в примечание на с. 61, должно стать программным для исследователей этой культуры.

В главе 9 рассматриваются тризны, обнаруженные на территории могильника, освещается их состав, планиграфия, приводятся этнографические аналогии этому обряду из культуры других народов, в основном азиатских.

Книга снабжена обширным списком литературы из 147 названий и альбомом иллюстраций, состоящим из 65 рисунков, где приводятся планы погребений, таблицы погребальных комплексов, графы связей катакомб.

В целом же следует подчеркнуть, что, несмотря на отдельные замечания и пожелания, появление которых неизбежно, когда имеешь дело с публикацией столь объемного и сложного материала, каковым является материал Маяцкого могильника, книга В. С. Флерова представляет собой скрупулезное, методически выверенное источниковедческое исследование, во многих своих аспектах весьма

полезное не только для специалистов по салтовской культуре, но и для широкого круга исследователей средневековых памятников и культур Восточной Европы.

Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН, УФА

В. А. Иванов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. М.
Плетнева С. А., 1981. Салтово-маяцкая культура//Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М.
Флёров В. С., 1984. Маяцкий могильник//Маяцкое городище. М.

Энциклопедия «АрхеалогІя І нумІзматыка БеларусІ». МІнск: Изд-во «Беларуская энцыклапедыя» Імя Петруся БроукІ, 1993. 702 с., ил.

В научной и общественной жизни Белоруссии произошло заметное событие — почти одновременно вышли из печати I том энциклопедии «ГІсторыя БеларусІ» и энциклопедия «АрхеалогІя І нумІзматыка БеларусІ». Подобные издания, рассчитанные не только на узких специалистов, но и на всех любителей истории, призваны в сжатой форме раскрыть основное содержание исторического процесса и познакомить читателей с материальной и духовной культурой наших предков. Необходимость таких энциклопедических справочников очевидна: без них не обойтись любому исследователю, занимающемуся историей Белоруссии. Однако нагромождение нелепостей, а порой и фальсификаций в этих изданиях настолько велико, что лишает их права именоваться энциклопедическими.

Попытаемся доказать это на конкретных примерах, а затем ответим на вопрос: кто виновен в случившемся?

В статье «Античные находки» (с. 40), опубликованной в энциклопедии «АрхеалогІя І нумІзматыка БеларусІ» за подписью А. А. Егорейченко, содержится целый ряд ошибок и несуразностей. Начнем с того, что приписанная автору фраза о находках фрагментов античных амфор и стеклянной посуды на таких поселениях «зарубинецкой культуры, как Чаплин, Ивань, Мысли», ничего общего с текстом оригинала не имеет. Действительно, небольшое количество фрагментов амфор и один обломок стеклянного сосуда найдены на милоградско-зарубинецком городище Чаплин. Укрепленные же поселения Ивань и Мысли относятся к культуре штрихованной керамики и являются одними из самых северных пунктов распространения античных стеклянных бусин на территории Белоруссии: ни амфорной тары, ни стеклянной посуды на них нет. Далее утверждается, что античные находки обнаружены не на памятниках киевской культуры, как это было у автора, а на поселениях Киевской Руси (!). Заключительная фраза этой статьи: «Местные мастера изготовляли украшения с эмалью, серебряные пояса с красной эмалью и бронзовыми деталями (Красный Бор), железные фибулы, булавки, браслеты, дротики, умбон скифского и римского типов»,— отсутствует в оригинале текста. Она позаимствована у неизвестного нам автора, не имеет никакого отношения к сути освещаемого вопроса и содержит безграмотные утверждения. Так, совершенно невозможно понять, как местные мастера ухитрялись изготавливать... «умбон скифского и римского типов». Один умбон одновременно может быть либо скифским, либо римским. Более того, общеизвестно, что скифские щиты изготавливались из дерева и кожи. Иногда они дополнительно укреплялись металлическими или костяными пластинами. Умбонов же скифы не знали вообще, поэтому говорить об их особом типе бессмысленно.

В статье «Остров» (с. 142) утверждается, что поселение у д. Остров Пинского района Брестской области активно использовалось племенами милоградской и зарубинецкой культур во II—IV вв. н. э., хотя к этому времени ни одной из этих культур уже не существовало. На самом же деле большинство материалов, обнаруженных на этом памятнике, относится к пражской культуре.

В статье «Горшок» (с. 167, 168) А. А. Егорейченко и Н. И. Зданович приписано еще одно

© А. А. Егорейченко, В. Н. Рябцевич, 1995 г.

«открытие». Здесь, в частности, говорится о лощеной милоградской и зарубинецкой посуде. Не вдаваясь в бессмысленную дискуссию, отметим лишь, что лощение как технологический прием при изготовлении милоградской керамики не применялось.

Не меньше нелепостей приписано и В. Н. Рябцевичу. Так, вводная статья «Нумизматика» (с. 16—19) указывает, что около 1300 г. Чехия начала выпуск польского (!) гроша (у автора — пражского). В результате последующий текст выглядит как рассказ о польском грошовике, появившемся, кстати, лишь в 1526 г. Далее утверждается, что письменные источники Белоруссии 1337, 1378—1419 гг. сообщают о международной роли «польского» (читай — «пражского») гроша, что совершенно не соответствует действительности. Во-первых, о том, что чешская монета стала международной валютой XIV—XV вв., свидетельствуют отнюдь не актовые материалы (они говорят о ней исключительно как о средстве местного денежного обращения), а характер топографии кладов пражского гроша, зарегистрированных на большей части европейского континента. Во-вторых, отрезком времени между 1378 и 1419 гг., а не в 1378—1419 гг., определяются примерные хронологические рамки наиболее интенсивных поступлений на земли Великого княжества Литовского денежных эмиссий Чехии. Они базируются опять-таки не на письменных источниках, а на датах сокрытия исследованных к настоящему времени кладов XIV—XV вв.

Еще более основательно «переработана» статья «Деньги» (с. 198). Из нее исключен перечень специфических особенностей денежного товара (не зная их, вообще невозможно понять его суть), безграмотно перекроен текст, раскрывающий сущность функций денег. Особенно досталось функции меры стоимости: она трансформирована в никогда не существовавшую функцию «меры производства».

В статье «Гривенник» (с. 198, 199) сообщается, что это — «популярное название медной 3-копеечной монеты после реформы 1839—1843 гг. номиналом в десять копеек». Попытки уразуметь это утверждение заведомо обречены на неудачу, ибо оно попросту лишено смысла: номинал (нарицательная стоимость) у каждой монеты может быть только один. Термин же «гривенник» стал в XIX в. народным названием не только медного или серебряного десятикопеечников, но и выпущенного денежной реформой 1839—1843 гг. утяжеленного медного трехкопеечника, равноценного десяти легковесным дореформенным однокопеечникам.

В статье «Дукат» (с. 243, 244) в авторском тексте указано, что качественному стандарту этого западноевропейского номинала в России соответствовал червонец, выпускавшийся с 1701 г. В публикации же исчезла дата «1701» и, более того, утверждается, что червонец соответствовал... дукату Великого княжества Литовского 1562 г. Таким образом, читателю остается только гадать: то ли червонец чеканился еще в 60-е годы XVI в., то ли Петр I почему-то избрал в качестве эталона для этой монеты не современный ему дукат (что было в действительности), а выбитую за 110 лет до своего рождения монету!

Не избежали искажений и многие статьи о кладах. Так, в статье «Добринский монетно-вещевой клад» (с. 228, 229) В. Н. Рябцевич среди монетных дворов арабской династии Умайадов упоминает сирийский город аш-Шамия, а в числе халифов династии Аббасидов — ал-Мамуна. В редакционном варианте аш-Шамия переименован в аш-Шаш (современный Ташкент и его округа), ал-Мамун «перекрещен» в ал-Мамуни.

Герцогство Брауншвейг-Вольфенбюттель в статье «Засовьевский монетный клад» (с. 268, 269) превращено в никогда не существовавший Брауншвейг-Вандельбюттель, правитель восточной Венгрии Янош Запольяи стал Яношем Запольяном. Подпись же под фотоснимком этой находки — «Заславский монетный клад».

Тройной крейцер герцогства Мюнстерберг-Эльс из статьи «Зачепичский монетный клад» (с. 270) обратился в неведомый мировой нумизматике «эльскрейцер тройной герцогства Мюнстерберг». Швейцарский город Хур в статье «Могилевские монетные клады» (с. 287) назван Хурдукатом.

Но, может быть, нами сгущаются краски и со статьями других авторов дела обстоят лучше? К сожалению, даже беглый просмотр энциклопедии «Археалогія і нумізматыка Беларусі» показывает, что это не так. Например, в статье «Глубочица» (с. 176) сказано, что у этого населенного пункта имеются курганы железного века, хотя ниже говорится о найденных в них вещах эпохи феодализма (XII—XIII вв.). В статьях «Хильчицы» (с. 634) и «Чаплин» (с. 641) эти памятники, относящиеся к милоградской и зарубинецкой культурам, снова датируются первой половиной I тыс. н. э., хотя, как известно, самая поздняя из этих культур — зарубинецкая — не выходит за пределы II в. н. э. Неверными являются и датировки городищ в статьях Л. Д. Поболя «Абидовичи» (с. 21) и Т. С. Бубенько «Богушевичи» (с. 70), могильника Брест-Тришин в статье Т. Н. Коробушкиной «Брестский

бескурганный могильник» (с. 100). В последнем случае вместо даты могильника приводится хронология вельбарской культуры.

Не слишком ли много ошибок для издания, претендующего на роль энциклопедического? Попутно заметим, что статьи из энциклопедии «Археалогія і нумізматыка Беларусі» без ведома авторов со всеми ошибками уже начали перекочевывать в энциклопедию «Гісторыя Беларусі». Например, так случилось со статьями А. А. Егорейченко «Античные находки» (с. 136) и В. С. Космылева «Августдор» (с. 230), помещенными в I томе.

Справедливости ради следовало бы отметить, что редакция все же обнародовала перечень «замеченных неточностей и ошибок». Но, увы, он способен вызвать лишь чувство недоумения. Это — листок размером менее почтовой открытки, даже не вклеенный в том «Археалогіі і нумізматыкі Беларусі», более того, он приложен далеко не ко всем поступившим в продажу экземплярам этого издания. В нем всего лишь 7 пунктов, один из которых, относящийся к упомянутой выше статье В. С. Космылева «Августдор» (с. 62), беспрецедентен: графа «Напечатано» повторяет правильные даты чеканки этой золотой монеты — 1753—1756, 1758 гг., а графа «Следует читать» называет только 1753—1756 гг.

Несколько слов об иллюстративной части издания. Во вводной статье «Археология» (с. 8) помещена фотография горшка культуры штрихованной керамики, но в надписи он квалифицируется как горшок милоградской культуры. К статье А. А. Егорейченко «Фибула» (с. 629) редакция без согласования с автором подобрала рисунки латенских фибул, снабдив их пояснением, что это «типы фибул первых веков н. э. (0—500 гг.)».

В статье И. Ф. Масько «Витебские монетные клады» (с. 138) описан найденный в 1893 г. клад третьей четверти XVII в. На относящейся к ней фотографии — открытый в 1983 г., но в этом издании отсутствующий, клад второго десятилетия XVIII в. Таким образом, налицо — откровенная фальсификация.

Во многих случаях можно отметить недопустимую практику заметного уменьшения или увеличения фотоснимков монет, хотя в предисловии от имени редколлегии сказано, что они «даются в натуральную величину». Искажения этого рода прослеживаются более чем в 13% монетных фотоиллюстраций.

В персоналиях фотографии исследователей размещены по принципу, известному, очевидно, только художественному редактору. Например, портрет В. П. Алексеева иллюстрирует статью «Альбертусталер», И. И. Артеменко — «Оршанский замок», Т. С. Бубенько — «Строительный ярус», С. А. Дубинского — «Дубой», Я. Г. Зверуго — «Звезда», В. Ф. Исаенко — «Кувалда», М. К. Каргера — «Коробушкина», а Т. Н. Коробушкиной — «Каргер», А. Н. Лявданского — «Левко», а О. Н. Левко — «Ляховичский замок», О. А. Макушникова — «Макитра», О. А. Трусова — «Трупоположение» и т. п.

Этот далеко не полный перечень нелепостей и фальсификаций — результат откровенного игнорирования норм авторского права редакторским коллективом «Беларус/кай энцыклапедыі», его очевидной безответственности и некомпетентности. Редакторы «переработали» представленные им статьи, не удосужившись поставить об этом в известность авторов. Более того, ни В. Н. Рябцевич, представленный в энциклопедии «Археалогія і нумізматыка Беларусі» как член редколлегии, ни А. А. Егорейченко как научный консультант не были ознакомлены с макетом этого издания и, естественно, были лишены возможности завизировать его.

Энциклопедия «Археалогія і нумізматыка Беларусі» представляет собой наглядный пример того, как можно опорочить саму идею выпуска такого специфического, но чрезвычайно нужного справочника. Она может быть рекомендована читателям лишь при условии издания объемного путеводителя, способного провести их через дебри несуразностей, ошибок и фальсификаций. Приходится констатировать, что энциклопедия «Археалогія і нумізматыка Беларусі» — издание, дискредитирующее не только авторов, но и белорусскую историческую науку в целом.

Белорусский государственный
университет, Минск

А. А. Егорейченко,
В. Н. Рябцевич

Энциклопедия «Археалогія і нумізматыка Беларусі». Мінск: Изд-во «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1993. 702 с., ил.

Выход в свет энциклопедии, специально посвященной археологическому и нумизматическому богатству Белоруссии,— крупное событие в научной и культурной жизни республики. Это уникальное издание, не имеющее аналогов во многих европейских странах, в том числе в соседних — России, Украине, Польше, Литве и Латвии. Создателями энциклопедии — авторами статей и редакционной коллегией — проделана гигантская плодотворная работа, в результате которой и стало возможным опубликовать этот ценнейший труд, включающий всестороннюю информацию по историко-культурному наследию Белоруссии. Энциклопедия освещает многотысячелетнюю предысторию и ранние периоды истории белорусов, отражает богатство и многообразие их культуры на разных стадиях эволюции, демонстрирует вклад древнего населения Белоруссии и белорусов в европейскую историю и цивилизацию.

Энциклопедия включает около 2000 археологических статей и свыше 400 статей по нумизматике, каждая из которых потребовала немалого труда по сбору, систематизации и научному осмыслению материалов, разбросанных по различным научным и краеведческим изданиям, архивным папкам, коллекциям белорусских и зарубежных музеев. Статьи написаны на высоком научном уровне и отражают современное состояние знаний. Весьма существенно то, что они снабжены библиографическими справками, которые оформлены в виде отсылок к единому алфавитному списку литературы из 1754 названий. Это делает энциклопедию серьезным научным трудом и дает возможность читателям, заинтересовавшимся теми или иными вопросами, обратиться к специальной литературе.

Нельзя не подчеркнуть и отличную иллюстрированность энциклопедии. В ней множество квалифицированно подобранных археолого-исторических карт, фотографий памятников археологии и ранней архитектуры, рисунков и фотоснимков (в том числе цветных), разнообразных вещевых и монетных находок. Есть и реконструкции, основанные на результатах археологических изысканий.

Открывают энциклопедию два вводных очерка. В первом, написанном В. В. Гетовым и Г. В. Штыховым, дается общее представление о белорусской археологии, рассказывается о ее истории и важнейших достижениях. Второй очерк написан В. Н. Рябцевичем, он содержит общую информацию о нумизматике и монетном деле.

Древнейшие периоды деятельности человека на территории Белоруссии освещены прежде всего в крупной статье «Каменный век» (автор В. Ф. Исаенко), в которой содержится основная информация об этой эпохе в рассматриваемом регионе и дается общее представление о начале человечества. Эта же эпоха отражена детально в статьях, рассказывающих об отдельных периодах каменного века — палеолите, мезолите и неолите, а также посвященных отдельным археологическим культурам и основным стоянкам, подвергавшимся раскопкам и давшим существенные результаты. Среди последних можно выделить статьи о получивших европейскую известность верхнепалеолитических памятниках Бердыж и Юровичи, а также о Красносельском археологическом комплексе в Понеманье, включающем сотни кремнедобывающих шахт и кремнеобрабатывающую мастерскую.

Крупными статьями освещены и последующие периоды — «Бронзовый век» (М. М. Чернявский и Н. Н. Кривальцевич), «Железный век» (В. С. Вергей и А. А. Егорейченко) и «Киевская Русь» (Г. В. Штыхов). Все они сопровождаются географическими картами, дополняющими текстовую информацию.

Читатель найдет информацию о всех археологических культурах, известных на территории Белоруссии. Несомненный интерес представляют статьи, посвященные характеристике конкретных памятников археологии — стоянок, селищ, городищ, курганных и бескурганных могильников, каменных могил, объектов языческого поклонения и т. п. Весьма интересны статьи, освещающие историю и культуру древних городов Белоруссии. В последнее время благодаря археологическим раскопкам, произведенным в них, наши конкретные знания по истории и культуре древних городов неизмеримо возросли. Вся эта информация в сжатом виде изложена в статьях энциклопедии. Археология предоставила также новые возможности для изучения средневековой архитектуры, и этот аспект тоже обстоятельно проанализирован в рецензируемом издании. Историки архитектуры и искусствоведы найдут много ценной информации о становлении и развитии христианского зодчества и крепостного строительства. Несомненный интерес представляют статьи по истории и культуре средневековых

© В. В. Седов, Н. В. Лопатин, 1995 г.

замков. История деревянного домостроительства освещена в интересной статье «Жилище» (В. В. Гетов, А. Г. Калечиц и др.).

Особую категорию памятников составляют клады. Они подразделяются на вещевые, монетные и смешанные. Обычно в составе кладов имеются высокохудожественные изделия и драгоценности, которые являются ценным источником в изучении искусства и ювелирного ремесла древности и средневековья. Монетные клады, наряду с решениями различных нумизматических вопросов, ценны для изучения внутренних и международных торговых связей и путей сообщения. Все без исключения клады, обнаруженные на территории Белоруссии, получили характеристику в энциклопедии.

В ходе археологических раскопок и разведок получено огромнейшее число находок, характеризующих все стороны хозяйственной деятельности, быта, вооружения, культуры, искусства и духовной жизни древнего и средневекового населения Белоруссии. Каждой категории находок в энциклопедии отведена статья, в которой содержится информация по истории развития, типологии, технологии изготовления и иных особенностях конкретных вещей. Большая статья, посвященная керамике (авторы Н. И. Зданович, В. Ф. Исаенко, В. Е. Соболь, Г. В. Штыхов и М. М. Яницкая), написана интересно и содержательно.

Достойное место отведено в энциклопедии истории хозяйственной деятельности. Отдельные статьи посвящены различным отраслям экономики, среди которых большая статья отведена базису хозяйственной жизни — земледелию (В. Ф. Исаенко и Т. Н. Коробушкина).

Много ценных сведений найдут в энциклопедии историки военного дела и оружиеведы. Все категории древнего и средневекового оружия получили характеристику в отдельных статьях. Немало внимания уделено и развитию фортификационного дела на протяжении около полутора тысяч лет.

Этнические процессы, происходившие на территории Белоруссии в древности и средневековье, нашли отражение в серии статей, посвященных таким крупным этноязыковым образованиям, как балты, германцы, индоевропейцы, славяне, а также в статьях о племенных формированиях (кривичи, радимичи, дреговичи, литва, ятвяги, латгалы и др.). Кельтам и их культуре отведена статья «Латенская культура».

Обстоятельную характеристику получила и духовная жизнь древнего и средневекового населения Белоруссии. В отдельных статьях описаны культовые камни и языческие святилища, амулеты и предметы христианского культа, храмовые строения и их фресковые росписи, вещевые памятники письменности и инструменты для письма.

Ряд статей освещает историю развития археологии в Белоруссии. В них содержится интересная информация об археологических и краеведческих обществах, действовавших в разное время, ученых архивных комиссиях, музеях и их археологических коллекциях, академических институтах и университетах, реставрационных мастерских, проводящих археолого-архитектурные изыскания. Существенно то, что в отдельных статьях получили характеристику не только все музеи Белоруссии, но и российские, польские, украинские и литовские музеи, в фенах которых хронятся археологические находки с белорусской территории. Заслуживают внимания и статьи, дающие краткую характеристику периодических изданий и сборников статей археологического профиля, увидевших свет в XIX и XX вв. Серия статей посвящена научной деятельности археологов и нумизматов. Эти статьи, снабженные портретами и биографическими сведениями, рассказывают и о дореволюционных исследователях белорусских древностей, и об ученых, работающих в различных областях археологии и нумизматики Белоруссии. Справочные данные такого рода являются одной из необходимых предпосылок развития науки.

Получили характеристику в энциклопедии и методы изучения археологического наследия. В отдельных статьях можно ознакомиться с основными принципами проведения раскопок и разведок, способами археологогического датирования. Современное изучение памятников археологии и вещевых материалов требует междисциплинарного исследования. Всем научным дисциплинам, в той или иной мере связанным с археологией, в энциклопедии посвящены отдельные статьи. Это палеоантропология и палеодемография, дендрохронология и этнография, палеоэкология и палеогеография, эпиграфика и сфрагистика, картография и геология, спектрография и металлография и др.

По рецензируемому изданию можно сделать ряд замечаний. Так, Государственный археологический музей в Варшаве описан в двух статьях — «Варшаўскі археалагічны музей» и «Дзяржаўны археалагічны музей у Варшаве».

Статьи о банцеровской и тушемлинской культурах никак не соотнесены между собой, несмотря на то что многими исследователями они объединяются в единый круг древностей. Даже если считать такое разделение принципиальной позицией белорусских коллег, эту точку зрения следовало бы

подчеркнуть. Спорная концепция о принадлежности ранних длинных курганов на севере Белоруссии банцеровской культуре приводится как единственно возможная. Совсем не упомянуты некоторые названия групп древностей на территории Белоруссии, уже вошедшие в науку. К таким относится, например, локальная группа памятников «типа Чечерск-Кистени», входящая в зарубинецкую культуру. Мы, конечно, не считаем, что тонкости научных споров должны выноситься на страницы энциклопедии. Однако представляется, что, обойдя вниманием некоторые альтернативные концепции, авторы и редакторы несколько обеднили данное специализированное справочное издание. В некоторых статьях (например, о киевской культуре), наоборот, вполне объективно представлены разные точки зрения.

Вряд ли обоснованно включение в энциклопедию статьи о Даугмале — памятнике, расположенном в Латвии в нижнем течении Даугавы. Если статья «Кукенойс» (нужно «Кокнесе», поскольку в других случаях города значатся под современными названиями) может быть оправдана вхождением города и его региона в состав Полоцкого княжества, то наличие статьи «Даугмале» объяснить никак нельзя.

Приходится сожалеть, что в энциклопедии отсутствуют статьи «Полоцкая земля», «Туровская земля», «Черная Русь».

Тем не менее нельзя было бы отрицать, что энциклопедия целостно освещает фундамент белорусской истории и культуры. Ее издание — важное патриотическое начинание, выходящее далеко за рамки научной и культурной значимости. Это особенно существенно в настоящее время, когда белорусский народ строит свою демократическую государственность. Энциклопедия нацеливает на большее внимание к культурному наследию, на обеспечение его лучшей сохранности, на подключение широкой общественности к познанию истоков истории и культуры белорусского народа.

Культурное богатство Белоруссии является частью мировой культуры. Поэтому энциклопедия «Археалогія і нумізматыка Беларусі» должна стать широко известной и за пределами республики. Не подлежит сомнению, что она будет встречена с большим интересом.

Институт археологии РАН,
Москва

В. В. Седов, Н. В. Лопатин

Хроника

ОБЗОР НАУЧНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В БЕЛОРУССИИ (1991—1994 гг.)

После распада Союза ССР в 1991 г. Белоруссия, как и другие бывшие союзные республики, имела систему организации археологической науки, где центральная роль принадлежала Академии наук. Именно Академия наук в лице Института истории, в состав которого и входят четыре отдела археологии, осуществляла большую часть работ на территории Белоруссии и координацию исследований (согласование тематики работы, подготовка кадров и выдача Открытых листов на полевые исследования). Проведение археологических работ согласовывалось с органами охраны памятников как в центре (Министерство культуры), так и на местах работ, в районах. Археологические экспедиции также организовывали и сотрудники кафедр ряда высших учебных заведений (Белорусский государственный университет, Могилевский пединститут) и краеведческих музеев (города Гомель и Могилев). Финансирование работ проводилось за счет средств государственного бюджета, и только в незначительной мере привлекались средства хозяйственных договоров (в основном раскопки в городах). Некоторые исследования проводились для различных музеев с целью создания экспозиции или пополнения их фондов новым материалом. Раскопки охватывали практически все эпохи, начиная со времени появления первых людей на территории Белоруссии и до позднего феодализма (XIV—XVIII вв.) — эпохи Великого княжества Литовского. К сожалению, в Белоруссии существует только одно издательство научной литературы («Наука и техника»), которое предпочитало издавать в основном монографии. В 1991 г. существовал только один научный журнал — «ВесцI АН БеларусI, серыя грамадзкIх (затем гуманIтарных) навук»,— что существенно ограничивало возможности введения в оборот научных материалов. Сложной проблемой для научных учреждений Белоруссии было проведение конференций (последняя имела место в 1982 г.).

В то же время археологическая наука в Белоруссии имела к началу 90-х годов значительные успехи. Так, ученые Белоруссии одними из первых на территории бывшего Союза широко приступили к изучению эпохи позднего феодализма (время Великого княжества Литовского). Для реставрации исторических мест, зданий в Белоруссии был создан институт «Белреставрация», в состав которого входит и отдел археологии. Его сотрудники проводят работы по изучению в основном памятников архитектуры в различных городах. Институт работал на хозрасчете, и все работы выполнялись за счет хозяйственных договоров. Институт «Белреставрация» начал организовывать и филиалы в областных центрах (Витебск, Гродно и Могилев).

Новой формой организации археологической науки явилось создание Областных археологических центров в Могилеве (руководитель В. Ф. Копытин) и Гомеле (руководитель О. А. Макушников). Их сотрудники проводили сплошное археологическое обследование территории областей.

Начало возрождения государственности в Белоруссии вызвало интерес в обществе к своей истории. Ярким показателем такого интереса может быть и появление значительного числа художественных произведений на исторические темы (писатели К. Тарасов, В. Орлов, О. Ипатова и др.). Многие научные проблемы (происхождение белорусов как этноса, формирование государственности, появление Великого княжества Литовского) начинают обсуждаться даже на страницах газет и журналов. Встает задача создания новой концепции исторической, в том числе археологической, науки. Одна из первых попыток обсудить данную проблему была сделана на Всебелорусской конференции историков (февраль 1992 г.). В резолюции говорилось о необходимости проведения конгресса по теме «Этногенез белорусов» (подобная акция планировалась на 1973 г., но была отменена). Однако новые требования вошли в противоречия с существующей системой организации науки, которая не позволяет оперативно решать многие проблемы. Так, археология как наука имеет ряд особенностей в подходе к решению исторических вопросов, однако планирование исследований в рамках Института истории часто не позволяет ставить собственно археологические проблемы (хронология, типология вещей).

К тому же экономические трудности переходного этапа, с которыми столкнулась Белоруссия, во многом ухудшили положение академической науки. В 1991 г. в последний раз проводилось целевое финансирование археологических работ. В последующие годы бюджетных средств на эти цели уже не выделялось. Сократилось и количество командировок за пределы Белоруссии. Все усилия руководства Академии наук и Института истории направлены на сохранение научных кадров.

В 1992—1993 гг. археологические исследования в Белоруссии проводились только за счет привлеченных со стороны средств: хоздоговора (в основном в городах) или за счет средств музеев и

© А. М. Медведев, 1995 г.

отделов культуры районов и областей. Однако количество работ сократилось (в 1991 г. было 72 отчета, в 1992 г.— 64). Сохранили объемы работ только археологи института «Белреставрация», но в последующем, всвязи с кризисом в экономике, в 1993 г. количество заказов и у них резко сократилось (с 22—26 заказов в 1991—1992 гг. до 3 в 1993 г.). В данный момент под вопросом и существование этой организации. В 1991—1994 гг. продолжал работы могилевский Областной археологический центр (руководитель В. Ф. Копытин). По результатам работ издаются брошюры по археологическим памятникам отдельных районов (см. приложение), но общий объем работ сократился. В 1993 г. по организационным причинам прекратил деятельность гомельский Областной центр (руководитель О. А. Макушников). В Гомеле сделана попытка организовать Полесское археологическое общество имени Н. П. Румянцева, но конкретных результатов в научной деятельности данного общества еще нет. Всего же в 1993 г. объем археологических исследований в Белоруссии значительно сократился (всего 29 отчетов против 64 в 1992 г.). И все же, несмотря на огромное сокращение, изучение памятников различных эпох в Белоруссии успешно продолжается.

Памятники каменного и бронзового веков изучают в Южной и Восточной Белоруссии. Е. Г. Калечиц, Н. Н. Кривальцевич, И. Н. Езепенко. Древности железного века исследуют В. И. Шадыро, А. М. Медведев, В. С. Вергей, М. И. Лошенков и другие. Следует отметить раскопки М. И. Лошенкова в Бобруйском р-не Могилевской обл., где изучалось городище Петровичи. Исследования данного городища позволили уточнить южную границу культуры штрихованной керамики в нижнем течении р. Березины, рассмотреть вопросы контактов с населением южных культур (милоградской и зарубинсцкой). Следует отметить исследования памятников вельбарской культуры в Побужье и пражской культуры в Полесье, которые проводила В. С. Вергей. Раскопки на поселении зарубинецкой культуры у д. Хотомель были осуществлены А. Н. Белицкой. По периоду третьей четверти I тыс. н. э. наиболее интересные материалы были получены при раскопках городища у д. Никодимово Горецкого р-на Могилевской обл. На городище, датированном IV—VII вв. н. э., найдено большое количество украшений (бронзовые пальчатые и антропо-зооморфная фибулы, стеклянные и янтарные бусы, бронзовые браслеты с утолщенными концами), предметы вооружения (наконечники копий различных типов; железные трехлопастные черешковые наконечники стрел), снаряжения коня и всадника (пряжки, шпоры). Руководит работами сотрудник Могилевского областного музея А. А. Седин.

Новые исследования были проведены в древнерусских городах Белоруссии (Полоцк, Туров, Витебск, Гомель и др.). В Полоцке (руководитель С. Тарасов) широко изучались как город, так и его округа. На территории города были исследованы посад X—XI вв. (определены его размеры — до 7 га), Верхний замок: найдены остатки Базилианского монастыря, установлено, что замок был в древности центром княжеской администрации. Изучались городские укрепления XV—XVII вв. (найдены остатки башен «Наугольная»). Ранее в окрестностях Полоцка не были исследованы погребальные памятнки (в округе до 25 км от города). В 1993 г. был изучен курганный могильник у д. Дмитровщина Полоцкого р-на (в 15 км на север от Полоцка). Могильник насчитывает 64 кургана и датируется концом X — началом XII в. Полученные в результате раскопок материалы позволили утверждать, что население имело смешанный этнический состав (славяне и латгалы).

В 1992—1993 гг. были проведены широкие исследования г. Турова (руководитель П. Ф. Лысенко). В 1992 г. проведены раскопки на Окольном городе, где было уточнено место расположения храма (уточнены его размеры, время и характер разрушения). Рядом с храмом найден фрагмент колокола XII — начала XIII вв.). Вскрыта застройка (жилые и хозяйственные постройки на глубину до шести ярусов). Из интересных находок следует отметить свинцовую подвесную печать киевского епископа Кирилла II (1225—1232 гг.). В 1993 г. в Окольном городе г. Турова были вскрыты остатки древнего языческого капища конца X в., аналогии которому известны в других городах Древней Руси (Перыньское святилище).

В 1991—1994 гг. продолжалась успешная подготовка кадров. В 1994 г. была защищена докторская диссертация В. П. Ксензовым («Мезолитическая культура Белорусского Подвинья и Поднепровья»). С 1991 г. по 1994 г. было защищено 12 кандидатских диссертаций (Н. Н. Кривальцевич, В. Л. Носевич, А. М. Медведев, О. В. Иов, В. С. Поздняков, В. В. Шаблюк, Л. В. Колединский, А. А. Метельский, С. А. Пивоварчик, Ю. Бохан, И. В. Ганецкая, А. В. Квятковская). В то же время от активной научной деятельности отошли по разным причинам 11 человек, причем 2 (З. С. Позняк и О. А. Трусов) были избраны депутатами Верховного Совета Республики Беларуси. Среди покинувших науку значительную часть составляют молодые ученые, которые лишь недавно получили степень.

Таким образом, в 1991—1994 гг. в археологической науке Белоруссии наблюдалось как сокращение объемов работ, так и уход части ученых. С другой стороны эти явления в значительной степени компенсировались улучшением качества работ. Именно для этих целей (контроль за качеством представленных отчетов) при Институте истории АН Беларуси в 1992 г. был создан Полевой комитет, в который вошли пять избранных коллективом квалифицированных археологов. Полевой комитет рецензировал все отчеты и давал заключения о необходимости выдачи Открытого листа. К сожалению, следует констатировать, что отчеты некоторых археологов имели грубые методические ошибки как в проведении исследований, так и в предоставлении полученных материалов. Некоторые отчеты отправлялись на доработку по нескольку раз. Контроль отделов археологии за качеством отчетов во многих случаях был совершенно недостаточным. Следует отметить, что последовательности в деле повышения качества работ не проявила и дирекция Института истории. Так, за два года работы Полевого комитета не были приняты ни «Положение о Полевом комитете», ни «Инструкция по проведению археологических разведок, раскопок и предоставлению отчетов». А это позволило некоторым археологам критику своих недостатков в проведении работ и ошибки в представленных отчетах объявлять предвзятым отношением к ним со стороны Полевого комитета.

К тому же возникло дополнительное осложнение. Верховный Совет Республики Беларусь обсудил и принял новый «Закон об охране историко-культурного наследия» (май 1992 г.). По этому закону

для охраны исторических, в том числе в археологических, памятников создается новая служба с большими полномочиями — Государственная инспекция по охране исторического наследия (ДзІНАС). В конечном счете, по примеру службы хранителей археологического наследия в ПНР, эта служба должна была иметь своих представителей на местах и осуществлять контроль за состоянием археологических памятников. Но для этого требовалось в первую очередь принять Постановление СМ Белоруссии об обязательной археологической экспертизе строительных работ на этапе проектных изысканий и предусмотреть меры наказания за разрушение или повреждение памятников археологии. Вместо этого Инспекция решила контролировать прежде всего научные исследования, как если бы это и было основной причиной разрушения археологических памятников. И вновь созданная служба, не имея в штате ни одного квалифицированного археолога, решила выдавать Открытые листы на право проведения работ, не обращая внимания на наличие отчета за прошлый год (какая уже здесь может идти речь о качестве отчетов?). В результате в 1994 г. Открытые листы уже выдавались людям, не представившим отчет за прошлый год, а также слабо подготовленным археологам. При данном порядке не может быть какой-либо координации научных работ, так как для получения Открытого листа достаточно заявки заказчика, который финансирует работы (иногда это отдел культуры или районный музей), на любое лицо, в том числе лицо без специальной подготовки. Таким образом, не создав новой системы охраны памятников, Инспеция разрушила старую систему организации научных исследований и контроля за их качеством и открыла путь для разрушения памятников.

В таких условиях работа Полевого комитета по улучшению качества работ оказалась бесполезной, и в конце 1994 г. он прекратил работу. Однако сложившаяся ситуация с охраной памятников и организацией научных изысканий не может быть признана нормальной, и следует искать пути выхода.

К значительным достижениям в области археологии в Белоруссии следует отнести увеличение возможностей для научных обменов и для введения в научный оборот материалов. Изменения наиболее показательны, если иметь в виду то, что за 10 предшествующих лет в Белоруссии была проведена только 1 конференция (в 1982 г.) и опубликовано 4 сборника статей (наилучшая форма для быстрого введения в научный оборот новых материалов).

За 1991—1994 гг. в Белоруссии было проведено пять крупных научных конференций. На Всебелорусской конференции историков в феврале 1993 г. археологи приняли участие в работе двух секций. Темы других конференций в большей степени касались проблем археологии. Так, в Институте истории АНБ были проведены две международные конференции: «Население Белоруссии и смежных территорий в эпоху железа. К 80-летию со дня рождения А. Г. Митрофанова» (декабрь 1992 г.) и «Время, памятники, люди. Памяти репрессированных археологов» (октябрь 1993 г.). В работе конференции (выступления с докладами, сообщениями, дискуссиями) приняли участие наряду с белорусскими археологами и коллеги из России, Литвы, Украины и Польши.

Особенно следует отметить две международные конференции, проведенные этнокосмологическим центром «Крыўя», который объединяет в своих рядах людей, интересующихся историей и культурой Белоруссии. И эта самодеятельная общественная организация смогла найти возможности для проведения конференции по темам: «Этногенез белорусов» (1993 г.), «Этнокосмология Восточной Европы: балтская модель мира» (1994 г.). В работе конференции наряду с археологами приняли участие антропологи, лингвисты, этнографы из Белоруссии, Литвы, Латвии, России, Украины, Польши. На конференциях обсуждались важнейшие проблемы (происхождение белорусов, особенности их материальной и духовной культуры, Белоруссия и ее место в Европе). Только в таких конференциях с участием представителей разных наук можно в полной мере обсуждать многие важные проблемы. К сожалению, этнокосмологический центр «Крыўя» не выпускал тезисов докладов этих конференций, но в ближайшее время должен выйти из печати сборник докладов конференции 1993 г.

Кроме международных конференций в Белоруссии проходили областные и районные краеведческие конференции, где принимали участие археологи. Следует выделить в этом отношении г. Могилев где находят возможность проводить такие конференци ежегодно, иногда и по две в году (см. приложение). В Гродненской обл. такие конференции проводятся по районным центрам и приурочиваются к определенным историческим датам (в Воронове в 1992 г., в Сморгони в 1994 г.). На Гомельщине (Гомель, 1991 г.) и Брестчине (Пинск, 1994 г.) было проведено по одной конференции.

Значительно возросло количество публикаций. Так, кроме журнала «Весці АН Беларусі, серыя гуманітарных навук», были созданы еще два научно-популярных журнала «Беларуская мінуўшчына» и «Беларускі гістарычны часопіс». Кроме того, начал издавать свой журнал «Крыўя» этнокосмологический центр «Крыўя» (1994, № 1) и в 1994 г. вышел первый номер журнала «Беларускі гістарычны агляд». Помимо журналов, за 1991—1994 гг. были изданы 10 монографий. 15 брошюр и 20 различных сборников (см. приложение). Издательство «Наука и техника» издает в основном монографии, но в ситуации экономического кризиса с безудержной инфляцией издавать научную литературу становится все менее выгодно, особенно если учитывать долгий срок подготовки работ к печати. Поэтому большое значение приобрели книги, издаваемые средствами быстрой печати и, как правило, на средства спонсоров. Следует отметить серию работ В. Ф. Копытина (семь брошюр), где изданы археологические карты различных районов Могилевской обл. В работах дано описание памятников, и они проиллюстрированы планами, схемами и картами, что позволяет решать проблемы как охраны, так и популяризации данных археологии.

С 1993 г. в Институте истории АН Беларуси, благодаря инициативе археологов А. А. Метельского и М. И. Лошенкова, положено начало продолжающемуся изданию «Гістарычна-археалагічны зборнік» (см. приложение). На данный момент уже вышли из печати шесть номеров сборника. В дальнейшем издание сборников будет продолжено (в среднем до двух-трех томов в год). Возможно, удастся

улучшить качество издания. В этих сборниках публикуются результаты последних исследований археологов по всем эпохам (с мезолита до эпохи Великого княжества Литовского), по проблемам, связанным с территорией Белоруссии. В дальнейшем не исключена возможность издания статей, касающихся проблематики смежных территорий.

В последнее время практически разорваны связи с многими научными центрами бывшего Советского Союза. Археологическая литература поступает в Белоруссию в небольшом количестве и благодаря личным связям. В то же время большая часть литературы Белоруссии редко попадает за ее пределы. Для ликвидации этого информационного вакуума, который будет иметь самые негативные последствия уже в ближайшем будущем, предлагаем наладить обмен литературой. Мы предлагаем желающим (как организациям, так и отдельным лицам) начать этот обмен, чтобы иметь новинки литературы для библиотеки и архива Института истории АНБ (адрес: 220072, Беларусь, г. Минск, ул. Ф. Скорины, 1, Институт истории АНБ, Медведеву А. М.). В дальнейшем с установлением круга корреспондентов можно подбирать к обмену и литературу, издаваемую небольшими тиражами за пределами Минска (тезисы, сборники конференций).

Таким образом, в последние годы, несмотря на ухудшение экономической ситуации, развитие археологии в Белоруссии продолжается вполне успешно.

А. М. Медведев

Археологическая литература, изданная в Белоруссии в 1991—1994 года

1991 г.

1. *Дучыц Л. У.* Браслаўскае Паазер е у IX—XIV стст. (Гісторыкаархеалагічны нарыс). Мінск. 120 с. Іл.
2. *Лысенко П. Ф.* Дреговичи. Минск. 244 с.
3. *Копытин В. Ф.* Археологические памятники Круглянского района Могилевской области. Каталог. Могилев. 50 с. 22 рис.
4. *Тарасаў С. В.* Чарадзей сёмага веку Траяна: Усяслаў Полацкі. Минск. 67 с. (9) л. Іл.
5. Браслаускія чытаньні. Матэрыялы II канферэнцыі.
6. Гомельщина. Археология, история, памятники. ТД Гомельской обл. науч. конф. по историческому краеведению. Гомель. 103 с.
7. Могилевщина. Могилев. 80 с.

1992 г.

1. *Вяргей В. С.* Археалагічная навука у Беларускай ССР (1919—1941 гг.). Мінск. 144 с.
2. *Левко О. Н.* Средневековое гончарство Северо-Восточной Белоруссии. Минск. 127 с.
3. *Штыхаў Г. В.* Крывічны. (Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі). Мінск. 191 с. Іл.
4. *Копытин В. Ф.* Археологические памятники Бельничского района Могилевской области. Могилев. 44 с. 62 рис.
5. *Копытин В. Ф.* Археологические памятники Чаусского района Могилевской области. (Научно-справочное издание). Могилев. 53 с. 45 рис.
6. *Копытин В. Ф.* Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев. 86 с.
7. *Русов П. А.* Деревянные сооружения Менска XIII—XVII вв. (Опыт архитектурно-археологической реконструкции). Минск. 53 с. Ил.
8. Актуальная пытанні гісторыі Беларусі. Мінск. 196 с.
9. З глыбі вякоў. Мінск. 253 с.
10. Магілёушчына (III выпуск). Магілёў
11. Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый ў эпоху жалеза. Да 80-годдзя з дня нараджэння. А. Г. Мітрафанава. Мінск. 126 с.
12. Паведамленні 2-й абласной краязнаучай канферэнцыі (29 кастрычніка 1991 г.). Магілёў. 55 с.

1993 г.

1. Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск. 702 с. Іл.
2. *Здановіч Н. І., Трусау А. А.* Беларуская паліваная кераміка XI—XVIII стст. Мінск. 183 с. Іл.
3. *Трусау А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І.* Стары замак у Гродне XI—XVIII стст.: Гістарычна-археалагічны нарыс. Мінск. 153 с.
4. *Дучыц Л. У.* Археалагічныя помнікі у назвах, вераваннях і паданнях беларусаў. Мінск. 59 с. Іл.
5. *Копытин В. Ф.* Археологические памятники Шкловского района Могилевской области. Могилев. 50 с.
6. *Копытин В. Ф.* Археологические памятники Могилева и окрестностей. Могилев. 46 с. 52 рис.

7. *Левко О. Н.* Средневековая Орша и ее округа (историко-археологический очерк). Орша. 51 с.
8. Гістарычна-археалагічны зборнік. Памяці Міхася Ткачова. У 2-х ч. Ч. 1. Мінск. 180 с.
9. Гістарычна-археалагічны зборнік. Памяці Міхася Ткачова. У 2-х ч. Ч. 2. Мінск. 183 с.
10. Дняпроускі край. Паведамленні абласной краязнаўчай канферэнцыі. 23 красавіка 1992 г.). Магілёўу. 110 с.
11. Магілёушчына. IV вып. Магілёў. 122 с.
12. Прыдняпроўе (Паведамленні навуковай абласной краязнаўчай канферэнцыі. 28.10.1992 г.). Магілёу. 66 с.
13. Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Гістарычная навука: гістарычная адукацыя у Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы). Ч. 1, 2. Мінск.
14. Час, помнікі, людзі: Памяці рэпрэсаваных археолагау. Тез. докл. міжнар. канф. Мінск.

1994 г.

1. *Кушнярэвіч А. М.* Культавае дойлідства Беларусі XIII—XVI стст. Мінск. 12 арк.
2. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2 ч. Ч. 1. Мінск. 527 с. Іл.
3. *Бектинеев Ш. И.* Денежное обращение Великого княжества Литовского в XIII—XV вв. Мінск. 80 с.
4. *Вяргей В. С., Селех М. К.* Археалагічныя помнікі Петрыкаўскага раёна Гомельскай вобласці. Мінск. 63 с.
5. *Копытин В. Ф.* Археологические памятники Чериковского района Могилевской области. Могилев. 64 с.
6. *Краўцэвіч А. К.* Тэўтонскі ордэн: Ад Іерусаліма да Грунвальда. Мінск.
7. *Саганові́ч Г. М.* Войска Вялікага княства Літоускага у XVI—XVII ст. Мінск. 79 с. Іл.
8. Археалогія і старажытная гісторыя Магілёушчыны і сумежных тэрыторый. (Матэр. канф. 22 крас. 1993 г.). Магілёў. 176 с.
9. Гістарычна-археалагічны зборнік. № 3. Мінск. 286 с.
10. Гістарычна-археалагічны зборнік. № 4, Сярэднявечча. Мінск. 226 с.
11. Гістарычна-археалагічны зборнік. № 5. Мінск. 276 с.
12. Славутыя людзі Воранаўшчыны. Гродна-Нача. 60 с.

VII И VIII ПОЛЕВЫЕ СИМПОЗИУМЫ ПО ПРОБЛЕМАМ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И УРАЛА

(Пегрема, Кижи, Бесов Нос, 1993, 1994)

Симпозиумы состоялись на базе Пегремской комплексной экспедиции музея-заповедника «Кижи» 24—28 августа 1993 и 1994 гг. В их работе приняли участие ведущие археологи Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Ижевска, Йошкар-Олы, Вологды, Кижей. На VII симпозиуме рассматривался круг проблем, связанных с культурами ямочно-гребенчатой керамики. Материалы симпозиума частично опубликованы *.

VIII симпозиум был посвящен памятникам с позвонковой и накольчатой керамикой лесной полосы Евразии. Исследователи предложили новые интерпретации некоторых проблем раннего неолита. В частности, в докладе «Некоторые общие и локальные тенденции развития древних орнаментальных комплексов на Западно-Сибирской и Русской равнинах» М. Ф. Косарев (Москва) высказал свои наблюдения определенной «симметричности» историко-культурного развития Западно-Сибирской и Русской равнины, особенно ярко выраженной в орнаментации неолитической керамики. По мнению исследователя, и там, и там в неолите выявляются три орнаментальных комплекса: отступающе-накольчатый, ямочно-гребенчатый (гребенчато-ямочный) и гребенчатый. Но если на Русской равнине прослеживается некоторая этапность в последовательности названных комплексов, то в Западной Сибири они существуют в общем параллельно, по-разному взаимодействуя и по-разному взаимосменяя друг друга в тех или иных районах западносибирской территории. Если на Русской равнине названные орнаментальные комплексы умирают к началу энеолита или бронзового века, то на Западно-Сибирской они существуют до поздних периодов эпохи бронзы, а гребенчато-ямочная керамика доживает до II тысячелетия н. э. (в Томско-Нарымском Приобье), упираясь в исторических селькупов (самодийцев по языку). Учитывая все это, ретроспективный подход в этнической интерпретации культур уральского (праугро-финно-самодийского) ареала удобнее использовать в Западной Сибири, чем в Восточной Европе.

* Памятники древних культур лесной полосы Евразии. Петрозаводск, 1993.

© А. П. Журавлев, М. Ф. Косарев, Л. А. Наговицын, 1995 г.

В этнокультурной истории Западной Сибири наблюдается чередование волн этнокультурной консолидации и этнокультурной дифференциации: финальный палеолит — дифференциация; мезолит и ранний неолит — консолидация; бронзовый век — дифференциация; ранний железный период — консолидация. Такая «волнообразность» выглядит здесь исторической закономерностью, что требует определенной коррекции традиционного ретроспективного подхода, исходящего в целом из априорной уверенности в однонаправленном нарастании этнокультурной дифференциации (уральская общность — угры, финны, самодийцы — формирование отдельных народностей внутри угорской, финской и самодийской групп). Важно учитывать, что формирование ныне живущих на Урале и в Западной Сибири народов (хантов, манси, энцев, ненцев, нгасан) шло не на дезинтегрирующей, а на консолидирующей волне и потому в этногенетических ретроспекциях надо, видимо, предусматривать возможность того, что в урало-западносибирском регионе в бронзовом веке было намного больше языков и народов, чем во времена освоения Сибири русскими.

В. В. Напольских (Ижевск) привел этнолингвистические данные, касающиеся прародины уральцев и древнейших этапов их истории. Докладчик склонен видеть искомую прародину преимущественно в ареале западносибирской темнохвойной тайги с заходом в бассейн Енисея. Процесс распада прауральского языка прошел, как он предполагает, две фазы: 1) отпочкование дочерних языков, сопровождавшееся изменением характера и направления языковых контактов; 2) абсорбция их в две дочерние языковые общности, каждая из которых пережила новые уровни дезинтеграции, сопровождавшиеся новыми уровнями межъязыковых и внутриязыковых контактов.

К сожалению, В. В. Напольских не представил тезисы своего доклада, и мы поэтому не берем на себя смелость изложить эпохальную приуроченность выделенных им этапов, равно как оценить сугубо лингвистические аспекты его концепции.

В докладе «Святилища с круговой планировкой эпохи энеолита южного Зауралья и их роль в развитии религиозных представлений региона» Т. М. Потемкина (Москва) остановилась на культовой и астрономической интерпретации одного из наиболее ранних памятников этого типа — культового места Савин середины III тыс. до н. э. в Курганской обл. (56° с. ш.). Святилище имеет характерную для этого вида памятников архитектуру: два круга, расположенных вплотную (вероятно, неодновременных), диаметром 14 и 16 м, образованных рвами, по дну которых с внешней стороны находились ямы (столбовые) и кострища, являющиеся маркировочными метами и фиксирующие (по тени) все важнейшие точки восходов и заходов солнца и луны. Особо важную роль играли входные коридоры, которые являлись определенной конструкцией для фиксации восходов и заходов солнца и луны в период весеннего и осеннего равноденствия (21 марта и 23 сентября). О сакральных функциях памятника свидетельствуют скопления у определенных ям костей животных (лошади, лося, косули), керамики, орудий труда; пятна прокала и охры; безынвентарные человеческие захоронения. Анализ материала свидетельствует о ведущей роли охотничьих обрядов, связанных главным образом с охотой на лошадь, находящейся, по ряду данных, на стадии приручения. По аналогии с синхронным святилищем на Горбуновском торфянике столбы, маркирующие наиболее значимые направления солнца и луны и выступающие их символами, могли быть оформлены в виде примитивных антропоморфных изображений (идолов). Наиболее вероятна родовая принадлежность святилища. Аналогичное святилище исследовано также под Тюменью (Велижаны II, раскопки Л. А. Дрябиной), что позволяет предполагать открытие в ближайшее время новых памятников этого типа, прежде всего в Урало-Сибирском регионе. Таким образом, выясняется, что памятники эпохи энеолита — бронзового века, исследуемые в последние два десятилетия в Западной Европе как археоастрономические объекты (хенжи), были распространены достаточно широко, вплоть до Зауралья. Наиболее вероятна их связь на всей отмеченной территории с индоевропейскими и индоиранскими группами населения. В дальнейшем в эпоху бронзы и раннего железного века вместе с ираноязычным лесостепным и степным населением многие элементы существующих в эпоху энеолита мировоззренческих представлений проникают в южнотаежную зону в среду финно-угорского массива культур. У угорских и некоторых самодийских народов Обь-Иртышья признаки энеолитических религиозных представлений, зафиксированных по археологическим материалам на святилищах Горбуново, Савин, Велижаны II, сохранились по этнографическим данным вплоть до наших дней (начало XX в.— устройство культовых мест и культовых сооружений, характер обрядов, тип религиозной скульптуры и т. д.).

По мнению авторов доклада «Памятники с накольчатой керамикой в неолите Лесного Приуралья» В. П. Денисова и А. Ф. Мельничука (Пермь), накольчатая посуда распределяется на две хронологические группы: раннего типа и позднего. Определение хронологической позиции памятников с накольчатой керамикой в системе неолита Прикамья вызывает большие сложности из-за отсутствия абсолютных дат. По мнению докладчиков, время существования накольчатых комплексов — грань позднего неолита и раннего энеолита (вторая половина IV тыс. до н. э.— первая половина III тыс. до н. э.). По облику материальной культуры комплекс накольчатой керамики резко конт-растирует с классическими камскими гребенчатыми комплексами (форма сосудов, орнаментальные традиции, особенности кремневой индустрии), что позволяет считать их носителей явно чужеродным элементом в лесном Приуралье. Носители накольчатой посуды на определенной стадии явно сосуществовали с местными приуральским населением, что проявляется в своеобразном взаимовлиянии этих двух культурных групп (местные традиции в технологии приготовления сосудов с накольчатой орнаментацией, появление типичных уральских форм сосудов у носителей накольчатой посуды и плоскодонная посуда в гребенчатых комплексах, появление наконечников с выделенным черешком на пластинках у камского населения в позднем неолите). Адаптация носителей керамики с накольчатой орнаментацией к местным культурным традициям, по мнению докладчиков, была достаточно быстрой, и процесс их ассимиляции привел к тому, что в энеолитических памятниках гаринской культуры практически полностью, за исключением крайне редких элементов в орнаментации сосудов, отсутствуют культурные традиции пришлого населения.

В сообщении «Стоянка Усть-Залазнушка II — новый памятник хуторского типа в Уральском Прикамье» А. Ф. Мельничук (Пермь) представил материалы нового памятника, содержащего классические гребенчатые комплексы камского неолита. В раскопанном на стоянке жилище подпрямоугольной формы (12 × 4,4 × 3,8 м) получены материалы, которые, по мнению автора, фиксируют позднюю фазу развития классических камских гребенчатых комплексов хуторского типа. Материальная культура стоянки позволяет еще более четко развить точку зрения О. Н. Бадера на проблему формирования гаринской культуры на базе боровоозерских (хуторских) памятников камского неолита.

В докладе «Памятники с накольчатой керамикой Волго-Камья» Л. А. Наговицын (Ижевск) предпринял попытку обобщить известные материалы стоянок с накольчатой керамикой. По его мнению, в изучении этих древностей наиболее важны в археологическом аспекте три вопроса: истоки, хронология и их финал. Поскольку стратифицированных памятников нет и нельзя сейчас определенно говорить об одном хронологическом пласте, автор предполагает несколько волн южных переселенцев в лесную зону из разных мест. Им выделено несколько районов сосредоточения стоянок: в Нижнем Прикамье — три группы; в Вятском — две; в Верхнем и Среднем Прикамье — три; в Среднем Поволжье — одна. Основная масса населения переселилась, видимо, из лесостепного Среднего Поволжья, где оставила памятники типа стоянок Виловатская, Лебежинская, Ильинская, Лебяжье I и др., относящиеся к средневолжской культуре. По хронологии выделяются две группы: камская (средний неолит) — II Щербетская, Дубовские III, VIII, Усть-Шижма I, Чашкинское озеро VI (сосуды, близкие зауральским) и поздняя (поздний неолит) — II Татарско-Адибейская, II Дубовская, Сауз I, I Кочуровское, Чашкинское озеро VI (сосуды с насечками). В определенной степени можно говорить об их культурной преемственности, что не исключает влияния населения других регионов.

В докладе «Проблемы хронологии и культурных традиций в неолите Камско-Вятского междуречья» Т. М. Гусенцова (Санкт-Петербург) привела данные о существовании двух хронологических этапов в развитии неолита региона, представленных памятниками с гребенчатой и накольчатой керамикой. Автором поставлен вопрос о необходимости удревнения возраста памятников с керамикой хуторского типа камской культуры до V тыс. до н. э. Рассмотрена проблема сосуществования на одной территории двух групп населения с различным способом орнаментации посуды, выделен вятский вариант камской культуры, близкий неолиту Нижней Камы и Среднего Поволжья, сделан вывод о неправомерности выделения Г. М. Буровым в свете новых данных особой вычегодско-вятской культуры эпохи неолита.

Доклад А. П. Журавлева (Петрозаводск) и Л. Я. Крижевской (Санкт-Петербург) «Культурно-хронологическое соотношение ромбо-ямочной и накольчатой керамики на западе России» по новому рассмотрел проблему соотношения ромбо-ямочной и накольчатой керамики. Авторы приходят к выводу о культурном единстве в неолите лесостепи накольчатой и ромбо-ямочной посуды. В Карелии эта керамика зародилась на базе местной неолитической, в энеолите она здесь составила основное количество памятников, которые объединены А. П. Журавлевым в единую среднекарельскую культуру. Именно с нею на Европейском Севере связывается феномен открытия и использования полезных свойств местной самородной меди и развитие металлообработки.

В докладе А. П. Журавлева «Раннеолитическая культура Пегрема» по-новому рассмотрены комплексы керамики «сперрингс», где объединены сосуды с позвонковым, нарезным, веревочным орнаментом. По мнению автора, археологи, объединив эту керамику в «сперрингс», зашли в тупиковый вариант, поставив себя в сложное положение тем, что речь идет о разной посуде, где без труда можно усмотреть уральские, верхневолжские, днепро-донецкие и даже сибирские элементы. Необходим более дифференцированый подход к изучению керамики «сперрингс», чтобы выделить для нее характерные местные корни и пришлые элементы. Автор приходит к выводу, что самая ранняя керамика в Заонежье возникла на базе памятника оленеостровской позднемезолитической культуры. Сосуды были орнаментированы оттисками рыбьих позвонков, а каменная индустрия базировалась на местных сырьевых ресурсах. Эта яркая ранненеолитическая культура Заонежья получила свое название по эталонному памятнику (Пегрема IX) — Пегрема.

Доклад «Памятники раннего неолита северо-восточных районов Ленинградской области» (Т. М. Гусенцова, Н. А. Андреева, Санкт-Петербург) посвящен характеристике ранненеолитических комплексов стоянок Падань I, Мальгиничи, Мульевская, Андозеро VIII. Наиболее выразительная коллекция получена со стоянки Падань I (более 2000 фрагментов). Керамика включает фрагменты с веревочным, прочерченно-отступающим, позвонковым, гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом, имеющим близкие аналогии керамическим комплексам из памятников Карелии (Пегрема IX, Сулгу III, Сандермоха IV и др.).

В докладе «Многослойное поселение Тудозеро V» А. М. Иванищев (Вологда) познакомил с комплексами стоянки Тудозеро V, расположенной на дюнном берегу между Онежским озером и Тудозером. В 1988—1994 гг. на памятнике вскрыта площадь 930 м^2. Культурные комплексы залегают под передувом дюны на глубине до 1 м. В средневековом слое обнаружены фрагменты грубой лепной керамики VIII—XI вв.: железный нож, бронзовая игла, шило; в слое раннего железного века вскрыто жилище столбовой конструкции. Находки: нож серповидной формы, шило, наконечники стрел, рыболовные крючки, льячка, керамика (слой датируется серединой I тыс. до н. э.). В слое эпохи бронзы и энеолита (мощность 10—70 см) найдена керамика. Ниже в песке рыже-желтого цвета обнаружена посуда сперрингс и ямочно-гребенчатая. В этом же песке исследовано 10 погребений конца III тысячелетия до н. э. Все они сопровождались украшениями из янтаря. Под слоем рыже-желтого песка залегала прослойка желтого песка (балласт). Под ним песок черного цвета, насыщенный углями и кальцинированными косточками (мощность 70 см). В этом слое исследованы остатки жилища и система очагов. Найденный здесь инвентарь носит позднемезолитический облик: ножевидные

пластины, скребки, нуклевидные обломки, керамика сперрингс и ямочно-гребенчатая. Этот комплекс датируется 7240 ± 160 (ТА — 2354) годом.

«Керамика сперрингс в Восточном Прионежье» — доклад С. В. Ошибкиной (Москва). В нем автор указывает, что распространение культуры сперрингс в районе ледниковых озер Восточного Прионежья представляется эпизодическим, поскольку характерная керамика встречается повсюду единичными фрагментами. Только в Ильинском острове на Мошинском озере найдены обломки 18—20 сосудов, что тем не менее не позволяет отодвинуть границу культуры сперрингс так далеко к востоку. По мнению автора, из основного ареала культуры в Финляндии и Карелии отдельные группы населения время от времени продвигались в озерные бассейны Восточного Прионежья, где вступали в контакт с обитавшим там населением ямочно-гребенчатой керамики. Время этих контактов предварительно определено первой половиной IV тыс. до н. э. В целом культуру сперрингс следует относить к раннему неолиту (V тыс. до н. э.) с известными оговорками, так как ее сложение относится ко второй половине — концу V тыс. до н. э. В Финляндии эта культура не древнее 4200 г. до н. э.

В сообщении А. М. Жульникова (Петрозаводск) «Раннеолитические памятники бассейна р. Тунгуда» указывается, что в последние десятилетия на севере Карелии выявлено более 50 стоянок с раннеолитической керамикой, 14 из них находятся в бассейне р. Тунгуда. На семи поселениях проведены раскопки (площадь раскопов 3500 м^2). Выделено 36 неолитических сосудов. Полученные данные позволили автору высказать мнение, что Северная Карелия не входит в область распространения керамики типа сперрингс. Здесь распространяется керамика типа Сяр-I, известная в Северной Финляндии, а также раннеолитическая гребенчатая.

В сообщении М. М. Шахновича и Н. Б. Васильевой «Опыт экспериментального расщепления, или к вопросу о кризисе формальной типологии кварцевой индустрии» показано своеобразие структурно-текстурных особенностей кварцевых пород. Вслед за многими другими исследователями авторы сообщения приходят к выводу, что на кварцевую индустрию, вследствие ее специфичности и своеобразия, нельзя слепо калькировать типологические клише обработки кремня.

Заслушанные доклады вызвали оживленную и плодотворную дискуссию, содержание которой мы надеемся отразить в специальном сборнике, посвященном материалам симпозиума.

Музей-заповедник «Кижи»
Институт археологии РАН, Москва

А. П. Журавлев, М. Ф. Косарев, Л. А. Наговицын

XVIII «КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(Кисловодск, 1994)

С 22 по 26 апреля 1994 г. в г. Кисловодске проходил традиционный, уже XVIII по счету, форум археологов-кавказоведов — «Крупновские чтения». Конференция носила юбилейный характер, так как проводилась в год 90-летия со дня рождения Е. И. Крупнова (1904—1970) — крупного кавказоведа, сотрудника центральных (ГИМ, Институт археологии) и региональных научных учреждений, организатора местной науки, наставник многих ныне работающих археологов Северного Кавказа.

«Чтения» были организованы постоянным координационным советом конференции, Кавминводским научно-исследовательским филиалом Ставропольского центра «Великий шелковый путь» и Кисловодским филиалом Ставропольского объединенного краеведческого музея при поддержке Института археологии РАН, проходили на базе музея.

На конференцию было заявлено 59 докладов 67 ученых из 20 городов России, а также из Украины и Азербайджана. Хотя по разным причинам не все заявленные участники смогли приехать, тем не менее были представлены практически все административные единицы Северного Кавказа (кроме Чечни), Москва, Санкт-Петербург, а также такие достаточно удаленные от региона центры, как Баку, Киев, Кемерово.

Официальное открытие конференции проходило при участии представителей городской администрации, комитетов по культуре и охране историко-культурных памятников. Участников конференции приветствовали телеграммами директор Института археологии Р. М. Мунчаев и семья Е. И. Крупнова.

После открытия конференции утреннее заседание вел д-р ист. наук В. А. Кузнецов. С. Н. Савенко (Кисловодск) выступил с докладом, подводящим некоторые итоги изучения археологических памятников Кавминвод, преимущественно эпохи раннего средневековья, и намечающим наиболее перспективные пути дальнейших изысканий. Подчеркнута особая значимость памятников микрорегиона для решения общесеверокавказских научных проблем. Острополемическим было выступление И. М. Чеченова (Нальчик), резко критиковавшего негативные тенденции, проявившиеся в изучении археологии и ранней истории Северного Кавказа с 1985 г. Это, главным образом, появление

© Я. Б. Березин, С. Н. Савенко, 1995 г.

и широкое распространение псевдонаучных теорий, смысл которых в конечном счете сводится к «доказательству» особой древности, высокого уровня развития культуры, исторического превосходства одних народов над другими. Особенно подчеркивалось, что слабо обоснованные научные «открытия» публикуют и «остепененные» ученые из республик и краев Северного Кавказа. Уже в ходе изложения доклада началось обсуждение актуальной научной проблемы. Р. М. Магомедов (Махачкала) на основе анализа материалов гинчинской культуры эпохи средней бронзы и последующей каякентско-харачоевской культуры приходит к выводу об их значительной культурной близости, но не прямой генетической взаимосвязи. Установлены сосуществование на определенной территории памятников поздней гинчинской и ранней каякентско-харачоевской культур и складывание КХК в южных и восточных районах ареала с последующим распространением на всю территорию культуры. Обстоятельный доклад С. Н. Кореневского (Москва) подводит некоторые итоги изучения предмайкопского периода в Предкавказье, включая данные о поселениях и могильниках, керамике, реконструируемых формах раннего производящего хозяйства. Автор считает возможным говорить о выделении двух больших культурных зон: западной, кубанской, имевшей прочные культурные связи с населением юга Восточной Европы вплоть до карпато-дунайского региона, и восточной, терской, ориентировавшейся на Закавказье. Район Кавминвод в рассматриваемое время оценивается как контактный.

Вечернее заседание вела д-р ист. наук В. И. Козенкова. Его открыл доклад Н. Г. Ловпаче (Майкоп). Опираясь на результаты исследования керамики из ряда мегалитических сооружений на территории Адыгеи, он приходит к выводу о возведении части дольменов в эпоху энеолита и использовании их «майкопцами» в последующий период. Острым и резко полемичным было выступление В. Л. Ростунова (Владикавказ), касавшееся ряда вышедших в последние годы статей В. И. Марковина по спорным вопросам археологии ранней бронзы. Сообщение И. Н. Алиева и М. М. Сеидова (Баку) с информацией об антропоморфных изваяниях эпохи бронзы с территории Азербайджана прочитал Т. И. Ахундов. Авторы датируют стелы III — началом II тыс. до н. э. и считают, что они являлись звеном в линии распространения данной этнокультурной традиции из Передней Азии на Северный Кавказ. Стелы Южного и Северного Кавказа предлагается изучать в комплексе. В докладе Н. И. Шишлиной (Москва) на основе математического анализа формальных признаков соотношения входной ямы и камеры катакомб предпринимается попытка создать схему возникновения катакомб эпохи средней бронзы, выявить линии развития разных типов катакомб, приблизиться к решению вопроса происхождения ряда катакомбных культур.

Большинство участников конференции, выступивших в прениях (Б. В. Техов, В. А. Кузнецов, Р. М. Магомедов, С. Н. Савенко, Е. И. Нарожный) согласились с основными положениями доклада И. М. Чеченова, сочли его нужным и своевременным, дополнили его новыми фактами и аргументами. В. А. Кузнецов предложил принять обращение конференции к научной общественности Северного Кавказа по поводу искажений истории региона. Р. М. Магомедов высоко оценил доклад С. Н. Кореневского за важность поставленных проблем, аргументированность выводов, а также доклад Н. И. Шишлиной, отметив, впрочем, отрыв типологии катакомб от погребального материала. С. Н. Савенко предостерег от чрезмерной увлеченности в детализации морфологических особенностей катакомб для исторических выводов в связи с докладом Н. И. Шишлиной. На докладе Н. Г. Ловпаче остановились А. Л. Нечитайло, С. Н. Кореневский, Б. В. Техов. Они оценили его как очень интересную, проработанную гипотезу, хотя и не со всеми выводами автора согласились. А. Л. Нечитайло возражала против мнения С. Н. Кореневского о становлении производящего хозяйства в Предкавказье в эпоху энеолита; по ее мнению, это произошло в неолите. А. А. Демаков в своем выступлении акцентировал внимание на ошибке в докладе С. Н. Савенко в его и В. А. Фоменко подходе к определению носителей северокавказского скального обряда. Они считают скальные погребения не «тюркско-болгарскими», а «алано-болгарскими», что, однако, не нашло четкого выражения в опубликованных работах археологов.

Утреннее заседание 23 апреля вел канд. ист. наук И. М. Чеченов. С совместным докладом И. Г. Нариманова и Т. И. Ахундова (Баку) выступил Т. И. Ахундов. Доклад посвящен группе подкурганных склеповых захоронений последней трети III — начала II тыс. до н. э. с территории Азербайджана, традиционно относимых к куро-араксу. По мнению же авторов, эта группа связана с «транскавказским блоком культур подвижных скотоводов», сменяющих куро-аракскую культуру после ухода ее носителей на Северо-Восточный Кавказ. Сообщение А. Л. Нечитайло (Киев) познакомило с кладом бронзовых серпов (ок. 50 экз.) конца II тыс. до н. э. с территории Карачаево-Черкесии. Доклад Ю. Ю. Пиотровского (Санкт-Петербург) «Еще раз о „псалиях“ майкопской культуры» не входил в первоначальную программу. Автор рассмотрел историю изучения «псалиев», продемонстрировал весь наличный материал. Он поддержал идею В. А. Трифонова об использовании петлевидных металлических предметов как символов культа богини Инан и подтвердил ее широкими историко-культурными параллелями. Б. В. Техов (Владикавказ) в своем выступлении, также не входившем в первоначальную программу, рассказал об орнаментированных бронзовых поясах Тлийского могильника. На основе анализа декора поясов он пришел к выводу об особой магической силе этих предметов в глазах их владельцев. В манере изображения автор видит хеттские влияния. Основными образами являлись: волк, лошадь, антропоморфный персонаж. М. Б. Рысин (Санкт-Петербург) на основе сравнительного анализа дольменной керамики и керамики поселения Старчики в Прикубанье делает вывод (сопровождаемый рядом оговорок) о связи погребений в дольменах и поселений эпохи средней бронзы типа Старчиков. А. Ю. Скаков (Москва) после математической обработки вещевого комплекса 143 погребений Тлийского могильника подтвердил в основных чертах предложенную Б. В. Теховым хронологию этого памятника. Е. И. Нарожный (Армавир) в своем сообщении представил два предмета XIV в. из горной Ингушетии (бронзовый

штамп с изображением льва и резной ковш), которые предложил трактовать как следы дальних связей населения горной зоны Центрального Кавказа в золотоордынский период.

Вечернее заседание вел канд. ист. наук Н. Г. Ловпаче. Программный доклад В. И. Козенковой (Москва) посвящен разбору комплекса проблем, выросших в историографии вокруг памятников «новочеркасского типа». Автор выделяет четыре хронологических фазы в развитии указанного типа древностей в период с IX по VII в. до н. э. Анализируемые материалы рассматриваются как «органика кобанской культуры», в которой имели место проявления разного рода контактов и взаимосвязей с сопредельными странами в разные периоды истории региона. Сообщение А. П. Мошинского (Москва) содержало подробную разработку хронологии позднекобанского могильника Гастон Уота в Северной Осетии. Могильник состоит из коллективных гробниц, датирующихся VI—IV вв. до н. э., в инвентаре поздних хронологических групп отчетливо видно степное влияние. Доклад В. Р. Эрлиха и С. Б. Вальчака (Москва) «Еще раз о комплексах типа новочеркасского клада» не входил в первоначальную программу, был заявлен на II Кубанской археологической конференции, где и опубликованы его тезисы. Содержит подробный анализ уздечной части Новочеркасского клада, авторы признают северокавказское происхождение классических новочеркасских псалиев. Сообщение А. Б. Белинского (Ставрополь) и В. Р. Эрлиха связано с хронологией раннего горизонта могильника Клин-Яр под Кисловодском. По мнению авторов, начало функционирования памятника относится не к IX в. до н. э. (В. С. Флеров, О. Р. Дубовская), а не ранее последней четверти VIII в. до н. э. С. Л. Дударев (Армавир) вместо заявленного сообщения представил доклад «К изучению процессов межэтнического синтеза в Предкавказье в скифское время». Им сделан подробный обзор историографии вопроса и подчеркнута собственная позиция автора.

Обсуждение открыл С. Н. Кореневский, хорошо отозвавшийся о докладе Ю. Ю. Пиотровского, согласившийся со многими его положениями, но не с основным выводом и трактовками ряда сюжетов восточной иконографии. Он приветствовал попытку М. Б. Рысина связать поселенческий материал со строителями дельменов. Б. В. Техов одобрительно отозвался о докладе А. Ю. Скакова, не видя никаких принципиальных разногласий между его хронологическими построениями и своими. А. В. Дмитриев отметил доклад С. Н. Савенко как актуальный для кавминводской археологии и выступил против мнения Н. Г. Ловпаче о преемственности между каменными ящиками и дельменами. Р. Г. Магомедов согласился с высказыванием Т. И. Ахундова о некоторой общности между склепами Азербайджана и Дагестана, хотя о прямой преемственности, по его мнению, речи быть не может.

На утреннем заседании 24 апреля доклад М. Г. Гаджиева (Махачкала) зачитала Л. Б. Гмыря. Автор доклада предлагает принципиально новую хронологию хорошо известного городища Урцеки в Дагестане, отождествляемого с г. Варачаном. Он не согласен с идентификацией и датировкой VII в. до н. э.— первой половиной VIII в. н. э. и предлагает сузить хронологические рамки памятника до периода последних веков до н. э.— VI в. н. э. А. В. Дмитриев прочитал доклад А. А. Малышева (Москва), предварительно попросив снять его фамилию как соавтора, так как с текстом не согласен и тезисы с ним не согласовывались. Автор доклада рассматривает памятники меотской культуры в районе Анапы — Новороссийска, отмечая постепенное угасание местных традиций под напором античной культуры. Г. Н. Вольная (Владикавказ) рассмотрела различные аспекты прикладного искусства населения Притеречья середины I тыс. до н. э., подробно остановившись на особенностях техники работы мастеров с разным материалом. Б. Х. Атабиев (Нальчик) познакомил собравшихся с итогами своих разведок на разновременных памятниках Кабардино-Балкарии в 1991 г. Представлены были и уникальные для Центрального Кавказа находки (бюст Эроса, трехчастный гребень, головка глиняного идола). М. П. Абрамова (Москва) в обстоятельном докладе обосновала деление культуры населения Предкавказья III—V вв. на две группы: западную и восточную,— выделила характерные черты обоих вариантов, проследила их формирование, внутрирегиональную динамику и последующие трансформации.

Вечернее заседание открыла В. М. Косяненко (Ростов-на-Дону), рассмотревшая состав и функции наборов амулетов из некрополя Кобякова городища. Сделан вывод об особом насыщении разного рода оберегами детских погребений. Л. Б. Гмыря (Махачкала) подробно разобрала письменные свидетельства самых различных авторов о Прикаспийском Дагестане времени великого переселения народов. Они позволили выявить важные социально-политические и этнокультурные процессы в рассматриваемом регионе, существенный интерес сопредельных с Прикаспием государств и племенных объединений к стратегически важному региону и локальные задачи каждого из них. В. А. Фоменко (Лермонтов) и А. М. Илюшин (Кемерово) на материале поселения Провальская балка (Пятигорск) дали общую оценку подъемного материала и попытались показать азиатские влияния на культуру Пятигорья сарматского времени. О. В. Орфинская (Нижний Архыз) познакомила собравшихся с некоторыми сохранившимися изделиями из текстиля VII—X вв. из собрания Карачаево-Черкесского областного музея. З. В. Доде (Ставрополь) вместо заявленного прочитала доклад «Аланский костюм в контексте нартского эпоса». Сделан сравнительный анализ имеющихся достоверных образцов аланской одежды и сообщений нартского эпоса по одежде. Указывается на многочисленные схождения археологических фактов и сюжетов нартского эпоса. А. А. Демаков (Черкесск) и И. Л. Чумак (Санкт-Петербург) представили сообщение о разновидности согдийских тканей рубежа VIII—IX вв. со стилизованными изображениями головы кабана из фондов Черкесского музея.

При обсуждении затрагивались доклады, прочитанные за два дня. В. И. Козенкова не согласилась со многими датировками А. П. Мошинского, предложив в качестве ранней даты могильника Гастон Уота VII в. до н. э. Она же призвала А. Б. Белинского, В. Р. Эрлиха и С. Б. Вальчака более осторожно и взвешенно относиться к европейским аналогиям. А. В. Дмитриев не согласен с мнением А. А. Малышева о размещении меотов в районе Новороссийска, считает данное население синдами

и керкетами. В. А. Кузнецов, выразив удовлетворение тем, что сразу группа исследователей работает со средневековыми тканями, не согласился с А. А. Демаковым в трактовке ряда сюжетов на тканях. Высоко оценил доклад З. В. Доде, но призвал более осторожно относиться к сопоставлению археологических находок и сюжетов эпоса. Б. В. Техов одобрительно отозвался о докладе Г. Н. Вольной, но счел маловероятным существование в середине I тыс. до н. э. ремесленного производства, за исключением металлургии. Высоко оценил доклады З. В. Доде и М. П. Абрамовой. Б. М. Керефов при общей высокой оценке доклада З. В. Доде предложил учитывать неточности в русских переводах эпоса, содержащих много смысловых искажений. А. М. Илюшин счел чрезвычайно полезным и интересным доклад Л. Б. Гмыри и привел ряд сибирских параллелей к описанным ею процессам взаимоотношений кочевников тюркского круга с оседлыми группами населения.

Докладом Д. С. Коробова (Москва) началось утреннее заседание 25 апреля, которое вел канд. ист. наук С. Н. Савенко. На основе анализа материалов могильника Мокрая Балка он пришел к выводу о четком разделении аланского общества V—VIII вв. на два социальных слоя и меньшей его стратификации по сравнению с X—XII вв. Ф. Х. Гутнов (Владикавказ), используя данные погребального обряда, считает, что вотчина как наследственное владение и дружина как социальный организм оформились в Алании во второй половине XI в. Э. Д. Зиливинская (Москва) познакомила с основными итогами раскопок городища Маджар золотоордынского времени в 1989—1991, 1993 гг. Она представила наиболее интересные находки (золотая делийская монета, предметы из керамики, металла, кости). Подчеркнута особо опасная ситуация для сохранности памятников первостепенной значимости. Сообщение И. А. Аржанцевой (Москва) посвящено исследованиям известного Кяфарского городища эпохи раннего средневековья с применением детальной топосъемки. А. А. Перфильева (Москва) предложила еще одну оригинальную интерпретацию загадочного памятника раннего средневековья — нижнеархызской «ротонды». В этот же день прозвучал ряд докладов вне основной программы конференции, например, А. В. Мастыковой (Москва) «Торговые связи донских алан (на материалах изделий из стекла)» с привлечением находок различных стеклянных бус. Интересны некоторые рассуждения автора об особенностях местного стеклянного производства в Хазарии. А. М. Илюшин (Кемерово) выступил с докладом «Вооружение кочевников евразийских степей», М. Н. Ложкин (Отрадное) — с информацией о святилище X—XII вв. в Отрадненском районе Краснодарского края. Р. Х. Дзатиатты (Владикавказ) рассказал о раскопках 1993 г. на новом средневековом могильнике Даргавс. В. А. Кузнецов (Минеральные Воды) в докладе «Еще раз об аланах в Западной Европе» предложил новую трактовку европейских археологических материалов. Он считает, что идентификация тех или иных артефактов с конкретными племенами письменных источников не может быть достоверно доказана, а должна лишь предполагаться.

Общее обсуждение всех 38 заслушанных докладов было проведено в последний день конференции. Причем в выступлениях участников выдвигались не только научные проблемы, но и вопросы организационного и методического плана. Так, Ю. Ю. Пиотровский, уделивший особое внимание проблемам изучения памятников и культур Северного Кавказа эпохи ранней и средней бронзы, говорил также и о происшедшем «омоложении» состава участников представительной конференции при внесении новых смелых подходов в рассмотрение традиционных научных тем. Однако целый ряд проблем остается не разрешенным. Нет четкости в определении научных терминов: «майкопская культура», «энеолит», «предмайкоп», не подтверждается правомерность выдвижения понятия «майкопско-новосвободненская общность». Остается не разрешенным вопрос о прохождении майкопской культуры на Северном Кавказе. В вопросе о так называемых «псалиях» Ю. Ю. Пиотровский еще раз подчеркнул мысль, что они никакой связи с уздой не имеют. В дискуссию включился И. М. Чеченов, подчеркнувший мысль о том, что четкости определений археолого-культурных понятий, действительно, нет, но и нельзя на основе накопления новых материалов легко отказываться от старых наработок. Так, в частности, в позиции Ю. Ю. Пиотровского И. М. Чеченов не находит четкого ответа на вопрос, как называть памятники майкопского облика второй половины — конца III тыс. до н. э. Центрального Предкавказья и Северо-Восточного Кавказа типа Бамутских курганов. Определение «памятники Новосвободненского типа» не может считаться достаточно обоснованным. В обсуждении проблем эпохи бронзы Северного Кавказа приняли также участие Б. Л. Ростунов, С. Н. Кореневский и некоторые другие. Как и в первые дни, выступающие одобряли постановку и развитие темы проблемного доклада И. М. Чеченова. Однако указывалось, что книги с ненаучными односторонними трактовками истории народов Северного Кавказа продолжают выходить, причем нередко они ориентированы на неподготовленную, например, детскую аудиторию.

Участниками конференции обсуждались и сообщения из блока докладов по изучению средневекового текстиля (темы З. В. Доде, О. В. Орфинской, А. А. Демакова). Так, А. В. Мастыкова специально остановилась на выступлении О. В. Орфинской, посвященном изделиям из текстиля в памятниках Верхнего Прикубанья (коллекция Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея). Отмечался детальный естественно-научный подход к анализу тканей, включающий анализ состава красителей по методике лаборатории В. П. Голикова (Институт культурного и природного наследия, г. Москва).

Многих заинтересовал доклад Л. А. Перфильевой о попытке трактовки Нижнеархызского круга; А. А. Демаков вновь вернулся к высказанным версиям трактовки назначения «круга»: В. А. Кузнецов — культовое сооружение типа святилища огня, У. Ю. Эльканов — календарное сооружение, В. Н. Каминский — хозяйственно-жилое сооружение — и указал, что все версии имеют право на существование, а «круг» мог иметь вполне функциональное назначение. Песчаниковые «кругляши», найденные в комплексе, могли использоваться как «индивидуальные календари». Диаметр нижнеархызского круга и «Стоунхенджа» практически совпадают. Другие аналогии — Кой-Крылган-Кала, Аркаим. Своеобразные каменные «карманы» являются пристройками к кругу. Взгляд Л. А. Перфильевой

оценивался как новый подход к изучению рассматриваемого памятника в выступлении О. В. Орфинской. Она предположила возможность условного наложения рисунка Тавернье на чертеж Нижнеархызского «круга», Б. М. Керефов увидел в рисунке Тавернье, представленном Л. А. Перфильевой, изображение временного адыгского укрепления. В связи с данным сообщением высказался и А. Б. Белинский, сказавший, что Нижнеархызский «круг» не является единственным на Северном Кавказе. Древних круговых структур ему известно более десятка в Центральном Предкавказье. Находятся они и на Украине, диаметр наибольшего «круга» возле Ставрополя — более 100 м.

Обсуждались также доклады М. П. Абрамовой и Д. С. Коробова. С. Н. Савенко отметил, что в работах и докладе М. П. Абрамовой подведен обобщенный итог изучения памятников сарматского времени на Северном Кавказе. Картина достаточно детализована на основе новых полевых материалов. Это прочный фундамент для дальнейшего изучения вопросов северокавказского сарматоведения. По-прежнему слабо исследованной остается проблема перехода от сарматского времени к эпохе раннего средневековья. Необходимы детальные раскопки и могильников, и поселений. Д. С. Коробов приступил к важному делу применения современной естественнонаучной методики статистической проработки материалов раннесредневековых могильников Северного Кавказа, в том числе и обстоятельно изученных традиционными методами (Мокрая Балка).

В связи с рассматриваемыми проблемами Ю. Ю. Пиотровский, А. В. Дмитриев, Б. Х. Атабиев и некоторые другие касались вопроса о законодательстве по охране памятников истории и культуры. Предлагалось включить в резолюцию конференции конкретные предложения по совершенствованию содержания законодательных актов с учетом необходимости оперативного реагирования на ситуации разрушения памятников археологии в ходе строительства и массовых землеотводов. Подчеркивалась важность принятия местных постановлений.

Целый комплекс вопросов касался дальнейшего функционирования конференции, внесения определенных изменений в характер ее организации и проведения. Было подчеркнуто, что данная конференция относится к числу стабильных научных форумов. В год проведения очередной XIX конференции «Крупновским чтениям» исполнится 25 лет. В связи с этим следует приложить особые усилия к тому, чтобы данный форум не завершил свое существование в трудных общественно-политических условиях, а продолжил полезную для развития северокавказской археологической науки деятельность. Р. Г. Магомедов выступил за обновление подходов к организации конференции, за поддержку местных учреждений, на базе которых проводятся конференции, за выбор в качестве постоянного для проведения конференции одного из городов Ставропольского края, например, Кисловодска, за регистрацию конференции как организации с постоянным фондом. Н. И. Шишлина выдвинула идею получения гранта на проведение конференции; А. М. Илюшин предложил создать инициативную группу по организации финансовой поддержки конференции. И. М. Чеченов выступил с предложением расширить и обновить состав постоянно действующего координационного совета «Крупновских чтений», в частности, предложил введение в его состав С. Н. Савенко.

Перед выработкой резолюции было зачитано письмо заведующей отделом Кабардино-Балкарского архива канд. ист. наук Тютюниной Е. С. о переписке Е. И. Крупнова в связи с осуждением и репрессированием Б. Кокиева. Е. И. Крупнов смог избежать в своей позиции явного и активного шельмования имени и работ известного кавказоведа довоенных и первых послевоенных лет. Это добавило еще одну страничку к характеристике морально-этических качеств Евгения Игнатьевича.

В резолюции конференции был отмечен удовлетворительный уровень ее проведения, названы учреждения, внесшие вклад в ее организацию. В содержательной стороне документа была подчеркнута особая значимость памятников Кисловодской котловины и всех Кавминвод в изучении проблем древней и средневековой истории региона и целесообразность в связи с этим выделения необходимых средств на их охрану и исследование. Высказано предложение о формировании кавминводского археологического центра на базе Кисловодского краеведческого музея и Кавминводского научно-исследовательского филиала Ставропольского центра «Великий шелковый путь». Была создана авторско-редакционная группа для выработки обращения к деятелям науки и культуры, раскрывающего сущность и отрицательные последствия искаженного и тенденциозного освещения ранней истории и археологии Северного Кавказа. Приоритетной темой очередных XIX «Крупновских чтений» названы «Проблемы этногенеза и ранней этнической истории народов Северного Кавказа». Участники конференции признали недостаточно эффектным действующее законодательство об охране памятников истории и культуры и выступили с инициативой обращения внимания федеральных и местных законодательно-управленческих органов на необходимость принятия активных мер для введения новых действенных законодательных норм по этому вопросу. Из активных участников «Крупновских чтений» была избрана инициативная группа с целью создания в Кисловодске специального фонда для финансового обеспечения затрат по организации и проведению последующих конференций по археологии Северного Кавказа.

Очередные XIX «Крупновские чтения» планируется провести на базе Института археологии РАН (Москва) или Кисловодского филиала СТОКМ им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве в г. Кисловодске.

Я. Б. Березин, С. Н. Савенко

Кисловодский краеведческий музей,
филиал Ставропольского государственного
объединенного краеведческого музея
им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ПЕРЕХОД ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ У СЛАВЯН»

(Звенигород, 1994)

22—25 ноября 1994 г. в Звенигороде состоялся Международный симпозиум «Переход от язычества к христианству у славян (духовная культура, комплексное источниковедение, археология, лингвистика)». Симпозиум проводился под эгидой Международной Унии славянской археологии (МУСА) Институтом археологии РАН; он был включен в план международных мероприятий Отделения истории РАН.

Это не первый международный симпозиум, посвященный проблематике славянского язычества. Этой теме был посвящен международный симпозиум, проведенный в 1980 г. в Брюсселе и Генте (Бельгия) (Седов В. В., 1981; Седов В. В., Чернецов А. В., 1981). Материалы брюссельского симпозиума были опубликованы (Symposium..., 1980/81; См.: Петрухин В. Я., 1983). Второй международный симпозиум по данной проблематике был проведен в 1986 г. в Прилепе (Югославия, Македония) в качестве мероприятия Международной Унии славянской археологии (Седов В. В., 1988). В нашей стране этой теме была посвящена конференция «Древнерусское язычество и его традиции», состоявшаяся в 1988 г. во Пскове в рамках работы семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» (Археология..., 1988; Петрухин В. Я., Чернецов А. В., 1991).

Звенигородский симпозиум был проведен в рамках осуществления проекта «Истоки национального своеобразия русской культуры (археологический аспект)»*. Отметим, что в 1993 г. в связи с работой по этому проекту была проведена конференция «Истоки русской культуры. Археология и лингвистика» (Истоки... 1993; См.: Чернецов А. В., 1994), проблематика которой также во многом перекликалась с тематикой звенигородского симпозиума. К звенигородскому симпозиуму был выпущен специальный выпуск «Археологического бюллетеня», включающий историческую справку о МУСА и программу симпозиума (Международный симпозиум..., 1994).

В работе симпозиума приняли участие археологи, этнологи и лингвисты из России и шести зарубежных стран. Открывая симпозиум от лица российских археологов-славистов, к собравшимся с приветствием обратился академик Б. А. Рыбаков. В своем выступлении он также охарактеризовал значение проблематики язычества в археологической славистике. От руководства Унии с вступительным словом выступил Президент МУСА Б. Бабич (Македония). В открытии симпозиума принял участие директор Института археологии РАН Р. М. Мунчаев.

Доклад академика П. П. Толочко (Украина) «Язычество и христианство на Руси» был посвящен анализу проблемы взаимоотношения этих религий в XI—XII вв. Отметив существенные различия славянского язычества и христианского мировоззрения, докладчик утверждал, что периода двоеверия, т. е. параллельного бытования язычества и христианства, на Руси не могло быть. Христианская религия довольно быстро вытеснила язычество, в отдельных случаях приспособив некоторые старые обряды, несколько видоизменив их, к своим канонам.

Доклад П. Корошец (Словения) «Проблема христианизации славян Восточных Альп» представил несомненный интерес. В нем на основании археологических и исторических материалов анализировался сложный процесс вытеснения язычества новой религией. Миссионеры из Баварии и Италии стали внедрять христианскую религию в среду славянского населения Приальпийского региона уже в последних десятилетиях VIII в. Распространению здесь новой религии, кажется, способствовало то, что здесь имелись остатки христианского населения бывших римских провинций. Однако подлинными христианами на первых порах стали только представители верхних слоев славянского общества. В крестьянской среде древняя вера удерживалась в течение двух столетий. Об этом отчетливо говорят обрядность в погребальные инвентари карантанской культуры и данные антропонимики. Миссионеры стремились даже экономически облегчить христианизацию славянского земледельческого населения, но языческое мировоззрение крепко удерживалось в массах, и верхние слои вынуждены были в ряде случаев приспосабливаться к древним обычаям. Лишь с XI в. можно говорить о победе христианской религии в среде альпийских славян.

Доклад М. В. Седовой (Москва) «Язычество и христианство по материалам раскопок Суздаля и Владимира» был посвящен находкам последних лет, многие из которых являются яркими свидетельствами религиозных верований горожан.

В докладе Б. Бабича (Македония) «Новые данные о славянах VI/VII—VIII вв. в Македонии, Фессалии и Эпире» были собраны и проанализированы находки антских пальчатых фибул и керамические материалы Албании и Македонии. Докладчик связывает их со славянским племенем берзитов, расселившимся на рубеже VI—VII вв. в регионе Охридских озер, бассейне Дрина и верховьях Вардара.

Доклад И. П. Русановой (Москва) «Хронология Збручских святилищ» был посвящен интереснейшим памятникам, исследовавшимся докладчиком совместно с Б. А. Тимощуком. Эти городища-святилища на р. Збруч, датируемые на основании вещевых находок X—XIII вв., которые нашли отражение в вышедшей накануне симпозиума монографии (Русанова И. П., Тимощук Б. А.,

* Проведение симпозиума осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, код проекта 93-06-10584.

© В. В. Седов, А. В. Чернецов, 1995 г.

1993), представляются исключительно интересными памятниками, квалифицированно раскопанными и интересно интерпретируемыми. Ряд сомнений и возражений, которые вызывают построения авторов, ни в коей мере не умаляют значения их разработок и культурно-исторического значения самого материала, безотносительно к его интерпретации. Представляется, что открытия И. П. Русановой и Б. А. Тимощука могли бы стать отправной точкой для весьма плодотворной научной дискуссии.

Доклад Б. А. Тимощука (Москва) «Двоеверие по памятникам Збручских святилищ» был посвящен культурологической интерпретации тех же материалов.

В докладе В. Д. Барана и Б. П. Томенчука (Украина) «Галичина могила — погребение знатного древнерусского воина» содержалась интереснейшая информация о доследовании кургана в Крылосе-Галиче, упомянутого в летописи и, по преданию, приписываемого основателю этого древнерусского города. Открытое раскопками погребение с остатками лодки-долбленки свидетельствует, что умерший принадлежал к знати, и датируется X в., т. е. временем основания Галича.

Доклад А. П. Моци (Киев) «Специфические черты религиозного сознания населения Киевской Руси» был посвящен широкому рассмотрению этой проблемы, преимущественно по материалам могильников.

В докладе П. Доната (Германия) «Восстание лютичей, ободритские князья и христианская церковь» на основе анализа письменных источников было показано, что язычество в среде балтийских славян имело не только религиозное значение. Христианское миссионерство здесь сочеталось с немецким проникновением и установлением господства немецких феодалов над славянским населением. В этих условиях сохранение язычества отождествлялось с сохранением независимости балтийских славян.

В докладе В. В. Седова (Москва) «От язычества к христианству. По материалам курганов Смоленской земли» было показано постепенное распространение христианства в этом регионе Руси. Выделено несколько этапов. В первое время (конец X в.— начало XII в.) новая религия получила признание лишь в городах Смоленской земли, их ближайших окрестностях и отдельных пунктах по Балтийско-Днепровскому торговому пути. Основные массы сельского населения оставались языческими. Положение заметно изменяется с 30-х гг. XII в., когда в Смоленской земле была образована епископия и начинается строительство новых городов. Христианская религия постепенно проникает и в среду сельского населения. Во второй половине XII в. под воздействием христианства распространяется обряд захоронения умерших в грунтовых ямах под курганами. В начале XIII в. целый ряд курганных могильников прекращает функционировать — население начинает хоронить умерших на христианских кладбищах. Серединой XIII в. определяется окончательное распространение христианства в Смоленской земле.

Доклад Л. Н. Виноградовой (Москва) «Особый статус умерших в молодом возрасте в поверьях и обрядах славян» содержал интерпретацию интересных фольклорно-этнографических материалов, связанных с темой «заложных» покойников, умерших «не своей смертью».

С. Олтяну (Румыния) в докладе «Биритуальный погребальный обряд румын и славян Карпато-Дунайского региона VI—X вв.» собрал и проанализировал многочисленные археологические материалы (находки крестов, их изображений на различных предметах, особенности погребальной обрядности), свидетельствующие о наличии в этом регионе значительного христианского населения. Христиане мирно сосуществовали с язычниками, при этом процент христианского населения в ряде пунктов постепенно возрастал.

В. Я. Петрухин в докладе (Москва) «Большие курганы Северной и Восточной Европы как памятники погребального обряда» остановился на характеристике крупных курганов Скандинавии, материалы которых недавно были проанализированы и обобщены М. Мюллер-Вилле. К этому скандинавскому кругу древностей докладчик причислил и большие курганы Восточной Европы. При этом восточноевропейская специфика оказалась как бы несколько смазанной. В ходе возникшей дискуссии докладчику поставили в упрек то, что он не охватил в своем докладе такие материалы, как крупнейшие погребальные сооружения Русского Севера — новгородские сопки.

Доклад Ж. Бланкова (Бельгия) «Язычество у Герберштейна и Андрэ Тэвэ» был посвящен анализу книги последнего — малоизвестного в России французского автора, черпавшего свои познания о Восточной Европе в основном у Герберштейна. Вместе с тем в его книге имеются некоторые дополнительные сведения, главным образом касающиеся язычества литовцев.

Доклад Л. А. Беляева (Москва) «К характеристике феномена „двоеверия" по археологическим данным» был посвящен анализу некоторых черт погребального обряда, которые на первый взгляд кажутся реликтами язычества, а на самом деле оказываются вполне христианскими по своему смыслу и происхождению.

Доклад А. В. Чернецова (Москва) «К изучению мифологических образов и мотивов древнерусского прикладного искусства» был посвящен анализу семантики ряда изобразительных мотивов в искусстве XV в., истолкование которых основано на рассмотрении контекста.

Доклад О. В. Беловой (Москва) «Божии овны и зверь единорог» был преимущественно посвящен истолкованию символики образа единорога по данным письменных источников и фольклора, причем отмечалась ее расплывчатость и противоречивость.

Доклад Н. В. Жилиной «Украшения с зернью и сканью как один из источников по славянскому язычеству» был посвящен попытке истолкования ряда стилизованных изобразительных и геометрических орнаментальных мотивов в духе построений Б. А. Рыбакова.

Доклад Н. Чаусидиса (Македония) «Язычество славян южной части Македонии и Северной Греции — остатки культуры и процессы христианизации» содержал анализ многочисленных изобразительных материалов, в частности находки металлических фигурок, сходных с вещами из Марты-

новского клада, в Велеснице. Докладчик видит в этих материалах изображения славянских языческих богов и некоторые изображения отождествляет с конкретными божествами.

Научную часть симпозиума завершил доклад А. А. Медынцевой (Москва) «Письменность и религия в процессе становления древнерусской государственности». Докладчица обратила внимание присутствующих на бесспорные следы использования кириллического письма восточными славянами в дохристианское время и обрисовала сферу применения письменности на наиболее ранней стадии ее распространения на Руси.

Во время работы симпозиума были проведены заседания Исполкома и Постоянного Совета МУСА.

Деятельность МУСА, авторитетной и активно действовавшей в прошлом международной организации, в настоящее время переживает кризис, обусловленный тем, что в связи со сложной общественно-политической и экономической ситуацией, сложившейся в Югославии, VI Международный конгресс славянской археологии, который должен был состояться в 1990 г. в Прилепе (Югославия, Македония), был отложен. Нарушение периодичности Международных конгрессов славянской археологии имеет серьезные негативные последствия для международного сотрудничества археологов-славистов из разных стран и координации исследований в данной области. Кроме того, оно препятствует нормальному функционированию руководящих органов МУСА, которые давно не переизбирались. Наконец, в настоящее время встает вопрос о представительстве в руководстве МУСА ученых из вновь образовавшихся славянских государств.

В этих обстоятельствах ряд усилий с целью вывести Унию из нынешнего кризиса был предпринят археологами крупнейшей славянской страны — России. В апреле 1991 г. в Пскове была проведена конференция, на которой были заслушаны доклады отечественных ученых, предназначавшиеся для конгресса (Лопатин Н. В., Милютина Н. Н., 1992). В работе конференции приняли участие археологи из Чехословакии, Польши, Югославии (Македония), Украины, Белоруссии и Латвии. По материалам конференции опубликованы два сборника (Славянская археология..., 1993; 1995). Во время конференции было проведено расширенное заседание Бюро МУСА, посвященное современному состоянию и перспективам работы этой международной организации. В частности, отмечалась необходимость сохранения традиции регулярного проведения важнейшего форума археологов-славистов — Международных конгрессов славянской археологии.

В ходе заседаний Исполнительного Комитета и Постоянного Совета МУСА в Звенигороде, в которых приняло участие 8 членов Исполкома и один почетный член Исполкома МУСА, были приняты решения, оформленные протоколом, в котором прежде всего отмечено большое научное значение МУСА, а также озабоченность, которую вызывает ее теперешнее кризисное состояние.

Было признано целесообразным скорейшее проведение VI Международного конгресса славянской археологии с целью наметить новые пути деятельности МУСА, утвердить новый устав этой организации и переизбрать ее руководящие органы.

Учитывая, что в России имеется в настоящее время большой коллектив активно работающих археологов-славистов, и то, что Российская Федерация является крупнейшей славянской страной, где до сих пор не проводился международный конгресс славянской археологии, было признано необходимым просить российскую сторону провести высший форум славянской археологии в 1996 г.

В связи с тем, что Археологический институт Словакии, где в настоящее время находится Секретариат МУСА, не в состоянии обеспечить оперативную работу этой организации, было сочтено необходимым перевести Секретариат МУСА в Москву, в Институт археологии РАН. Президенту МУСА, а также российским членам ее руководства было поручено согласовать этот вопрос с членами Исполкома и Постоянного Совета, не присутствовавшими на заседании, с Археологическим институтом Словакии, и утвердить нового Генерального Секретаря МУСА.

Было решено поручить российским коллегам выработать проект нового устава МУСА, учитывающий изменившуюся ситуацию в Европе, обсудить его с членами Исполкома и Постоянного Совета МУСА и передать на рассмотрение на конгрессе.

Для подготовки конгресса решено создать рабочую группу во главе с В. В. Седовым и поручить ему войти в контакт с учеными из вновь образованных славянских государств для кооптации их представителей в состав Исполкома МУСА.

После завершения заседаний для участников симпозиума была организована экскурсия в Звенигородский музей и Саввино-Сторожевский монастырь.

Институт археологии РАН,
Москва

В. В. Седов, А. В. Чернецов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. конф. «Древнерусское язычество и его традиции». 1988. Псков.

«Истоки русской культуры (археология и лингвистика)». Конференция: Тез. докл. 1993. М.

Лопатин Н. В., Милютина Н. Н., 1992. Конференция «Славянская археология-1990 (к VI Международному конгрессу славянской археологии)»//РА. № 3.

Международный симпозиум в Звенигороде. 1994//Археологический бюллетень. № 3 (19).

Петрухин В. Я., 1983. Славянское язычество в свете современных междисциплинарных исследований//Балто-славянские исследования. М.

Петрухин В. Я., Чернецов А. В., 1991. Древнерусское язычество и его традиции. Научная конференция//СА. № 1.

Русанова И. П., Тимощук Б. А., 1993. Языческие святилища древних славян. М.
Седов В. В., 1981. Первый международный симпозиум по славянскому язычеству//КСИА. Вып. 164.
Седов В. В., 1988. Международный симпозиум по славянскому язычеству в Югославии//СА. № 2.
Седов В. В., Чернецов А. В., 1981. Славянское язычество как проблема междисциплинарного изучения//ВАН. № 12.
Славянская археология 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян//Материалы по археологии России. 1993. Вып. I. М.
Славянская археология 1990. Раннесредневековый город и его округа//Материалы по археологии России. 1995. Вып. II. М.
Чернецов А. В., 1994. Конференция «Истоки русской культуры (археология и лингвистика)»//Живая старина. № 4.
Symposium International et pluridisciplinaire sur le paganisme slave. Bruxelles-Gand, 21—24 mai 1980. Contributions//Slavica Gandensia. Gand. 1980/81. № 7/8.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЮГО-ВОСТОКА ДРЕВНЕЙ РУСИ»

(Воронеж, 1994)

Одной из ключевых проблем в деятельности Регионального совета центральночерноземных областей России по комплексной программе Отделения истории РАН является тематика, связанная с изучением восточных пределов славянского мира и юго-востока Руси. Первая научная конференция по данной проблеме была проведена в 1991 г. в г. Курске (см.: «Археология и история юго-востока Руси». Курск, 1991).

В мае 1994 г. на историческом факультете Воронежского университета состоялась II конференция. Она была организована Региональным советом центральночерноземных областей России «Ранние общества: взаимодействие со средой. Культура и история», Воронежским отделением археологического общества «Древности» и кафедрой археологии Воронежского университета.

К открытию конференции были изданы материалы («Археология и история юго-востока Древней Руси». Материалы научной конференции. Воронеж, 1993), но, к сожалению, на самой конференции были представлены не все доклады, имеющиеся в опубликованных тезисах. Однако были доклады, не вошедшие в данный сборник.

В ходе работы конференции обсуждались следующие проблемы: этнокультурные процессы в Днепро-Донском междуречье в I тыс. н. э.; этнополитическая ситуация на юго-востоке Древней Руси в домонгольский период.

В конференции приняли участие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Липецка, Рязани, Тулы, Пензы, Белгорода, Брянска, Ельца, другие городов России. Участвовали и ученые Украины.

В докладе С. А. Плетневой (Москва) «Саркел—Белая Вежа. Сложение городской многоэтнической культуры» затронут многообразный спектр проблем, связанных с историей южнорусских степей в конце I — начале II тыс. С. А. Плетнева кратко изложила результаты археологических исследований левобережного Цимлянского городища, отождествляемого с Саркелом—Белой Вежей. По мнению автора, крепость Саркел, сооруженная в 30-х годах IX в., не стала городом, а это был «довольно большой и благоустроенный караван-сарай с двумя гостиницами...» Как считает С. А. Плетнева, Саркел хазарского периода развивался по пути «становления маленького степного города», но этот процесс был прерван. В последующий период на месте Саркела, как убедительно показано в докладе С. А. Плетневой, продолжало существовать и развиваться поселение с весьма своеобразной культурой: наземные, слегка углубленные жилища с турлучными стенами, с печами из кирпичей в одном из углов (кроме того, встречены и полуземлянки); наряду с прежними керамическими мастерскими — лепная гузо-печенежская керамика и древнерусская посуда; торгово-ремесленный характер; смешанный состав населения при преобладании местного компонента; почти полная его христианизация; земледельческо-скотоводческий характер хозяйственной деятельности жителей Белой Вежи при сохранении традиций степной культуры. Все это, по мнению С. А. Плетневой, способствовало сложению единой и своеобразной культуры, которое шло параллельно со складыванием и «новой этнической группировки», что подтверждается и антропологическим материалом. В заключение были приведены убедительные примеры аналогичных явлений — образование новых этносов в мировой истории.

А. З. Винниковым (Воронеж) прочитан доклад «Донские славяне и их место в восточнославянском мире конца I — начала II тыс. н. э.». Автор отметил общность культуры славянского населения лесостепного Дона с культурой восточного славянства в целом, подчеркнув при этом

© А. З. Винников, А. Д. Пряхин, М. В. Цыбин, 1995 г.

специфику славян бассейна Дона, связанную с окраинным районом их расселения и непосредственными контактами с населением салтово-маяцкой культуры, А. З. Винниковым выделены локальные районы на территории расселения донских славян и определена специфика каждого из них, которая связана с историей освоения славянами Донского региона: Средний Дон с верховьев Оки и Верхний Дон из Днепровского бассейна. Автором доклада достаточно обоснованно высказана мысль о невхождении донского славянства вплоть до второй половины X в. в состав Древнерусского государства.

Проблеме формирования славянской культуры VIII—X вв. на р. Воронеж был посвящен доклад И. В. Зиньковской (Воронеж). В основу доклада положены опубликованные материалы II Белогорского могильника. Автором выделены два участка могильника: на плато (северный) и мысовой (южный), который, по мнению автора, наиболее ранний. Именно в южной части сосредоточены в основном курганы с деревянными камерами, истоки которых И. В. Зиньковская видит в деревянных конструкциях могильников VII в. типа Картамышевского. Именно с этим населением, а также с волынцевским и пеньковским связывает автор доклада формирование наиболее ранних групп славянского населения на р. Воронеж.

В докладе В. В. Колоды (Харьков) «Некоторые аспекты черной металлургии донских славян в конце I тыс. н. э.» затронуты вопросы хозяйственной деятельности славянского населения окраинных районов восточнославянского мира. В докладе заново систематизирован и проанализирован археологический материал по металлургии железа донских славян. Выводы автора подтверждают положения, выдвинутые ранее в работах Б. А. Рыбакова, Б. А. Колчина, П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, А. Н. Москаленко, А. З. Винникова.

В докладе А. П. Медведева (Воронеж) поставлен вопрос о наличии в лесостепном Подонье археологических памятников второй четверти I тыс. н. э. Наиболее исследованным из них является III Чертовицкое городище. Здесь обнаружены полуземлянки с открытыми очагами и печами. В постройках и слое встречены грубые лепные неорнаментированные, хорошо профилированные горшки, отдельные фрагменты черняховской керамики и позднеантичные амфоры, много глиняных грузил от ткацкого станка, пряслиц. Находки позволяют датировать эти комплексы III—V вв., но возможно, некоторые из них доживают до второй половины I тыс. По мнению докладчика, истоки этого этнокультурного комплекса следует искать прежде всего в поздних памятниках черняховского и киевского круга лесостепного междуречья Днепра и Дона.

В докладе В. С. Флёрова (Москва) «Юртообразные жилища в лесостепных районах Хазарского каганата» затронуты проблемы конструкции и эволюции наиболее архаичных жилых построек на территории Хазарского каганата. Автором рассмотрен ряд построек, обнаруженных на Маяцком селище, и предлагаются общие черты, характерные для подобного типа построек в разных регионах алано-болгарского мира. Связываются они В. С. Флёровым с праболгарами.

В докладе В. И. Козлова (Санкт-Петербург) «О культурным контактах восточных и южных славян Днепро-Дунайского междуречья в период Первого Болгарского царства» затронута одна из важнейших проблем эпохи раннего средневековья — проблема этнокультурных и политических контактов различных этнических групп, сложение новых этносов и их исторические судьбы.

В докладе Мастыковой А. В. (Москва) «Торговля древних алан» объектом исследования стали коллекции стеклянных изделий с памятников салтово-маяцкой культуры: Маяцкого селища, Маяцкого, Дмитриевского, Ютановского могильников. В результате морфологического и химико-технологического изучения стеклянных украшений определено их происхождение. Бусы, бытовавшие у населения этой культуры, поступали к ним из Сирии, Египта, Византии. Химико-технологическое исследование стеклянных бус позволило выделить четыре типа стекольных мастерских, в которых они были изготовлены. С помощью сравнительного морфологического анализа бус прослежен торговый путь из стран Ближнего Востока и сделан вывод о поэтапной «челночной» торговле на этом пути.

Доклад А. Д. Пряхина и М. В. Цыбина (Воронеж) был посвящен итогам десятилетних исследований древнерусского Семилукского городища на р. Дон. Раскопано около 3,5 тыс. кв. м площади, изучены линия укреплений, характер домостроительства, хозяйственной деятельности, торговых связей населения. На неравномерно застроенном посаде выявлена «гончарная слобода». Значимость памятника определяется тем, что здесь выделяется только один строительный горизонт конца XII — первой половины XIII в. Это позволяет рассматривать полученные на городище материалы в качестве эталонных для данного района. Установлено, что основные истоки оставившего памятник населения находились в бассейне р. Оки, в «земле вятичей». Изучение Семилукского городища позволило уточнить контур юго-восточной границы Руси конца XII — первой половины XIII в.

В докладе М. Н. Пичугина (Воронеж) охарактеризована планировочная структура Семилукского городища. Обосновано предположение о наличии улицы, проходившей по центральной оси мыса. Предложены реконструкции ряда жилых и хозяйственных построек.

В докладе Н. А. Тропина (Елец) «„Елечьская земля“ и формирование ее территории в XII—XV вв.» отмечено, что с позиции археологии следует признать достоверным сообщение Никоновской летописи середины XII в. о существовании Ельца и его округи. С летописным Ельцом предположительно отождествляется Лавский археологический комплекс на р. Быстрая Сосна. Возникновение самого понятия «Елецкая земля» автор относит к концу XIII—XIV в., что было связано со значительной степенью освоения древнерусским населением левобережья Быстрой Сосны в конце XIII — середине XIV в. Фактическое исчезновение Елецкой земли как самостоятельного историко-географического образования происходит в первой половине XV в. в результате опустошения ее татарами в 1414 г. и дальнейшего подчинения Ельца Рязани.

Доклад В. В. Судакова, В. П. Челяпова и В. М. Буланкина (Рязань) был посвящен итогам археологических исследований Переяславля Рязанского в 1989—1993 гг. В Кремле исследованы остатки построек XIII—XVII вв., выявлены погребения XII в. На Верхнем Посаде удалось

зафиксировать остатки построек XIII—XVII вв., в том числе мастерскую XIII—XIV вв. по изготовлению бронзовых изделий. Слой конца XII—XV в. выявлен на территории Рыбацкой слободы. В различных частях Острога получены материалы XIII—XVIII вв.

В докладе А. В. Расторопова (Пенза) «О преемственности традиций населения Верхнего Примокшанья конца I и начала II тыс. н. э.» и Г. Н. Белорыбкина (Пенза) «Волго-Донье в эпоху средневековья» были рассмотрены актуальные проблемы историко-арехологического изучения средневековых памятников Посурья и Примокшанья.

В докладе Т. Г. Сарычевой (Москва) «К вопросу о технике изготовления решетчатых перстней вятичей» отражены результаты макро- и микроструктурного анализа 62 решетчатых перстней из курганов вятичей. Выявлены такие способы изготовления перстней, как отливка в глиняной форме с использованием восковой модели (27 экз.), отливка в глиняной форме по оттиску готового металлического изделия или образца-модели из другого материала (35 экз.). Применение каменных форм для отливки решетчатых перстней не зафиксировано. Выявленные способы изготовления решетчатых перстней вятичей характерны для местной ювелирной традиции.

В докладе почвоведов С. В. Пономаренко, Е. В. Пономаренко, Г. Осман (Москва) были показаны возможности применения метода «археология экосистем» на примере изучения оборонительных сооружений ряда средневековых городищ Пензенской обл.

Беседин В. И. (Воронеж) в докладе «Некоторые вопросы применения статистических методов и ЭВМ в археологии» отметил, что необходима экспертная оценка возможностей того или иного метода. Он подчеркнул, что статистические методы ориентированы на случайные выборки, в то время как археологи работают с выборками естественными. Остро стоит вопрос оценки значимости признаков. Критическую оценку получила практика создания баз данных, охватывающих огромные территории и большие хронологические периоды, поскольку они не учитывают специфики конкретных исследований.

Затронуты проблемы методики публикаций и доступа к создаваемым базам данных. В последнем случае возникают вопросы обеспечения авторских прав.

Все прочитанные доклады и сообщения вызвали большой интерес у участников конференции. Кроме того, в ходе дискуссии затрагивались и проблемы, поднятые в опубликованных тезисах, авторы которых не прибыли на конференцию.

В процессе работы конференции было проведено выездное заседание на комплексе памятников салтово-маяцкой культуры «Маяцкое городище», осмотрены пещерные культовые сооружения начала XVIII в. На месте раскопок прочитаны доклады С. А. Плетневой, А. З. Винниковым, В. С. Флёровым о результатах работы Советско-Болгаро-Венгерской археологической экспедиции, работавшей здесь в 1975—1982 гг. Кроме того, была проведена экскурсия по славянским памятникам на р. Воронеж, в процессе которой участники конференции ознакомились с такими широко известными городищами, как Кузнецовское и Михайловский кордон, а также Лысогорским курганным могильником.

На заключительном заседании была отмечена целесообразность проведения в дальнейшем конференции с аналогичной проблематикой и поступило предложение о ее организации в 1996 г. в г. Белгороде.

Воронежский государственный университет

А. З. Винников, А. Д. Пряхин, М. В. Цыбин

ПАМЯТИ КСЕНИИ ВАСИЛЬЕВНЫ КАСПАРОВОЙ

(1929—1994)

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Все кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

Анна Ахматова

Умерла Ксения Васильевна Каспарова ... Невозможно поверить, что никогда больше не услышим мы ее звонкого, чистого, типично «ленинградского» говора, не увидим неожиданной сверкающей улыбки и лукавого взгляда. Однако это так. Надо привыкать жить без нее. Громадное количество археологического люда знало ее и никто не был к ней равнодушен. Были, конечно, такие, кто не любил ее, но у подавляющего большинства эта блистательная женщина вызывала восхищение, искреннюю симпатию и настоящую любовь.

Редко случается, что красивая и очаровательная женщина бывает серьезным исследователем и настоящим ученым. А она была такой. В нашей нелегкой, часто требующей больших физических затрат специальности она всегда, именно в особенно тяжелых экспедиционных условиях, была неотразимой.

Тому, кто стал ее другом, очень повезло! Врожденная, поколениями накопленная интеллигентность, абсолютная бескомпромиссность в отношении недобросовестности и подлости в жизни и науке, верность друзьям и истинная совестливость привлекали всех, кто знакомился с этим прекрасным, легким и, несмотря на множество личных достоинств, очень скромным человеком.

Характерно, что жесткая принципиальность не мешала ей, как и всякому настоящему интеллигенту, быть нередко очень терпимой к недостаткам своих коллег и друзей, и надо было сделать что-то из ряда вон выходящее, чтобы зачеркнуть себя в ее мнении.

Вот такой она была. В течение последних нескольких лет она мужественно и отчаянно боролась с тяжелейшей мучительной болезнью, и иногда казалось, что она ее победит. Но этого не могло случиться.

6 июля 1994 года ее не стало.

Родилась Ксения Васильевна 8 декабря 1929 г. в Ленинграде, в профессорской семье, пронизанной традициями высокой истинно петербургской культуры. В 1947 г., окончив среднюю школу, она поступила на истфак ЛГУ. Восемь последующих лет она была связана с кафедрой археологии истфака, поскольку после окончания ЛГУ в 1952 г. три года училась в аспирантуре при этой кафедре.

Ее учителем был М. И. Артамонов. В качестве одной из его любимых учениц Ксения Васильевна со студенческих лет принимала самое активное участие в работах возглавляемых им археологических экспедиций. В 1949—1951 гг. это была знаменитая Волго-Донская экспедиция, основным исследуемым объектом которой был Саркел — Белая Вежа — сложнейший многослойный памятник с почти неуловимыми следами разрушенных кирпичных построек, сотнями сгоревших, перекопанных и сплющенных остатков жилищ и тысячами разнообразных находок. Раскопки на нем были великолепной школой для нескольких десятков археологов разного возраста и специализации. Молоденькой студентке второго — четвертого курсов Ксане Дешкиной поручались очень трудные и ответственные участки раскопов. Сохранившиеся полевые дневники, ведшиеся ею, свидетельствуют, что она прекрасно

© С. А. Плетнева, И. П. Русанова, Г. И. Смирнова, 1995 г.

справлялась с порученным делом. Это уже в поле стало ясно руководству экспедиции и безусловно сыграло решающую роль при рекомендации ее в аспирантуру.

Первоначально ее кандидатская диссертация была посвящена славянам второй половины I тыс. н. э. В Юго-Подольской экспедиции (1953—1954), руководимой М. И. Артамоновым, она работала, целенаправленно собирая и исследуя материалы по теме диссертации. Ее первые маршруты в поисках славянских памятников велись под руководством Ю. В. Кухаренко, ставшего уже тогда ее вторым учителем. Их экспедиция исследовала самые глухие уголки Полесья, искала и изучала не только археологические памятники, но собирала данные о природе и этнографии этой земли.

Тотальные археологические разведки экспедиции позволили Ю. В. Кухаренко уверенно говорить о раннем освоении этого болотистого края человеком и, что особенно существенно, открыть здесь памятники зарубинецкой и пражской культур. Кроме того, именно в составе его экспедиции Ксения Васильевна и И. П. Русанова провели большие работы на городище Хотомель, раскопав его полностью. В результате городище вместе с соседним селищем дало эталонные материалы для всех славянских древностей Полесья.

Однако, несмотря на эти первые несомненно успешные шаги, стало ясно, что для диссертации материалов пока недостаточно. К тому же пришлось прервать работу на два года в связи с рождением сына.

Только в 1958 г. ей снова удалось выехать в поле. На этот раз в составе совсем небольшой экспедиции, руководимой С. А. Плетневой, на раскопки замечательного хазарского памятника — Правобережного Цимлянского городища. Экспедиция финансировалась Государственным Эрмитажем и была организована по инициативе нашего общего учителя — М. И. Артамонова, бывшего тогда директором ГЭ. Участие Ксении Васильевны в раскопках этой экспедиции 1958—1959 гг. во многом способствовало успешному завершению очень широко развернутых на городище работ. Быстрая и энергичная на раскопе, неприхотливая и неизменно веселая в крайне тяжелых бытовых условиях, в которых оказалась экспедиция (копали под снегом), она прежде всего старалась, как и все мы, поддерживать бодрый молодой и задорный дух, царящий в экспедиции. Очень пригодилась ей школа, пройденная в Саркеле и давшая ей знание материалов синхронного памятника. Приезжавший в экспедицию в 1958 г. М. И. Артамонов с очевидным удовлетворением отметил, что его ученица не потеряла ни преданности науке, ни накопленных знаний, ни страстного желания работать.

В 1959 г. она была зачислена в Эрмитаж, в котором проработала всю оставшуюся жизнь — 35 лет!

В первые годы ей пришлось работать сначала помощником директора, т. е. практически его личным секретарем, а затем ученым секретарем музея. Только в 1964 г. она наконец была переведена в Отдел истории первобытной культуры (ОИПК) и получила возможность заняться научной работой.

Начатые в середине 50-х годов работы в Полесье не прошли даром — обнаруженные там зарубинецкие памятники стали главными объектами ее полевых исследований, а изучение сложнейших, вызывающих постоянные дискуссии проблем, связанных с зарубинецкой культурой — увлечением и делом ее жизни.

Возглавленная Ксенией Васильевной Белорусско-Полесская экспедиция в течение 11 сезонов полностью раскопала несколько зарубинецких могильников (Велемичи II, Отвержичи, Могиляны) — всего более 200 погребений. Полученные материалы были тщательно обработаны и изданы, впервые была сделана типология зарубинецкой керамики (основного и очень трудоемкого материала). Опираясь на это, Ксения Васильевна, создала не вызвавшую возражений самых придирчивых специалистов периодизацию и хронологию зарубинецких памятников Полесья. Невероятная дотошность и требовательность к себе, многочисленные самопроверки и исправления, неожиданное обращение уже после завершения работы к так называемым «новым методам», которыми она вновь перепроверила и подтвердила сделанные ранее выводы, долгое время мешали Ксении Васильевне представить свою работу о хронологии зарубинецкой культуры Припятского Полесья в качестве кандидатской диссертации. Наконец, несмотря на длительные проволочки, а возможно, и благодаря им, диссертация была блестяще защищена (в 1981 г.). Следует подчеркнуть, что выводы диссертации стали весомым вкладом не только в отечественную науку, они чрезвычайно важны для уточнения общеевропейской системы хронологии эпохи Латена и потому представляют интерес для европейских археологов — специалистов по раннему железному веку.

Опубликованная одновременно с защитой диссертации ее статья «Роль юго-западных элементов в процессе формирования зарубинецкой культуры» (СА, 1981, № 2), в которой особенно выпукло и остро поставлен ряд дискуссионных вопросов этой культуры, дала новое направление в ее исследованиях. Основываясь на большом и, как обычно, скрупулезно обработанном материале, она предложила свое решение образования зарубинецкой культуры. В представлении Ксении Васильевны, наряду с продвижением на будущую территорию этой культуры поморско-подклешевых и ясторфских памятников в формировании ее существенную роль сыграли юго-западные контакты (с Подунавьем, Балканским и Карпатским регионами), что придало зарубинецким памятникам латенизированный облик. Большая близость их с памятниками поянешты-лукашевской культуры, проявившаяся в формах керамики и типах фибул, позволила сделать важный вывод о проникновении и участии в сложении зарубинецкой культуры кельто-иллирийских групп населения и бастарнов.

После защиты диссертации и опубликования обобщающей статьи Ксения Васильевна отнюдь не перестала заниматься хронологией и другими проблемами, связанными с зарубинецкой культурой. Для выяснения роли последней в историко-культурной ситуации Восточной Европы, ее связей с предшествующими и последующими культурами решающее значение приобретало предельно обоснованное определение верхней и нижней дат этой культуры в целом (не только полесского региона).

Ксения Васильевна опубликовала ряд статей, посвященных этим вопросам, рассматривая в них зарубинецкие комплексы на фоне латенизированных культур Европы. Ею впервые в нашей стране

были пересмотрены датировки латенских вещей, найденных в зарубинецких памятниках, определены разные ритмы развития этой культуры в разных регионах. Существенно отметить, что постановка и решение этих вопросов в ее работах в значительной степени основаны на глубоком знании европейской литературы: на новейших исследованиях европейскими учеными проблем, связанных с хронологией культур раннего железного века.

Все ее работы, помимо несомненно высокого профессионализма, отличаются принципиальностью и предельной добросовестностью. Эта черта выявлялась не только в опубликованных работах, но также в выступлениях и в неопубликованных рецензиях, которые она давала на статьи, присланные в наш журнал или в различные сборники. Она подходила к написанию их с громадной ответственностью, тратя на обоснование своих возражений или, наоборот, для поддержки новых взглядов автора статьи столько же сил и времени, как и для работы над собственными статьями.

Абсолютная ответственность за порученное дело или взятое на себя обязательство являлась самой яркой особенностью Ксении Васильевны, характеризующей весь ее творческий и трудовой путь.

Наряду с научной деятельностью каждый археолог, работающий в музее, тянет нелегкую, поистине «бурлацкую» лямку хранителя коллекций. Естественно, была хранителем и Ксения Васильевна Каспарона, на попечении которой были древности Латена, римского времени, ранних славян и Древней Руси (всего около 30 тыс. инвентарных номеров).

Как всякий хранитель, она вела большую работу по организации хранения, по инвентаризации новых коллекций, по приему и консультациям многочисленных российских и зарубежных специалистов, приезжавших знакомиться с коллекциями ГЭ. Кроме того, в ее обязанности входили участие в организации выставок (в ГЭ и за рубежом), реэкспозиции выставок, написание отдельных разделов путеводителей и проч. Это были обычные ежедневные нелегкие текущие обязанности, и она справлялась с ними со свойственной ей обстоятельностью и обязательностью. Отдел безусловно еще долго будет ощущать брешь, пробитую в нем ее смертью, а десятки археологов и множество студентов, приходивших в ГЭ и пользовавшихся ее консультациями и помощью, еще не раз вспомнят милую, любезную и искренне заинтересованную в их деле хозяйку необходимых им коллекций.

Невыносимо думать об этой потере. И не только для друзей она невосполнима. Осталось только начатым ею решение большой проблемы, связанной с этническим определением зарубинецкой культуры, остались ее коллекции, ее дело и место в Эрмитаже. Остались ее родные, друзья, коллеги, и память о ней еще долго будет болью отзываться в наших сердцах и в стенах великого Музея, которому она была предана и любила его всю свою жизнь.

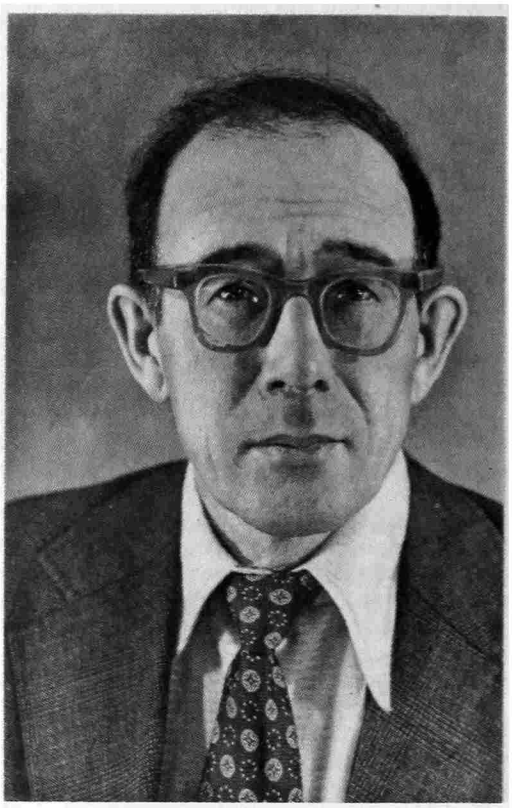
Институт археологии
РАН, Москва
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

С. А. Плетнева, И. П. Русанова, Г. И. Смирнова

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ К. В. КАСПАРОВОЙ

1. Белорусская экспедиция в 1963 и 1965 гг.//Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1965 г. Л., 1966. С. 17, 18.
2. Могильник и поселение у д. Отвержичи//Пленум Института археологии АН СССР 1966 г. Секция «Ранний железный век». Тез. докл. Ч. 3. М., 1966. С. 16, 17.
3. Раскопки могильника Отвержичи//СГЭ. 1966. Вып. XXVII. С. 89—91.
4. Могильник и поселение зарубинецкой культуры у д. Отвержичи//КСИА. 1967. Вып. 112. С. 118—125.
5. Работы Белорусского отряда в 1967 г.//СГЭ. 1969. Вып. XXX. С. 61, 62.
6. Могильник и поселение у д. Отвержичи//МИА. 1969. № 160. С. 131—168.
7. Памятники рубежа нашей эры в Белорусском Полесье (новые исследования могильников Велемичи II и Отвержичи)//Międzynarodowy Kongres archeologii Slowianskiej, II. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. S. 258—263.
8. Племена Полесья и Волыни (IV в. до н. э.— IV в. н. э.). Ранние славяне на Южном Буге (VI—VII вв.)//Культура древних народов восточной Европы (путеводитель). Л., 1969. С. 97—105.
9. Раскопки Полесского отряда Гос. Эрмитажа//АО — 1970. М., 1971. С. 278, 279.
10. Белорусская экспедиция//СГЭ. 1971. Вып. XXXIII. С. 109, 110.
11. Зарубинецкий могильник Велемичи II//АСГЭ. 1972. Вып. 14. С. 53—111.
12. Новый комплекс Черняховского времени из Хмельницкой области//СА. 1972. № 3. С. 344—349.
13. Зарубинецкий могильник в селе Могиляны, Ровенской области//Тези пленарних секційних диповідей. XV наук. конф. Ін-ту археології. Одеса, 1972. С. 281—283.
14. Зарубинецький могильник в с. Могиляны на Ровенщині//Археологія. 1973. Вип. 10. С. 65—72.
15. О датировке фибул зарубинецкой культуры//Новейшие открытия советских археологов (тез. докл. конф.). Ч. III. Киев, 1975. С. 33, 34.
16. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры//АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 35—66.
17. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья//СА. 1976. № 3. С. 128—140.
18. Рецензия на книгу Л. Д. Поболя «Славянские древности Белоруссии». Минск, 1971, 1973, 1974 (в соавт. с Д. А. Мачинским и М. Б. Щукиным)//СА. 1976. № 4. С. 241—253.
19. О фибулах зарубинецкого типа//АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 68—78.

20. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях)//Проблемы археологии. Сборник памяти М. И. Артамонова. Л., 1978. С. 79—89.
21. Племена Полесья и Волыни; Древние славяне на Южном Буге — разделы путеводители «Древние племена Восточной Европы» (соавтор М. Б. Щукин). Л., 1978. С. 111—129, 130—133.
22. Могильник Могиляны — Хмельник в Ровенской области (соавтор М. Б. Щукин)//Тр. ГЭ. 1979. Т. XX. С. 147—168.
23. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры//СА. 1981. № 2. С. 57—79.
24. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья (по материалам могильников)//Автореф. дис. канд. ист. наук. 1981. С. 1—21.
25. Хронологическое соотношение зарубинецкой культуры и культур эпохи Латена//Тез. докл. науч. конф. «Контакты и взаимодействия древних культур» (к 50-летию Отдела истории первобытной культуры). Л., 1981. С. 35—37.
26. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена//АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 108—117.
27. Поздняя фаза зарубинецких могильников//Культура Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986. С. 5—26.
28. Зарубинецкое поселение Ремель в Белорусском Полесье//АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 52—70.
29. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда//СА. 1988. № 1. С. 53—72.
30. Съкровище на хан Кубрат. Култура на българи, хазари, славяни. Каталог выст. в Болгарии. София, 1989 (в соавторстве).
31. Припятское Полесье на рубеже эр (по материалам Белорусско-Полесской экспедиции)//Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 89—102.
32. Некоторые спорные вопросы в изучении зарубинецкой культуры//Тез. докл. конф. «Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции». СПб., 1991. С. 21—24.
33. О хронологии и связях зарубинецкой культуры//Ziemie Polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszów, 1992. С. 289—302.
34. О соотношении зарубинецкой культуры Полесья и Черничинской группы Юго-Восточной Польши//Тез. докл. конф. «Население Белоруссии и смежных территорий в эпоху железа» по случаю 80-летия А. Р. Митрофанова (на белорус. яз.). Минск, 1992. С. 58—61.
35. Могильник Долиняны и его место среди памятников Поянешти-Лукашевской культуры//Тез. докл. симпоз. «Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации». СПб., 1993. С. 34—36.
36. О времени возникновения зарубинецкой культуры//Археологические вести ИИМК РАН. 1993. № 2. С. 169—190.
37. Культура Поянешти-Лукашевка. Периодизация и хронология//Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э.— первой половине I тыс. н. э.//Археология СССР. М., 1993. С. 90—93.
38. Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в Припятском Полесье//Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1989.



ПАМЯТИ АЛЬФРЕДА ХАСАНОВИЧА ХАЛИКОВА (1929—1994)

24 июля 1994 г. после тяжелой болезни скончался Альфред Хасанович Халиков — известный археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН Татарстана.

Он родился в семье учителей 30 мая 1929 г. в д. Курманаево Нурлат-Октябрьского р-на Татарстана. После окончания средней школы № 2 в г. Казани А. Х. Халиков в 1947 г. поступил в Казанский государственный университет на исторический факультет, который окончил с отличием в 1952 г. С первых студенческих лет он под руководством известного археолога и историка Н. Ф. Калинина активно участвовал в работе археологического кружка и экспедициях. В 1951 г. он был принят на работу в Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, где прошел путь от лаборанта до доктора наук, профессора. В 1956 г. А. Х. Халиков защитил кандидатскую диссертацию «История населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы», а в 1966 г. докторскую диссертацию на тему «Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы».

В 1950—1955 гг. он принимал активное участие в работах Куйбышевской археологической экспедиции, руководимой А. П. Смирновым. В 1956—1960 гг. под руководством А. Х. Халикова работала Марийская археологическая экспедиция, организованная МарНИИ (г. Йошкар-Ола). Материалы экспедиции позволили определить основные этапы развития древней истории марийского народа. А. Х. Халиков был организатором и руководителем раскопок таких всемирно известных памятников, как Большетарханский, Танкеевский, Большетиганский могильники ранних булгар, Билярское городище, Казанский кремль. Под его руководством раскопаны десятки памятников первобытности, в том числе уникальный Ахмыловский могильник эпохи раннего железного века на территории республики Марий Эл. Под его же руководством закончено сплошное обследование территории Татарстана в археологическом отношении и составление шеститомной «Археологической карты Татарстана», в которую вошли материалы по 4,5 тыс. археологических памятников.

Те, кто работал с Альфредом Хасановичем, знают его как талантливого исследователя-полевика, как человека, беззаветно преданного науке. Его любовь к истории, живое воображение, редкая работоспособность способствовали крупным открытиям, неординарному решению проблем. Исследователь хорошо понимал, что успех археологических исследований во многом зависит от применения современных методов. А. Х. Халиков был инициатором проведения археологических обследований в зонах функционирующих водохранилищ Волго-Камского каскада. Это дало возможность сохранить материалы с сотен памятников в зонах затопления Куйбышевской и Нижнекамской ГЭС. Опыт работ

© А. Г. Петренко, П. Н. Старостин, Ф. Ш. Хузин, 1995 г.

казанских археологов был широко использован в зонах затопления гидроузлов Восточной Европы и Сибири. Под руководством А. Х. Халикова в 60-е годы в нашем районе начала успешно использоваться аэрофотосъемка.

Альфредом Хасановичем опубликовано более 500 научных работ, в том числе около 30 книг. Ряд работ А. Х. Халикова посвящен проблемам первобытности. Его статьи и книги по мезолиту, неолиту, приказанской, абашевской, балановской, срубной, ананьинской и другим культурам известны всем специалистам. Исследования А. Х. Халикова по ряду археологических культур Среднего Поволжья вошли в 20-томник «Археология СССР».

Другое направление научных исследований Альфреда Хасановича связано с историей и археологией Волжской Булгарии и Казанского ханства. Особенно значительными являются результаты изучения одного из крупнейших средневековых городских центров Восточной Европы, остатки которого известны под названием Билярского городища. Культурные напластования этого памятника относятся к домонгольскому времени. Коллективом Билярской экспедиции, работавшей почти непрерывно около 25 лет, вскрыты ремесленные мастерские (кузнечные, гончарные, косторезные и др.), жилищные постройки, мечеть, бани, конструктивные детали оборонительных сооружений. В последние годы исследователя интересовали торговые, этнические и политические связи Булгара и Киева. Совместно с А. П. Моцей (г. Киев) подготовлена и находится в печати монография «Булгар — Киев. Пути, города, судьбы».

Третий круг работ Халикова А. Х. связан с проблемами энтогенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Он был участником почти всех научных конференций, проводившихся в послевоенные годы по этим вопросам. Во многих работах А. Х. Халикова освещается этногенез древних венгров, марийцев, удмуртов, коми, мордвы, татар, башкир, чувашей, буртасов. Наиболее обобщенно взгляды исследователя изложены в учебном пособии для студентов «Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья», первая часть которого, посвященная финно-угорским народам, опубликована (Казань, 1991).

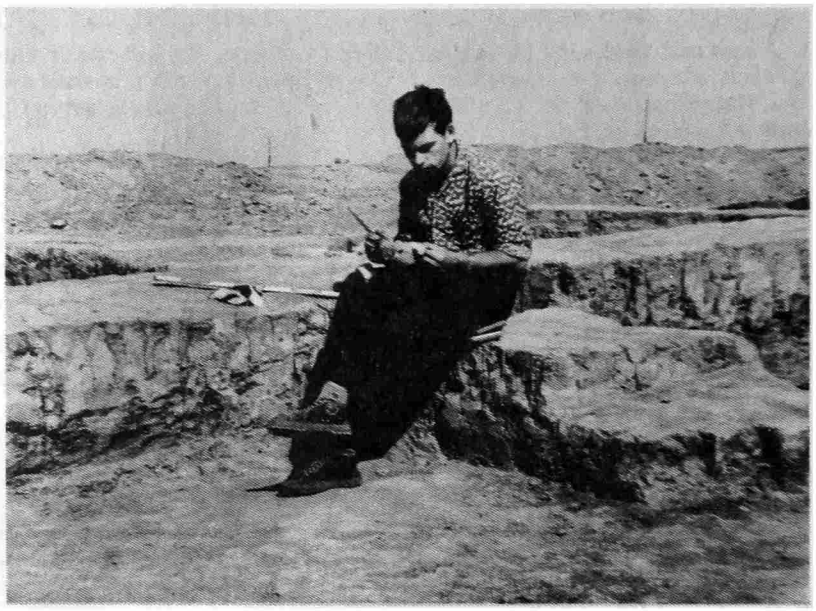
А. Х. Халиков был участником многих научных конференций, симпозиумов, конгрессов. Его выступления помнят аудитории Болгарии, Финляндии, Венгрии, Турции, Польши, Чехии, Италии, Японии, Англии и других стран. Не все положения исследователя встречали поддержку и одобрение. По многим из них шли острые дискуссии (например, об этапах тюркизации Среднего Поволжья и Приуралья, о времени возникновения г. Казани, о столицах Волжской Булгарии). Но Альфред Хасанович не боялся дискуссий. Он считал, что дискуссии нацелят на дальнейший научный поиск, помогут найти отправные точки в науке.

Более 30 лет А. Х. Халиков преподавал в Казанском университете, читал лекции по общему курсу археологии и этногенезу народов Среднего Поволжья и Приуралья, руководил курсовыми и дипломными работами. Он был почетным членом Венгерского общества историков и археологов, иностранным членом Финно-Угорского общества в Финляндии. Им подготовлены десятки аспирантов, ставших кандидатами и докторами наук.

Альфред Хасанович сыграл большую роль в сохранении культурного наследия, создании новых музеев, заповедников в Булгаре, Биляре, Елабуге, Казанском кремле. Его интересовали судьбы старых улиц г. Казани, домов, где жили известные деятели науки и культуры, коллекции древних вещей, собранных школьниками. Халиков был активным пропагандистом археологической и исторческой науки, часто выступал с лекциями перед населением, по радио и телевидению, а также в периодической печати.

Память о нем сохранится навсегда в наших сердцах.

А. Г. Петренко, П. Н. Старостин, Ф. Ш. Хузин



ПАМЯТИ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА БУЛАТОВА (1938—1994)

23 октября 1994 г. после непродолжительной тяжелой болезни скончался Николай (Рашит) Михайлович Булатов. Он был археологом, оставившим заметный след в нашей науке.

Н. М. Булатов родился в г. Ярославле 20 февраля 1938 г. Большую часть детства и отрочества ему было суждено провести в детских домах, без семьи. В 1956 г. он начал свой трудовой путь учеником фрезеровщика на Ярославском электромеханическом заводе. Вскоре он становится рабочим на Ярославском автозаводе, а затем рабочим базы снабжения в Ярославле. С 1957 по 1958 гг. Н. М. Булатов служил в Советской армии. По окончании этой службы он некоторое время работал на Ярославском моторном заводе.

Тяга к знаниям, интеллигентному труду заставила молодого рабочего пойти учиться в Московский государственный университет на исторический факультет. Он окончил его в 1964 г., написав и защитив прекрасный диплом по археологии Африки. Потом примерно год он проработал рабочим склада Центросантехмонтажа в Москве, а затем лаборантом в Научно-исследовательском институте антропологии при МГУ. В 1966—1969 гг. он учился в аспирантуре на кафедре археологии исторического факультета МГУ, где, несмотря на тяжелые материальные обстоятельства (все это время он жил на скудную стипендию, без помощи родственников, подрабатывая на случайных работах), подготовил и защитил в 1969 г. кандидатскую диссертацию на тему «Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа». Еще в студенческие годы началась его деятельность в Поволжской археологической экспедиции, которая продолжалась до последнего года его жизни.

После аспирантуры Н. М. Булатов работает, главным образом, по охране памятников культуры, и прежде всего археологии: с 1969 по 1981 гг. в Научно-исследовательском институте культуры Министерства культуры СССР, в 1981—1992 гг. в Научно-методическом совете по охране памятников культуры при том же министерстве, а с 1992 г. и до конца своих дней — в Научно-исследовательском институте культурного и природного наследия.

В молодые годы перед Н. М. Булатовым не раз открывалась возможность вернуться на хорошо оплачиваемые должности рабочего-мастера, но он оставался верным науке, хотя она обеспечивала ему скудный минимум средств к жизни.

В области полевой археологии Н. М. Булатов был известен как энергичный исследователь. Он многие годы возглавлял отряд Поволжской археологической экспедиции, проводил раскопки на Селитренном городище, копал в Азове, принимал участие в раскопках других памятников. Основной темой кабинетных исследований ученого была поливная керамика Золотой Орды. Он создал детальную ее классификацию, принятую в науке как эталон. Оставил Н. М. Булатов ряд методических работ по охране и музеефикации памятников археологии.

Н. М. Булатов был страстным спортсменом, мастером спорта по футболу. Он выступал в качестве вратаря за ярославскую команду «Шинник», которая вышла в высшую лигу нашего футбола.

Это был яркий, талантливый человек. У него было много друзей и мало серьезных врагов. Мы долго будем помнить Николая Михайловича.

В. В. Дворниченко, Г. А. Федоров-Давыдов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1995 год

Статьи, публикации, дискуссии, история науки, заметки, естественнонаучные методы в археологии

	№	стр.
Алексеев Л. В. Мстиславский детинец в XII—XIV веках	3	60
Алексеева Л. И. Заключение по остеологическим материалам раскопок селища «Чертов городок» (сборы 1982 г.)	3	179
Апальков А. Н. Находки предметов вооружения скифского времени в междуречье Сейма и Сосны	2	149
Артемьев А. Р., Молчанов А. А. Древнерусские предметы вооружения с княжескими знаками собственности	2	188
Бахшалиев В. Б. Некоторые образцы изобразительного искусства из могильника Коланы (Азербайджан)	3	205
Белецкий С. В., Кильдюшевский В. И. Печать Тимофея Васильевича, тиуна новгородского из раскопок в Пскове	1	195
Беседин В. И. О хронологии Пепкинского кургана	3	197
Бужилова А. П. Палеопатологическая характеристика населения Маяцкого археологического комплекса	4	68
Буров В. А. О времени возникновения новгородского погоста Жабна	2	44
Буров Г. М. Сани раннего средневековья с поселения Вис II в бассейне Вычегды	3	184
Буюклиев Хр. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I — начале II века н. э.	1	37
Варенов А. Б. Древнерусские шумящие браслеты	1	64
Виноградова Н. М. К вопросу о происхождении культуры Свата в Северо-Западном Пакистане	4	20
Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад (предварительная публикация)	4	136
Гаджиев М. С. О местоположении Варачана	2	29
Гиря Е. Ю., Питулько В. В. Вкладышевые орудия и индустрия обработки камня мезолитической стоянки на о-ве Жохова	1	91
Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Левковская Г. М., Несмеянов С. А. Многослойная пещерная мустьерская стоянка Матузка на Северном Кавказе (по исследованиям 1985—1989 гг.)	3	105
Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Левковская Г. М., Несмеянов С. А. Многослойная пещерная мустьерская стоянка Матузка на Северном Кавказе (по исследованиям 1985—1989 гг.)	4	77
Гугуев В. К., Трейстер М. Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы	3	143
Гуляев В. И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II)	2	84
Гуляев В. И., Беляев Л. А. О современном состоянии археологии в России (полемические заметки)	3	97
Гуляев В. И., Савченко Е. И. Терновое I — новый скифский курганный могильник на Среднем Дону	4	87
Днепровский К. А., Кореневский С. Н., Эрлих В. Р. Новые погребения «новосвободненской группы» у станицы Костромской в Закубанье	3	119
Енукова О. Н. Роменское погребение из Лебяжьего	1	193
Жилина Н. В. Пластина из Старой Рязани («оправа для креста»). Методы изучения технологии древнерусской скани и зерни	1	175
Захаров П. Е., Мордвинцева В. И. Грунтовый могильник сарматского времени в Нижнем Поволжье	2	161
Зубарев В. Г. Характер искажений и общая картина северопричерноморского региона в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея	3	47
Зубарь В. М. Культ римских императоров в Северном Причерноморье	1	57

Канторович А. Р. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля 4 45
Калинина И. В., Устинова Е. А. (Гаджиева). Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики 2 69
Кислый А. Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения 2 112
Коваль В. Ю. Каменный топор из Ростиславля Рязанского 1 190
Кравцов А. Е., Жилин М. Г. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо-4Г-северная 2 135
Кренке Н. А. «Чертов городок» — селище железного века в окрестностях села Коломенского 3 165
Кренке Н. А., Макаров Н. А. Скандинавская фибула из Салехарда 3 207
Крижевская Л. Я. Некоторые новые данные о хронологии неолита Уральского региона и методах ее установления 2 5
Крис Х. И. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ 4 56
Крыласова Н. Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника . 2 192
Кузьмин Я. В., Орлова Л. А., Сулержицкий Л. Д., Джалл Э. Дж. Радиоуглеродная хронология древних культур эпох камня и бронзы (Дальний Восток России) . . 3 5
Курбатов А. В. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости 2 198
Кызласов И. Л. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему 2 99
Кызласов Л. Р. С. В. Киселев — учитель учителей 4 162

Лаухин С. А. Заселение Северной Азии палеолитическим человеком и возможности Берингийского моста 4 7
Лисицын Н. Ф. К вопросу о начальном этапе позднего палеолита Сибири 1 5
Лихтер Ю. А., Осипов Д. О. Московская керамика и московское керамическое ремесло 3 77

Макаров Н. А., Захаров С. Д. Три каменных образка из Белоозера 1 209
Малышев А. А., Медникова М. Б. Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии 4 125
Мартемьянов А. П. Из истории земледелия Фракии и Нижней Мезии в первых веках н. э. 1 47
Маслов В. Е. Погребения VI в. до н. э. Клин-Ярского-III могильника 3 131
Матюхин А. Е. Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века 3 13
Махортых С. В., Черненко Е. В. О кавказских «пекторалях» VIII—VII вв. до н. э. . 2 21
Медникова М. Б. К определению понятия и критериев палеопопуляции в антропологии 3 92
Мелюкова А. И. Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV—III вв. до н. э. 1 28
Мерперт Н. Я. С. В. Киселев в Монголии 4 167
Мерперт Н. Я. О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) 3 28
Мордвинцева В. И., Сергацков И. В. Богатое сарматское погребение у станции Бердия 4 114
Мыськов Е. П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды . . . 2 36

Нерсесов Я. Н. Роль природной среды в истории древних культур Юго-Запада США 4 39

Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции 2 85
Ольховский В. С., Шилов Ю. А. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка 4 103
От редакции 1 203

Павлович Г. А. Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края 3 200
Петерс Б. Г., Чухина Е. В. Костяные изделия из раскопок Патрея 1985—1989 гг. . . 2 153
Петренко В. Н., Смирнов В. Н. Каменная иконка «Вход в Иерусалим» из Старой Ладоги 1 204
Потемкина Т. М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) 1 14
Потемкина Т. М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) 2 11
Прошкин О. Л., Фролов А. С. Камень с чашечными углублениями с «Чертова городища» под Козельском 1 199
Пясецкий В. К. Ориньякская стоянка Червоный Камень на Ровенщине 2 123

Равич И. Г. Особенности состава и технологии изготовления миниатюрных сарматских зеркал из «белой бронзы» 3 157

Седикова Л. В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе 2 170
Седова М. В., Мухина Т. Ф. Каменная иконка из Владимира 1 206
Сергацков И. В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры 1 148

Сидоров В. В. Неолит Десны и Волго-Окского бассейна 1 71
Соловьев С. Л. Новые данные о типологии жилищ Березанского поселения в классическую эпоху 1 121
Субботин Л. В. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья . . 3 193

Телегин Д. Я. Неолитическая керамика романковского типа в Киевском Поднепровье 1 110
Тихомиров Н. А. Историческая социология Б. Ф. Поршнева и проблема формирования материальной культуры 1 187
Трейстер М. Ю., Косяненко В. М. Бронзовые фигурки Минервы из собрания Ростовского музея 1 159

Федосова В. Н. О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций 2 104
Федоров М. Н., Мокеев А. М. Серебряная чаша XI в. из Кыргызстана 1 165
Фиалко Е. Е. Фракийская узда из кургана Огуз 1 133
Формозов А. А. П. Н. Милюков и археология 2 209
Формозов А. А. С. В. Киселев — советский археолог 1930—1950 гг. 4 151

Циркин А. В. В защиту кошибеевской культуры 1 81

Щавелев С. П. Последний романтик краеведческой археологии (к 90-летию со дня рождения Ю. А. Липкинга) 3 213

Критика и библиография

Абрамова З. А. *Петрин В. Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992 . . . . . 1 217
Амиров Ш. Н. Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizon Press. Tucson and London, 1993 . . . . 4 192

Белова Г. А. *Dziobek E.* Das Grab des Ineni. Theben Nr. 81. Ph. von Zatern. Mainz am Rhein. Archaeologische Veroeffentlichungen 68. Deutsches Archaeologisches Institut. Abteilung Kairo, 1992 . . . . . 1 227
Бруянко И. В. *Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992 . . . . . 1 230
Буровский А. М. Археологические интерпретации и реконструкции 3 220
Буровский А. М. Фиктивно-демонстрационный продукт в археологии 2 250

Васильев С. А. *Деревянко А. П., Маркин С. В.* Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). Новосибирск, 1992 . . . . . 1 221
Вишняцкий Л. Б. The Middle Paleolithic: Adaptation, Behaviour and Variability/Eds. Dibble H., Mellars P. The University Museum, University of Pennsylvania, 1992 . . . . . 2 230

Горелик А. Ф. Ethnoarchaeological Approaches to Mobile Campsites. Hunter-Gatherer and Pastoralist Case Studies/Ed. Gamble C. & Boismier W. Ann Arbor, Michigan, 1991 . 1 238

Егорейченко А. А., Рябцевич В. Н. Энциклопедия «Археалогія і нумізматыка Беларусі». Мінск, 1993 . . . . . 4 206
Ениосова Н. В. *Forsell H.* The inception of copper mining in Falun Arkeologiska Forskninglaboratoriet. Stockholms Universitet, 1992 . . . . . 2 241

Иванов В. А. *Флёров В. С.* Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993 . . . . . 4 202

Клейн Л. С. *Алексеева О. Е., Саввониди Н. Ф.* Иллюстрированный англо-русский — русско-английский историко-археологический словарь. Санкт-Петербург, 1993 . . 2 249
Кошеленко Г. А. *Munn M. N.* The Defence of Attica. The Dema Wall and the Boiotian War of 378—375. B. C. Berkeley — Los-Angeles — Oxford, 1993 . . . . . 4 197
Кошеленко Г. А., Шахова Н. А. Новая литература по проблеме экономических связей между Индией и Средиземноморьем в античную эпоху 2 217

Мелюкова А. И. *Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л.* Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. М., 1994 . . . . . 3 232

Сазанов А. В. Elephantine X. *Gempeler R. D.* Die Keramik roemischer bis frueharabischer Zeit. Mainz, 1992 . . . . . 2 236
Седов В. В. *Fiedler U.* Studien zu Graeberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau (Universitaetsforschungen zur praehistorischen Archaeologie. Band 11). Bonn, 1992 2 245
Седов В. В., Лопатин Н. В. Энциклопедия «Археалогія і нумізматыка Беларусі». Мінск, 1993 . . . . . 4 209

Степанчук В. Н. *Osole F.* Betalov Spodmol, rezultati paleolitski izkopovanj S. Brodarja. I del Poročilo o raziskovanju paleolita, neolita in eneolita v Sloveniji. T. XVIII. S. 7—41. Ljubljana, 1990. II del. T. XIX. S. 7—129. Ljubljana, 1991 . . . . . 4 180

Формозов А. А. О книге Л. С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене 3 225

Цетлин Ю. Б. Этнокультурные процессы в пограничье разных природных зон (в связи с выходом книги А. С. Смирнова «Неолит Верхней и Средней Десны». М., 1991) 1 224

Чистяков Ю. Е. *Mertens D.* Der alte Heratempel in Paestum und die archaische Baukunst in Unteritalien. Deutsches Archäologisches Institut, Röm. Sonderschrift B.9. Mainz am Rhein, 1993 . . . . . 4 187

Хроника

Березин Я. Б., Савенко С. Н. XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Кисловодск, 1994) 4 219

Винников А. З., Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Научная конференция «Археология и история юго-востока Древней Руси» (Воронеж, 1994) 4 227

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Памяти Николая Михайловича Булатова (1938—1994) 4 236

Журавлев А. П., Косарев М. Ф., Наговицын Л. А. VII и VIII полевые симпозиумы по проблемам первобытной археологии Восточной Европы и Урала (Пегрема, Кижи, Бесов Нос, 1993, 1994) 4 216

Кауров Э. Н., Потемкина Т. М. К вопросу о состоянии археоастрономии в России (по материалам «круглого стола» «Археоастрономия и археология: проблемы взаимодействия», Москва, 1994) 3 240

Любин В. П., Праслов Н. Д., Амирханов Х. А., Кулаков С. А. Памяти Игоря Ильича Коробкова (1934—1993) 1 151

Медведев А. М. Обзор научной археологической жизни в Беларуси (1991—1994) . . 4 212

Ошибкина С. В. Симпозиум «Результаты новейших исследований эпохи камня и ранней бронзы в Юго-Восточной Прибалтике» (Польша, 1994) 3 237

Памяти Даниила Антоновича Авдусина (1918—1993) 1 246

Петренко А. Г., Старостин П. Н., Хузин Ф. Ш. Памяти Альфреда Хасановича Халикова (1929—1994) 4 234

Плетнева С. А., Русанова И. П., Смирнова Г. И. Памяти Ксении Васильевны Каспаровой (1929—1994) 4 230

Рыбаков Б. А., Даркевич В. П. Памяти Георгия Карловича Вагнера (1908—1995) 3 249

Седов В. В. XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы, языка Скандинавских стран и Финляндии (Москва, 1993) 1 243

Седов В. В., Чернецов А. В. Международный симпозиум «Переход от язычества к христианству у славян» (Звенигород, 1994) 4 224

Шер Я. К. К семидесятилетию Ж.-К. Гардена 3 236

Указатель составлен П. Г. Гайдуковым

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 17.07.95 Подписано к печати 19.09.95 Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 19,5 Усл. кр. отт. 28,2 тыс. Уч.-изд. л. 24,6 Бум. л. 7,5
Тираж 1431 экз. Зак. 2995

Московская типография № 2 РАН 121099, Шубинский пер., 6